

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

лет Великой Октябрьской
социалистической революции

Торжество социалистической демократии

Жемчужина Советского Дальнего Востока

Октябрьская революция
и революционный процесс во Вьетнаме

Первые отклики в Китае
на победу Великого Октября

4
1977

3-4-77

СОДЕРЖАНИЕ

60 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

- 3 Торжество социалистической демократии
Жемчужина Советского Дальнего Востока
15 *П. А. Леонов*

- 34 Новый этап эволюции антисоциалистической поли-
тики Пекина и задачи борьбы с маонизмом

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

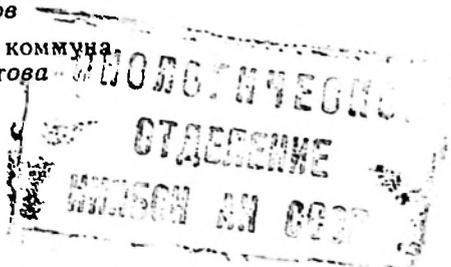
- 45 Китай после Мао Цзэ-дуна

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- 73 Октябрьская революция и революционный про-
цесс во Вьетнаме
Нгуен Кхань Тоан
91 Экономическая политика японского государства:
иллюзии и реальность
В. К. Зайцев
106 Южная Корея в дальневосточной политике США
Д. Т. Капустин
125 Некоторые экономические проблемы китайской де-
ревни в 70-х годах
*Л. А. Волкова,
В. И. Потапов*

ИСТОРИЯ

- 145 С Лениным в сердце
Е. В. Кобелев
156 Первые отклики в Китае на победу Великого Ок-
тября
Р. А. Мировицкая
168 К 40-летию национально-освободительной войны
китайского народа против японских захватчиков
А. С. Титов
180 Кантонская коммуна
Т. Н. Акатова

КУЛЬТУРА И НАУКА

- 190 Китайская классическая драма: вопросы жанровой специфики
В. Ф. Сорокин

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 198 Проблемы безопасности в районе Индийского океана
Ю. М. Рякин
- 200 Прошлое и настоящее бирманского народа
Ю. Н. Гаврилов
- 202 Две судьбы уйгурского народа
А. А. Валитова
- 205 Серьезное исследование по древнекитайской философии
М. Л. Титаренко
- 208 К анатомии маоистской власти
Г. С. Остроумов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 211 За мир и сотрудничество в бассейне Тихого океана
А. Н. Жариков

214 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1977 ГОД

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КЛПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь),
В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

60 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Торжество социалистической демократии

Советский народ, народы братских социалистических стран, все прогрессивное человечество торжественно отметили славный 60-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции и принятие новой Конституции СССР.

Великая Октябрьская социалистическая революция, отмечает прогрессивная мировая пресса, — это главное событие XX века, которое принципиально изменило весь ход исторического развития, открыло новую эпоху в истории человечества — эпоху перехода от капитализма к социализму, борьбы за освобождение трудящихся от империалистического гнета, за прекращение войн между народами, за победу социализма и коммунизма.

Победа Великого Октября явилась закономерным итогом процесса всемирно-исторического развития. Революционное разрешение противоречий капитализма в одной из крупнейших стран мира оказало огромное влияние на судьбы всего человечества, придало новое направление его истории.

Великая Октябрьская социалистическая революция в условиях реальной демократии положила начало сознательному социальному творчеству трудящихся, которые прежде были лишь объектом истории. Не случайно первая в истории победоносная социалистическая революция, первый акт этого исторического творчества, поразила мир мудростью и героизмом народа — рабочих, крестьян и революционной интеллигенции России, которые ее совершили.

Великий Октябрь ознаменовал собой величайший триумф марксистско-ленинского учения, подтвердил истинность открытых им закономерностей общественного развития. Опыт международного коммунистического движения показал «...с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение»¹.

Октябрьская социалистическая революция, являющаяся живым воплощением идей научного коммунизма, показала миру образец решения коренных социальных проблем, свержения тирании эксплуататорского меньшинства и установления диктатуры пролетариата — родоначальника подлинного народовластия, превращения частной собственности в общенародную, социалистическую, решения аграрно-крестьянского и национального вопросов, создания политических и экономических предпосылок построения социализма.

Великий Октябрь открыл эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, он вот уже шесть десятилетий находит-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 3.

ся в центре идеологического поединка между самоотверженными борцами за социалистическое устройство общественной жизни и его противниками.

Уже в первые годы своего существования молодая Советская Республика внесла качественно новый вклад в развитие международных отношений. Выступив за справедливый и демократический мир без аннексий и контрибуций, Советская власть решительно взяла под свою защиту жизненные интересы обремененных и измученных войной народных масс.

«Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, — подчеркивал В. И. Ленин, — что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания...»². Эти слова, сказанные В. И. Лениным в дни, когда на берегах Соммы и Марны гибли десятки тысяч французов и немцев, американцев и англичан, брошенных в пекло империалистической войны, как нельзя лучше выражают международное значение Великого Октября.

Первые успехи национально-освободительного движения были достигнуты вскоре после победы Октябрьской революции. «Всемирный империализм должен пасть, когда революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны, побеждая сопротивление мещанских элементов и влияние ничтожной верхушки рабочей аристократии, соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект»³, — указывал В. И. Ленин.

Народы поработанных стран сразу же почувствовали в Великом Октябре свое кровное дело. «Подобно тому как восходящее солнце гонит прочь тьму, так Октябрьская революция озарила новым светом историю человечества...», — говорил о революционизирующем влиянии Октября товарищ Хо Ши Мин.

Огромно влияние идей Октября на развитие национально-освободительного движения в Азии. В июле 1921 г. была провозглашена независимость Монголии. В феврале того же года добился политической самостоятельности народ Афганистана, а в октябре 1923 г. родилась суверенная Турецкая Республика. Молодая Республика Советов с первых дней своего существования протянула молодым странам Азии руку помощи.

Под непосредственным воздействием Октябрьской революции начался революционный подъем в Корее, Индонезии, на Цейлоне и в других странах Азии. «Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., — подчеркивала в 1974 г. тогдашний премьер-министр Республики Шри Ланка С. Бандаранайке, — которая явилась крупнейшим событием не только в истории Советского Союза, но и важной вехой в истории всего человечества, оказала глубокое влияние на страны, находившиеся под колониальным господством, а также дала толчок освободительному движению во многих странах, включая Шри Ланка. Учение Владимира Ильича Ленина, основателя Советского государства, оказало глубокое влияние и на политическую революцию в Шри Ланка».

Огромное влияние оказала Октябрьская революция на Индию. Один из лидеров индийского национально-освободительного движения, ближайший соратник М. Ганди Джавахарлал Неру так говорил о воздействии российской революции на свое мировоззрение: «Изучение Маркса

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 478.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 233.

и Ленина оказало огромное влияние на мое сознание и помогло мне увидеть историю и современную жизнь в новом свете... Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

Особенно велико было влияние победы Октября на развитие революционного движения в Китае. Выдающийся революционный демократ доктор Сунь Ят-сен назвал Октябрьскую революцию великой надеждой человечества. В обращении к Советской России он писал: «Китайская революционная партия выражает свое глубокое почтение революционной партии вашей страны за ее тяжелую и несравненную борьбу и жаждет сплочения революционных партий Китая и России для совместного ведения борьбы».

Учение великого Ленина, воспринятое лучшими представителями революционного движения в Китае, стало основой, на которой китайские марксисты-интернационалисты создали Коммунистическую партию. На всех этапах освободительной революционной борьбы народа Китая наша партия и правительство постоянно оказывали ему всестороннюю помощь. Выработанный В. И. Лениным внешнеполитический курс в отношении Китая является тем компасом, который определяет политику КПСС в советско-китайских отношениях и на современном этапе.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии подчеркивалось: «...В отношении Китая, как и других стран, мы твердо придерживаемся принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы»⁴.

Великая Октябрьская революция оказала решающее воздействие на ход мировой истории также и потому, что послужила образцом революционного пролетарского демократизма, имеющего своей основой глубокие связи пролетарского авангарда с коренными интересами и чаяниями широких народных масс, являющегося развитием исторической и духовной традиции демократического движения.

Великий Октябрь сорвал планы установления контрреволюционной военной диктатуры в нашей стране, принес народу немедленное осуществление жизненно необходимых демократических преобразований, на которые оказались неспособными буржуазные и соглашательские партии. Пролетарская революция осуществила демократизацию общественного базиса, создав тем самым материальную основу невиданного развития демократии, органически соединила широкую революционную инициативу масс и их стихийный протест с организованной работой большевистского авангарда, предоставив тем самым средство реализации интересов народа. Ленинская партия получила мандат власти от народа и завоевала авторитет руководящей партии как путем демократической системы выборов в массовые организации трудящихся и в политические институты на местах, так и в результате практики демократических мероприятий, которые обеспечили большевикам поддержку народных «низов», нашедших в пролетарской партии защитника и выразителя своего достоинства и насущных интересов. Демократическая природа Великого Октября нашла свое выражение и в беспрецедентном гуманизме по отношению к его противникам, проявленном с первых же дней революции.

Победоносная пролетарская революция в нашей стране была образцом превращения государства из орудия господства эксплуататорских классов в средство выражения воли народа, в средство социалистиче-

⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 11.

ского преобразования общества, она практически разоблачила формальное и спекулятивное толкование демократии, наглядно показав, что в условиях капитализма демократия существует лишь для буржуазии.

Историческая действительность убедительно опровергает как домыслы буржуазных и оппортунистических фальсификаторов о «недемократичности» пролетарской революции в России, так и попытки мелкобуржуазных авантюристов использовать опыт Октября и диктатуры пролетариата в качестве прикрытия своей политики.

Величие Октября в том, что своим примером он открыл нарастающий процесс глубокой демократизации жизни человечества XX века, в основе которого — рост рядов рабочего класса и расширение его влияния на ход событий в мире.

Свои самые светлые надежды лучшие люди планеты, трудящиеся всех стран связывают с социализмом, с бессмертным делом Октября.

За короткий исторический период, прошедший после победы Октябрьской революции, значительно изменилась политическая карта нашей планеты. Первое в истории государство рабочих и крестьян почти три десятилетия находилось во враждебном окружении капиталистических государств. Сегодня большая группа стран вступила на путь строительства и развития социалистического общества, многие государства Азии и Африки избрали в своем развитии социалистическую ориентацию.

Советское государство с первых дней своего рождения стало знаменосцем политики мирного сосуществования, и его первым правительственным законом был ленинский Декрет о мире. Народам был указан единственно верный путь выхода из пучины войн, в которую их ввергла политика монополистического капитала. Таковы истоки внешней политики Советского государства, которое в современных исторических условиях, когда соотношение сил в мире изменилось в пользу социализма, выступило инициатором сегодняшнего процесса разрядки международной напряженности.

Путь, пройденный нашей страной, еще и еще раз убеждает в подлинно всемирно-историческом значении Октябрьской революции. Оно определяется прежде всего той ролью, которую играет Советский Союз в содружестве социалистических государств, в международном коммунистическом движении, в борьбе против империализма, капиталистической эксплуатации, политической реакции, колониализма и неоколониализма.

Как подчеркнул XXV съезд КПСС, общий кризис капитализма продолжает углубляться. Он приобрел всесторонний характер, охватив все сферы жизни современного капитализма: от экономики и экологической сферы до идейной и нравственной. В сегодняшнем капиталистическом мире углубляется и обостряется социальное и национальное неравенство. Промышленно развитые капиталистические государства безрассудно растрачивают огромные природные богатства, в то время как миллионы людей, особенно в так называемых странах «третьего мира», по-прежнему являющихся источниками сырья и дешевой рабочей силы для капитализма, живут в условиях чудовищной нищеты, отсталости и лишений. Капиталистическое общество проявляет себя все более неспособным решить ни животрепещущие проблемы нашего времени, ни те, которые накопились в течение веков, такие, как, например, расовая дискриминация, национальное угнетение, социальная несправедливость. В странах капитала сохраняются многочисленные репрессивные органы и применяются изощренные средства и методы подавления рабочего и демократического движения, всех прогрессивных сил. Именно там вопиющим образом нарушаются конституционные и демократические нормы,

ведется слежка за личной жизнью предполагаемых противников, организируются неправомерные судебные процессы над ними, грубо попираются гражданские права, царят беззаконие и коррупция.

Со свойственным им цинизмом идеологические центры империалистических держав при попустительстве, а в некоторых случаях и при личном участии политических руководителей, разжигают в последнее время враждебную кампанию против нашей страны и других социалистических стран, облачившись в тогу «защитников прав человека». Однако никакая кампания подобного рода не способна изменить реальность: империализм и капитализм не могут предложить народам альтернативы социализму, которая создавала бы адекватные возможности социального прогресса. «У нас нет оснований, — говорил товарищ Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, — уходить от серьезного разговора о правах человека. Наша революция, победа социализма в нашей стране не только провозгласили, но и реально обеспечили права трудящегося человека любой национальности, права миллионных масс трудящихся — так, как этого не смог сделать капитализм ни в одной стране мира»⁵.

Миллионы людей труда в странах капитала с огромной симпатией следят за тем, как в первом социалистическом государстве во все более широких масштабах воплощаются в жизнь мечты лучших умов человечества о подлинно демократической организации общества.

В то же время даже куцые и формальные буржуазно-демократические свободы стали тяготить господствующий класс в капиталистическом мире. Империалистические круги начали все более явно поворачивать в сторону реакции по всем линиям. Поправление прав и достоинства человека, подавление и извращение демократических традиций стали одним из самых основных средств внутренней политики империалистической буржуазии.

Американский журналист Алден Уитман в журнале «Ролинг стоун» подчеркивал недавно: «Для широких слоев населения США права человека — преимущественно иллюзии». «Миллионы американцев, — указывал он, — не имеют сколько-нибудь подходящей работы, приличного жилья, приличного медицинского обслуживания. Они недостаточно хорошо питаются и не имеют приличного обеспечения в старости. Для этих людей права человека, если вкладывать в этот термин сколько-нибудь реальный смысл, просто не существуют». Все это свидетельствует о том, насколько лицемерны потуги определенных империалистических кругов выступать в облачении ратоборцев за права человека.

Огромные изменения, происшедшие за 60 лет на родине Октября, общеизвестны и общепризнанны. Важнейшим итогом самоотверженного труда советского народа стало построение в нашей стране общества развитого социализма. Развитой социализм — это сегодня высшее достижение социального прогресса, это детище тех, кто победил в Октябре 1917 года, кто сражался на фронтах гражданской войны, осуществил индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства, кто защитил свою Родину от фашизма, тех, кто ныне продолжает великое дело строительства коммунизма.

В огромных свершениях нашего народа, в интенсивном всестороннем развитии советского общества последовательно воплощаются великие идеалы Октябрьской революции. Знаменательно и то, что в юбилейном году после всенародного обсуждения принята четвертая Конституция Советского Союза. Это со всей наглядностью отражает высокий

⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4, М., 1974, стр. 337.

динамизм общественного и государственного строя, рожденного Октябрем.

Каждая из Конституций, принятых в 1918, 1924 и 1936 годах, была связана со знаменательными этапами в развитии нашей Родины — образованием первого в мире рабоче-крестьянского государства, добровольным объединением братских республик в единый Союз, созданием основ социализма. Новая Конституция законодательно закрепляет построение в СССР развитого социалистического общества, те огромные перемены последних десятилетий, которые затронули все стороны нашей жизни. На этом этапе все полнее раскрываются создательные силы советского строя, все ярче проявляются преимущества социалистического образа жизни, где трудящиеся все шире пользуются плодами революционных завоеваний. «Мы создали, — подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС, — новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса»⁶.

Свой шестидесятилетний юбилей советский народ отметил принятием новой Конституции СССР, в которой нашли отражение огромные его достижения за весь этот период. Это событие — важная веха в политической истории нашей Родины. Разработка Конституции — документа огромной политической важности — осуществлялась под непосредственным руководством и при активном участии Центрального Комитета КПСС, его Политбюро, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева.

Принятию Конституции СССР предшествовало широкое всенародное обсуждение, поэтому советские люди воспринимают новый Основной закон как выражение их воли и коренных интересов, как результат осуществления социалистической демократии. Они закономерно связывают демократизм нового Основного закона с последовательным ленинским курсом ЦК КПСС, с именем Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, завоевавшего в партии и в народе огромный авторитет благодаря тому, что весь свой талант, все свои силы он отдает неутомимой деятельности на благо советского народа, во имя торжества великого дела — победы коммунизма, во имя мира во всем мире.

Советский народ, вся прогрессивная мировая общественность рассматривают принятие Основного закона нашей страны как событие исключительного идейно-политического значения, как исторический вклад Коммунистической партии, Советского государства в дело строительства коммунизма, в борьбу за счастливое будущее всего человечества.

Новая Конституция СССР законодательно утверждает и закрепляет огромные достижения советского народа в совершенствовании социалистической демократии. В качестве хартии прав человека XX в. советская Конституция 1977 г. утверждает реальный гуманизм нашего общественного строя, где на деле осуществлены и действительно расширяются подлинные человеческие права. Борцы за социализм и коммунизм в нашей стране и за рубежом получили новое, более совершенное орудие построения нового мира, новое убедительное средство в идейной

⁶ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 87.

борьбе против антикоммунизма и мещанско-оппортунистических взглядов, против опошления марксистско-ленинской теории и клеветы на реальный социализм.

Социалистическая демократия является формой организации целесообразной деятельности трудящихся масс, выражением сознательного исторического творчества народа. Она обеспечивает объединение усилий трудящихся для решения кардинальных задач социального прогресса.

Социалистический демократизм определяется всем смыслом развития нашего общества, его благородными, гуманистическими целями, заботой о народном благосостоянии, задачами, которые решает наша страна на пути строительства коммунизма.

Как отмечает новая советская Конституция, КПСС — ядро политической системы развитого социализма. Эта роль партии является отражением необходимости научного подхода к координации всех составных частей политической системы, организации растущей трудовой и общественно-политической деятельности трудящихся. Не случайно, что сегодня антикоммунисты, антисоветчики всех мастей более всего раздражены именно этим положением Конституции СССР, ибо они видят в возрастании роли КПСС ключ к росту нашей организованности, гарантии социалистической демократии.

Всякая буржуазная конституция, подчеркивал В. И. Ленин, охраняет прежде всего частную собственность, свободу эксплуатации, духовного и политического угнетения трудящихся. В этих условиях любое провозглашение прав человека остается чистой декларацией, даже если им придана юридическая форма.

Социалистическая демократия — это реальная демократия, так как она обеспечивает права и деятельность не только отдельных групп и индивидов, но и массы трудящихся, классов, наций.

В. И. Ленин подчеркивал, что только при социализме устанавливается демократия большинства народа, дающая трудящимся свободу от власти слепой социальной стихии, порождаемой общественным неравенством, угнетением и эксплуатацией. Такова действительная свобода, достигнутая при социализме.

Материальной гарантией социалистического народовластия стала общественная собственность на средства производства.

Сама природа нашего развития, его цели, пути и средства осуществления предполагают всенародные усилия, опираются на свободный труд миллионов.

Реальность нашей демократии, как это утверждает наша новая Конституция, в характере, истоках ее развития, ибо сущность ее — в расширении участия масс в управлении делами общества. Причем речь идет не только о провозглашении права на это участие, а о реальном обеспечении условий его. Советский народ — сознательный творец собственной жизни, истории, хозяин страны в самом полном смысле этих слов. Поэтому для него участие в управлении обществом — настоятельная жизненная потребность, историческая необходимость, реализация его свободы. Сложность процессов коммунистического созидания диктует необходимость участия всего народа в деле управления народным хозяйством, общественно-политической сферой, духовной жизнью общества. В. И. Ленин неустанно напоминал, что главным условием этого участия является широкое усвоение массами знаний, опыта, науки. Поэтому наша демократия органически связана с процессом всестороннего развития личности, она предоставляет советскому человеку возможность личного опыта в управлении страной, возможность усвоения науки управления — наряду с участием в производстве.

Социалистическая демократия, закреплённая Конституцией СССР, несравненно гуманнее демократии буржуазной. Она обеспечивает создание общества социального равенства, служит делу всестороннего развития личности, без чего невозможны социальная справедливость, построение коммунизма как действительно гуманного человеческого общества.

Потребность личности во всестороннем развитии становится главной ее потребностью и критерием. Право на реализацию этой потребности, право на жизнь, достойную человека, право на труд, мирные условия существования лежат в основе системы прав человека и гарантируются только социализмом.

Шумиха о «правах человека», развязанная на Западе, не что иное, как попытка ослабить воздействие реального социализма на мировое общественное мнение, поставить его в положение обороняющегося в идейной борьбе, уменьшить притягательную силу подлинно демократических достижений советского народа. Буржуазные «критики» советской системы хотят внести элементы политической конкуренции и связанный с этим хаос в наше общество, для которых в нем нет основы.

За годы мирного хозяйственного строительства экономика СССР и других стран социалистического содружества развивалась высокими темпами, без кризисов, попятных движений или топтания на месте. Этот факт имеет величайшее революционное значение. Он наглядно показывает, что социалистической экономике по самой ее природе чужды экономические кризисы. Социализм — единственный реальный заслон на пути империализма, несущего с собой военные катастрофы с огромными разрушениями материальных ценностей и массовой гибелью населения.

Последовательный интернационализм советского человека — одно из характерных его качеств, которое ярко проявляется и в дни революционных празднований, и в трудовые будни. Он неизменно солидарен с борьбой, которую ведут прогрессивные силы всех континентов за мир, демократию, социальное и национальное освобождение, за социализм. В этом заключены глубинные источники политики мира, последовательно проводимой Советским Союзом и странами социализма в целях демократического переустройства отношений между государствами и народами. Влияние стран социализма на ход мировых событий становится все сильнее, все глубже. Рост их мощи, усиление благотворного воздействия проводимой ими международной политики определяют ныне главное направление социального прогресса человечества. Возросшая роль Советского Союза в международных отношениях, его неизменная верность ленинским принципам внешней политики, высокое чувство ответственности за судьбы народов — все это нашло отражение в специальной главе о внешней политике в новой Конституции СССР. Тот факт, что в тексте Основного Закона нашей страны уделяется особое внимание внешней политике, показывает глубокий интернационализм советского общества.

Новая Конституция СССР — торжество социалистической демократии не только потому, что в ней нашел свое выражение реальный гуманизм нашего общества, но и потому, что она впервые в истории включила в качестве норм права положения, распространяющие демократические принципы на сферу международных отношений.

Наша забота об укреплении обороны страны и социалистического содружества продиктована прежде всего ответственностью за дело мира во всем мире, это забота о его реальных гарантиях. Подобным образом

мы относимся и к характеру и формам нашего сотрудничества с народами, ведущими борьбу за освобождение или обеспечение революционных завоеваний.

Происходящая в наше время глубокая перестройка всей системы международных отношений, поворот от «холодной войны» к разрядке международной напряженности, к утверждению принципов мирного существования достигнуты благодаря Советскому Союзу и странам социалистического содружества. Главы Основного Закона СССР «Внешняя политика» и «Защита социалистического отечества» говорят о том, что первое государство победившего социализма навсегда начертало на своем знамени слово «Мир» как высший принцип своей внешней политики, отвечающий интересам советского народа и всех других народов планеты.

Многие органы зарубежной печати выделяют положения новой Конституции СССР о том, что в Советском Союзе пропаганда войны запрещена законом и что СССР строит свои отношения с другими странами на основе соблюдения принципов взаимного отказа от применения силы или угрозы силой, суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека и права народов распоряжаться своей судьбой. Прочный мир, освобождение народов от национального гнета и эксплуатации являются для советских людей неразрывной частью их представления о будущем человечества, во имя которого свершилась Октябрьская социалистическая революция и которому сегодня Советский Союз отдает все свои силы. Неустанно работая во имя претворения в жизнь этого идеала, советский народ закрепляет в своей Конституции самые прогрессивные и демократические принципы международных отношений.

В лаконичных, свойственных конституционному акту фразах синтезированы история ленинского внешнеполитического курса, гигантская борьба КПСС и Советского государства за создание благоприятных условий для строительства социализма и коммунизма, их постоянная забота об устранении опасности новой войны, висящей, как дамоклов меч, над народами.

В результате победы Великого Октября и образования социалистического содружества между народами и государствами стали складываться отношения нового типа, которые теперь определяют магистральный путь развития всей системы международных отношений. Это прежде всего отношения социалистического типа, строящиеся на принципах социалистического интернационализма. Это отношения интернациональной солидарности, которые сплавляют страны социализма и народы, борющиеся за национальное и социальное освобождение. Это отношения мирного существования государств с различным общественным строем, позволившие осуществить процесс демократизации всей системы международных отношений вопреки пронкам империализма и реакции.

Решающий вклад Советского Союза в этот процесс демократизации отражен и закреплен в новой Конституции СССР.

Демократический характер решения конкретных международных проблем определяется и гарантируется участием стран социалистического содружества, их авторитетом и местом в современном мире.

В соответствии с новой Конституцией СССР, подавая пример демократизма во внешней политике, берет на себя международные обязательства, подтверждает свой интернациональный долг, определяет направление и характер решений, предлагая их демократический выбор.

Еще в середине 30-х годов наша партия выдвинула положение о возможности предотвращения новой мировой войны. Даже находясь в капиталистическом окружении, единственная страна социализма — страна Октября — героически работала над созданием системы коллективной безопасности и обеспечения мира.

Внешняя политика Советского государства, основные принципы которой зафиксированы в новой Конституции СССР, отражает глубокие изменения, происшедшие в мире после Октябрьской революции. Мировой социализм ныне играет решающую роль в позитивных процессах на международной арене. От его постоянного укрепления в огромной степени зависит будущее мира и социального прогресса. В новой Конституции особо подчеркивается, что Советский Союз как составная часть мировой социалистической системы, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь с социалистическими странами на основе принципов социалистического интернационализма.

Такое ключевое положение, закрепленное в Основном Законе СССР, является серьезным предупреждением тем, кто продолжает рассчитывать на раскол среди стран социализма, на так называемую «эрозию» пролетарского интернационализма. Успехи Советского Союза и стран социалистического содружества, широкий размах классовых боев в капиталистических странах, победы национально-освободительного движения вызывают лютую ненависть империалистов. В год славного юбилея Великой Октябрьской социалистической революции империалистическая пропаганда развязала злобную антикоммунистическую, антисоветскую клеветническую кампанию, цель которой — всячески воспрепятствовать растущему влиянию социализма, коммунистических партий в странах капитала, сорвать разрядку международной напряженности, вернуть мир к состоянию «холодной войны». Однако процесс преобразования характера и структуры международных отношений уже принес заметные результаты. «Добрые перемены в мире... — как отметил тов. Л. И. Брежнев в речи 2 ноября 1977 г., — осязаемы и конкретны. Они — в признании и закреплении международными документами своего рода кодекса правил честных и справедливых взаимоотношений между странами, что создает правовую и морально-политическую преграду на пути любителей военных авантюр. Они — в достижении первых, пусть пока скромных, договоренностей, перекрывающих некоторые каналы гонки вооружений. Они — в разветвленной сети соглашений, охватывающих многие области мирного сотрудничества между государствами с различным общественным строем»⁷.

Демократизация международных отношений — процесс сложный, развивается он не автоматически и требует неустанных усилий борцов за мир. Консервативные, реакционные и милитаристские круги по-прежнему видят в продолжении гонки вооружений панацею от всех бед, которые преследуют капитализм, и поэтому стремятся взять в свои руки контроль над проблемой безопасности и вооружений. Разрядка международной напряженности, и в особенности распространение ее на военную сферу, на чем настаивает СССР, привела бы к серьезному ослаблению позиции этих кругов в западном обществе.

Некоторые органы буржуазной печати с предвзятых антисоветских позиций комментируют Основной Закон СССР, пытаются извратить его сущность и смысл его отдельных положений, касающихся внешней политики. В этом не отстают от буржуазных идеологов и пекинская

⁷ «Правда», 3. XI 1977 г.

пропаганда, которой явно не по душе дальнейшее укрепление авторитета СССР.

Демократический характер нашего общества, международное значение Конституции СССР 1977 г. раскрываются с еще большей очевидностью в сравнении с процессами, протекающими в китайском обществе, с внутренней и внешней политикой руководства КПК. Эти процессы вызывают серьезную озабоченность прогрессивных кругов мировой общечеловечности в связи с тем, что в этой стране, ступившей в результате народной революции 1949 г. на путь строительства социализма, ныне преданы забвению ленинские заветы пролетарского и социалистического интернационализма и демократизма, заветы Октября. Как свидетельствуют события недавнего прошлого, итоги XI съезда КПК и заявления пекинских лидеров, забота о благе народа подменена здесь авантюристическими целями, подлинные задачи социалистического строительства оттеснены националистскими устремлениями. Развитие демократизма, по существу, не нашло отражения во внутренней политике Пекина, народным массам отводится роль механических исполнителей маоистских лозунгов. Участие трудящихся в управлении обществом, развитие их творческой инициативы практически исключаются. В стране происходят бесконечные и кровопролитные кампании чисток и разоблачений, лишь слегка прикрытые социалистической фразеологией, задачами установления «всеобщего порядка в стране». Вместе с тем все более расширяется оглушительная милитаристская пропаганда.

В этих условиях невозможна сама постановка вопроса о всестороннем развитии личности — фундамента социалистической демократии, социалистического гуманизма, гарантии прав человека. Идет недобросовестная спекуляция понятиями «классовая борьба», «диктатура пролетариата», «культурная революция», и вместе с тем в стране, по существу, нет системы марксистско-ленинского образования.

Пекинская пропаганда развернула клеветническую кампанию по поводу новой Советской Конституции. Не опубликовав ни текста, ни изложения этого документа, центральные органы печати КНР выступили с нелепыми утверждениями о том, что Основной закон СССР является отражением «интересов монополистической буржуазии». Положение об общенародном характере государства в развитом социалистическом обществе расценивается в Пекине как «отказ от принципов марксизма-ленинизма». И это в стране, еще не оправившейся от кошмара «культурной революции», которую даже сами пекинские руководители расценили как «мясорубку кадров» и которая привела к выхолащиванию конституционных норм, ликвидации конституционных институтов, общественных организаций. Это в стране, где общественная, гражданская жизнь сохраняет и после Мао Цзэ-дуна крайне уродливые формы.

Принятие новой Конституции СССР, закрепляющей завоевания советского народа, утверждающей развитие социалистической демократии, права и свободы советских граждан, сулит неизбежный провал замыслов маоистских клеветников.

Нынешнее пекинское руководство, продолжая великодержавный гегемонистский курс Мао Цзэ-дуна, еще более активизировало антисоветизм и в области внешней политики. Понимая, видимо, что разрядка международной напряженности, развитие социалистических отношений между народами, укрепление солидарности мира социализма с молодыми прогрессивными режимами Азии, Африки и Латинской Америки угрожают ликвидировать последние остатки влияния маоистов на мировой арене, пекинские власти усилили нападки на процесс демократи-

зации международных отношений. С этой целью китайскими средствами массовой информации разворачивается клеветническая кампания и против внешнеполитической части новой Советской Конституции, против всех шагов СССР, направленных на укрепление мира и безопасности народов. Жонглируя «ультралевой» фразой, они стремятся извратить смысл нашей политики мирного сосуществования, разоружения и международной разрядки. В политике пекинского руководства все более открыто прослеживается стремление выдать кредит антисоветизма в обмен на западную (прежде всего военную) технологию. Продолжается провокационная возня в связи с событиями на Ближнем Востоке, в районе Африканского Рога, делаются попытки оживить промаоистские группки вне Китая, вызвать раскол в социалистическом содружестве, в мировом коммунистическом движении. Закрывать глаза на вред, причиняемый маоистами революционным силам современности, ставить себя в позицию нейтральности по отношению к маоистской клевете на социализм, проявлять примиренчество перед лицом международных провокаций Пекина — это означало бы сползание на точку зрения оппортунизма.

Утверждение в Конституции СССР 1977 г. ленинских принципов внешней политики, подлинно социалистического подхода к решению мировых проблем способствует в еще большей мере разоблачению авантюризма пекинской дипломатии, мобилизации всех прогрессивных сил в борьбе с маоистскими происками на международной арене.

* * *

Успехи мирового коммунистического движения, всех революционных сил нашего времени неразрывно связаны с деятельностью КПСС, ее международным авторитетом и глубоко интернационалистской политикой. Сегодняшние успехи трудящихся Советского Союза — это прямое продолжение дела Великого Октября, практическое воплощение в жизнь идей великого Ленина. Шесть десятилетий Советской власти убедительно подтверждают превосходство нового, социалистического общества — общества истинного гуманизма, свободы и прогресса, непобедимую силу учения марксизма-ленинизма. «Социалистическая часть мира, — подчеркнул тов. Л. И. Брежнев в речи на Торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, — своим внутренним развитием и своим подходом к международным отношениям дает хороший пример того, какими путями лучше всего решать большие проблемы, встающие перед человечеством»⁸.

⁸ Там же.

Жемчужина Советского Дальнего Востока

*П. А. Леонов,
первый секретарь
Сахалинского обкома КПСС*

С чувством законной гордости оценивает советский народ путь, пройденный за шесть десятилетий. Под мудрым руководством Коммунистической партии — «партии, созданной Лениным, уверенно идущей дорогой Ленина, возглавляющей строительство коммунистического общества в соответствии с предначертаниями Ленина»¹, — в нашей стране успешно решена самая главная и самая сложная задача социалистической революции — созидательная.

Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, справедливое решение национального вопроса в исторически кратчайший срок превратили нашу Родину в могучую и несокрушимую державу, в надежный оплот мира и международной безопасности.

Последовательно осуществляется высшая цель политики ленинской партии и Советского государства — построение коммунистического общества, неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни советских людей на основе дальнейшего повышения эффективности общественного производства. Таких темпов прогресса, таких успехов в социально-экономическом развитии, каких достигла наша страна за шестьдесят лет, еще не знала история.

Трудящиеся Сахалинской области, как и весь советский народ, единодушно, целиком и полностью одобряют и горячо поддерживают по-ленински мудрую внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского государства, неутомимую, многогранную и плодотворную деятельность ее Ленинского Центрального Комитета, Политбюро ЦК во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Новый подъем трудовой и политической активности у трудящихся области вызвали исторические решения майского (1977) Пленума ЦК КПСС, который одобрил проект новой Конституции СССР.

Активно участвуя во всенародном обсуждении проекта Конституции, сахалинцы и курильчане единодушно отмечают, что этот выдающийся политический документ современной эпохи, разработанный под непосредственным руководством Председателя Конституционной комиссии товарища Л. И. Брежнева, является новым крупным вкладом в теорию и практику научного коммунизма, служит надежной основой для дальнейшего углубления и расширения социалистической демократии.

С глубоким удовлетворением и огромной радостью восприняли трудящиеся, все жители островного края постановление Верховного Совета СССР об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС това-

¹ Л. И. Брежнев. «Правда», 31. XII. 1976.

рища Л. И. Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Участники собраний партийных активов, первых сессий вновь избранных в нынешнем году местных Советов, участники многолюдных митингов рабочих, профсоюзных и комсомольских собраний с особой теплотой и сердечностью говорили о беззаветном служении товарища Л. И. Брежнева великому делу партии, делу мира и коммунизма.

«Коллектив нашей бригады, — заявил знатный строитель, бригадир монтажников Сахалинского домостроительного комбината имени 50-летия СССР М. С. Дорофей, — горячо одобряет решение Верховного Совета СССР об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Мы, как и все советские люди, считаем, что это отвечает высшим интересам советского народа, интересам нашей социалистической Родины».

В ходе обсуждения проекта Конституции СССР, трудящиеся области с гордостью отмечали, что все грандиозные достижения, все исторические завоевания нашего социалистического общества за шесть десятилетий неразрывно связаны с деятельностью партии великого Ленина. Вот почему четкое определение выдающейся роли Коммунистической партии в политической системе нашего общества, закрепленного в Основном Законе Советского Союза, нашло горячее одобрение и единодушную поддержку рабочих, рыбаков-колхозников, интеллигенции, всего населения области.

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы государственных и общественных организаций, — говорится в новой Конституции, — является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

Опираясь на глубоко познанные законы общественного развития и революционное творчество масс, всесторонне и последовательно развивая марксистско-ленинскую теорию, партия с честью несет победоносное знамя Октября, умело мобилизует усилия всего советского народа на успешное претворение в жизнь программных решений XXV съезда КПСС.

Одним из важных завоеваний на пути, пройденном нашим народом за минувшие шестьдесят лет, является преобразование отсталых, заброшенных в прошлом окраин России, выравнивание уровней экономического и культурного развития различных районов страны, ускоренное развитие производительных сил и освоение природных богатств Сибири, Дальнего Востока, в том числе и Сахалинской области. Нельзя не вспомнить при этом известные слова В. И. Ленина: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»².

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228.

Эти слова относятся к 1921 г. Какая же поистине колоссальная энергия должна была пробудиться в народе, чтобы неузнаваемо преобразить эту дикую, необжитую землю, зажечь на объятых извечной дремой просторах огни кипучей созидательной жизни! Революционный гений В. И. Ленина, Великий Октябрь, партия коммунистов пробудили такую энергию.

Волею Коммунистической партии, самоотверженным трудом советских людей богатейшие природные ресурсы советского Дальнего Востока были поставлены на службу социализму. Старое понятие об окраине как о захолустье, деление краев и областей на развитые и слабо развитые навсегда ушли в прошлое.

Величественные перемены, которые произошли в облике окраин за годы Советской власти, особенно наглядно видны на примере Сахалинской области — единственной в нашей стране области на островах.

Выгодное географическое положение, разнообразные полезные ископаемые, бурно развивающееся народное хозяйство и захватывающая красота природы — все это дает право называть Сахалинскую область жемчужиной России на Тихом океане, форпостом нашей Отчизны на ее дальневосточных рубежах. Это наглядное и убедительное доказательство того, что только социализм как самый передовой общественный и государственный строй способен в корне изменить облик страны и ее самых отдаленных окраин, умело и заботливо распорядиться природными богатствами, использовать их в интересах самих трудящихся — подлинных хозяев земли.

На Сахалине и Курильских островах проживают представители более ста наций и народностей СССР. Это поистине многонациональная, сплоченная коммунистами семья советских народов. Они вместе, плечом к плечу, работают в шахтах, на нефтепромыслах, в совхозах, на строительных площадках, ловят рыбу, заготавливают лес, вырабатывают бумагу, водят железнодорожные составы, трудятся на предприятиях торговли и общественного питания, воспитывают детей, заботятся о здоровье трудящихся. Дружно и счастливо живут сахалинцы и курильчане на преображенной трудом, полностью обновленной земле.

В ответ на постоянную отеческую заботу Центрального Комитета КПСС и Советского правительства о развитии производительных сил островной области, о повышении благосостояния ее населения трудящиеся Сахалина и Курильских островов ведут настойчивую борьбу за успешное претворение в жизнь исторических решений XXV съезда партии, развернули широкое соревнование за досрочное выполнение планов и социалистических обязательств второго года десятой пятилетки, готовятся достойно встретить 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Они полны решимости сделать свой край еще краше, богаче, привлекательнее.

Но не всегда была такой Сахалинская область. Чтобы полнее представить глубину осуществленных здесь за годы Советской власти преобразований в экономической, политической и культурной жизни, необходимо напомнить некоторые факты истории.

* * *

Сахалин и Курильские острова — это исконные российские земли. На основе многочисленных исторических документов неопровержимо доказан приоритет нашей Родины в открытии, присоединении, исследовании и освоении Сахалина и Курильских островов. Россия начала

осваивать эти земли в то время, когда другие страны ничего не знали об их существовании или имели о них самые смутные представления, окутанные пеленой загадок и легенд. Даже в соседней Японии о Сахалине, как, впрочем, и о других, расположенных к северу от нее островах, были отрывочные, весьма туманные сведения. Тогдашние правители феодальной Японии, проводившие политику изоляционизма, отказывались от развития внешних связей и запрещали японцам, под страхом смертной казни или вечного изгнания, посещать другие страны.

Потребовались века, чтобы легенды были рассеяны, загадки разгаданы и на географических картах мир увидел некогда таинственные острова во всей их реальности и существующих очертаниях. Этот подвиг открытый всецело принадлежит отважным сынам России — русским землепроходцам и мореходам.

Первооткрывателями Сахалина являются участники походов И. Ю. Москвитина (1639—1641) и В. Д. Пояркова (1644—1645), пришедшие в низовье Амура из Якутска. Именно они дали Сахалину самое раннее русское название — «остров Гилят» или «Гилятский остров». Поярковцы завязали с местными жителями — гиляками, как тогда называли нивхов, — тесные связи и объявили их подданными московского царя. В Центральном государственном архиве древних актов в Москве обнаружены документы, свидетельствующие о том, что жители Сахалина уже в 1652 г. считали себя подданными России.

Одновременно с Сахалином осваивались Курильские острова, заселенные тогда «самовластными» айньскими племенами. Еще со времен похода И. Ю. Москвитина айны называли русских «братьями» из-за большого внешнего сходства. «А русских де людей те бородатые люди называют себе братьями», — сообщал москвитинец Н. И. Колобов в 1646 г. Именно с тех пор русские стали постоянно посещать эти земли и прочно оседать на них.

Выход отважных русских землепроходцев к берегам Тихого океана относится к числу важнейших географических открытий XVII в. Он положил начало широкому и активному исследованию и освоению Сахалина и Курильских островов.

Важными этапами в изучении этих земель явились экспедиции и походы В. В. Атласова, названного А. С. Пушкиным «Камчатским Ермаком», Д. Я. Анциферова, отважного мореплавателя и землепроходца И. П. Козыревского, впервые составившего чертежи и описания более двадцати Курильских островов, официальных посланцев Петра I геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина. Эти первые на Тихом океане флотские офицеры Российского государства, выполняя задание царя идти «до Камчатки и далее, куды вам указано. И описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать не только сьюд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить»³, действительно положили на карту с помощью астрономических приборов многие острова Курильской гряды.

Ценный вклад в изучение Сахалина и Курильских островов внесли экспедиции М. П. Шпанберга, Г. И. Шелехова, И. Ф. Крузенштерна, Н. А. Хвостова, Г. И. Давыдова, В. М. Головнина. 8 (20) октября 1806 г. на берегу Анивского залива капитан брига «Юнона» Н. А. Хвостов водрузил государственный флаг России, подтвердив тем самым исполненный предшествующими поколениями русских землепроходцев

³ См. А. И. Алексеев. Сыны отважные России. Магадан, 1970, стр. 33.

государственный акт о принятии жителей Сахалина в подданство России.

Яркую страницу в исследование и освоение Сахалина вписала экспедиция выдающегося русского мореплавателя Г. И. Невельского. В 1849 г. Г. И. Невельской обследовал восточные, северные и северо-западные берега Сахалина, фарватер Амура, открыл судоходный пролив между островом и материком, подтвердив тем самым островное положение Сахалина. По указанию Г. И. Невельского в 1853 г. на Сахалине были основаны первые русские военные посты — Ильинский и Муравьевский. Экспедиция Г. И. Невельского внесла большой вклад в освоение Россией Приамурья, Приморья и Сахалина. Этим был обеспечен для России выход в море на ее восточных границах.

Закрепляя права России на Сахалин и Курильские острова, русские люди устанавливали здесь кресты и столбы с надписями о принадлежности этого края Российской державе, а жителей облагали ясаком. Однако дань эта была незначительной, скорее, символической и служила лишь признаком русского подданства. В 1779 г. царское правительство вообще отменило всякие сборы ясака с населения Курильских островов и Приамурья. Народы, обитавшие на этих землях, находили поддержку и защиту у русских людей и считали себя подданными Российского государства без всякого к тому принуждения.

Любопытно признание Я. Рейтенфельса, который в своем сочинении «Сказание о состоянии России при царе Алексее» писал: «Достоинно, право, изумления, что такая горстка людей овладела таким громадным пространством земли. Что же, поистине, еще более удивительно, так это то, что и живущие далее племена подчинялись царю не потому, что были покорены силой, но по убеждению купцов и исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых отношений с москвитями»⁴.

Весьма гибкой и успешной считали политику России на Дальнем Востоке основоположники марксизма. Ф. Энгельс признавал положительное влияние Российского государства на присоединенные к нему земли Азии и писал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»⁵.

Между тем международная обстановка на Тихом океане к середине прошлого столетия резко изменилась. Быстрое развитие капитализма обостряло борьбу западных держав и США за господство в странах Восточной Азии, за захват в них политических и стратегических позиций, включая территориальные плацдармы для дальнейшей экспансии. Все настойчивее предпринимались попытки иноземных держав проникнуть в русские владения на Дальнем Востоке.

Чтобы оградить свои дальневосточные рубежи от всевозможных посягательств, Россия стала проводить в этом районе более активную политику, направленную на установление и развитие добрососедских отношений с Японией. Однако Япония, воспользовавшись тяжелой обстановкой, в которой оказалась Россия в период Крымской войны, опираясь на поддержку Англии и Франции, заинтересованных в ослаблении позиций России на Тихом океане, выдвинула необоснованные претензии на южную часть Сахалина, хотя раньше «никогда не претендовала на обладание этим островом...»⁶

⁴ См. Н. И. Рябов, М. Г. Штейн. Очерки истории русского Дальнего Востока, XVII — начало XX века. Хабаровск, 1958, стр. 25—26.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. М., 1973, стр. 112.

Захватнические тенденции реакционного самурайства, подстрекаемого западными странами, особенно усилились с 1868 г. В Японии все громче раздавались призывы к захвату Сахалина и Курильских островов. Одновременно японская военщина оказывала дипломатический нажим на правительство царской России, стремясь добиться от него территориальных уступок. Итогом всей этой кампании явился навязанный в 1875 г. Петербургский договор, по которому Япония, признав и без того бесспорные права России на Сахалин, добилась при поддержке западных держав отторжения Курильских островов. Поражение царизма в русско-японской войне (1904—1905) дало Японии возможность осуществить дальнейшие экспансионистские планы — захватить исключительно важные стратегические и экономические позиции на Дальнем Востоке. В числе других важных уступок царское правительство было вынуждено уступить Японии и половину Сахалина (к югу от 50-й параллели).

Но империалистическим кругам Японии и этого казалось мало. Воспользовавшись сложностью обстановки на советском Дальнем Востоке в годы гражданской войны, в апреле 1920 г. Япония, грубо поправ все нормы межгосударственных отношений, оккупировала обширные территории Советского Дальнего Востока, в том числе Сахалин. Повсеместно был установлен жестокий оккупационный режим. Началась хищническая эксплуатация природных богатств. Остров превратился в колонию, в военно-стратегический плацдарм японских милитаристов в борьбе против Советской России.

В результате мудрой и дальновидной политики Коммунистической партии и Советского правительства, направленной на нормализацию и установление добрососедских отношений между государствами и народами двух стран, последовательной и настойчивой дипломатической борьбы 20 января 1925 г. в Пекине была подписана «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». В соответствии с этим документом к 15 мая 1925 г. японские войска были эвакуированы с Северного Сахалина.

Однако полное и окончательное освобождение исконно русских дальневосточных земель наступило позже. Лишь в 1945 г. в результате разгрома милитаристской Японии Южный Сахалин и Курильские острова были навсегда воссоединены с матерью-Родиной — с Россией.

В последнее время определенные круги японской реакции путем целенаправленной организации и финансирования кампаний «за возвращение северных территорий» раздувают реваншистские настроения, разглагольствуют о каких-то «правах Японии на Курильские острова». В этой связи уместно напомнить высказывание известного историка, профессора Куно Ёси. В книге «Японская экспансия на Азиатском континенте», изданной в 1949 г., он писал, что не только Сахалин и Курильские острова, но даже остров Эдзо (Хоккайдо) до середины XIX в. не считались владениями Японии. «Эдзо в XVIII веке и даже в первой половине XIX в., — пишет профессор, — не являлся составной частью Японской империи... Большинство историков, ученых и государственных деятелей рассматривало Эдзо как иностранное государство».⁷

Необходимо также напомнить, что в 1951 г. при заключении Сан-Францисского договора после разгрома во второй мировой войне и безоговорочной капитуляции Япония отказалась от всех прав, право-

⁷ См. Э. Я. Фейнберг. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960, стр. 44.

оснований и претензий на Курильские острова без каких-либо оговорок.

Бывший премьер-министр Японии Сигэру Иосида при подписании договора заявил: «В качестве полномочного представителя Японии я с радостью принимаю этот справедливый и великодушный договор». Таким образом, всякие притязания японских реваншистов на Курильские острова являются несостоятельными и исторически совершенно необоснованными. Эти земли, политые потом и кровью многих поколений русских людей, принадлежали и принадлежат нашей Родине по праву первооткрытия, первоприсоединения, первозаселения и первоисследования.

Отвечая на вопросы главного редактора газеты «Асахи» С. Хата, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев со всей определенностью заявил: «Говорить же, что в отношениях между нашими странами есть какая-то «нерешенная территориальная проблема» — это одностороннее и неверное толкование. Наша позиция неоднократно излагалась на переговорах с японскими руководителями и хорошо известна». Характеризуя развернутые в Японии недружественные Советскому Союзу кампании и выдвижение незаконных территориальных претензий к СССР, товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что «такие действия ничего, кроме ущерба советско-японским отношениям, принести не могут. Они лишь на руку тем, кто не хочет подлинного добрососедства и дружбы между советским и японским народами»⁸.

Как известно, строительство новой, свободной жизни на Сахалине началось после восстановления Советской власти, в 1925 г.

В мрачные годы царизма Сахалин долгое время служил местом каторги и ссылки. Сюда за «государственные преступления» ссылались не только уголовные преступники, но и многие активные борцы против царского самодержавия, в их числе — члены первой революционной партии рабочего класса Польши «Пролетариат», революционеры из группы Александра Ульянова, принимавшие участие в подготовке покушения на царя Александра III, известные народовольцы, руководители «Обуховской обороны». На многие десятилетия за Сахалином прочно укрепилась слава самого мрачного и самого страшного места в России. Великий русский писатель А. П. Чехов, посетивший Сахалин в 1890 г., назвал его «адам на земле», а известный журналист того времени В. М. Дорошевич писал, что, по его мнению, на земле еще не было совершено такого преступления, за которое следовало бы наказать сахалинской каторгой.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки царского правительства организовать добровольное переселение крестьян на Сахалин, начать здесь широкое освоение земельных угодий и природных богатств успеха не имели. Политическое бесправие, ничем не ограниченный произвол чиновников, предпринимателей и торговцев, тяжелое экономическое положение и жестокая эксплуатация трудящихся, беспросветная глушь, царство тьмы и нищеты — такой была жизнь на дореволюционном Сахалине.

Пятилетнее хозяйничанье японских империалистов на Северном и сорокалетнее — на Южном Сахалине привело экономику Сахалина к полному упадку и разрухе.

В 1925 г. на Северном Сахалине действовало всего 9 небольших кустарных предприятий, на которых работало 604 человека. Не было транспорта и средств связи. В запущенном состоянии находилось сель-

⁸ «Правда», 7. VI. 1977.

ское хозяйство. По существу, не имелось больниц, школ, культурно-просветительных учреждений. Отсутствовали кадры специалистов. Вот то, что осталось в наследство трудящимся Сахалина от старого мира.

Коммунистическая партия и Советское правительство, проявляя заботу о развитии производительных сил, повышении благосостояния и культуры тружеников острова, незамедлительно оказали вновь созданному Сахалинскому округу финансовую, материально-техническую и другую необходимую помощь. В целях скорейшего освоения дальневосточных окраин, координации усилий в этом направлении различных организаций и ведомств в 1929 г. при Совете Труда и Обороне был учрежден Комитет по делам Камчатки и Сахалина. Для переселенцев на Сахалин были установлены специальные льготы. По призыву партии сюда приехали нефтяники Баку, Грозного, Майкопа, шахтеры Донбасса и Кузбасса, рабочие, крестьяне, служащие из Приморья, Приамурья, Забайкалья и активно включились в общенародную борьбу за социализм. С путевками ЦК ВЛКСМ и Далькрайкома ВЛКСМ на Сахалин прибыли сотни комсомольцев, молодых энтузиастов.

В суровых условиях необжитого края росли и закалялись, проходили школу мужества многие тысячи советских людей. Они отвоевывали у тайги и болот каждый метр земли, строили поселки, нефтепровод и железную дорогу. В городе Охе как памятник молодым строителям тех лет один из жилых районов до сих пор носит неприглядное название — «Дамир», что означает «Даешь мировую революцию!». В напряженном труде выковывались и закалялись настоящие бойцы партии, рождались герои.

Говоря о том трудном, но героическом времени развернутого наступления социализма по всему фронту, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал: «Для строительства индустриальной базы социализма у Советского государства в то время не доставало капиталов, не хватало техники, не было опытных кадров. Не могли мы рассчитывать и на помощь из-за рубежа. Но у нас был самый передовой в мире общественный строй. У нас был огромный заряд революционного энтузиазма масс, и это позволило советскому народу сделать возможным, казалось бы, невозможное»⁹.

За годы довоенных пятилеток советские люди под руководством Коммунистической партии создали на месте отсталой аграрной страны передовую индустриально-колхозную державу, неузнаваемо преобразили заброшенные в прошлом окраины. Огромный шаг вперед в экономическом и культурном развитии сделал Северный Сахалин. Население области за этот период увеличилось в 6,5 раза. На месте бывших каторжных поселений и пустырей выросли новые города, промышленные предприятия, школы, больницы, клубы. Все большее развитие получали средства транспорта и связи. Незыблемой основой сельскохозяйственного производства становились колхозы и совхозы. Природные богатства острова, которые веками лежали втуне или варварски расхищались, были поставлены на службу народу. Улучшилось материальное положение трудящихся, повысился их культурный уровень.

15 мая 1940 г. трудящиеся Сахалинской области в обстановке высокого политического и трудового подъема отметили 15-ю годовщину со дня освобождения северной части острова от японской оккупации и восстановления здесь Советской власти. Президиум Верховного

⁹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2, М., 1970, стр. 85.

Совета РСФСР горячо поздравил рабочих, колхозников и интеллигенцию Сахалинской области с этой знаменательной датой. «Трудящиеся Советского Сахалина, — говорилось в приветствии, — в прошлом беспощадно эксплуатировавшиеся царскими чиновниками, купцами, шаманами, японскими интервентами, обреченные на вымирание, за годы Советской власти под руководством партии Ленина превратили остров ссылки и каторги бывшей царской России в передовую область, которая добилась больших успехов во всех отраслях социалистического хозяйства и по праву называется жемчужиной Советского Дальнего Востока».

Животворные лучи социализма, как материнская ласка, согрели своим теплом этот суровый и в недалеком прошлом обездоленный край, вызвали у тружеников Сахалина могучий прилив сил и энергии для новых побед и свершений.

Однако как единый целостный народнохозяйственный комплекс Сахалинская область стала развиваться только после победы советского народа в Великой Отечественной войне и освобождения от японских милитаристов Южного Сахалина и Курильских островов. Сложные исторические условия, в которых многие десятилетия находились эти земли, наложили определенный отпечаток на их хозяйственное развитие. Потребовались немалое время и большие усилия советских людей, чтобы ликвидировать здесь отрицательные последствия японского колониального господства, наладить и укрепить транспортно-экономические связи северных и южных районов, превратить область, расположенную на 59 островах, в жизнедеятельный и крепкий народнохозяйственный организм.

Ускорению темпов развития производительных сил области в значительной степени способствовало научное, глубоко продуманное решение важнейших проблем хозяйственного и культурного строительства.

В апреле 1962 г. в Южно-Сахалинске состоялось региональное совещание Конференции по развитию производительных сил Дальнего Востока, определению научно обоснованных направлений развития народного хозяйства области на перспективу до 1980 г.

В принятом на региональном совещании решении отмечалось, что валовая продукция промышленности области к 1960 г. возросла по сравнению с 1946 г. в 3,5 раза. Значительно увеличились государственные закупки сельскохозяйственных продуктов. За эти годы было введено в эксплуатацию более 2,6 млн. м² жилой площади. Вместе с тем совещание констатировало, что «экономика области развивается недостаточно комплексно, при наличии ряда существенных несоответствий. Местные сырьевые ресурсы используются не всегда рационально, уровень концентрации промышленного производства не соответствует требованиям экономного ведения хозяйства, производительность труда по сравнительному кругу отраслей ниже средней по РСФСР примерно на 40%»¹⁰.

Региональное совещание определило главные направления дальнейшего развития производительных сил Сахалинской области, вскрыло неиспользованные резервы, наметило пути их мобилизации в целях дальнейшего подъема экономики и всемерного увеличения вклада трудящихся области во всенародное дело создания материально-технической базы коммунизма. Основываясь на выводах регионального совещания, областной комитет партии, исполком областного Совета депу-

¹⁰ Партийный архив Сахалинского обкома КПСС, ф. 4, оп. 80, д. 40, л. 146.

татов трудящихся разработали и внесли на рассмотрение Центрального Комитета КПСС и Советского правительства конкретные предложения по ускорению развития производительных сил Сахалинской области. 3 сентября 1964 г. на заседании ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которое проходило под председательством товарища Л. И. Брежнева, было принято постановление «О мерах по ускорению развития производительных сил Сахалинской области». В истории развития народного хозяйства области открылась новая страница.

Минувшие годы полностью подтвердили реальность и научную обоснованность выводов и рекомендаций регионального совещания. Практически все мероприятия, намеченные на этот период, уже осуществлены. Это во многом способствовало ускоренному развитию производительных сил Сахалина и Курильских островов, улучшению быта, повышению материального и культурного благосостояния трудящихся.

Об о: ю-экономических преобразованиях, происшедших в Курильских островах с 1947 г. — со времени образования области в нынешних административно-территориальных границах — действительно свидетельствуют многочисленные факты.

В 1976 г. промышленно-производственных фондов в области — почти в 8 раз. В 2,5 раза увеличилось производство бумаги, в 18,4 раза — картона и в 3,7 раза — производство целлюлозы. Высокими темпами развивались и развиваются все отрасли промышленности: рыбная, угольная, нефтяная, лесная, целлюлозно-бумажная, строительных материалов, а также промышленность местного подчинения.

По существу, заново созданы все виды транспорта: железнодорожный, морской, авиационный, автомобильный и трубопроводный. На всех участках Сахалинского отделения Дальневосточной железной дороги осуществлено полное техническое перевооружение, реконструированы все железнодорожные линии, многие тоннели. Учитывая островное положение области, трудно переоценить народнохозяйственное значение морского транспорта. Известно, что в довоенные годы на Сахалине не имелось собственной морской транспортной организации. Созданное в октябре 1945 г. Сахалинское морское пароходство располагало морально и физически устаревшим флотом и полуразрушенным портовым хозяйством. Сейчас в распоряжении пароходства десятки современных, надежных в эксплуатации, быстроходных судов. Во много раз увеличилась грузоподъемность флота, в десятки раз возросли объемы каботажных и заграничных перевозок. Сахалинские моряки выполняют рейсы между портами многих стран мира, особенно между портами стран Тихоокеанского бассейна.

Важную роль в развитии морского и железнодорожного транспорта, в развитии всего народного хозяйства области сыграла морская железнодорожная паромная переправа Ванино—Холмск, первая очередь которой была введена в эксплуатацию в 1973 г. Сооружение этой уникальной транспортной артерии, действующей круглогодично, практически в любую погоду и в сложной ледовой обстановке, обеспечило надежную, устойчивую связь Сахалина с материком. О значении переправы убедительно сказано в приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленном рабочим, инженерам, техникам, всем коллективам и организациям, принимавшим участие в строительстве,

в связи с досрочным вводом в эксплуатацию этого транспортного узла: «Одержанная вами трудовая победа является значительным вкладом в ускоренное развитие производительных сил Дальнего Востока и ярким свидетельством успешного претворения в жизнь принятой XXIV съездом КПСС программы коммунистического строительства в нашей стране». Сейчас на линии Ванино—Холмск работают 5 паромов-ледоколов типа «Сахалин». С первых дней паромной навигации (июнь 1973 г.) переправа работает по четкому суточному циклу. Это позволило организовать движение паромов по твердому расписанию. С вводом в действие паромной переправы в несколько раз сократились сроки доставки грузов, улучшилась их сохранность. Государство получило значительную экономию на tare и упаковке, а также за счет ликвидации перевалки грузов на железнодорожных станциях и в портах. Помимо традиционных грузопотоков между Сахалином и материком, переправа привлекла новые. В частности, теперь значительная часть фруктов доставляется к нам с материка в рефрижераторных вагонах. На Сахалине эти вагоны загружаются свежей рыбой. Преимущества паромной переправы оказали положительное влияние на развитие народного хозяйства не только нашей области, но и всего дальневосточного региона. Так, например, загрузка высвободившихся с вводом переправы мощностей Холмского порта позволила несколько ослабить напряженный режим работы портов Владивостока, Находки и некоторых других. А освободившиеся мощности порта Ванино стали более эффективно использоваться для переработки грузов, предназначенных для Магаданской области.

Неизмеримо возросли возможности автомобильного транспорта. В сотни раз увеличился парк грузовых автомобилей и общая грузоподъемность.

Важным средством обеспечения развития народного хозяйства области стал воздушный транспорт. В 1947 г. в Южно-Сахалинском летном подразделении было всего 2 транспортных самолета ЛИ-2. В настоящее время Южно-Сахалинский аэропорт осуществляет перевозки грузов и пассажиров в Москву, Хабаровск, Красноярск, Владивосток, Советскую Гавань, Комсомольск-на-Амуре и в Благовещенск. Регулярное воздушное сообщение налажено между Южно-Сахалинском и аэропортами Охи, Ноглик, Зонального, Шахтерска и Поронайска на Сахалине; Буревестника и Менделеева на Итурупе и Кунашире. Все более широкое применение авиация находит в рыбной и нефтяной промышленности, в сельском хозяйстве. Незаменима помощь авиаторов в охране лесов от пожаров.

Наша область имеет все виды современной связи — почтовую, телеграфную, телефонную, телевизионную и радиосвязь. Еще не так давно основными средствами связи в области были лодки, лошади, олени и собачьи упряжки. Сейчас для обслуживания предприятий, организаций и населения созданы сотни узлов и отделений связи, располагающих современным оборудованием, машинами, электронной техникой и автоматикой.

В настоящее время работники связи за день обрабатывают более 225 тыс. единиц письменной корреспонденции, ежедневно доставляют сахалинцам и курильчанам сотни тысяч экземпляров газет и журналов. Широкое распространение получила многоканальная система связи. В области сооружен ряд широкоэмитательных радиостанций и телецентр. Сахалин и Курильские острова стали краем сплошной радиофикации. В Южно-Сахалинске, Охе, Александровске, Южно-Курильске, Поронайске, Томари и Северо-Курильске построены, а в Ку-

рильске и Ногликах скоро вступят в строй приемные станции космической связи «Орбита». Сахалинцы и курильчане смотрят передачи центрального телевидения и интервидения, в том числе и цветные.

Исходя из программного положения партии о том, что энергетика является «стержнем строительства экономики коммунистического общества»¹¹, областная партийная организация мобилизовала все усилия на создание в области надежной энергетической базы. Этого настоятельно требовала жизнь. Мелкие маломощные электростанции, которых в 1955 г. в области насчитывалось более 800, не удовлетворяли потребности народного хозяйства в электроэнергии, работали изолированно друг от друга с большими перебоями и убытками. Важнейшим этапом в создании энергетической базы области явилось строительство Сахалинской ГРЭС. Ее сооружение началось в 1964 г. На вековом пустыре у студеного залива Терпения день ото дня все выше поднимались корпуса электростанции, рос и преобразился новый поселок энергетиков Восток. Уже в конце 1965 г. дал ток первый турбогенератор ГРЭС. С пуском электростанции на полную мощность и сооружением необходимых линий электропередачи были сняты ограничения в снабжении электроэнергией южных районов острова, закрыты многие мелкие электростанции, созданы условия для резкого увеличения энерговооруженности труда, повышения его производительности. Сахалинская ГРЭС стала поистине энергетическим сердцем острова. В 1976 г. был сдан в эксплуатацию первый энергоблок Южно-Сахалинской ТЭЦ-1. С завершением строительства второй очереди этой теплоэлектроцентрали значительно улучшится энерговооруженность народного хозяйства области и будет решена проблема надежного теплоснабжения предприятий и населения областного центра.

Особенно разительные перемены произошли в сельском хозяйстве. Многие жители области хорошо помнят, что 15—20 лет назад почти все продукты питания, в том числе и такие малотранспортабельные, как картофель и овощи, завозились на Сахалин и Курильские острова из других районов страны, главным образом в консервированном и сушеном виде. Благодаря огромной помощи и постоянному вниманию Центрального Комитета КПСС и лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о неуклонном повышении материального и культурного благосостояния советских людей, в том числе и трудящихся нашей области, в результате самоотверженного труда сахалинцев, большой работы областной партийной организации на Сахалине создано высокоразвитое сельское хозяйство. В 1976 г. по сравнению с 1947 г. энергетические мощности сельскохозяйственных предприятий увеличились в 52,2 раза. Это позволило механизировать многие производственные процессы как в земледелии, так и в животноводстве. От гужевого транспорта, в основном конной тяги, от ветхих деревянных сараев, служивших скотными дворами, мы пришли к современным высокомеханизированным, в том числе и специализированным сельскохозяйственным предприятиям. За последние 30 лет государственные закупки скота и птицы возросли в 183 раза, молока — в 91 раз, яиц — в 21 тыс. раз, картофеля — в 9,1 и овощей — в 13,1 раза. Резко увеличилась продажа населению продовольственных товаров: мясoproдуктов — в 8,4 раза, молочных продуктов — в 54 раза, яиц — в 180 раз, картофеля — в 7,1 и овощей — в 14,6 раза. В 36 раз больше продается сейчас плодов фруктов, ягод и бахчевых.

¹¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет», т. 3. М., 1962, стр. 279.

Вот уже много лет подряд потребности населения Сахалина и Курильских островов в картофеле, капусте, столовых корнеплодах и в яйцах полностью, а в молоке — почти полностью удовлетворяются за счет производства этих важных продуктов питания на месте, в наших сложных природно-климатических условиях.

Настоящий трудовой подвиг совершили строители области. За годы после освобождения Южного Сахалина и Курильских островов от японских милитаристов здесь заново построены все города, поселки и села. За это время строители области освоили более 9 млрд. руб. капитальных вложений, построили около 300 промышленных предприятий, сдали в эксплуатацию около 9 млн. м² общей (полезной) площади жилья. В плановые сроки или досрочно введены в строй такие крупные объекты, как Сахалинская ГРЭС и Южно-Сахалинская ТЭЦ-1, морская железнодорожная паромная переправа Ванино—Холмск, аэропорты в Южно-Сахалинске, Охе, Шахтерске, Зональном и других городах, железная дорога Арсентьевка—Ильинск, соединившая западное побережье Сахалина с восточным, ряд высоковольтных ЛЭП, Лермонтовский и Новиковский угольные разрезы.

Выполнена большая программа строительства зданий для народного образования и здравоохранения, учреждений культуры. В Южно-Сахалинске построены Дом политического просвещения, здание областного драматического театра имени А. П. Чехова, Дворец пионеров. Современные кинотеатры построены в Южно-Сахалинске, Корсакове, Холмске и в ряде других городов и рабочих поселков.

Для сравнения напомним, что в 1947 г. на всем Южном Сахалине было лишь два капитальных здания. Остальные уцелевшие сооружения производственного и гражданского назначения представляли собой здания деревянного, каркасно-засыпного типа. Конструкция жилого дома состояла из деревянного брусчатого каркаса. Между брусами — прокладки прессованного картона, обшитого тонкими досками. Ныне не только города и рабочие поселки, но и села застраиваются, как правило, 4-х и 5-этажными зданиями. В Южно-Сахалинске и Холмске впервые в истории Сахалина осваивается строительство 9—12-этажных жилых домов. О масштабах жилищного строительства убедительно свидетельствует такой факт: в 1976 г. в нашей области введено в эксплуатацию жилья в 22,1 раза больше, чем в 1947 г.

Вдохновленные историческими решениями XXV съезда КПСС, майского и октябрьского (1977) Пленумов ЦК КПСС, трудящиеся Сахалинской области самоотверженно борются за успешное претворение в жизнь грандиозной социально-экономической программы десятой пятилетки, за достойную встречу 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, стремятся ознаменовать 1977 г. — год новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик — выдающимися трудовыми победами. Трудящиеся нашего островного края наметили конкретные рубежи в социалистическом соревновании и настойчиво борются за их достижение. Сегодня соревнование все более отличает возросшая массовость, творческая инициатива и трудовая активность, оно неотделимо от научно-технической революции, соревнование все больше приобретает комплексный характер, концентрируется вокруг проблем эффективности производства и качества работы.

1976 г., первый год десятой пятилетки, был завершен успешно всеми отраслями народного хозяйства. Коллективы промышленных предприятий досрочно выполнили годовой план реализации продукции. Дополнительно к плану реализовано промышленной продукции почти

на 30 млн. руб. Увеличивается число и объем производства изделий, удостоенных государственного Знака качества. Перевыполнили план первого года пятилетки строители, работники морского, железнодорожного, автомобильного, авиационного, трубопроводного транспорта и связи.

Неуклонно следуя курсом мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, настойчиво проводя в жизнь разработанную по инициативе и при непосредственном участии товарища Л. И. Брежнева аграрную политику партии на современном этапе, работники сельского хозяйства, партийные, советские и профсоюзные организации области добились непрерывного, устойчивого роста сельскохозяйственного производства. Урожайность картофеля в совхозах в 1976 г. составила 166 ц и овощей — 254 ц с га. Надой на одну корову в среднем по совхозам области составил 3545 кг молока. Это второй результат по РСФСР.

Центральный комитет КПСС, Советское правительство высоко оценили самоотверженный труд сахалинцев. За достижение высоких результатов в социалистическом соревновании Сахалинская область награждена переходящим Красным знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. За успехи в развитии картофелеводства в 1976 г. области присуждена вторая денежная премия Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. Углегорский и Томаринский районы, город Южно-Сахалинск, многие предприятия промышленности и сельского хозяйства стали победителями во Всесоюзном и Всероссийском социалистическом соревновании. Большая группа передовиков народного хозяйства награждена орденами и медалями Советского Союза. Лучшим из лучших — звеньевому-картофелеводу совхоза «Ударный» Петру Филипповичу Молотку и капитан-директору БМРТ «Мыс Сенявина» Владимиру Ивановичу Бармуте присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Уверенно начат второй год десятой пятилетки. В ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР, задач, вытекающих из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Конституционной комиссии товарища Л. И. Брежнева на майском (1977) Пленуме ЦК КПСС, в атмосфере всеобщего политического и творческого энтузиазма, вызванного этими выдающимися документами современной эпохи, а также подготовкой к юбилею Великого Октября в трудовых коллективах области родилось немало ценных патриотических начинаний. Все они оказали большое положительное влияние на повышение эффективности и качества работы во всех звеньях народного хозяйства.

С замечательной инициативой в этом году выступили шестьдесят передовых судозкипажей рыбной промышленности. Они решили выполнить плановые задания двух лет пятилетки к 60-й годовщине Октября.

Инициаторы с честью сдержали свое слово.

В угольной промышленности широко развернулось движение за эффективное использование техники. Инициаторами соревнования здесь стали комплексные горнотранспортные бригады шахтоуправления «Лермонтовское» и Вахрушевской автобазы, которыми руководят Николай Федорович Гончаров и Владимир Иванович Клишков. Эти бригады обязались в текущем году довести производительность экскаваторов ЭКГ-4,6 на вскрышных работах не менее чем до 1,8 млн. м³ породы в год и выполнить план двух лет пятилетки к юбилею Октября.

На шахтах Сахалина появились свои бригады-тысячники, возглавляемые Петром Павловичем Обуховым с шахты «Долинская» и Николаем Александровичем Дмитриевым с шахты «Ударновская». Эти бригады за короткий срок освоили механизированные комплексы и в сложных горно-геологических условиях добывают сейчас более тысячи тонн угля в сутки.

Нашу островную область сегодня трудно представить без новостроек. На Сахалине и Курильских островах сооружаются новые и реконструируются действующие предприятия нефтяной, угольной, лесной, целлюлозно-бумажной, рыбной, пищевой и других отраслей промышленности. Сейчас разворачиваются работы по освоению нефтяных и газовых богатств Сахалинского шельфа. С каждым годом развивается жилищное и культурно-бытовое строительство. В строительных организациях широкое распространение получил бригадный подряд. По инициативе заслуженного строителя РСФСР Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, члена бюро обкома партии, бригадира комплексной бригады треста «Сахалинпромстрой» Михаила Андреевича Титякова широко развернулось движение за повышение качества каждой технологической операции строительных работ. Все это помогает лучше решать задачи, стоящие перед строителями. Область уже на протяжении многих лет успешно справляется с планом капитального строительства по всем показателям.

Бригадный подряд нашел применение и на морском транспорте. Сахалинские портовики впервые в стране применили хозрасчетный подряд при обработке судов. Инициатором этого важного дела выступила бригада докеров-механизаторов Корсаковского порта, которой руководит Георгий Валерианович Батюня. За последние три года, применяя подрядный метод, эта бригада сократила стояночное время судов на 2,5 тыс. судочасов, экономический эффект составил свыше 500 тыс. руб. В настоящее время опыт работы бригады тов. Батюни демонстрируется на ВДНХ. Сейчас метод бригадного подряда успешно применяют почти 40% бригад докеров-механизаторов области.

Этот метод взяли на вооружение и работники лесной промышленности. Застрельщиком здесь выступила укрупненная лесозаготовительная бригада Северо-Сахалинского леспромхоза, возглавляемая Николаем Ефимовичем Андрейчуком. Она одной из первых в лесной промышленности страны внедрила этот метод и успешно развивает его. Опыт работы этой бригады широко подхвачен в коллективах предприятий области. В начале этого года бюро обкома КПСС одобрило инициативу 18 укрупненных лесозаготовительных бригад, 12 комплексных бригад на вывозке леса и 15 раскряжевочных бригад, которые приняли обязательства выполнить плановые задания двух лет пятилетки к 60-летию Великого Октября.

В центре внимания трудовых коллективов области находятся вопросы улучшения качества продукции. Много положительного в этом направлении делается в целлюлозно-бумажной промышленности области. При задании на пятилетку аттестовать 4 вида продукции на государственный Знак качества бумажники решили подготовить к аттестации на высшую категорию качества 16 видов продукции.

Комплекс организационно-технических мероприятий, направленных на повышение качества продукции, осуществляется также на Южно-Сахалинской швейной фабрике, кондитерско-макаронном комбинате и ряде других предприятий области.

Работники сельского хозяйства горячо поддержали обращение

Героев Социалистического Труда, знатных земледельцев Антонины Яковлевны Межовой, Петра Филипповича Молотка, Ивана Федоровича Тимофеева и Семена Матвеевича Пономарева. Эти звеньевые призвали всех тружеников села области отметить 60-летие Великого Октября наивысшим урожаем картофеля и овощей.

Областная партийная организация с большим вниманием относится к творчеству трудящихся, к их патриотическим начинаниям. Именно в творческих поисках трудящихся рождается передовой опыт — один из важных резервов повышения эффективности и качества.

Обком, горкомы и райкомы КПСС, первичные парторганизации заботятся о том, чтобы ни одно ценное начинание не заглохло. Партийные организации, все коммунисты области считают своим кровным делом внедрение в практику всего передового, прогрессивного. Это тем более важно потому, что перед трудящимися всех отраслей народного хозяйства области стоят важные и ответственные задачи по успешному выполнению плана 1977 г. — юбилейного года, и десятой пятилетки в целом.

«Юбилейный год, — говорил на XVI съезде профсоюзов товарищ Л. И. Брежнев, — это всегда год воспоминаний, год подведения итогов. Но мы, коммунисты, оглядываемся назад не только для того, чтобы с законной гордостью отметить масштабность, историческую значимость сделанного. Мы воспринимаем прошлое как богатейший резервуар опыта, как материал для раздумий, для критического анализа собственных решений и действий. Мы черпаем из прошлого вдохновение для нынешних и грядущих дел»¹².

Ускоренными темпами развивается энергетика области. За годы десятой пятилетки производство электроэнергии увеличится в 1,5 раза. Этому во многом будет способствовать завершение строительства Южно-Сахалинской ТЭЦ-1, дальнейшее улучшение технико-экономических показателей работы энергетического оборудования.

Добычу угля в 1980 г. намечено довести до 5,5—6 млн. т. Для этого предстоит закончить реконструкцию ряда шахт и обогатительных фабрик, ускорить техническое перевооружение всех угольных предприятий области.

В целлюлозно-бумажной промышленности за пятилетие намечается увеличить производство целлюлозы на 11,4%, бумаги — на 12,1 и картона — на 8,3%. Здесь также необходимо осуществить ряд важных мероприятий по модернизации технологических процессов, реконструкции предприятий.

Утвержденные XXV съездом КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривают дальнейшее развитие рыбной промышленности. Перед рыбаками и рыбообработчиками области стоят ответственные задачи по увеличению производства высококачественной продукции из рыбы и морепродуктов, выпуск ее в более широком ассортименте, с учетом спроса населения. Для выполнения этой задачи предусмотрено значительное увеличение добычи рыбы и морепродуктов в прибрежных водах Сахалино-Курильского бассейна и во внутренних водоемах. В этой связи хотелось бы отметить, что, как показывает мировая практика, рыбные запасы в морях и океанах не безграничны. Вот почему наши рыбаки

¹² «Правда», 22. III. 1977.

ведут промысел на строго научной основе, выполняют все рекомендации ученых. Хозяйское, заботливое отношение к живым ресурсам моря предполагает не только обязательный учет воспроизводительной способности того или иного объекта промысла, но и искусственное разведение наиболее ценных из них. В нашей стране, в том числе и в Сахалинской области, уделяется большое внимание искусственному рыборазведению. Так, например, на наиболее важных нерестовых реках Сахалина и Курильских островов действуют 20 рыбободных заводов. Ежегодно с этих предприятий выпускается в море около 800 млн. штук молоди ценных лососевых пород рыб — кеты, горбуши, симы, кижуча, чавычи и нерки. Это больше, чем выпускают все рыбободные заводы Японии.

Большой комплекс работ осуществляется в сельском хозяйстве. За пятилетку планируется увеличить среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции на 15%. Ключевыми проблемами сельскохозяйственных органов, всех работников сельского хозяйства области являются увеличение производства, улучшение качества, повышение товарности продукции земледелия и животноводства, а также снижение ее себестоимости. Хорошие возможности роста производства, улучшения качества и снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции заложены в специализации и концентрации производства на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции. В нынешней пятилетке намечено построить животноводческие комплексы по производству молока в совхозах «Комсомолец», «Костромской» и «Заря», а также комплексы по производству говядины в совхозах «Южно-Сахалинский» и «Краснореченский». До 36 тыс. голов в год будет расширен свиноводческий комплекс совхоза «Ленинское знамя», до 600 тыс. кур-несушек расширится птицефабрика имени 50-летия СССР. Завершится строительство первой очереди птицефабрики «Первомайская» и с 1979 г. начнется строительство второй очереди с тем, чтобы довести мощности этого предприятия с 3 до 6 млн. бройлеров в год.

В условиях нашей области огромное значение имеет мелиорация земель, как основа расширения сельскохозяйственных угодий. Сейчас на одного жителя области приходится всего 0,05 га пахотных земель. Это примерно в 17 раз меньше, чем в среднем по стране. Поэтому главная задача работников сельского хозяйства — это разработка и применение наиболее эффективных в сахалинских условиях технологий производства продуктов земледелия и животноводства. В этом направлении проведена значительная работа, достигнуты хорошие результаты, опираясь на которые можно успешно решать и такую проблему, как расширение ассортимента овощных культур, осуществление поставок населению картофеля и овощей в более ранние сроки.

Животноводы области поставили перед собой задачу к концу пятилетки довести надой на корову до 3700 кг в год. Одновременно будет возрастать и поголовье скота, что позволит увеличить производство и государственные закупки молока в совхозах на 27%. За годы пятилетки производство скота и птицы возрастет на 42% и яиц — на 29%. Это будет достигнуто главным образом за счет создания животноводческих комплексов, а также птицефабрик яичного и мясного направления.

Магистральный путь повышения экономической эффективности, дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства мы видим в создании специализированных предприятий и объединений по про-

изводству продуктов животноводства, в специализации и концентрации производства продуктов земледелия.

Неизмеримо возросший экономический потенциал народного хозяйства позволяет значительно увеличить вклад области в постоянно развивающиеся внешние торговые связи, в экономическое сотрудничество нашей Родины с зарубежными государствами. Сахалинская область располагает хорошими экспортными возможностями, современным морским флотом, незамерзающими портами юга Сахалина.

По контрактам, заключенным советскими внешнеторговыми объединениями с зарубежными фирмами, область поставляет на внешний рынок нефть, уголь, лес и пиломатериалы, целлюлозу, газетную и мешочную бумагу, пушнину, рыбу и морепродукты. Продукция сахалинских предприятий хорошо известна в Польше, ГДР, КНДР, МНР, Чехословакии и на Кубе. Традиционными импортерами газетной бумаги наших целлюлозно-бумажных заводов являются Индия, Таиланд и Япония. На рынках Франции, Бельгии, Сингапура и Японии хорошо зарекомендовали себя многие виды рыбной продукции, выпускаемой нашей рыбной промышленностью.

Известно, что Советский Союз неизменно проводил и проводит свою политику во взаимоотношениях с капиталистическими странами на основе ленинских принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Налаживание и упрочение добрососедских отношений, развитие взаимовыгодных торговоэкономических связей — вот одно из главных направлений внешней политики КПСС и Советского государства.

Это направление характеризует и взаимоотношения СССР с Японией, которая является одним из главных импортеров советской продукции, произведенной в Сахалинской области. Через посредство советских внешнеторговых организаций и объединений с Сахалина в эту страну осуществляются поставки угля, нефти, леса, бумаги, рыбной продукции. С каждым годом увеличиваются объемы закупок Японией ценных пищевых дикоросов, таких, как папоротник-орляк. В нашу область поступают импортируемые из Японии некоторые виды товаров широкого потребления, лесовозы, бульдозеры, экскаваторы и другая техника. Географическое положение Сахалинской области, ее отдаленность от машиностроительных центров страны делают торговый обмен с Японией взаимовыгодным.

Сахалинская область располагает большими энергетическими ресурсами, позволяющими при дальнейшем развитии топливной промышленности создать теплоэлектростанции суммарной мощностью до 100 млрд. кВт·ч электроэнергии в год. Это сделало бы практически возможным экспорт в Японию не угля и нефти, а электроэнергии.

Все это создает возможность дальнейшего углубления и расширения взаимовыгодного экономического сотрудничества СССР и Японии.

В своем выступлении по японскому телевидению 7 ноября 1977 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отметил, что «СССР располагает сырьем, в котором нуждается японская промышленность, и другими товарами, могущими представить интерес для Японии. Японские товары, в свою очередь, уже снискали себе доброе имя в СССР».

Накоплен позитивный опыт и в налаживании крупномасштабного экономического сотрудничества.

Разве это не создает предпосылки для того, чтобы поставить деловые связи наших стран на солидную долговременную основу? При таком подходе обе стороны, я думаю, только выиграли бы. И что очень важно —

выиграло бы и дело упрочения мира и безопасности на великом азиатском континенте».

* * *

У Дальнего Востока, в том числе и у Сахалинской области, большое будущее. Успешное осуществление разработанного партией курса на ускоренное развитие производительных сил дальневосточного района оказывает положительное влияние на все стороны экономики и культуры нашей области. С завершением строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали Сахалин как бы приблизится к центру страны. К тому времени будет окончено строительство транссахалинской железной дороги, которая соединит север острова с незамерзающими портами юга и станет естественным продолжением БАМа.

Светлые перспективы, уверенность в завтрашнем дне вдохновляют трудящихся Сахалинской области на новые и новые трудовые свершения. Горячо одобряя и единодушно поддерживая по-ленински мудрую политику родной партии и Советского государства во главе с выдающимся политическим и государственным деятелем современности, пламенным борцом за мир и социальный прогресс Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым, коммунисты, все трудящиеся ордена Ленина Сахалинской области полны решимости закрепить достигнутые успехи, выполнить величественные планы десятой пятилетки, внести достойный вклад в общенародное дело строительства коммунизма.

Новый этап эволюции антисоциалистической политики Пекина и задачи борьбы с маоизмом

П рогрессивная международная общественность по-прежнему с тревогой и озабоченностью наблюдает за развитием событий в Китае и эволюцией внешнеполитического курса пекинских лидеров.

В условиях, когда маоизм открыто блокируется с самыми агрессивными кругами империализма, выступает главным поборником, своеобразной «опорной базой» реакционных форм национализма и всех разновидностей оппортунизма, китайская проблема приобретает новую остроту. Борьба против маоизма становится не только важным фактором укрепления единства всех революционных сил, но и неотъемлемым элементом борьбы за дело мира и национального освобождения.

Как известно, XXV съезд КПСС уделил большое внимание анализу событий в Китае. В Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, в выступлениях делегатов съезда и многих зарубежных гостей была дана развернутая характеристика антимарксистской сущности маоизма, той опасной роли, которую таят в себе действия КНР на международной арене, антинародной направленности внутренней политики пекинских лидеров. Внимательно и объективно проанализировав итоги истекшего пятилетия, определив принципиальный политический курс нашей партии и страны на предстоящие годы, форум советских коммунистов подтвердил правильность выработанного XXIV съездом курса в отношении с Китаем. Установки XXV съезда, его оценки идеологии и политики маоизма имеют программное значение для марксистских исследователей китайской проблемы.

Особую опасность для дела мира и социализма, для всего человечества представляют лихорадочные попытки маоистских лидеров сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять вражду между государствами, спровоцировать новую мировую войну.

Все это дает основание для вывода о том, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением, прямо враждебны ему.

Исходя из этих принципиальных оценок, коммунистические партии социалистических стран определили задачи в области борьбы с теорией и практикой маоизма:

- давать решительный отпор поджигательской политике Пекина;
- защищать интернациональные интересы социалистического содружества в целом и национальные интересы каждого его члена;
- на основе верности марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму укреплять единство и сплоченность мирового коммунистического движения;

— и впредь вести с маоизмом принципиальную, непримиримую борьбу.

Представители многих коммунистических и рабочих партий, отрядов национально-освободительного движения в своих выступлениях на съездах компартий социалистических стран выразили полную поддержку этому согласованному курсу, который становится одним из генеральных направлений деятельности международного коммунистического движения, всех прогрессивных сил современности.

На съездах братских партий был уточнен подход к развитию межгосударственных отношений с Китаем в условиях господства там маоистского режима. Хотя КНР поддерживает с социалистическими странами дипломатические, торговые и некоторые другие связи, однако такие связи носят ограниченный характер и зачастую используются пекинским руководством во враждебных целях. В силу этого братские страны поставлены перед необходимостью в качестве ближайшей задачи добиваться нормализации отношений с КНР на принципах мирного сосуществования, регулирующих, как известно, взаимоотношения между государствами с различным общественным строем. Такая позиция полностью отвечает ныне существующим реальностям, ибо невозможно на иной основе строить отношения со страной, руководители которой проводят политику, направленную против большинства социалистических государств, смыкаются с силами самой крайней реакции, несут опасность для всех миролюбивых государств. В этой связи важно подчеркнуть, что мирное сосуществование не только не исключает, но, напротив, предопределяет усиление идеологической и политической борьбы с враждебными социализму и коммунизму взглядами.

В то же время на съездах братских партий определена и перспектива восстановления отношений с КНР на принципах социалистического интернационализма. Это будет возможно только тогда, когда в Китае возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма.

Но такой поворот событий, если исходить из ныне существующего положения, возможен только при условии полного краха идеологии и политики маоизма. Борьба против маоизма имеет огромное значение как для судеб самого китайского народа, так и для дела успешного развития мирового революционного процесса.

Маоизм исторически обречен. Однако для ускорения его краха нужны немалые усилия. Безусловно, решающее слово здесь остается за китайским народом, в первую очередь за рабочим классом КНР. Вместе с тем, разоблачая реакционную сущность маоизма, марксисты-ленинцы оказывают важную помощь китайской революции в один из наиболее мрачных ее периодов. Для наращивания ударов по маоизму сейчас имеется благоприятная обстановка: с одной стороны, растут мощь и авторитет социалистического содружества, укрепляется единство мирового революционного движения, а с другой,— маоизм терпит провалы, в правящей верхушке Пекина усиливается кризис. Все это открывает новые перспективы для успешной борьбы против маоизма.

Определенным этапным рубежом в этой эволюции вправо всей политики китайского руководства явился XI съезд КПК, тайно проведенный в середине августа с. г. в Пекине.

XI съезд КПК — крупнейшее событие в жизни Китая за последнее время. И хотя съезд, по словам Хуа Го-фэна, был «созван раньше установленного срока», братские партии встретили его во всеоружии. На их

последних съездах были даны принципиальные оценки ситуации в КНР и перспектив ее развития.

Ход работы и результаты XI съезда КПК подтвердили основной вывод, сделанный ранее нашей партией о том, что смерть Мао Цзэ-дуна не приведет автоматически к смерти маоизма как враждебной марксизму-ленинизму идеологии, что руководство КПК, пришедшее на смену Мао, не проявляет намерения сбросить путы маоизма и осуществить возврат КНР на рельсы научного социализма, что оно по-прежнему стоит на националистической, великодержавной, экспансионистской и гегемонистской платформе.

Важным звеном в подготовке XI съезда КПК был III пленум ЦК КПК десятого созыва. Как известно, пленум проходил с 16 по 21 июля 1977 г. Он утвердил Хуа Го-фэна в должности председателя ЦК партии, реабилитировал и «восстановил на всех постах» Дэн Сяопина, снял со всех должностей и «навечно исключил из партии» участников «банды четырех».

Пленум принял решение о созыве XI съезда КПК и predetermined его характер и содержание — «в основном» одобрил политический отчет ЦК, доклад об изменениях в уставе партии и проект нового устава КПК.

Итоги пленума свидетельствовали, что XI съезд будет проведен под флагом верности маоизму, в том числе его антисоветским, антисоциалистическим установкам.

Пленум укрепил относительную стабилизацию в высшем эшелоне пекинского руководства. Хотя, по некоторым сведениям, на нем резко критиковались У Дэ, Цзи Дэн-куй и другие выдвиженцы «культурной революции», но Хуа Го-фэну удалось добиться того, чтобы сохранить состав Политбюро, сложившийся после устранения «четверки».

В то же время чистка в нижестоящих звеньях продолжалась вплоть до открытия съезда. За связи с «четверкой», по различным данным, были подвергнуты серьезной критике около 70 членов и кандидатов в члены ЦК, смещены или переставлены 14 первых секретарей провинциальных парткомов, раскритикованы и лишены своих постов около 50 руководящих работников провинций. В ряде мест, где первые лица остались на своих постах, произведены новые назначения на должности секретарей парткомов (главным образом представителей «старых кадров», в том числе подвергавшихся репрессиям в прошлом).

В предсъездовских материалах, посвященных вопросам партийного строительства, в качестве одной из главных задач выдвигалась необходимость «полностью и до конца разбить насажденную «четверкой» систему групп и фракций в партии». В печати отмечалось, что не все сторонники «четверки» капитулировали, они «обладают еще значительной силой». Признавалось, что фракционность по-прежнему «угрожает революции и массам» и если не ликвидировать ее до конца, то «почва под ногами может зашататься в любой момент». Появлявшиеся в китайской прессе материалы говорили о том, что нынешнее руководство КПК видит выход прежде всего в решительной чистке партии от всех неугодных лиц.

По имеющимся сведениям, до съезда уже действовали «рабочие группы», которые занимались проверкой всех кадровых работников. По-видимому, среди высших руководителей КПК оставались лидеры, считающие, что удар по «левакам» в низах приведет к ослаблению их собственной базы и утрате реальной власти даже при сохранении за ними высоких постов. В этом, в частности, состояла одна из причин того, что чистка сторонников «четверки» наталкивалась на сопротивление.

Накануне съезда наиболее актуальными вопросами являлись наведение элементарного порядка на производстве, преодоление всякого рода недовольства и сопротивления внедрению «духа Дацина». В совместной передовой статье «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао», посвященной итогам пленума, подчеркивалось, что «о полной победе можно говорить лишь тогда, когда будет достигнута победа как в организационном, так и в идейно-политическом отношениях».

Тот факт, что пленум обошел полным молчанием вопросы социально-экономического развития страны, а также уклонился от анализа реального положения дел в этой области,— оба эти момента указывали, что нынешнее руководство КНР все еще не готово к решению существующих проблем, особенно к определению конкретных показателей и ориентиров социально-экономического порядка, к тому, чтобы выдвинуть целостную и обоснованную программу развития народного хозяйства КНР.

Перед съездом особенно ярко проявилась маонистская линия на милитаризацию, на дальнейшее усиление роли армии в жизни китайского общества. В вооруженных силах КНР летом 1977 г. была развернута политическая кампания под лозунгами «вести вглубь критику «четверки», проводить воспитание в духе «десять следует и десять не следует». Это было сделано в соответствии со «специальными указаниями» Хуа Го-фэна и Е Цзянь-ина. Цели кампании сведены к следующему: полное преодоление влияния Линь Бяо и «четверки» в НОАК и устранение из армии их последователей; полное подчинение армии руководству КПК «во главе с Хуа Го-фэном»; укрепление единства армии, искоренение групповщины, фракционности и местничества; абсолютный централизм в структуре армейского управления; поддержание высокой воинской дисциплины; повышение боеготовности и боеспособности НОАК; модернизация на основе технического перевооружения; усиление «подготовки к войне».

В целом в Китае накануне XI съезда КПК сложилась весьма противоречивая ситуация.

В таких условиях борьба против «четверки» во все большей мере становится не только средством ликвидации политических соперников нынешних пекинских лидеров, но и орудием дальнейшего упрочения позиций маонизма в китайском обществе с помощью насилия, формой подавления сопротивления трудящихся маонистской политике.

Все это, естественно, наложило свой отпечаток и на ход съезда и на его результаты.

Центральное место на XI съезде КПК занял вопрос борьбы с «четверкой». Можно прямо сказать, что аргументы и обвинения по поводу «злодеяний банды четырех», которые приводит в своем докладе Хуа Го-фэн, во многом противоречивы и зачастую бездоказательны. Безусловно, главную трудность для составителей доклада представляло то обстоятельство, что нужно было изобразить самых ортодоксальных последователей и приближенных Мао Цзэ-дуна в виде его врагов.

В тех разделах докладов и Хуа Го-фэна и Е Цзянь-ина, в которых говорится о разгроме «четверки», по существу, не приводится никаких серьезных фактов их «заговорщической» деятельности. Не содержится веских доказательств этого и в документах о деятельности «четверки», которые были распространены в партии до съезда.

Иными словами, борьба с «четверкой», если брать эту группу персонально, была, по существу, борьбой за власть.

Съезд подчеркнул притязания маонистов на идейно-политическую гегемонию. Мао был объявлен «самым великим марксистом нашего вре-

мени», а его «идеи» названы «самым новым достоянием теоретической сокровищницы марксизма-ленинизма», «знаменем побед революционных народов мира».

В качестве важнейшей задачи съезд поставил вопрос об осуществлении «главного завета» Мао Цзэ-дуна — «продолжении революции при диктатуре пролетариата». Это можно расценивать так: хотя Хуа Го-фэн и объявил о завершении первой «культурной революции» и о вступлении Китая «в новый период своего развития», однако генеральный курс Мао Цзэ-дуна во всех областях политической, экономической, социальной и культурной жизни Китая будет в своей основе продолжен. Такое заключение вытекает из содержания материалов XI съезда, практических действий нынешнего руководства КПК до и после него.

Съезд продемонстрировал, что вопрос о партии становится одним из главных вопросов нынешнего периода. Об этом говорят и задачи, которые выдвинуты на нем. Среди «8 главных боевых задач» первой идет задача широкой чистки в партии. Хотя на съезде и говорилось, что чистка нацелена на ликвидацию влияния «четверки», однако абсолютно ясно — и об этом свидетельствует опыт КПК последних двух десятков лет — чистке будут подвергнуты в первую очередь те, кто так или иначе выступает против «линии Мао Цзэ-дуна». Китайское руководство не скрывает, что выполнение этой задачи будет длительным и трудным делом, поскольку в партии в целом наблюдаются неразбериха и путаница в области идеологии, теории и политики.

Намечается также провести чистку среди «партийного руководящего состава всех ступеней». Примечательно, что в докладе Е Цзянь-ина особо подчеркивается, что если в Китае поднимут голову враждебные маоизму силы (он по-прежнему именуется их «каппутистами»), то против них будет развернута борьба методами «культурной революции». За этим нетрудно разглядеть угрозу именно в адрес руководящих кадров. Одновременно Е Цзянь-ин дает новое толкование выдвинутого на X съезде и закрепленного в прежнем уставе левацкого лозунга «смело идти против течения». Отныне допускается лишь возможность «идти против течения ревизионизма, раскола и интригантства».

Следует особо подчеркнуть, что вопросы партийного строительства, поднятые на съезде, сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы углубить маоистский характер КПК. Внесенные в устав изменения (касающиеся характера партии, ее организационных принципов, партийного строительства, кадровой политики, прав и обязанностей членов партии и первичных организаций) свидетельствуют о намерениях новых пекинских лидеров поднять руководящую роль КПК, превратить ее в более организованную силу, способную укрепить положение в стране и «навести порядок».

Безусловно, чистки, которые намечает новое руководство и которые фактически уже идут по всему Китаю, приведут к новым обострениям политической ситуации. Однако нельзя закрывать глаза на то, что ликвидация групповщины, сектанства, фракционности и анархистских настроений, на что нацелены эти чистки, в конечном итоге могут укрепить маоистский режим.

Опять-таки на укрепление режима, на ужесточение его характера направлены мероприятия по «усилению государственной машины». В рамках этих мероприятий намечается провести чистку и в армии, усилить ее строительство путем «революционизации и модернизации», расширить влияние военных на все сферы экономической и социальной жизни Китая. Серьезный шаг в этом направлении уже сделан на самом

съезде: доля армейцев в новом ЦК КПК возросла до 45%, а в составе Политбюро они заняли 15 мест (из 26).

Важное значение, как свидетельствуют документы съезда, придается развитию и укреплению таких рычагов военно-бюрократического режима, как ополчение и органы безопасности.

Таким образом, в «наведении всеобщего порядка» главную роль будут играть репрессивные методы. Сама эта задача «наведения порядка» говорит не о прочности позиций маоизма, а о его продолжающемся кризисе.

Принципы китайской внешней политики и задачи КНР на международной арене, сформулированные в докладе Хуа Го-фэна на XI съезде КПК, говорят о том, что новое китайское руководство будет продолжать прежний гегемонистский курс, враждебный интересам социалистических стран, международного рабочего и национально-освободительного движений, всех прогрессивных сил, интересам мира во всем мире. Политика Пекина после прихода к власти нового руководства приобретает еще более реакционный характер, еще отчетливее раскрывается ее антимарксистская сущность. Это особенно наглядно выявляется при сопоставлении подходов китайского руководства к ряду важнейших международных вопросов на X и последнем, XI съезде КПК.

Пекинская верхушка обостряет свой откровенно поджигательский курс на провоцирование мировой войны. Если в отчетном докладе X съезду КПК (август 1973 г.) со ссылкой на Мао Цзэ-дуна отмечалось, что в современном мире «опасность войны все еще существует... однако главной тенденцией в мире является революция» и что при определенных условиях «войну возможно будет предотвратить», то на XI съезде говорится, что «нарастают факторы войны» и что «схватка сверхдержав» «рано или поздно приведет к войне», то есть прямо заявляется о неизбежности мировой войны.

Аналогичное смещение можно отметить и в подходе китайского руководства к политике разрядки, проводимой социалистическими странами. На X съезде признавался хотя в какой-то степени сам факт существования разрядки: «разрядка — явление временное и поверхностное» (доклад Чжоу Энь-лая), а на XI съезде слово разрядки уже заключается в кавычки, дабы таким образом подчеркнуть, что ее для китайских руководителей не существует.

Видимо, исходя из неизбежности войны, Хуа Го-фэн оценил нынешнюю обстановку как «исключительно благоприятную», в отличие от просто «благоприятной», как о ней говорил Чжоу Энь-лай на X съезде.

Явно в стремлении выгородить китайское руководство Хуа Го-фэн спешит заверить всех в «миролюбии» Пекина, в том, что «мирной международной обстановки хочет и китайский народ», что «войны хотят не народы различных стран и не китайский народ, а сверхдержавы...». Твердя о том, что войны хотят только «сверхдержавы», которые будто бы неуклонно движутся к ней, Хуа выдает истинный замысел провокационной политики китайского руководства — столкнуть в прямом противоборстве Советский Союз и США, а самим погреть на этом руки.

В материалах XI съезда упоминаются «две сверхдержавы», однако тут же откровенно заявляется, что «главным врагом» является Советский Союз. Такое утверждение, делающееся к тому же на высшем партийном уровне, призвано еще более облегчить смыкание Пекина с американскими и другими империалистами во имя борьбы против СССР и мирового социализма.

На X съезде США уже изображались как более слабый, чем СССР, противник, якобы «идущий под гору, ко все большему упадку». На

XI съезде это сделано в еще более резкой формуле: «Советский социализм наступает, а американский империализм обороняется». Рисуя картину «наступательной стратегии» Советского Союза, китайские руководители явно подстрекают США усилить противоборство с СССР. И Вашингтон откликается на подобные сигналы Пекина. По сообщениям американской прессы, адмирал Замуолт, посетивший КНР в июне—июле 1977 г., по поручению Бжезинского передал китайским лидерам, что нынешняя американская администрация готова, если это потребуется, «соперничать» с СССР, и дал понять, что она еще не приняла окончательного решения о запрете поставок оружия в Китай.

Изображая США в качестве объекта «советской экспансии», пекинское руководство фактически вносит существенную коррективу в схему «трех миров»: оно как бы создает задел для того, чтобы включить в «широчайший единый фронт для борьбы против главных врагов» и американский империализм.

Антисоветские положения, провозглашенные на XI съезде КПК, кроме прочих причин, имели, несомненно, своей целью также оказать воздействие на Соединенные Штаты, побудив их к скорейшей нормализации отношений с Китаем. Тем более, что визит Вэнса начался сразу после завершения съезда. И хотя этот визит не привел к официальному установлению дипломатических отношений между КНР и США, стороны подтвердили взаимное стремление к дальнейшему сближению.

В докладе Хуа Го-фэна подтверждена китайская позиция по тайваньскому вопросу. Пекин, видимо, надеялся, что эта акция вместе с заверениями в неизменности его антисоветского курса подтолкнет американцев на уступки по тайваньскому вопросу. Хотя американцы открыто говорят о своей заинтересованности в антисоветской политике Китая, однако целый ряд других обстоятельств (в частности, сложность решения тайваньской проблемы, неустойчивость внутривластной обстановки в Китае и др.) не позволяет им сделать сейчас решающий шаг. Тем не менее на практике явный крен вправо, обозначившийся в политике новой администрации США, был поддержан дальнейшим поправлением внешней политики Пекина.

Избегая окончательного решения вопроса о нормализации отношений с КНР, США и их империалистические союзники активизируют линию на усиление военного потенциала Китая. По некоторым данным, «Общий рынок» ведет переговоры с КНР о предоставлении ему займа на сумму около 700 млн. ам. долл. на приобретение современного оборудования для аэродромов (в том числе для обеспечения автоматического контроля за взлетом и посадкой самолетов). Переговоры проходят в строжайшей тайне, поскольку речь идет, по существу, о скрытой форме военной помощи Китаю.

Запад испытывает нескрываемое удовлетворение в связи с высказанным на XI съезде намерением Пекина развивать современные вооруженные силы. «В кулуарах штаб-квартиры НАТО,— писала 24 августа «Дейли телеграф»,— испытывают облегчение в связи с этим решением Китая. Хотя до сих пор и существуют сложности в продаже Китаю оружия, многие военные эксперты ссылаются на Пекин в частных разговорах, как на неофициального союзника НАТО».

В материалах XI съезда получила свое официальное подтверждение маоистская схема «трех миров», выдвинутая в 1974 г. и служащая теоретическим обоснованием блокирования китайского руководства с империализмом и реакцией. Довольно подробное изложение в очередной раз этой концепции вызвано, видимо, не в последнюю очередь той открытой и резкой критикой, которую развернуло албанское руковод-

ство в адрес Пекина, что усилило разногласия в промаоистских организациях за рубежом.

Подтверждая верность концепции «трех миров», Пекин тем самым еще раз заявляет о своей решимости и дальше вести борьбу против единства социалистических стран. Сортируя соцстраны по различным полкам своей антимарксистской схемы, Пекин изображает одну из них «сверхдержавой», другие подверстывает к «угнетателям» и «эксплуаторам стран третьего мира», третьи зачисляет в ряды развивающихся государств. Если раскрыть сущность этих манипуляций китайского руководства, то она состоит в провокационной попытке разобщить социалистические страны, столкнуть их друг с другом и подчинить затем своему влиянию по старому правилу «разделяй и властвуй». До какой низости доходит нынешнее китайское руководство, говорит карикатура, опубликованная в «Жэньминь жибао» на другой день после завершения XI съезда КПК, содержащая клевету на советский народ, на его армию. Такова концепция «трех миров» в действии, о которой Хуа Го-фэн заявил на съезде, что «это — правильная стратегическая и тактическая установка международного пролетариата в современную эпоху, это — классовая линия пролетариата в международной борьбе... С течением времени она продемонстрирует еще более могучую силу».

Таким образом, позиция нового китайского руководства, изложенная на XI съезде КПК, свидетельствует о том, что Пекин не только продолжает прежний маоистский курс в международных делах, но в ряде моментов идет даже правее, чем при жизни Мао Цзэ-дуна.

Анализ материалов съезда подтверждает правильность принципиальных оценок по китайскому вопросу, данных XXV съездом КПСС и съездами братских марксистско-ленинских партий социалистических стран. В КНР продолжают развиваться те опасные тенденции, которые были в свое время указаны нашими партиями.

* * *

Однако противоречивый характер процессов, протекающих в Китае, порождает среди специалистов определенные дискуссии.

Возникает, например, вопрос: не означает ли подтверждение принципиальных оценок политического курса нынешнего пекинского руководства, что мы не хотим видеть «августовской нови», закрываем глаза и не замечаем, что в докладе Хуа Го-фэна и других материалах съезда содержалась определенная самокритика, пусть в форме разоблачения «четверки»? Под барабанный бой деклараций об «исключительно благоприятном» внутреннем и внешнем положении Китая Хуа признал наличие больших трудностей в стране, низкого уровня жизни, анархии и неразберихи в партии, серьезной хозяйственной деградации. Хотя и в прошлом времени, но он говорил, что Китаю грозило установление фашистской диктатуры и перерождение КПК в фашистскую партию. Хуа Го-фэн признал, что КПК поражена фракционностью, что в партийном и государственном аппарате широко распространены очковтирательство, беспринципное лавирование и политические спекуляции, что в обществе, в партии и в армии существует серьезный раскол, царят «сектанство», «нет сплоченности».

И Хуа, и Е Цзянь-ин, и Дэн Сяо-пин не скупилась на призывы к «критике и самокритике», осуждали «фанфаронство», провозглашали необходимость «реалистического подхода» к действительности и т. д. В материалах съезда славословие в адрес Мао и маоистские лозунги прикрывались марксистско-ленинскими фразами, рассуждениями о пла-

нировании и пропорциональности развития экономики, о «служении народу», о «линии масс», о необходимости «изучать марксизм-ленинизм» (разумеется, в связке с «идеями Мао»), о «борьбе против великодержавного шовинизма», клятвами «верности пролетарскому интернационализму», заявлениями о поддержке национально-освободительного движения и справедливой борьбы народов. Провозглашая откровенно милитаристский курс и проповедуя неизбежность мировой войны, Хуа Го-фэн вместе с тем пытался представить себя неким миролюбом. Провозглашая гегемонистский по своей сущности внешнеполитический курс, он одновременно говорил о борьбе против гегемонизма. Подрывая международное коммунистическое движение, ведя неистовую антисоветскую кампанию, отвергая с порога все конструктивные инициативы Советского Союза по развитию и нормализации советско-китайских отношений, Хуа Го-фэн вместе с тем пытался представить себя сторонником «сплочения с социалистическими странами» и марксистско-ленинскими партиями.

Если же элементы самокритики и реализма на словах, которые содержатся в материалах XI съезда, приведут к улучшению положения китайских трудящихся, восстановлению КПК как марксистско-ленинской партии, к улучшению отношений Китая с социалистическими государствами и возвращению КНР к антиимпериалистической внешней политике, то Советский Союз и братские страны, безусловно, это только приветствовали бы. К сожалению, пока больше оснований говорить о том, что все это — лишь приукрашивание маоизма.

Припудривание маоизма в материалах XI съезда КПК рассчитано на внутреннего и внешнего потребителя. Внутри страны оно преследует цель добиться поддержки широких слоев китайского населения, укрепить авторитет нового руководства, красивыми словами и обещаниями отвлечь внимание населения от нынешних и грядущих трудностей, требований повышения благосостояния народа, от лишений, которые его ожидают с продолжением политики милитаризации страны. Вовне привлекательные фразы рассчитаны на достижение еще большего взаимопонимания с империалистическими кругами на Западе и одновременно на притупление бдительности международной общественности в отношении милитаристской, экспансионистской политики Пекина, направлены на срыв разрядки международной напряженности и провоцирование мировой войны.

Эти усилия Пекина находят соответствующий отклик. В Соединенных Штатах активизировались выступления тех кругов, которые настаивают на еще более активном использовании «китайской карты» в борьбе против СССР и мирового социализма. Они аргументируют тем, что после XI съезда новое руководство стабилизировалось, обстановка в Китае «нормализовалась». Обратило внимание на себя то, что визит государственного секретаря Вэнса в Пекин начался сразу же после объявления о состоявшемся XI съезде, и Вэнс был первым зарубежным деятелем, который встретился с высшим партийным и государственным руководством КНР, сформированным после XI съезда КПК.

В западной печати преобладает стремление изобразить XI съезд КПК «поворотным пунктом во внутренней политике Китая, тогда как IX и X съезды были не более чем перемириями в ходе борьбы». Империалистическая пропаганда всю трубит о том, что «Пекин открыто дал сигнал о своем отходе от пути, намеченного Мао Цзэ-дуном», что в Китае намечается «либерализация», что «Китай отходит от волюнтаристской политики, чтобы вернуться к реализму». Газета «Монд», например, утверждала, что «идеи Мао» хотя и остаются «цементирующим

элементом», но отныне якобы «лишены наиболее взрывчатого содержания».

Некоторые зарубежные газеты, обычно с пафосом провозглашающие тезис о невмешательстве, самостоятельности, что, однако, не мешает им с еще большим рвением вмешиваться во внутренние дела других стран и партий, тем не менее продемонстрировали невиданную для них терпимость и забывчивость в отношении акций Пекина.

Чтобы поправить китайским властям, эти газеты и журналы буквально с упоением писали о «миролюбии» XI съезда КПК, даже тогда, когда на съезде провозглашались оды неизбежности войны. Некоторые из них сопроводили изложение внешнеполитического раздела доклада Хуа Го-фэна заголовками: «Китай хочет мира» и т. п., охарактеризовали милитаристские рассуждения Хуа Го-фэна по вопросам войны и мира как «интересные».

Каким должно быть правильное отношение к этому приукрашиванию маоизма?

Безусловно, следует внимательно следить за развитием ситуации в Китае и учитывать все позитивные изменения, которые могли бы произойти в стране. Однако материалы XI съезда КПК и практический курс Пекина не дают оснований для вывода о какой-либо «демаонизации» в КНР, «демонтаже» маоизма. Вернее, идет ремонт маоизма, освобождение его от наиболее одиозных, окончательно себя дискредитировавших частей, создаются условия для более эффективного проведения прежнего антисоциалистического великодержавного курса, а это делает его еще более опасным. Действительно, одно дело, когда маоистский курс осуществляли такие некомпетентные люди, как Цзян Цин и Ван Хун-вэнь, но совсем другое дело, когда ту же политику будут проводить такие искушенные деятели, как Дэн Сяо-пин, Гэн Бяо, Хуан Хуа — в области международных отношений, как тот же Дэн Сяо-пин, Ли Сянь-пянь, Юй Цю-ли, Фан И и др. — в области внутреннего развития КНР.

Что касается программы экономического развития КНР, то она пока не сформулирована. Известны лишь ее некоторые элементы. Кое-что, возможно, добавит предстоящая сессия ВСНП, на которой шире, чем на съезде, должны стоять хозяйственные вопросы. В числе этих элементов — максимальное использование политических рычагов для активизации экономического развития.

* * *

Таким образом, XI съезд КПК конституировал новое руководство партией и страной, подтвердил организационные решения относительно «банды четырех» и закрепил маоизм в качестве идейно-политической платформы этого руководства авторитетом высшего партийного форума.

Он подтвердил прежний курс Пекина на активизацию борьбы против мирового социализма, на раскол международного коммунистического движения, на подрыв национально-освободительного движения. Принятые съездом документы показывают, что китайское руководство, прикрываясь революционной фразеологией, утверждениями о приверженности марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму, на деле остается на антиреволюционных, антикоммунистических позициях, блокируется с самыми реакционными силами, ведет борьбу против дела мира и социализма. Поэтому поставленная XXV съездом КПСС задача — и впредь вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую — не только не утратила своей актуальности, но приобретает еще более насущное значение.

Эта задача становится еще более острой в связи с выходом 5-го тома «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна» и XI съездом КПК. Критический разбор антимарксистской, антисоциалистической сущности политики маоистов, закрепленной XI съездом КПК, должен быть сосредоточен на следующих моментах:

— разоблачение опасного характера маоистских проповедей по вопросам войны и мира, неизбежности новой мировой войны, милитаризации Китая;

— критика антимарксистского, националистического существа маоистской схемы «трех миров» и тезиса о борьбе против «гегемонизма двух сверхдержав»;

— критический анализ закрепленного XI съездом КПК маоистского курса внутри КНР и на международной арене;

— разоблачение несостоятельности притязаний маоистов на идейную гегемонию в коммунистическом движении, попыток представить Мао Цзэ-дуна «величайшим марксистом-ленинцем нашей эпохи», антимарксистской сущности маоистских взглядов на социализм, антинаучного характера маоистской философии;

— отповедь маоистским фальсификациям истории взаимоотношений между Советским Союзом и Китаем.

Вместе с тем советское китаеведение, верное неизменной принципиальной линии КПСС на дружбу с китайским народом, будет, как и прежде, прилагать усилия по изучению и пропаганде лучших достижений китайской культуры и науки. Это находит свое выражение в издании в СССР литературы по Китаю, произведений китайских классиков, проведении советской общественностью мероприятий, посвященных революционным юбилеям китайского народа, выдающимся деятелям китайской культуры, русского и советского китаеведения, внесшим вклад в укрепление дружбы и взаимопонимания между нашими странами и народами.

КИТАЙ ПОСЛЕ МАО ЦЗЭ-ДУНА

Политическая неустойчивость в КНР, продолжавшаяся свыше 15 лет, особенно обострилась после смерти Мао Цзэ-дуна.

Как известно, авантюристический курс внешней и внутренней политики Мао Цзэ-дуна, находившийся в резком противоречии с коренными интересами китайского народа, привел к кризисным явлениям в стране.

Новая вспышка политической борьбы против «банды четырех» еще более обострила кризис маоистского режима, усиливая пагубные последствия порочного в самой основе курса маоистской политики.

Новое руководство Китая все провалы политики и практики маоизма внутри и вне страны пытается списать на «четверку» и критику последней ведет от имени Мао Цзэ-дуна, сохраняя его стратегический курс, но в то же время оно корректирует некоторые наиболее скомпрометировавшие себя маоистские установки.

Содержание происходящих в Китае процессов, тенденции дальнейшего развития внутривластной обстановки в Китае и его внешней политики были темой обсуждения в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока», в котором приняли участие ученые-китаеведы Советского Союза и ряда социалистических стран.

Ниже приводится краткое изложение наиболее существенных вопросов, рассматривавшихся участниками «Круглого стола», выражающее согласованные точки зрения его участников по этим вопросам.

ВОПРОС: Как оценить наследие, оставленное Мао Цзэ-дуном китайскому народу в результате его пребывания у власти?

ОТВЕТ: Действия Мао Цзэ-дуна, осуществлявшийся им курс внутренней и внешней политики нанесли большой ущерб интересам Китая, китайского народа. Политика «трех красных знамен» («большого скачка», «народных коммун» и «генеральной линии»), выдвинутая Мао Цзэ-дуном в 1958 г., задержала социально-экономическое развитие Китая и породила затяжной кризис в партии и стране. «Культурная революция» подорвала народно-демократический строй и социалистические завоевания китайских трудящихся. В годы «культурной революции» в КНР были физически уничтожены и подверглись репрессиям миллионы коммунистов, передовых рабочих и интеллигентов, обескровлены интернационалистические силы в партии, в стране утвердился маоистский режим, насаждался безудержный культ личности, все стороны общественной и экономической жизни страны были пронизаны великодержавным

шовинизмом и милитаризмом. В области международных отношений Мао также оставил тяжелейшее наследие. По его воле в течение последних полутора десятков лет проводилась внешнеполитическая линия, которая основательно дискредитировала Китай в глазах миролюбивых прогрессивных сил. Совершился поворот от дружбы, сотрудничества и взаимопомощи с социалистическими странами к политике враждебности и борьбы с ними, к блокированию с силами империализма и реакции.

ВОПРОС: Проявляет ли новое пекинское руководство тенденции к отказу от экстремистских маоистских установок!

ОТВЕТ: Как свидетельствуют выступления официальных лиц Пекина, и в особенности Хуа Го-фэна, по главным вопросам политики КНР, материалы XI съезда КПК¹, новое китайское руководство полностью унаследовало регалии маоизма. При этом пекинские лидеры явно намерены и впредь пытаться спекулировать на высоком авторитете марксизма-ленинизма, идей социализма в глазах китайских трудящихся.

В выступлениях китайских руководителей и органов пропаганды вновь подтверждены старые гегемонистские цели политики Пекина и полный набор всех стратегических и тактических установок маоизма, направленных на борьбу против коммунистического движения, мировой социалистической системы, изложены главные маоистские постулаты мелкобуржуазного казарменного социализма.

Маоизм и при руководстве, возглавляемом Хуа Го-фэнгом, остается одной из разновидностей антикоммунизма. Он тесно взаимодействует с антикоммунизмом империалистической буржуазии и других реакционных и экстремистских сил. Маоистский антикоммунизм отличается шовинизмом и агрессивным гегемонизмом. Он использует государственную и кооперативную собственность для антинародных, антисоциалистических целей, прикрываясь марксистско-ленинской фразеологией, спекулирует на авторитете марксизма-ленинизма и социализма.

Внутренняя и внешняя политика Мао Цзэ-дуна вызвала растущее сопротивление в широких слоях китайского общества. Среди партийных, государственных и военных кадров, в массе трудящихся усилилось недовольство. Осуществление курса, который отстаивал и защищал Мао Цзэ-дун, ведет к ущемлению материальных и политических интересов подавляющего большинства населения КНР, постоянно порождает условия, вызывающие кризис маоистского режима и проводимой им политики. Это вынуждает китайское руководство приспособлять свою политику, проводимую в интересах достижения великодержавно-шовинистических целей, к реальным условиям. Такое лавирование облегчается тем, что маоизм не является целостным, последовательным учением, а представляет собой эклектическое смешение противоречивых положений, которые утилитарно используются для достижения определенных политических целей.

Прошло больше года после смерти Мао Цзэ-дуна. За этот период в определенной степени выявились позиции и политический курс китайского руководства, пришедшего на смену Мао Цзэ-дуну. В важнейших вопросах политики Пекина на сегодняшний день картина во многом прояснилась. Приходится констатировать, что руководители КПК не

¹ Об XI съезде КПК см. статью «Новый этап эволюции антисоциалистической политики Пекина и задачи борьбы с маоизмом», опубликованную в этом номере журнала.

проявляют намерения сбросить путы маоизма, критически оценить порочные маоистские установки, осуществлять поворот страны на рельсы социалистического строительства.

После смерти Мао Цзэ-дуна западные буржуазные политики и китаеведы выдвинули тезис о происходящем будто бы в Китае процессе постепенной «демаоизации». Следует, однако, сказать, что сам этот термин содержит в себе известную двусмысленность. Если говорить о китайском народе, то совершенно очевидно, что применение этого термина в этом случае неправомерно, ибо он никогда не воспринимал маоизма. Последний был ему навязан сверху насильственным путем и глубоко чужд ему. Что касается китайского руководства, то оно, как свидетельствуют факты, не проявляет намерения «демаоизироваться», то есть отказаться от порочных маоистских установок и практики.

Теперь уже очевидно, что смерть Мао Цзэ-дуна не привела и не приведет автоматически к смерти маоизма как враждебной марксизму идеологии.

ВОПРОС: Как следует в общих чертах оценивать внутреннее положение и развитие событий в Китае в течение истекшего года!

ОТВЕТ: Анализ внутреннего положения КНР в период после смерти Мао Цзэ-дуна показывает, что события, происшедшие в Пекине в сентябре — октябре прошлого года, похожи на верхушечный переворот, который не повлек за собой кардинальных перемен в политике. Не изменился характер созданного в результате «культурной революции» режима, не восстановлена руководящая и направляющая роль компартии как авангарда рабочего класса. По-прежнему нарушаются элементарные принципы демократии и государственной законности.

Нынешнее пекинское руководство сохраняет «знамя Мао Цзэ-дуна» и клянется сохранять его впредь. Оно не отказывается от великоханьских милитаристских замыслов маоизма. XI съезд КПК, состоявшийся в августе, еще раз показал, что новое руководство Китая напрямую связывает себя с курсом, оставленным Мао Цзэ-дуном, берет на себя обязательство удерживать Китай на маоистском пути. Стоящие у власти деятели по-прежнему занимают националистическую, великодержавную, экспансионистскую и гегемонистскую платформу.

Сведения, поступающие из Китая, свидетельствуют о том, что китайское руководство сталкивается со значительными трудностями в своих попытках нормализовать политическую обстановку в стране и стабилизировать экономику. По-прежнему сказывается дезорганизация, внесенная «культурной революцией» во все сферы жизни страны. Вследствие своей приверженности порочному курсу Мао Цзэ-дуна нынешнее пекинское руководство оказалось неспособным дать китайскому народу действенную программу политического и социально-экономического развития страны, улучшить условия жизни населения. Нынешние лидеры призывают к дальнейшему затягиванию поясов. Планы развития народного хозяйства на пятилетие и даже на 1977 г. пока не выработаны. Состоявшиеся всекитайские отраслевые совещания показали, насколько серьезно положение в экономике. Наблюдаются перебои в работе железнодорожного транспорта, в снабжении сырьем промышленных предприятий, ощущается нехватка угля, нефти, электроэнергии. Однако и при самых бурных потрясениях и кризисах пекинское руководство всячески оберегает и всемерно наращивает военную промышленность. Капиталистические страны, прежде всего США, ФРГ, Япония,

Франция, оказывают существенное содействие развитию военно-промышленного потенциала Китая (в пределах, не опасных для этих стран), имея в виду усилить его как противника Советского Союза, всего социалистического содружества.

В условиях сохраняющейся политической нестабильности и экономических трудностей в качестве центральной задачи новое китайское руководство ставит наведение в стране «большого порядка». При «наведении порядка» главная роль по-прежнему отводится политическим кампаниям и административно-принудительным методам.

Под влиянием политических и экономических трудностей, с которыми столкнулось нынешнее руководство КПК, оно вынуждено маневрировать и вносить определенные коррективы в маоистские установки в области внутренней и внешней политики, в вопросах развития экономики, культуры и науки, системы образования, заимствования иностранного опыта и т. д. Пекинские лидеры заявляют также о важности «правильного отношения» к различным слоям китайского общества, делают особый акцент на необходимость осуществления «правильной политики» в отношении кадровых работников (включая старшее поколение), интеллигенции и национальных меньшинств. Признается, что «культурная революция» имела и «отрицательный опыт». В ряде выступлений критикуются «извращения», допущенные при проведении в прошлом массовых политических кампаний.

ВОПРОС: Какой должна быть общая оценка внешнеполитического курса КНР после смерти Мао Цзэ-дуна?

ОТВЕТ: В области внешней политики Пекина после смерти Мао Цзэ-дуна никаких позитивных изменений не произошло. Хуа Го-фэн поставил на XI съезде КПК задачу «продолжать претворять в жизнь революционную внешнеполитическую линию, выработанную председателем Мао Цзэ-дуном».

Внешнеполитическую линию Пекина нельзя рассматривать без учета закрепленной в Конституции КНР в 1975 г. и неоднократно подтвержденной новыми лидерами, в том числе и на XI съезде КПК, задачи превращения Китая к 2000 году в могучую мировую державу. Решение этой задачи подчинено подведению материальной базы под реализацию сформированной при Мао Цзэ-дуне внешнеполитической стратегии с ее амбициозностью, великодержавной направленностью, территориальными притязаниями.

Нынешние лидеры выражают намерения сделать Китай еще более могущественным и внести «еще больший вклад в дело человечества». Судя по их высказываниям, они, как и Мао, собираются этот «вклад» внести не в дело упрочения мира, а в разжигание новой мировой войны. Так, в выступлении 9 мая 1977 г. министр обороны КНР Е Цзянь-ин противопоставил курсу социалистических стран на упрочение мира и дальнейшую разрядку курс Пекина на войну: «Мы,— заявил он,— должны сделать упор на то, что скоро разразится крупномасштабная война». В соответствии с этой установкой китайские руководители выдвигают задачу развития и модернизации военной промышленности. Китайское руководство предпринимает самые активные меры по наращиванию ракетно-ядерного потенциала, расходуя на военные цели почти половину всего централизованного государственного бюджета страны.

Вся внешнеполитическая стратегия Пекина нацелена на обострение противоречий между социалистическими и империалистическими стра-

нами, особенно между СССР и США, на использование конфликтных ситуаций для нагнетания международной напряженности, на реализацию тезиса о неизбежности новой мировой войны.

Пекинское руководство, как и раньше, выступает против предложенной социалистическими странами, касающихся неприменения силы в международных отношениях, запрещения испытаний ядерного оружия, разоружения и т. д. Осуществляя активные военные приготовления, Китай упорно противится любым мерам в области разоружения. КНР остается одной из немногих стран, которые не взяли на себя никаких обязательств по запрещению или ограничению разработки и использования средств массового уничтожения. Китайская печать обрушилась с нападками на новые инициативы социалистических стран в связи с Венскими переговорами о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Пекин оправдывает и поощряет намерения США и других империалистических государств продолжать гонку вооружений и наращивать военную мощь.

В китайской внешней политике все более усиливается тенденция к дальнейшему сближению с США, к расширению сферы «общих» или «параллельных» интересов Пекина и Вашингтона, к блокированию лидеров КНР с самыми агрессивными кругами в Соединенных Штатах в попытках подорвать позиции мирового социализма. Реестр «пекинско-вашигтонской общности» распространяется на проблемы не только Европы, но и Азии, Африки, Тихого и Индийского океанов, где отчетливо виден их обоюдный интерес к сохранению военного присутствия США, к подрыву влияния социалистических стран в этих регионах. В Пекине и Вашингтоне обсуждается «возможность оказания давления на СССР» путем совместных действий. Фактическое партнерство, взаимопонимание и согласованность выступлений Пекина и Вашингтона по многим международным вопросам с особой наглядностью проявляются в ООН.

Китайские руководители продолжают настойчивые попытки склонить к антисоветскому альянсу Японию, добиваясь включения в китайско-японский договор о мире и дружбе фактически направленной против СССР статьи о «совместной борьбе против гегемонии».

В борьбе против позитивных тенденций в Европе Пекин по-прежнему делает ставку на реваншистов из ФРГ, на наиболее реакционно настроенных деятелей консервативной партии в Англии и др. Продолжаются нападки на реализацию положений Заключительного акта совещания в Хельсинки, на документ Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Усиливается линия на блокирование Пекина с НАТО, с военно-промышленными комплексами капиталистических стран.

Пекин ищет взаимопонимания с реакционными правонационалистическими режимами в развивающихся странах, подыгрывает империалистической политике в Азии, Африке и Латинской Америке, проявляет враждебность по отношению к прогрессивным силам в этих районах мира. Он действует в союзе с империалистами в борьбе против национально-освободительного движения. Как показывает линия поведения КНР в Африке, китайские лидеры не заинтересованы в урегулировании существующих там проблем в интересах народов, противодействуют укреплению прогрессивных режимов в Анголе и других странах.

ВОПРОС: Изменилось ли после ухода со сцены Мао Цзэ-дуна отношение пекинского руководства к социалистическому содружеству и мировому коммунистическому движению?

ОТВЕТ: Внешняя политика КНР в период после смерти Мао Цзэ-дуна характеризуется усилением подрывных действий, направленных на расшатывание социалистического содружества. Сохраняя враждебность в отношении социалистического содружества, китайское руководство продолжает осуществлять раскольническую политику так называемого «дифференцированного подхода», действуя при этом еще более изощренно, чем прежде. Свою задачу Пекин видит в том, чтобы расколоть единство братских социалистических стран, подорвать их согласованный внешнеполитический курс путем «выборочной нормализации» отношений с одними странами при сохранении враждебности в отношении других. Китайская сторона пытается убедить некоторые социалистические страны, что якобы существует «реальная возможность развития всестороннего сотрудничества» с ними при сохранении враждебного курса Пекина в отношении социалистического содружества в целом и СССР в частности.

В начале 1977 г. китайское руководство предприняло, по существу, скоординированную с империализмом пропагандистскую атаку на ряд социалистических государств с целью стимулировать контрреволюционные и антисоциалистические элементы. Вместе с антикоммунистами на Западе Пекин открыто встал на сторону различного рода отщепенцев и ренегатов. Возросли нападки Пекина на коллективные органы сотрудничества социалистических государств — Организацию Варшавского договора и СЭВ. Некоторые трудности, с которыми сталкиваются социалистические государства в своем экономическом развитии, используются для опорочивания курса этих стран на дружбу с СССР. С этой целью китайские руководители, используя свой пропагандистский аппарат, стараются оживить националистические пережитки, такие проблемы межнациональных отношений, которые ушли в прошлое, преодолены ходом истории. Они пытаются представить в искаженном свете известные события в Венгрии, Чехословакии, Польше, усиленно толкают социалистические страны на путь национальной обособленности, спекулируют на лозунгах «независимости и самостоятельности».

Атаки Пекина на социалистическое содружество — это одновременно атаки на национальные интересы каждой социалистической страны. Китайское руководство проявляет стремление нанести ущерб отдельно взятым социалистическим государствам путем клеветы на их внешнюю и внутреннюю политику, осуществления попыток осложнить их международное положение, вмешательства во внутренние дела, оказания экономического нажима, прямого военно-политического давления.

При новом китайском руководстве еще более возрос накал антисоветской пропаганды внутри Китая, вновь навязывается вымысел о том, что СССР якобы «ни на минуту не отказывается от мысли погубить» Китай. Новым руководством КНР делаются заявления о невозможности улучшения отношений с Советским Союзом, с которым «не может быть никакого примирения». На XI съезде КПК Хуа Го-фэн заявил, что «споры» Пекина с Советским Союзом «будут продолжаться длительное время».

В последнее время заметно осложнились отношения КНР с Албанией. Обеспокоенная этим, китайская сторона прилагает большие усилия, чтобы не допустить дальнейшего расширения трещины, возникшей в связи с разным подходом к ряду проблем. На VII съезде АПТ был обойден молчанием вопрос о роли КПК и Китая, о нынешней обстановке в КНР, но в то же время косвенно критиковались отдельные аспекты внешней политики Пекина, его некоторые внешнеполитические доктрины.

ны (в частности, теория «трех миров»), подчеркивалось, что «независимо от направления ветра Албания будет последовательно стоять на прежних позициях». Тирану разделяет с Пекином разное отношение к американскому империализму, к НАТО и «Общему рынку», к некоторым другим международным проблемам.

Маоизм смыкается с «левым» и правым ревизионизмом. Маоистские установки все активнее используются для «оправдывания» всякого рода националистических проявлений, отрицания общих закономерностей социализма, принципов пролетарского интернационализма.

Идеология и политика маоизма направлены против коренных положений марксистско-ленинского учения, против самой сути социализма, против основ международного коммунистического движения. Нынешнее китайское руководство продолжает проводить прежнюю подрывную, раскольническую линию в отношении мирового коммунистического движения. Пекин и после смерти Мао Цзэ-дуна неоднократно подтверждал намерение вести и дальше борьбу с подлинными марксистскими партиями и укреплять отряды своих сторонников. Китайские руководители ориентируют зарубежных маоистов прежде всего на развертывание деятельности, направленной против интересов Советского Союза и других социалистических стран.

Следует отметить, что последние события в Китае, и, в частности, устранение «банды четырех», вызвали, как это не раз бывало в прошлом, новое усиление недоверия зарубежных маоистов к китайскому руководству, что ведет к углублению кризиса внутри маоистских организаций. Разброд среди этих группировок усугубляется китайско-албанскими противоречиями, заметно обострившимися после устранения «четверки». Некоторые маоистские организации проявляют стремление усилить связи с Албанией в противовес Китаю. Среди части сторонников маоизма все более четко проявляется тенденция к признанию за Тираной руководящей роли, что, однако, не меняет антисоветской, антисоциалистической сути политических платформ этих группировок.

Основными методами и формами антикоммунистической деятельности маоистов являются клевета на внутреннюю и внешнюю политику стран социалистического содружества, идеологические диверсии против мирового коммунистического движения.

Усиливающийся антикоммунизм маоистов является прежде всего реакцией Пекина на растущее влияние в мире социалистического содружества. Новое китайское руководство опасается воздействия на Китай авторитета Советского Союза и других социалистических государств. Особенно тревожат маоистов успехи социалистических стран в борьбе за мир, разрядку напряженности, результаты Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, новые достижения стран социалистического содружества в коммунистическом и социалистическом строительстве, в подъеме материального и культурного уровня жизни трудящихся.

Характерным для антикоммунистической позиции китайских руководителей является то, что свои нападки они направляют против сформулированных КПСС и другими партиями социалистических стран основных задач в деле строительства развитого социалистического общества и создания материально-технической базы коммунизма. Клевета маоистов о каком-то «перерождении общества» в странах социализма служит прямым подспорьем для реакционных идеологов и политиков империализма в их попытках опорочить демократический, гуманный характер реального социализма, оспорить тот факт, что в центре внима-

ния братских партий стран социализма стоит человек, забота об удовлетворении его материальных и духовных потребностей.

ВОПРОС: Какие оценки политического курса и практической деятельности маоистского руководства Китая были даны съездами братских партий социалистических стран!

ОТВЕТ: На съездах братских партий социалистических стран были даны принципиальные оценки идеологии и политики маоизма, сохраняющие, как показало время, свою актуальность.

XXV съезд КПСС подчеркнул, что политика пекинских руководителей откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции в мире, не только чужда социалистическим принципам и идеалам, но и, по существу, стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма. Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением, они прямо враждебны ему. КПСС будет и впредь вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую.

Деградация маоизма достигла новой фазы, говорилось на XI съезде БКП. Он вступил в союз с самыми агрессивными силами империализма, фашизма и реваншизма, с противниками мирного существования и социального прогресса. Его действия становятся все более опасными для мира и безопасности народов.

Решительно отверг опасные для единства социалистических стран и международного коммунистического движения шовинистические, националистические и антисоветские взгляды маоизма XI съезд ВСРП. Съезд венгерских коммунистов осудил систему взглядов и политическую практику маоистского руководства, искажающие истинное содержание и цели международной классовой борьбы, направленные на подрыв единства и сплоченности социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения, на разобщение национально-освободительных движений и их изоляцию от социалистических стран.

Планы нынешних пекинских руководителей, направленные на создание под своей гегемонией антисоциалистического, антисоветского фронта, остаются чрезвычайно опасными для жизненных интересов народов, отмечалось на IX съезде СЕПГ. Подчеркивалось, что успех борьбы против империализма, за мирное сосуществование и социальный прогресс во всем мире требует поэтому последовательной борьбы с теорией и практикой маоизма.

На I съезде Компартии Кубы указывалось, что единство международного коммунистического движения, основанного на принципах Маркса, Энгельса, Ленина, — необходимое условие для победы народов. Съезд отверг и осудил все попытки подорвать единство коммунистических сил на международной арене, принизить или оклеветать славную роль КПСС в современной истории.

XVII съезд МНРП констатировал, что, как сила, враждебная социализму, маоисты открыто смыкаются с расистско-фашистскими кликами, махровой реакцией, агрессивными кругами империализма, стремятся создать единый фронт борьбы против мирового социализма. Как сила, враждебная национально-освободительному движению, маоисты непосредственно участвуют в подавлении борьбы народов за свободу и национальную независимость, в вооруженной интервенции против них.

Поэтому борьба против маоизма является неотъемлемой частью борьбы народов против сил империализма и реакции.

На VII съезде ПОРП отмечалось, что в идеологической борьбе с социализмом традиционные реакционные и консервативные течения объединяются сегодня с ревизионизмом и маоизмом, с правым и «левым» оппортунизмом. Съезд решительно выступил против раскольнической политики маоистского китайского руководства.

XV съезд КПЧ подчеркнул, что раскольнические и враждебные марксизму-ленинизму идеология и политика маоистского руководства остро противоречат усилиям, направленным на укрепление социалистического содружества и обеспечение всеобщего мира.

Съезды братских партий социалистических стран подтвердили стремление этих стран к нормализации и развитию межгосударственных отношений с КНР, готовность восстановить тесные дружеские отношения, если китайское руководство вернется к основанной на марксизме-ленинизме политике.

Вместе с тем основные выводы, сделанные в процессе анализа братскими партиями социалистических стран деятельности Мао Цзэ-дуна и возглавлявшегося им китайского руководства, имеют актуальное значение, ибо они подтверждаются всем ходом событий.

ВОПРОС: Какова идейная платформа и внутривнутриполитическая программа нового китайского руководства!

ОТВЕТ: К настоящему времени пекинское руководство сформулировало и обнародовало основные цели и направление внутреннего развития КНР. Они изложены в материалах XI съезда КПК, в выступлениях руководящих деятелей.

При определении путей внутреннего развития КНР в китайском руководстве, по-видимому, не устранены разногласия, касающиеся степени модификации курса прошлых лет, средств и методов достижения великодержавно-шовинистических целей. При этом вырисовывается примерно следующая картина. Часть руководства Китая согласна лишь на незначительную корректировку линии «культурной революции». Военные выдвигают на передний план интересы армии и требуют усиления ее роли, организации общества на основе военной дисциплины и военного порядка. Как показывают материалы совещания по распространению опыта Дацина, нажим и влияние военных усиливаются. Другие руководители считают важнейшей предпосылкой достижения великодержавных целей ускорение экономического подъема и поэтому придают большое значение образованию, науке и технике, выступают за более рациональное развитие народного хозяйства.

Возглавляемое Хуа Го-фэном руководство форсированными темпами предпринимает меры по увековечению культа Мао и маоизма. Еще 8 октября 1976 г. были приняты два постановления ЦК КПК, Постоянного Комитета ВСНП, Госсовета КНР и Военного Совета ЦК КПК: о строительстве «дома памяти» Мао Цзэ-дуна и об издании его избранных произведений и полного собрания сочинений.

В апреле 1977 г. издан 5-й том «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна» (1949—1957), тираж которого предполагается довести до 200 млн. экземпляров. В связи с выходом этой книги ЦК КПК 7 апреля 1977 г. принял постановление, которое обязывает «всю партию, всю армию, все народы страны» развернуть «массовое движение» за ее изучение, причем рекомендует делать это «в увязке с практикой классового борь-

бы», с «упорядочением партийных рядов и упорядочением стиля» (то есть с чисткой, которая идет сейчас в китайской партии).

В 5-й том не включены публиковавшиеся ранее выступления Мао, в которых говорилось о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами, о необходимости проводить политику мира между народами.

В работах, включенных в 5-й том, пропагандируются основные маоистские постулаты, противоречащие принципам научного социализма, такие, как неотроцкистская «теория непрерывной революции», «продолжение революции при диктатуре пролетариата», «классовая борьба при социализме» и т. д., установки по вопросам социально-экономического развития, противопоставляемые опыту других социалистических стран.

Хуа Го-фэн превозносит основные положения маоистского курса в области хозяйственного развития: «Политика — командная сила» и др. Особо подчеркивается связь «экономической мощи» с военным строительством.

Таким образом, принципиальную основу программы нового китайского руководства во внутренних делах КНР составляют идейно-политические установки Мао Цзэ-дуна.

ВОПРОС: Каковы основные направления практической деятельности китайского руководства, возглавляемого Хуа Го-фэном!

ОТВЕТ: Главное в них — проведение в жизнь «политики трех красных знамен», выдвинутой Мао Цзэ-дуном в 1958 г., включающей генеральную линию на строительство социализма по принципу «больше, быстрее, лучше, экономнее», «большой скачок» и «народные коммуны». 9 мая 1977 г. на всекитайском совещании по распространению опыта Дачина Хуа Го-фэн прямо заявил о том, что «мы... непременно создадим новую обстановку в народном хозяйстве — обстановку всестороннего скачка».

В кратком виде развитие Китая представляется новым руководством следующим образом: «Каково же наше направление? В 1958 г. председатель Мао Цзэ-дун указал, что наше направление — это постепенно и планомерно организовать рабочих (промышленность), крестьян (сельское хозяйство), работников торговли (обмен), интеллигентов (культура и просвещение), солдат (ополченцев, то есть всеобщее вооружение народа) в огромную коммуну и образовать из нее основную единицу нашего общества. Дачин и Дачжай как раз и являются представителями этого направления» (Речь Е Цзянь-ина 9 мая 1977 г.). Эта «огромная коммуна» на деле представляет собой огромную казарму, ибо, по определению Хуа Го-фэна, «источником силы» для дачинцев является то, что они «конкретно применяют в промышленном строительстве идею и линию в строительстве армии», сформировали «промышленную армию». Хуа, ссылаясь на Мао Цзэ-дуна, потребовал «по примеру Дачина учиться у НОАК».

В итоге совещаний руководящих работников армии и военной промышленности усиливается ориентация на подготовку к войне.

В этом же ключе сформулированы «главные боевые задачи» на 1977 г.: 1) развернуть вглубь движение критики «четверки» (Ван Хун-вэнь, Чжан Чунь-цяо, Цзян Цин, Яо Вэнь-юань); 2) усилить партийное строительство (в которое включаются «упорядочение партийных организаций и упорядочение стиля») и строительство революционных комитетов разных ступеней; 3) вести вглубь массовое движение, «в сельском

хозяйстве учиться у Дачжая, в промышленности учиться у Дацина», усиленно добиваться подъема народного хозяйства, руководствуясь курсами «готовиться к войне», «сельское хозяйство — основа» и др.; 4) дальше развивать «массовое движение за изучение произведений председателя Мао Цзэ-дуна и поднять его на новую высоту», а также «наладить работу всех партийных школ», добиться новых успехов в работе «школ 7 мая» и т. п.

Выполнение этих задач тесно увязывается с «наведением большого порядка» в стране, что действительно является насущнейшей проблемой для Китая. Решение этой проблемы, однако, осуществляется на основе «стратегического курса», предложенного Хуа Го-фэном, — «взяться за классовую борьбу как за решающее звено», что имеет в виду подавление всех несогласных с маоизмом и маоистским режимом.

При отсутствии позитивной программы развития страны, привлекательной для широких народных масс, «наведение большого порядка» выливается в усиление роли аппарата принуждения, чистки, репрессии, запугивание населения публичными казнями. В конечном счете все это ведет к ужесточению режима маоистской диктатуры.

Основные направления практической деятельности руководства Хуа Го-фэна и выдвинутые им задачи на 1977 г. не выходят за рамки прежнего маоистского курса. А это означает, что китайский народ ждут новые лишения, что национальные богатства страны будут снова приноситься в жертву амбициозным целям, что усилия трудящихся КНР, которые будут растрочены на осуществление очередного «большого скачка», фактически пойдут на подготовку к войне.

После смерти Мао Цзэ-дуна в заявлениях и действиях нового руководства, вынужденной считаться с обострением политических и экономических трудностей, в некоторых случаях в постановку отдельных вопросов внутренней политики стали вноситься новые оттенки, которые в какой-то мере позволяли надеяться на возможность поворота в Китае к лучшему, на постепенный отход его от маоизма.

Эти акценты касаются прежде всего следующих вопросов:

— **В экономике.** Пекинское руководство заявляет, что «основной задачей диктатуры пролетариата является развитие экономики», что «коммунизм невозможно построить на основе отсталых производительных сил». Перед народным хозяйством выдвигаются требования резко ускорить темпы развития, увеличивать накопления, улучшать управление, добиваться роста производства и рентабельности предприятий, использовать хозрасчет и другие экономические методы.

— **В социальных отношениях.** Китайское руководство и пропаганда заявляют о важности «правильного отношения» к различным слоям китайского общества. Особый акцент делается на необходимость осуществления «правильной политики» в отношении кадровых работников (включая старшее поколение), национальных меньшинств и интеллигенции.

— **В отношении к массовым политико-идеологическим кампаниям.** Нынешние китайские руководители признают, что «культурная революция» имела и отрицательный опыт, приводятся заявления Мао Цзэ-дуна о том, что в «культурной революции» было «70% достижений и 30% ошибок». В ряде выступлений печати содержится критика «извращений», которые были допущены при проведении таких политических кампаний, как «изучение теории диктатуры пролетариата», «критика романа «Речные заводы», «борьба против правоуклонистского поветрия» и т. д.

— **В области благосостояния населения.** Китайское руководство и печать заявляют о необходимости «заботы» о жизни народа, причем на

них оказывают, по всей видимости, влияние настойчивые требования трудящихся. Хуа Го-фэн в своей речи 25 декабря 1976 г. подчеркивал, что «надо заботиться о нуждах масс и постоянно улучшать их жизнь на основе развития производства».

Однако эти новые акценты не подкрепляются какими-либо конкретными мероприятиями. Они носят характер «деклараций о намерениях» и имеют целью списать издержки маоистского курса на «четверку», открывают отдушину накопившемуся недовольству в китайском обществе. Вместе с тем они расчищают путь для более эффективного осуществления маоистского курса.

Подтверждаются маоистские установки, ратующие «за повсеместное строительство предприятий дацинского типа» и уездов «дачжайского типа», за «всестороннее осуществление конституции Аньшаньского металлургического комбината», противопоставляемой «конституции Магнитогорского металлургического комбината» и толкуемой как «обобщение борьбы против ревизионистской линии в деятельности предприятий», за продолжение осуществления установки «быть и красными и квалифицированными», выдвинутой в период «большого скачка» для дискредитации специалистов, возражавших против волюнтаристских экспериментов, за твердое проведение «системы участия руководящих кадров в физическом труде», принципов «опоры на собственные силы» (в маоистском понимании), «политика является главной», «усилить подготовку к войне» и т. п.

Анализ программы, основных направлений и задач внутреннего развития КНР, выдвинутых группой Хуа Го-фэна, показывает, что в основном и определяющим они строятся на маоистских принципах, являются откровенно маоистскими. Отдельные оговорки и словесные посулы, которые пекинские лидеры используют в порядке маневрирования, не вяжут существа дела и не обеспечивают китайским трудящимся никакого улучшения их положения. Это подтверждают практические мероприятия нынешнего руководства Китая и действительное положение, существующее в стране.

ВОПРОС: Чем характеризуется современная обстановка в народном хозяйстве КНР?

ОТВЕТ: Китай продолжает испытывать серьезные экономические трудности. В конце 1976 г. сами китайские руководители характеризовали положение в экономике Китая как «серьезный производственный кризис». «Жэньминь жибао» признала, что в 1976 г. промышленное и сельскохозяйственное производство сократилось по сравнению с предшествующим годом.

По оценкам, общий объем промышленного производства в 1976 г. упал по сравнению с предшествующим годом. Существенно уменьшились выплавка стали, продукция машиностроения, добыча угля и др. Выступая в апреле 1977 г. на Всекитайском совещании по распространению опыта Дацина, заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянь отметил, что в Китае «многие заводы в прошлом году бездействовали». По имеющимся данным, в начале мая 1977 г. ЦК КПК, подчеркнув крайне напряженное положение в экономике, дал указание всемерно ограничивать заявки на новое оборудование (как отечественное, так и импортное) и сообщил, что ранее поданные заявки такого рода удовлетворяться не будут.

Сложным остается положение в сельском хозяйстве. В 1976 г. его продукция сократилась по сравнению с 1975 г.

На практике основные усилия Пекина в экономической области в настоящее время прилагаются к тому, чтобы в ходе кампании за установление «всеобщего порядка в стране» нормализовать обстановку на предприятиях промышленности, в строительстве и на транспорте, выбраться из серьезных трудностей, складывающихся в народном хозяйстве из-за острой нехватки угля, кокса, товарного зерна, стали, производственного оборудования.

Ввиду сложности положения в стране нынешние руководители вынуждены продлить срок выполнения ранее поставленной задачи: создание «мощной системы промышленности и экономики» теперь намечают завершить не к 1980, а к 1985 г.

ВОПРОС: Каковы особенности курса экономической политики, выработанной группой Хуа Го-фэна?

ОТВЕТ: Нынешние пекинские лидеры не только не обнаруживают стремления отойти от маоистской экономической политики, но с нарастающим упорством подтверждают действенность установок Мао Цзэ-дуна. При этом на первый план они выдвигают такие постулаты, как «браться за классовую борьбу в качестве решающего звена», «продолжать революцию при диктатуре пролетариата», «политика — командная сила» и т. д. Поэтому для кадровых работников и трудящихся возможность сосредоточиться на вопросах хозяйственной работы остается ограниченной.

Это подтверждается и задачами, поставленными Хуа Го-фэном в 1977 г., в центр которых выдвинута борьба против «четверки», и трактовкой им лозунга «учиться у Дачжая, учиться у Дацина», и призывами до конца раскрыть и раскритиковать «четверку», создать «боеспособный костяк», решительно отстаивающий линию Мао, создать «революционизированные ряды», «широко развернуть массовые движения и напрячь все силы».

Состоявшееся в декабре 1976 г. в Пекине второе Всекитайское совещание по распространению опыта Дачжая (первое проходило в октябре 1975 г.) сконцентрировало внимание не на разработке путей развития сельского хозяйства, а прежде всего на политических вопросах. Аналогичный характер носило и Всекитайское совещание по распространению опыта Дацина, проходившее с 20 апреля по 13 мая 1977 г. Политические вопросы превалировали на целом ряде других всекитайских совещаний, посвященных положению в отдельных отраслях народного хозяйства.

Признавая неурядицы в экономике, руководство Хуа Го-фэна объясняет их «саботажем со стороны четверки», за счет которой списываются огромные потери, вызванные простоями предприятий, волнениями и конфликтами на местах. Всемерное подчеркивание виновности «банды четырех» представляет собой попытку скрыть тот факт, что нынешнее тяжелое состояние народного хозяйства КНР является в первую очередь результатом осуществления установок Мао Цзэ-дуна на практике. Вместе с тем отмеченные факты свидетельствуют о смещении внимания новых лидеров в сторону практического решения экономических вопросов.

Руководство, возглавляемое Хуа Го-фэном, использует критику «четверки» в первую очередь для призыва «как можно быстрее наверстать время, упущенное по вине «четверки», то есть для того, чтобы усилить интенсификацию труда и увеличить продолжительность рабочего дня без дополнительной оплаты. На совещании по распространению опыта Дацина Хуа Го-фэн призвал всю страну следовать «духу дацинцев», то есть «переносить грузы на плечах при отсутствии механизмов», «начать рево-

люцию с пятью лопатами» и неукоснительно выполнять «десять не»: не бояться трудностей, не бояться смерти, не гоняться за личной славой, не гоняться за выгодой, не обращать внимания на условия труда, не обращать внимания на продолжительность работы, не считаться с вознаграждением, не считаться со своим служебным положением, не ограничиваться кругом своих обязанностей, не считаться с тем, «фронт» это или «тыл».

Как известно, 1976 г. был объявлен первым годом пятой пятилетки КНР, однако никаких данных ни о выполнении четвертой пятилетки, ни о наметках на пятую пятилетку, ни даже об итогах 1976 г. и плане на 1977 г. не опубликовано. В беседах с иностранцами в апреле 1977 г. заместители премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянь и Гу Му открыто признавали, что разработка пятилетнего плана до сих пор не завершена. Таким образом, планомерное пропорциональное развитие китайской экономики, прерванное «большим скачком» 1958 г., еще не восстановлено, а в повестку дня уже поставлен новый «скачок».

Руководство Хуа Го-фэна видит решение проблемы модернизации сельского хозяйства не в механизации земледелия при широкой помощи государства, а в опоре уездов, коммун и производственных бригад «на собственные силы», в том, что все «районы должны, в полной мере используя местные ресурсы, всемерно развивать малые промышленные предприятия».

Экономическая политика нынешнего руководства противоречива. Она по-прежнему направлена на милитаризацию страны и не соответствует основному требованию социализма — развитию экономики в интересах повышения жизненного уровня народа. Пекинские лидеры придерживаются старых маоистских принципов, но одновременно в интересах осуществления великодержавно-шовинистических целей пытаются ускорить темпы экономического развития с помощью более реалистичных методов хозяйствования. Однако без радикальных изменений в экономической политике Китай не сможет добиться ощутимого прогресса в народном хозяйстве.

ВОПРОС: Произошли ли за последний год какие-либо изменения в материальном положении китайских трудящихся!

ОТВЕТ: Политика нынешнего китайского руководства в вопросах материального положения трудящихся по своему существу остается маоистской. Как известно, Мао Цзэ-дун заявил в апреле 1956 г., что он «постоянно ратует за проявление заботы о жизни масс», но вслед за тем заморозил на два десятилетия заработную плату рабочих и служащих и позже объявил любые требования повышения жизненного уровня трудящихся «ревизионизмом», «черным экономизмом». Хуа Го-фэн также упоминает время от времени, что «надо заботиться о нуждах народных масс и соответственно улучшать их жизнь на основе развития производства». Подобные высказывания послужили поводом для выступлений ряда иностранных буржуазных обозревателей с версией о том, что «прагматики» поворачиваются лицом к производству, намереваясь существенно улучшить жизнь китайского народа. Однако практически в этой области ничего не сделано, нынешнее руководство не дало трудящимся Китая никаких конкретных обязательств на этот счет, не осуществило никаких реальных мероприятий.

Материальные условия китайских трудящихся по-прежнему чрезвычайно тяжелые. В стране сохраняется жесткая карточная система на основ-

ные продукты питания и промышленные товары. В начале мая 1977 г. ЦК КПК обратился к руководству парткомов министерств и ведомств Госсовета КНР, провинций, городов, уездов, крупных предприятий и командованию частей и соединений НОАК с закрытым письмом, в котором, ссылаясь на весьма напряженное положение в экономике, сообщил о временном снижении норм снабжения населения продовольствием и некоторыми товарами первой необходимости. На местах распространяется призыв «крепче затянуть ремни на животах и более активно включаться в работу, чтобы поддерживать нашего нового председателя Хуа Го-фэна в этот тяжелый для нашего государства момент». Усиливающаяся под лозунгом «наверстать время, упущенное по вине четверки», интенсификация труда рабочих не сопровождается какой-либо материальной компенсацией.

Жизненный уровень основных масс крестьянства остается крайне низким: по некоторым подсчетам, примерно четверть крестьянских семей в стране не может прокормить себя. Представление о положении в деревне дают следующие сведения о провинции Хэйлуцзян: стоимость одного трудодня по норме составляет до 2 юаней, но в сумме не должна превышать 200 юаней в год. Пострадавшим от стихийных бедствий (в некоторых бригадах на трудодень пришлось по 2 фэна) предусматривается помощь — их доходы за счет общих фондов намечалось довести до 100 юаней в год. Оплата труда кадровых работников больших и малых бригад, «босоногих врачей», ветеранов, механизаторов, школьных учителей определяется на собраниях с учетом оценки их работы, но не разрешается, чтобы она превышала средний заработок члена производственной бригады. Материальное стимулирование практически не применяется.

Перспективы для повышения жизненного уровня трудящихся КНР на ближайший период неблагоприятны. Подтверждение Хуа Го-фэном маоистской установки на «ограничение буржуазного права» перекрывает и городскому и сельскому населению возможность улучшения материальных условий. Как свидетельствуют наблюдения прошлых лет, цель дачжайского и дацинского «образцов» состоит в том, чтобы за счет предельного напряжения физических сил трудящихся и нищенского уровня их жизни обеспечивать увеличение производства и максимальное выкачивание средств из промышленности и сельского хозяйства на наращивание военного потенциала. Поэтому распространение этих «образцов» в их прежнем виде на всю страну никак не согласуется с возможностью улучшения жизни китайского народа. Больше того, печать КНР обвиняет «четверку» в «черном экономизме», «проведении материального стимулирования», в «расширении буржуазного права», то есть выдвигает те же самые обвинения, которые еще недавно эти деятели применяли в выступлениях против улучшения материального положения трудящихся.

ВОПРОС: Известно, что в течение ряда лет маоистское руководство Китая прокламировало политический курс на обострение международной обстановки и подготовку к войне и вело практическую деятельность в соответствующем направлении. Изменилось ли что-либо в этом отношении после смерти Мао Цзэ-дуна?

ОТВЕТ: Китайское руководство, возглавляемое Хуа Го-фэном, открыто подчиняет развитие народного хозяйства КНР нуждам наращивания военного потенциала. На совещании по распространению опыта Дацина

Е Цзянь-ин заявил: «Нам обязательно нужно ускорить развитие основных отраслей промышленности с упором на производство стали, чтобы создать мощную базу для нашей оборонной промышленности и добиться большего ее прогресса». Пекинские руководители ставят задачу создать в стране максимально автономные в экономическом отношении крупные районы, которые в случае войны могли бы «самостоятельно вести бой». Пропаганда подчеркивает, что подготовку к войне «нужно не только усиливать, но и ускорять» и что этот вопрос якобы «связан с жизнью и смертью нашего государства и народа». Курс на подготовку к войне записан в принятой в январе 1975 г. конституции КНР и в документах XI съезда КПК.

Военный потенциал Китая растет ускоренными темпами. Спад в народном хозяйстве практически не сказался на работе предприятий военной промышленности. Основное внимание уделяется совершенствованию ракетно-ядерного оружия. Уже в первые три месяца после смерти Мао Цзэ-дуна Китай произвел три ядерных взрыва, запустил и возвратил на Землю искусственный спутник. Всего за минувший год проведено 4 ядерных испытания, тогда как прежде проводилось по одному в год. В 1976 г. прямые военные расходы составили 41,5% ассигнований госбюджета КНР, причем около половины из них затрачено на ракетно-ядерное оружие. Завершаются строительство и ввод в эксплуатацию новых производственных центров атомной промышленности в провинции Сычуань. Серьезное внимание уделяется и совершенствованию ныне существующих, и разработке новых образцов обычных видов вооружения и боевой техники.

В январе 1977 г. в Пекине состоялись четыре совещания, на которых обсуждались вопросы оснащения армии новыми видами оружия, проблемы модернизации военной промышленности. В итоге совещаний руководящих работников армии и военной промышленности усиливается ориентация на подготовку к войне. Радио Пекина заявляет, что расходы на оборону в дальнейшем должны возрасти.

По всей стране продолжается строительство подземных убежищ и других военных сооружений. Как заявили члены австрийской парламентской делегации, посетившей Китай в начале 1977 г., они «практически на каждом шагу видели в различных городах построенные или строящиеся подземные бомбоубежища». Во время крупных стихийных бедствий, происшедших в КНР в 1976 г., в зоне землетрясений, в том числе и в Пекине, большая часть подземных сооружений, построенных в соответствии с указанием Мао, была разрушена. Тем не менее лозунг о «рытье убежищ» не снят. Примечателен такой факт: в мае 1977 г. Харбинский горком КПК провел совещание по «жилищному строительству», но его вывод свелся к тому, что «успешное выполнение инженерно-строительных работ играет важную роль в... ведении сражения в городе». Иными словами, речь шла о строительстве не жилья, а бункеров.

Одновременно появляются признаки, свидетельствующие о намерении руководства Китая внести изменения в доктрину «народной войны» — перейти от оборонительной стратегической концепции к наступательной. Во многих материалах, авторами которых являются военные, настойчиво проводится мысль о том, что цели войны достигаются умелыми действиями хорошо вооруженных и обученных регулярных войск в современных операциях (раньше упор делался на «народ», на партизанскую войну, на моральные качества, а не оружие). Пекин заявляет о необходимости ускоренного строительства мощных военно-морских и военно-воздушных сил.

Существенное содействие развитию военно-промышленного потенциала Китая оказывают США, Англия, ФРГ, Франция и другие империалистические страны. Они разрешили свободный выезд в КНР специалистов по ядерной энергии и другим отраслям из числа лиц китайской национальности, постоянно проживающих в этих странах. Пекин широко использует научно-технические достижения империалистических стран для наращивания военно-экономического потенциала, передовой технологии, образцов техники и лицензий на ее производство. Так, в конце декабря 1976 г. в КНР были поставлены из ФРГ многоцелевые вертолеты фирмы «Мессершмитт-Бельков-Блом». Новое руководство Китая подтвердило заказ английской фирме «Роллс-Ройс» на поставку авиадвигателей «Спей» и строительство в КНР завода по их изготовлению, заказало у японской компании «Хитати сэйсакудзэ» три комплекта ЭВМ и т. д. В последнее время китайские руководители настойчиво пытаются добиться от Запада получения военной помощи в виде поставок в КНР современного вооружения и боевой техники, а также содействия в развитии оборонных отраслей промышленности. В этой связи заслуживают серьезного внимания состоявшиеся в мае с. г. поездки в КНР японских военных специалистов. Как свидетельствуют заявления японцев, им пришлось выслушать «жалобы» китайской стороны на ограниченность боевых возможностей вооруженных сил КНР. По имеющимся сведениям, китайская сторона пытается воздействовать на японскую компанию «Мицубиси дзюкогё», от которой Пекин стремится получить технологию производства новейшего стрелкового автоматического оружия.

Руководство КНР, возглавляемое Хуа Го-фэном, активно проводит курс Мао Цзэ-дуна на подготовку к войне, не считаясь с ущербом, который он несет развитию народного хозяйства страны, истощая и без того ограниченные ресурсы Китая и создавая серьезную угрозу как непосредственным соседям КНР, так и делу мира во всем мире.

ВОПРОС: Отвечает ли социальная политика китайского руководства, возглавляемого Хуа Го-фэном, интересам трудящихся КНР?

ОТВЕТ: Новое руководство Китая стало чаще декларировать необходимость опоры на рабочий класс, однако реальное положение рабочих в китайском обществе не изменилось. Форсируется создание «районов нового типа», где «рабочие сливаются с крестьянами, город с деревней». Если к этому добавить, что механизацию сельского хозяйства предполагается проводить главным образом путем строительства в коммунах мелких промышленных предприятий в «опоре на собственные силы», при совмещении работы на них с участием в сельскохозяйственном производстве (по формуле «и рабочий, и крестьянин»), то проблема консолидации рабочего класса КНР, даже просто его количественного роста по-прежнему далека от решения.

Из КНР не поступает данных о каких-либо конкретных практических мерах нового руководства, направленных на повышение авторитета рабочего класса в обществе, создание для него более благоприятных политических, материальных и других условий. Известно, что во время «культурной революции» Мао Цзэ-дун произвел контрреволюционный переворот, в ходе которого авангард рабочего класса — КПК как партия марксистско-ленинского типа — подвергся разгрому. Тогда же была прекращена деятельность профсоюзов. И сейчас КПК не выполняет функцию авангарда китайского рабочего класса, профсоюзы лишены

каких-либо прав по защите его интересов, трудовое законодательство, гарантировавшее некоторые преимущества рабочим, не восстановлено. Характерно, что в публичных выступлениях Хуа Го-фэна и других лидеров отсутствует даже упоминание о профсоюзах.

Нынешнее китайское руководство сохраняет прежнее отношение к крестьянству. Как и при жизни Мао, крестьянство искусственно расслаивается, из него выделяются «крестьяне-бедняки», которые провозглашаются опорой режима.

В пропаганде встречается упоминание о союзе рабочего класса и крестьянства. Однако его укреплению противоречит уже определившийся курс на повсеместное внедрение дачжайского и дацинского «образцов». Экономическую основу союза рабочих и крестьян составляет обмен продукцией между городом и деревней, промышленным и сельскохозяйственным секторами, но Дацин и Дачжай представляют собой замкнутые хозяйственные единицы, призванные обеспечить себя в максимальной степени и промышленными, и сельскохозяйственными предметами потребления. Поэтому вопрос об экономической базе союза рабочего класса и крестьянства в КНР остается открытым.

Новое руководство Китая заявляет о «восстановлении правильного отношения» к интеллигенции. В докладе на XI съезде КПК Хуа Го-фэн заявил о необходимости «отдавать должное роли интеллигенции», декларировал задачу создания «могучей армии интеллигенции рабочего класса». На страницах китайской печати, в материалах XI съезда подвергается критике ряд аспектов маоистской политики в области образования и культуры, раздаются призывы реабилитировать опальных деятелей культуры, ставших жертвами «четверки», некоторые произведения литературы и искусства, еще недавно считавшиеся «порочными». Вновь пропагандируется лозунг «пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ». Дело, видимо, в том, что нынешние лидеры хотят завоевать на свою сторону какую-то часть интеллигенции, оставаясь верными основному маоистскому курсу.

Хуа Го-фэн также упоминает о «демократических партиях», которые сформированы из представителей старой интеллигенции, национальной буржуазии и «патриотических деятелей», как части «революционного единого фронта». Тем самым сохраняется прежнее положение представителей национальной буржуазии, которая получала нетрудовые доходы, участвовала в деятельности органов власти в качестве депутатов ВСНП, членов его Постоянного комитета и пр.

Мало что изменилось в положении молодежи. В ходе борьбы против «четверки» в печати критиковались некоторые стороны маоистской «просветительной революции» (направление в учебные заведения людей по политическим характеристикам, независимо от уровня знаний, отмена экзаменов и т. п.). В ряде статей высказываются предложения о восстановлении существовавших ранее порядков в учебном процессе (прием в вузы, экзамены и т. п.). Но подобные требования не получают отражения ни в выступлениях пекинских лидеров и официальных документах, ни в перестройке работы учебных заведений. По-прежнему действует установка на «отправку грамотной молодежи в сельские и горные районы». В 1976 г. из городов было выслано (по китайских данным) еще 2 млн. «грамотных юношей и девушек», общее число высланных в деревню составило 14 млн. человек. Эта практика продолжается и в 1977 г. Перед молодежью ставятся все те же задачи — углублять изучение «идей Мао Цзэ-дуна», быть, как Лэй Фэн, «послушными буйволами», «нержавеющими винтиками» в «многомиллионной армии представителей революции».

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о кадровых работниках («ганьбу»), в число которых за последние 10—15 лет влилось большое количество новых лиц, прочно связанных с маоизмом. При жизни Мао кадровые работники практически всех уровней систематически подвергались чисткам и перетряхиваниям, направлялись из городов в деревню для проведения политических кампаний, регулярно посылались на «трудовую закалку» в «школы 7 мая», где «промывание мозгов» сочетается с тяжелым физическим трудом. Вся эта практика полностью сохраняется. В 1976 г. в деревни, по сообщению Синьхуа, выехали свыше 1,5 млн. работников правительственных ведомств.

В последние годы среди кадровых работников наблюдались острые противоречия между «старыми» и «молодыми» кадрами, выдвинувшимися в период «культурной революции» и после нее. До устранения «четверки» старых кадровых работников, особенно занимающихся хозяйственными вопросами, нередко изображали «каппутистами», носителями «ревизионистских» (по маоистской квалификации) тенденций.

Во многих учреждениях, учебных заведениях, на предприятиях сохраняется обстановка напряженности, на местах наблюдаются разброд и замешательство. Стараясь «успокоить» работников среднего и низового звеньев, сбив нарастание напряженности и опасаясь вспышек междоусобиц, характерных для Китая, пекинское руководство призывает «сужать сферу удара», «направлять острие с начала до конца против банды четырех».

В целом социальная политика китайского руководства, возглавляемого Хуа Го-фэном, противоречит коренным интересам трудящихся КНР.

ВОПРОС: Произошли ли за истекший год какие-либо принципиальные изменения в системе политического управления страной?

ОТВЕТ: Нет, не произошли. Система политического управления страной сохраняется в том виде, в каком она сложилась в результате «культурной революции».

Компартия Китая, численность которой составляет, как было заявлено на XI съезде, 35 млн. членов, представляет собой, как и раньше, политическую организацию, строящую свою деятельность на теоретической основе «идей Мао Цзэ-дуна». Это положение закреплено в новом Уставе КПК, принятом на XI съезде. После свержения «четверки» руководство Хуа Го-фэна не внесло никаких существенных перемен в положение и характер деятельности КПК.

Разговоры о «едином руководстве партии» преследуют одну цель — обеспечение всевластия «вождя». Пекинская верхушка провозглашает «великой победой» то, что «утвердилось руководящее положение председателя Хуа Го-фэна». ЦК КПК дал указание «выдвинуть на первый план пропаганду мудрого вождя, председателя Хуа Го-фэна». На прошедших в связи с этим указаниях совещаниях предписано внедрять обязательство «еще сильнее любить председателя Хуа, еще сильнее ненавидеть шайку четырех», выдвинут лозунг «Любовь к мудрому вождю председателю Хуа концентрированно выражает любовь к партии, государству, армии и народу».

Для существующих в КПК порядков характерно, что важнейшие решения, включая вопрос о проведении массовой чистки партии, принимаются узкой группой руководителей и обнародуются, как правило, не на партийных форумах, а на хозяйственных совещаниях.

Деятельность органов государственной власти КНР заторможена. В первых числах декабря 1976 г. состоялось третье (с января 1975 г.) заседание Постоянного комитета ВСНП. Но каких-либо серьезных решений, в том числе по заполнению вакантных государственных постов (председателя Постоянного комитета ВСНП вместо умершего Чжу Дэ, а также должностей, освободившихся в связи с падением «четверки» и чисткой ее сторонников), принято не было, за исключением замены министра иностранных дел КНР. Созыв Постоянного комитета, избрание на пост одного из заместителей его председателя Дэн Ин-чао (вдовы Чжоу Энь-лая) явно были рассчитаны на то, чтобы показать устойчивость нового руководства, его приверженность «линии Мао — Чжоу». Вместе с тем Постоянный комитет ВСНП не проявляет себя в выполнении основных функций, предусмотренных конституцией 1975 г. (толкование законов, принятие указов и пр.). Точно так же не сообщаются никакие данные о деятельности Госсовета КНР, законодательной и административной работе, включая разработку и утверждение народнохозяйственных планов и государственного бюджета, контроль за их выполнением и т. д.

Обвиняя «четверку» в проведении «фашистской диктатуры», «подавлении демократии» и т. д., новое руководство не обнаруживает намерений восстановить те демократические нормы, которые ранее существовали в Китае, включая всеобщее избирательное право. В декабре прошлого года Хуа Го-фэн заявил, что в 1977 г. «все провинции, города центрального подчинения и автономные районы должны созвать собрания народных представителей». Однако выборов в эти собрания не проводилось (на январскую сессию ВСНП 1975 г. депутаты назначались). По словам Хуа Го-фэна, местные собрания народных представителей должны будут «на основе всестороннего обмена мнениями и демократических консультаций избрать в ревкомы таких товарищей, которые отвечают пяти требованиям председателя Мао Цзэ-дуна к продолжателям дела пролетарской революции», то есть провести чистку ревкомов.

Со времен «культурной революции» основные решения в Китае принимаются от имени ЦК КПК, Постоянного комитета ВСНП, Госсовета КНР и Военного совета ЦК КПК. Последний орган не предусмотрен ни конституцией КНР, ни Уставом КПК, но играет важную роль в управлении страной, входя в связку высших партийно-государственных инстанций. Военный совет ЦК КПК, во главе которого встал Хуа Го-фэн, ведает делами армии, флота, военно-воздушных сил, народного ополчения в масштабе всей страны, руководит военными округами и через них (командующие или политкомиссары возглавляют провинциальные ревкомы) — местными органами государственной власти.

Армия в настоящее время является главной реальной силой, обеспечивающей контроль над положением в стране. Теперь она полностью контролирует ополчение, в последнее время подчинявшееся парткомам. Однако и в ее верхушке нет полного единства, среди ведущих военных лидеров, по-видимому, идет борьба за власть.

Неустойчивость военно-бюрократического режима, еще более усилившаяся за последний год, является выражением затяжного, перманентного кризиса маоизма. Маоистскому руководству не удается заручиться поддержкой большинства народа, ибо оно игнорирует решение жизненно важных проблем. Отрицательные последствия политики пекинских лидеров, а также постоянные внутренние раздоры в самой правящей верхушке приводят к колебаниям и дезориентации многих руководящих работников среднего и низшего звеньев. Маоистская политика

наталкивается на противодействие именно тех социальных сил (квалифицированные рабочие, интеллигенция), которые особенно нужны для осуществления «модернизации». Неустойчивость режима усиливается также в связи с духовным кризисом, проявляющимся в глубокой дискредитации маоистских представлений о социализме среди широких слоев населения и в известном снижении авторитета Мао Цзэ-дуна и его «идей».

Впервые в истории КНР ныне в одних руках сосредоточено руководство партией, правительством, вооруженными силами и военизированными отрядами, органами безопасности. В этом отношении Хуа Го-фэн превзошел даже Мао.

Современная обстановка свидетельствует, что в Китае полностью сохраняется нетронутым механизм военно-бюрократической диктатуры во всех его основных частях и функциях, включая аппарат насилия и принуждения.

ВОПРОС: В какой степени устойчива внутривнутриполитическая обстановка в КНР?

ОТВЕТ: Обстановка в КНР характеризуется неустойчивостью, регулярными обострениями, волнениями и беспорядками.

В последние месяцы 1976 г. и в начале нынешнего года китайские провинциальные радиостанции передавали сообщения, свидетельствующие о столкновениях и беспорядках на местах. Такого же рода сообщения появились и в печати. Распространялись сведения о введении военного положения в 17 провинциях (Фуцзянь, Хубэй, Цзянси, Хунань, Шанси, Хэнань и др.), размещение подразделений НОАК в правительственных учреждениях, на фабриках и заводах, в учебных заведениях и деревнях этих провинций, подготовке «вооруженного мятежа» в Шанхае. Западные информационные агентства излагали сообщения китайских радиостанций об ожесточенной борьбе (с человеческими жертвами) и нападениях на правительственные учреждения в Ухане, казнях в Хубэе, стычках в Сычуани, где «были принесены в жертву драгоценные жизни многих братьев по классу», налетах на партийные органы в Юньнани, «хаосе» в Чжэцзяне, боях в Баодине и подавлении там волнений вооруженной силой, беспорядках в Гуйчжоу, нападениях на парткомы всех уровней в Шаньдуне и т. п.

Китайская пропаганда возлагает всю вину за беспорядки на «банду четырех». И хотя пекинское руководство заявляет, что в настоящее время внутреннее положение «в целом хорошее», волнения во многих провинциях продолжают. Это, в частности, признал Е Цзянь-ин на совещании в ЦК КПК в апреле 1977 г. Китайская печать не прекращает призывать «нанести удар по контрреволюционным элементам, подрывающим революцию и производство». Силы общественной безопасности привлекаются к прямому контролю над работой промышленных предприятий и транспорта. Во многих провинциях продолжают судилища над разного рода «врагами», поступают сообщения о многочисленных казнях и жестоких приговорах.

Действительные причины волнений и беспорядков состоят прежде всего в недовольстве китайских трудящихся существующим положением. Выступления на площади Тяньаньмэнь в начале апреля 1976 г., как это ясно сейчас, были лишь частицей того движения, которое развернулось по всему Китаю — массовые выступления охватили более 20 провинций и автономных районов страны.

Новое обострение положения произошло в январе 1977 г. в связи с годовщиной смерти Чжоу Энь-лая. В Пекине поминовение Чжоу сопровождалось выдвижением политических требований в дацзыбао и устных выступлениях участников манифестаций. В них подвергались осуждению члены Политбюро ЦК КПК (зам. премьера и командующий Пекинским военным округом Чэнь Си-лянь и мэр Пекина У Дэ), выдвигались призывы к реабилитации Дэнь Сяо-пина и предоставлению ему высокого поста. Демонстранты пытались проникнуть в резиденцию высшего руководства — Чжуннаньхай. В дацзыбао содержались требования, чтобы «председатель Хуа Го-фэн и Центральный Комитет партии как можно скорее осознали стремления народа, как можно скорее восстановили народную социалистическую демократию и свободу, гарантировали массам право выражать свои политические взгляды и осуществлять контроль над руководителями всех инстанций».

Власти отвечают на эти проявления недовольства трудящихся не социально-экономическими мероприятиями, а, как и при Мао, политическими кампаниями, административно-принудительными мерами и репрессиями, осуществляемыми армией и силами безопасности под флагом «наведения большого порядка». Это делается под видом защиты линии и «идей Мао Цзэ-дуна». В полном противоречии с фактами отстраненным деятелям инкриминируются подрыв «культурной революции» и последующих политических кампаний, выступления против «стратегического курса» Мао на подготовку к войне и др. Обвинения против «четверки» строятся в значительной степени с использованием тех же формулировок, которые сами эти деятели совсем недавно широко применяли для критики своих конкурентов. Это лишний раз воочию показывает, что в китайской верхушке идет борьба не «линий», как это стараются изобразить ее участники, а лиц, которые стоят на одной маоистской платформе, но различаются в оттенках и акцентах.

Анализ развития положения в Китае после смерти Мао свидетельствует о том, что главное содержание происходящего сейчас процесса составляют усилия так называемого «прагматического» крыла маоистов спасти, сохранить и укрепить созданный в результате «культурной революции» маоистский режим путем корректировки некоторых установок, наиболее скомпрометировавших себя. Такие усилия предпринимаются, чтобы преодолеть острый кризис, который предельно обнажил все слабости и пороки маоистского режима, прежде всего его внутренней политики. Обстановку усугубила очередная вспышка борьбы за власть между соперничающими наследниками Мао.

В этот процесс вливается стихийная антимаоистская тенденция, направленная в конечном итоге на то, чтобы не подправить, а полностью отбросить маоизм. Такая тенденция существовала при маоистском режиме постоянно, проявляясь в различных формах, в том числе народных волнениях, антимаоистских выступлениях трудящихся.

Нынешние пекинские лидеры стремятся увести своих противников с позиций действительной борьбы против маоизма, вовлечь их на путь «реформаторства», переключить недовольство трудящихся на второстепенные факторы, возложив ответственность за те несчастья, которые порождает маоизм, на вымышленных отступников от него и его мнимых извратителей. Сваливая на «четверку» вину за провалы в экономике, бедственное положение в области культуры, за развал народного образования, за репрессии «культурной революции» и т. д., нынешние лидеры КПК пытаются вывести из-под критики маоистский режим. Получается, что плох не сам по себе маоизм, а плохо то, что он был неправильно истолкован «четверкой».

События в КНР и персональные изменения в ее руководстве не свидетельствуют о коренных переменах в характере маоистского режима. Знамя «идей Мао Цзэ-дуна» нынешнее пекинское руководство, видимо, будет сохранять и впредь. Оно оставляет нетронутой маоистскую основу своей политики. Вместе с тем в Китае продолжают существовать и те объективные условия, на которых паразитирует маоизм,— экономическая отсталость, численное преобладание неграмотного или полуграмотного крестьянства, живучесть националистических предрассудков.

ВОПРОС: Известно, что в последнее десятилетие маоистское руководство Китая осуществляло все более активный курс на блокирование с наиболее реакционными силами Японии и Западной Европы. Что «нового» внесла в этот курс группа Хуа Го-фэна?

ОТВЕТ: Важнейшим партнером КНР в Азии является Япония. В условиях усиления позиций мирового социализма в Азии в результате победы вьетнамского и лаосского народов не может не обратить на себя внимание благосклонность Пекина к японо-американскому военному союзу, к стремлению японского капитала расширить свои позиции в Юго-Восточной Азии, укреплять свои связи со странами АСЕАН на антикоммунистической основе. Китайские руководители продолжают настойчивые попытки склонить правящие круги Токио к антисоветскому альянсу, требуя включения в договор о мире и дружбе с Японией статьи о «совместной борьбе против гегемонии», фактически направленной против СССР. Высокопоставленные китайские военные руководители в апреле 1977 г. имели ряд встреч с представителями Управления национальной обороны Японии, на которых обсуждались военные проблемы. Китайские руководители дошли до того, что выступают за воссоздание японского военного потенциала, за объединение Китая с японским милитаризмом в антисоветском, антисоциалистическом блоке на Востоке. Пекинское руководство, выступая с оправданием политики возрождения японского милитаризма, заявляет, что «Япония должна иметь необходимое вооружение для самообороны». Более того, заместитель министра иностранных дел КНР Юй Чжань в беседе с японской делегацией говорил о необходимости укрепления «сил самообороны» Японии, провокационно намекая, что ее «не оставят одну в случае войны с СССР». Китайские руководители решительно поддерживают территориальные притязания определенных кругов Японии к СССР.

Пекинский курс в отношении Японии направлен на поддержку тех сил в этой стране, которые выступают за милитаризацию и реваншизм. Он наносит ущерб интересам социализма и мира в Азии.

При нынешнем руководстве политика Китая в отношении стран Западной Европы продолжает строиться на базе вражды к социалистическому содружеству. Пекин подталкивает реакционные круги западноевропейских государств к срыву разрядки, усилению конфронтации с социалистическими государствами. Китайская пропаганда по-прежнему твердит, что совещание в Хельсинки будто бы «ничего позитивного не привнесло» в европейскую обстановку, что Европа остается «главным потенциальным очагом мирового катаклизма», а «угроза» Западной Европе со стороны Варшавского пакта «еще более возросла». Сближение Пекина с западноевропейскими странами, входящими в блок НАТО, происходит под предлогом укрепления «общей безопасности» от «растущей угрозы» Варшавского Договора. В беседах с делегацией француз-

ских журналистов в ноябре 1976 г. китайские официальные лица, в том числе зам. премьера Ли Сянь-нянь, руководящие деятели МИД КНР следующим образом формулировали линию и установки Пекина в международных делах: «Война неизбежна, разрядки напряженности не существует; мы хотим, чтобы Европа была могущественной и чтобы ее оборона против СССР упрочилась».

Пекин поощряет военные приготовления и гонку вооружений стран НАТО. Со штаб-квартирой этого блока он установил контакт еще в 1975 г. и с тех пор, по существу, координирует с этим империалистическим блоком свои антисоциалистические действия и пропаганду. Это со всей очевидностью проявилось в отрицательной реакции Пекина и стран НАТО на предложение стран — участниц Варшавского Договора о неприменении первыми ядерного оружия в Европе, в нападках китайской печати на инициативы социалистических государств в связи с Венскими переговорами о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

В борьбе против позитивных тенденций в Европе Пекин по-прежнему делает ставку на наиболее реакционно настроенных политиков: тори в Англии, реваншистов и западногерманского блока ХДС/ХСС и пр. В ноябре 1976 г. в Пекине принимали председателя фракции ХДП в сенате Италии Бартоломеи, в марте — апреле 1977 г. — зам. председателя ХДС Фильбингера, в апреле — лидера английских консерваторов М. Тэтчер.

В фокусе внимания западноевропейской политики КНР по-прежнему находится ФРГ. Отношения между Китаем и ФРГ развиваются более интенсивно и всесторонне, чем с другими западноевропейскими странами. Особой поддержкой китайского руководства пользуются реваншистские силы ФРГ, которые хотят аннулировать положение, сложившееся в Европе в результате послевоенного развития и процесса разрядки. Китайские руководители солидаризировались с воинствующим антисоциализмом этих сил, с их приверженностью политике дальнейшей гонки вооружений и противодействия разрядке. Министр иностранных дел КНР Хуан Хуа подстрекал западногерманских реваншистов к пересмотру принципа нерушимости послевоенных границ в Европе, поучал Фильбингера не допускать, чтобы «немецкая нация была навечно расчленена», выражал пожелание, чтобы она была воссоединена «в скором будущем». С китайской стороны всячески подчеркивалось совпадение в этом плане интересов Китая и ФРГ, что способствует проведению согласованной политики.

Наблюдается дальнейшая активизация контактов между Пекином и Бонном. В феврале 1976 г. состоялась поездка в КНР делегации ХДС в составе Альфреда Дреггера и Вернера Маркса. Их принял Хуа Го-фэн, который самой встречей с этими деятелями, а также во время состоявшихся переговоров недвусмысленно подчеркивал намерение продолжать прежний политический курс. Визит в Китай нанес председатель земельной организации СвДП в Шлезвиг-Гольштейне Уве Роннебургер. Произошел обмен военными атташе между Бонном и Пекином. В Китае побывал боннский министр по делам научных исследований Ганс Маттхейфер, который должен был официально установить сотрудничество между двумя странами в сфере использования термоядерной энергии. В ФРГ выезжала группа китайских экспертов в области нефтедобычи. Пекинские руководители поддерживают все попытки реакционных империалистических сил порвать четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, чтобы тем самым вновь превратить этот город в очаг опасного кризиса. Полная и безоговорочная поддержка лидерами КНР

лондонского заявления трех западных держав и ФРГ по Западному Берлину является самым очевидным доказательством такой позиции.

В беседе с Тэтчер зам. премьера Ли Сянь-нянь отметил «немало общего» в ряде важных международных вопросов у китайских руководителей и лидера английских тори, в частности в стремлении противодействовать политике разрядки, «о которой не может быть и речи». В апреле 1977 г. он убеждал американских конгрессменов, что «нельзя выводить» из Европы американские войска, которые «играют несомненно позитивную роль и должны не только оставаться там, но и быть усилены».

В контактах китайского руководства с представителями ультраправых кругов западноевропейских государств важное место занимают расчеты обострить обстановку в Европе, заблокировать инициативы социалистических стран по развитию политического и экономического сотрудничества с капиталистическими странами на принципах мирного сосуществования, помешать успешному проведению Белградской встречи представителей государств, подписавших Заключительный акт Европейского совещания в Хельсинки.

ВОПРОС: Какова политика нового пекинского руководства в отношении развивающихся стран?

ОТВЕТ: Новое китайское руководство все более откровенно стремится превратить развивающиеся страны в зону влияния Китая, использовать их во имя реализации своих гегемонистских планов.

Пекин дезориентирует развивающиеся страны, заявляя, что они «составляют главную силу в борьбе против империализма, колониализма и гегемонизма». Под маской «антигегемонизма» он пытается толкнуть страны «третьего мира» к противоборству с социалистическими государствами, отвлекая от борьбы против апартеида, расизма, империализма, за окончательную ликвидацию всех остатков колониализма.

В то же время Китай демонстрирует солидарность с реакционными проимпериалистическими режимами и враждебность по отношению к прогрессивным силам в «третьем мире». На XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН он вновь не поддержал прием Анголы в эту организацию. В этом, как и в целом ряде других вопросов, Пекин в порядке оправдания своей позиции прибег к нападкам на Советский Союз, другие социалистические страны.

В Африке активную поддержку Пекин оказывает Заиру. В апреле 1977 г. Китай, действуя параллельно с империалистическими державами, поспешил на помощь правительству Мобуту. Во время известных событий в провинции Шаба в Заир из Китая было срочно направлено оружие.

Пекин расширяет связи с фашистской хунтой Пиночета. Китайские власти предоставили хунте возможность использовать льготный беспроцентный кредит в сумме 62 млн. долл., предоставленный еще в 1972 г. правительству Народного единства. В настоящее время ведутся переговоры о предоставлении хунте нового китайского кредита в сумме 55 млн. долл. В Чили работают 120 китайских специалистов. КНР пригласила Чили участвовать в Кантонской весенней ярмарке 1977 г. Как свидетельствуют высказывания чилийского посла в Пекине, хунта намерена активизировать экономические и культурные контакты с Китаем.

В ближневосточном вопросе Китай выражает несогласие с резолюциями Совета Безопасности № 242 (1967 г.) и 338 (1973 г.), занимает негативную позицию по Женевской конференции. На XXXI сессии

Генеральной Ассамблеи ООН он не участвовал в голосовании резолюций о положении на Ближнем Востоке и о мирной конференции по урегулированию кризиса в этом районе.

Моральной поддержкой Пекина пользуется расистский режим ЮАР. Не случайно ведущие политические деятели расистской Южной Африки в последнее время высказываются за налаживание с китайским руководством контактов и сотрудничества в африканских делах, Форстер даже оправдывает свою политику ссылками на Мао Цзэ-дуна. Заявляя на словах о своей «решительной поддержке» позиций развивающихся стран, КНР на деле демонстрирует безразличие к их подлинным заботам и нуждам. Так, Китай в конъюнктурных целях в общей форме высказывается в поддержку предложений развивающихся стран о создании безъядерных зон в Латинской Америке, Африке, Южной Азии, на Ближнем Востоке и в других районах мира. Китайская делегация на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН поддержала резолюцию по безъядерным зонам в различных районах и зоне мира в Индийском океане. Однако, когда рассматривалось предложение о «всеобъемлющем исследовании по вопросам о зонах, свободных от ядерного оружия, во всех его аспектах», китайская делегация от голосования уклонилась. Не менее демагогична позиция Пекина в вопросах установления нового международного экономического порядка. Китайские лидеры изображают себя защитниками интересов и требований развивающихся стран, подхватывают и даже заостряют ряд требований. При этом Пекин хочет извлечь максимальные выгоды для себя, поставить КНР в исключительное положение в системе внешнеэкономических связей стран «третьего мира», а самое главное — увести их в сторону от борьбы против действительных эксплуататоров.

Чтобы замаскировать свои расхождения со странами «третьего мира», в частности в ООН, китайцы на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи, как и прежде, продолжали использовать форму неучастия в голосовании по тем вопросам, по которым, по существу, их позиция была негативной и расходилась с позицией большинства развивающихся стран (по 20 резолюциям из 79, принятым на сессии путем голосования, Китай не участвовал в голосовании).

Новое китайское руководство продолжает проводить в отношении развивающихся стран реакционную политику, враждебную делу социализма, выгодную исключительно империалистическим, неокOLONиалистским кругам и их агентуре в «третьем мире».

ВОПРОС: Каковы в свете сложившегося в Китае положения актуальные задачи марксистов-ленинцев, нашей китаеведческой науки?

ОТВЕТ: Марксистско-ленинские партии добились значительных успехов в идейно-политической борьбе против маоизма, в отстаивании принципов интернационализма, укрепления единства действий братских партий.

Материалы XI съезда КПК, выступления официальных деятелей Пекина, и в особенности Хуа Го-фэна, по главным вопросам политики Китая свидетельствуют о том, что китайское руководство полностью сохраняет верность принципам маоизма, одновременно спекулируя на авторитете марксизма-ленинизма, идей социализма. Мао Цзэ-дун изображается «самым великим марксистом-ленинцем» нашей эпохи, который якобы «внес выдающийся вклад во все области марксизма-ленинизма». В качестве одной из великих заслуг Мао Хуа Го-фэн и другие китайские руководители называют то, что он повернул Китай и КПК от политики

дружбы и сотрудничества с марксистско-ленинскими партиями, с Советским Союзом к политике конфронтации и раскола. Все это именуется Хуа Го-фэном как великий вклад Мао в «борьбу против современного ревизионизма».

Поэтому необходимо продолжать решительную идеологическую борьбу с маоизмом, глубоко вскрывать его опасность для мирового социализма, показывать, что маоизм — антипод социализма, что маоистская идеология и политика не только не совместимы с марксизмом-ленинизмом, но и прямо враждебны ему.

Антикоммунизм маоистов проявляется и в том, что они пытаются ослабить бдительность народов в отношении американского империализма и других империалистических держав. Чтобы прикрыть свой альянс с американским империализмом и оправдать прекращение борьбы против него, маоисты пытаются создать впечатление, будто задача борьбы против американского империализма по крайней мере не столь актуальна, как раньше.

Действуя в унисон с империалистической пропагандой, маоисты тем самым помогают правящим кругам капиталистических стран отвлекать внимание народов от выяснения причин экономического кризиса в этих странах, от выявления подлинных виновников тех бед, которые империализм несет миллионам трудящихся.

Маоизм вошел в одно русло с антикоммунизмом капиталистического мира, стал пособником империализма в одурманивании трудящихся капиталистических стран.

Именно маоисты делят марксизм-ленинизм на «всеобщие» и «частные» принципы. Они всячески пропагандируют идею о растаскивании по «национальным квартирам» этого интернационального учения.

Именно маоизм, прикрываясь марксистской фразеологией, выступает одним из ярых врагов пролетарского интернационализма, проповедником национальной ограниченности и обособленности. Борьбу против пролетарского интернационализма маоизм ведет с позиций великоханьского шовинизма, пытаясь одновременно подогреть и использовать националистические пережитки в сознании отдельных групп людей в социалистических странах. Посеять вражду и отчужденность между народами социалистических стран — вот главная стратегическая линия подрывной деятельности маоистов против социалистического содружества.

Опыт борьбы с маоизмом в последние десять лет убедительно показывает всем марксистам-ленинцам как исключительное значение принципов пролетарского интернационализма, так и важность правильного соотношения интернационального и национального в деятельности каждой партии, каждого коммуниста.

Опыт китайской революции и уроки событий в Китае последних лет показывают, к каким практическим последствиям для самой КПК, для дела социализма в Китае ведет подмена интернационализма национализмом. Пролетарский интернационализм, поддержка мирового коммунистического и рабочего движения, международные социалистические силы сыграли особо важную роль в победе китайской революции. Именно интернациональная солидарность, тесный союз с мировым социализмом компенсировали относительную слабость китайского пролетариата, помогли выявить его ведущую роль в отношении крестьянства, сдерживали давление мелкобуржуазной стихии и идеологии национализма на рабочий класс и Компартию Китая, способствовали повышению политического авторитета рабочего класса. Сотрудничество и тесный союз с мировым социализмом обеспечили после победы китайской революции защиту молодой Китайской Народной Республики от империалистической агрес-

сии, нейтрализовали организованную американским империализмом экономическую блокаду КНР.

История китайской революции и китайской компартии показывает, что именно в те периоды, когда партия твердо и последовательно придерживалась принципа пролетарского интернационализма, она добивалась наибольших успехов в революции и социалистическом строительстве.

Идеология и политика маоизма направлены против коренных положений марксистско-ленинского учения, против самой сути социализма, против основ международного коммунистического движения. Примиренчество в борьбе с ним может быть поставлено на службу антимарксистским, антисоциалистическим целям Пекина, способно ослаблять силу мирового коммунистического и рабочего движения, превратиться в одну из форм оппортунизма. Учитывая эти факты, нельзя не видеть, насколько актуальной для коммунистического и рабочего движения является борьба с попытками маоизма способствовать появлению и расширению националистических извращений.

Для мирового революционного движения, для истинно демократических сил борьба против маоизма становится ныне неотъемлемой частью борьбы за социализм, за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Эта борьба носит принципиальный характер, и ее первоочередная важность для самого Китая, для китайского народа заключается также и в том, что она преследует цель отстоять социалистическую перспективу развития КНР.

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Октябрьская революция и революционный процесс во Вьетнаме

*Нгуен Кхань Тоан,
председатель Комитета общественных наук СРВ*

Уже почти полвека непрерывно продолжается революционный процесс в стране, расположенной на крайнем юге Азиатского континента, о которой лишь 50—60 лет назад мало кто слышал во внешнем мире.

Одно из последствий этого урагана состоит в том, что в результате развития вьетнамской революции в течение 30 лет были разгромлены и выметены из Вьетнама упорно сражавшиеся за былые привилегии империалисты; это вызвало изумление и восхищение у всего человечества.

Наши братья и друзья — все прогрессивные люди мира — восприняли это с радостью и гордостью, отнеслись к делу освобождения вьетнамского народа, как к своему собственному, расценили его успех как своеобразное, выдающееся и блистательное проявление силы и истинности великой идеологии современной эпохи — всепобеждающего учения марксизма-ленинизма.

Враги — империалисты, силы реакции, их союзники и сателлиты, предатели, капитулянты, явные и скрытые агенты ЦРУ — восприняли это с оголтелой злобой, гневом, тревогой.

С того времени, когда вьетнамскую революцию возглавила авангардная партия рабочего класса, особенно в период борьбы против агрессии США, за спасение Родины, и после достижения нами полной победы, враги наперегонки соревнуются друг с другом на страницах реакционной западной печати в нападках и клевете на нашу революцию, извращая ее сущность и смысл. Их цель состоит в том, чтобы принизить значение и ослабить всевозрастающее влияние справедливой борьбы нашего народа на народы других стран, а также в том, чтобы нанести ущерб сплоченности и дружбе между вьетнамским и другими народами.

На каждом этапе развития вьетнамской революции, выступавшей под знаменем марксизма-ленинизма, соответственно менялись и формы реакции на нее со стороны контрреволюционных сил. Однако они неизменно усиливали кровавый террор против нее, наращивали применение в борьбе с нею самых варварских и коварных приемов и дошли до того, что, как сказал один американский политический деятель, и через 500 лет сознание человечества будет содрогаться и проклинать это.

Сосредоточив свою военную мощь против вьетнамской революции, современные рабовладельцы намеревались любыми мерами, включая войну на истребление, «отбросить Вьетнам в каменный век», оторвать его от мировой социалистической революции. Это свидетельствует о том, что вьетнамская революция неизменно идет по верному пути, что чем мужественнее она преодолевает испытания, тем громче эхо одержанных ею побед, тем горячее приветствуют их народы мира.

Борьба за освобождение нашей страны, развивавшаяся в обстановке столкновения сил революции и контрреволюции, прошла за минувшие почти полвека ряд этапов.

Вдохновленные примером Великой Октябрьской социалистической революции, первые коммунисты Вьетнама во главе с товарищем Хо Ши Мином создали боевую партию рабочего класса. В начале 30-х годов, сразу же после возникновения партии рабочего класса, повсюду под небом Вьетнама реяли красные флаги с изображением серпа и молота, гордо славя мощь национальной революции, которая в соответствии с лозунгом эпохи «пролетарии всюду братья» стала неотъемлемой частью мировой пролетарской революции.

Под этим лозунгом вьетнамские коммунисты повели за собой миллионы рабочих и крестьян, бедных и угнетенных, подняв их на борьбу, которая впервые стала целенаправленной и организованной, на борьбу против колонизаторов и феодалов, за независимость и свободу, за лучшую жизнь. В ряде мест возникли органы советской власти. Пролетариат и угнетенные народы горячо вдохновляли эту борьбу, международное коммунистическое движение с энтузиазмом восприняло рождение своего нового, молодого и решительного отряда.

Ошеломленные этим первым наступательным ударом, французские империалисты развернули дикий террор, подняли невероятный шум, утверждая, что это — дело «рук Москвы», что «вьетнамские коммунисты являются орудием исполнения приказов Кремля». В то же время они азыграли фарс с «реформами», заставив своих приспешников выступить с призывом восстановить так называемые культурные ценности и древние традиции, усовершенствовать конфуцианство и буддизм, заставив их пропагандировать лозунги о «франко-вьетнамском сотрудничестве», о «взаимном сближении Востока и Запада» и т. д.

Но варварский террор и коварные замыслы колонизаторов не смогли остановить поступательного движения истории.

Развиваясь в 40-е годы в тесном взаимодействии с борьбой вооруженных сил и народа Советского Союза, демократических сил мира, громивших германо-итало-японских фашистов, вьетнамская революция одержала в августе 1945 г. блестящую победу. Возникла Демократическая Республика Вьетнам. Впервые на Азиатском континенте небольшая колониальная страна превратилась в рабоче-крестьянское государство, руководство которым взяла в свои руки авангардная партия рабочего класса; было покончено с почти вековым господством империализма, рухнул феодальный режим, был внесен вклад в становление, расширение и укрепление мировой социалистической системы. Это было творческим революционным проявлением силы марксистско-ленинской идеологии, развитием светлых идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Англо-американо-французские империалисты обрушились вместе со своими прислужниками — китайским гоминьданом и силами внутренней реакции — на делающую первые шаги Демократическую Республику Вьетнам, стремясь задушить ее. Прибегая к подрывным действиям, провокациям, используя шпионов и применяя давление — политическое, военное, экономическое, дипломатическое, — они предприняли против Вьетнама наглую и грязную интервенцию, как это они сделали в свое время в отношении Октябрьской революции и молодой Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Они потерпели поражение.

Коммунистическая партия во главе с великим вождем товарищем Хо Ши Мином, следуя примеру и используя опыт Октябрьской рево-

люции, тесно сплотила 30-миллионный вьетнамский народ, ставший хозяином страны, и подняла его на борьбу в защиту Родины и революции, в защиту самого ценного — независимости и свободы, которые после почти 100 лет лишений и жертв были им обретены в результате славных сражений.

Вьетнам смог сорвать коварные замыслы внешних и внутренних врагов также благодаря помощи и координации боевых действий с братскими соседними народами — лаосским и кампучийским, которые плечом к плечу с вьетнамским народом сражались против французских колонизаторов, изгоняли японских милитаристов, боролись за независимость и свободу.

Преодолев испытания, Вьетнам победил и потому, что пользовался поддержкой и симпатиями Советского Союза и других социалистических государств, китайской революции, которая в тот период быстрыми шагами шла к своему триумфу, рабочего класса капиталистических государств и колониальных народов, боровшихся за свое освобождение. Вьетнамской революции оказывалась безоговорочная поддержка, ибо наш народ, находясь в изолированном положении и будучи зажатым в кольце империалистической осады, поднялся на борьбу и проложил себе дорогу к национальному освобождению и народной демократии, высоко поднял знамя борьбы за независимость колониальных народов в новой исторической обстановке, когда возникла мировая социалистическая система, прочным звеном которой стала Демократическая Республика Вьетнам.

Потерпев поражение, империалисты изменили тактику.

Они возложили на французских колонизаторов, свергнутых «старых хозяев», задачу «возвращения Индокитая», заставили их ринуться в авантюру и увязнуть в длившейся почти 10 лет бесчеловечной агрессивной войне.

Откликнувшись на призыв Президента Хо Ши Мина и Центрального Комитета партии — «лучше пожертвовать всем, чем стать рабами», — весь вьетнамский народ поднялся на священную войну сопротивления против врага, значительно превосходившего его силами и пользовавшегося всесторонней помощью Соединенных Штатов.

В итоге наш народ, наголову разгромив армию агрессора в битве под Дьенбьенфу, заставил французских колонизаторов убраться восвояси.

Победа, одержанная в середине 50-х годов вьетнамским народом в войне сопротивления против французских колонизаторов, явилась поучительным ударом, предрешившим судьбу старого колониализма; став вехой в истории, она до основания поколебала всю колониальную систему французского империализма. Эта победа означала также поражение империалистов США, которые намеревались, опираясь на французских колонизаторов, расчистить путь для реализации в последующем своих собственных неоколониалистских амбиций в отношении Вьетнама, Индокитая и всего региона Юго-Восточной Азии.

Вьетнам одержал славную победу потому, что вьетнамскому народу неизменно присущи пламенный патриотизм, негибкая воля, прочная как гранит сплоченность, непобедимый революционный героизм, ум и военный талант, сознание того, что он находится на передовых рубежах борьбы прогрессивного человечества, что его долг — содействовать строительству нового мира.

Вьетнам победил в середине 50-х годов потому, что с ним были солидарны страны социалистического лагеря, прочным аванпостом которого в Азии он стал к этому времени; потому, что с ним была солидар-

на великая китайская революция, торжество которой в 1949 г. изменило соотношение сил в мире; потому, что с ним были солидарны рабочий класс и народ Франции, решительно выступавшие против «грязной войны» колонизаторов; потому, что с ним были солидарны народы Азии, Африки и Латинской Америки, боровшиеся за независимость, свободу, мир и социальный прогресс.

Поступательное развитие вьетнамской революции в 50-е годы явилось вкладом в создание новой благоприятной обстановки для дела национального освобождения в целом, одним из факторов, ускорившим развитие трех мировых революционных потоков.

Победа в войне сопротивления против французских колонизаторов позволила ДРВ перейти в начале 60-х годов к строительству социализма. Однако наряду с этим Вьетнаму пришлось столкнуться с жестоким испытанием, подобных которому немного было на протяжении всей истории колониальных захватов и колониального господства империализма. Но это был также самый славный, самый героический период за последние сто лет в истории борьбы нашего народа за независимость и свободу нации, за достоинство и права человека.

К этому времени мировая социалистическая система еще более расширилась и окрепла, смогла самоутвердиться как фактор, оказывающий все более определяющее воздействие на тенденции развития современного исторического процесса.

Полностью освобожденный Северный Вьетнам в обстановке революционного подъема приступил к строительству социализма. Благодаря правильному курсу Партии трудящихся Вьетнама — преемницы Компартии Индокитая, благодаря высокой политической сознательности, единству и сплоченности, трудолюбию и творческому духу всего народа, благодаря братскому сотрудничеству и искренней помощи Советского Союза и других социалистических стран всего за 5—6 лет ДРВ добилась первоначальных, но исключительно важных успехов в строительстве основ пропорционально развитой экономики, передовой культуры и в деле постепенного повышения уровня материальной и духовной жизни народа.

В западном полушарии, несмотря на неблагоприятное расположение непосредственно под боком воинствующего американского империализма, гордо поднял голову форпост социализма в Латинской Америке — Республика Куба.

В то же время в лагере империализма и реакции обстановка становилась все более мрачной.

Мировая колониальная система рушилась по частям. Словно следуя закону цепной реакции, сотни ранее поработанных народов добились независимости и обрели суверенитет. Знаменательно, что в освободившихся странах среди трудящихся масс, среди подлинных патриотов и демократов исключительно сильно проявились антиимпериалистические настроения, стремление к независимости, с каждым днем все более явственно пробивала себе дорогу тенденция некапиталистического развития.

В капиталистическом мире активно развивалась борьба рабочего класса и трудящихся, учащейся молодежи, интеллигенции, прогрессивно настроенных военнослужащих и даже представителей религиозных кругов за свободу и демократию, за повышение уровня жизни, за изменение методов управления экономикой и обществом, против безработицы, инфляции, дороговизны, угнетения, эксплуатации, против планов монополистических групп и военно-промышленного комплекса по развязыванию войны.

Общий кризис империалистической системы достиг еще более критического уровня.

Воспользовавшись ослаблением и заметным упадком влияния западноевропейских и японских империалистов в итоге второй мировой войны, североамериканский империализм резко вырвался вперед, превратившись в самый мощный бастион финансового капитала.

Возомнив себя несокрушимыми, полагая, что они имеют возможность и право управлять судьбами мира, капиталисты США сами вручили себе патент на «руководство и защиту свободного мира», а на деле — на претворение в жизнь стратегической линии, направленной на установление своего господства над всем миром, прикрываясь в этих целях зонтиком неоколониализма и пугая человечество призраком ядерной войны, Соединенные Штаты стали, таким образом, международным жандармом.

В целях осуществления этих коварных замыслов, под ширмой антикоммунизма, был развернут широкий контрреволюционный крестовый поход, нацеленный своим острием на то, чтобы преградить дорогу развитию социалистических тенденций, подавить или перевести на выгодную для капитализма орбиту движение народов за независимость и право на самоопределение, внести раскол и подавить рабочее движение и движение борьбы в капиталистических государствах за демократию, мир, улучшение условий жизни и прогресс.

В такой исторической обстановке агрессивная война, развязанная в середине 60-х годов (фактически решение о ней было принято сразу же после тяжелого поражения французских империалистов под Дьен-бьенфу) американскими империалистами против вьетнамского народа, по своим целям, значению и последствиям вышла за рамки обычного грабительского похода, предпринимавшегося, как это было во времена старого колониализма, для захвата малой отсталой страны и превращения ее в колонию. Эта война, по существу, явилась внезапной атакой крайне реакционных сил на линию обороны самых передовых сил современности.

И война сопротивления вьетнамского народа против агрессии США, за спасение Родины, по своим целям, значению, справедливому характеру, результатам и международному влиянию тоже не ограничивалась лишь рамками войны малой нации за свою защиту, как это бывало в «золотые» для империалистических палачей времена.

Это была типичная, отражающая суть эпохи битва против самого опасного врага человечества, врага, авантюристические и преступные действия которого в отношении Вьетнама лишь обнажили состояние максимального упадка, в котором оказались силы, ранее господствовавшие в мире.

Неизбежность исхода конфликта состояла в том, что в соответствии с законами истории американский империализм должен был потерпеть поражение — и потерпел его; это явилось всесторонним поражением, банкротством всех структур империализма США — политической, военной, экономической, культурной, социальной, внутри- и внешнеполитической; это поражение повлекло за собой вынужденный пересмотр стратегии и падение престижа американских империалистов во всем мире.

Нынешняя эпоха, как ее определял В. И. Ленин, — это эпоха империализма и пролетарской революции. Это означает, что современная эпоха является эпохой крушения капитализма и империализма, заключительным этапом капитализма, периодом возникновения и победы социалистической революции во всемирном масштабе.

В свете этой истины, правильность которой полностью подтверждена Великой Октябрьской социалистической революцией в России и последовавшим за ней подъемом революционного движения в мире, вьетнамские коммунисты, исходя из конкретных условий своей страны, пришли к выводу, что необходимым и неизбежным путем, ведущим национально-освободительную революцию к победе, является гармоничное сочетание подлинного патриотизма с пролетарским интернационализмом, что борьба за независимость и свободу неотделима от борьбы за путь, по которому страна пойдет к социализму. Вот почему, как подчеркивал великий вождь вьетнамской революции Хо Ши Мин, основавший, воспитавший и закаливший партию вьетнамских коммунистов, лишь социализм и коммунизм могут действительно освободить народы и трудящихся мира от угнетения и эксплуатации.

С самого начала, с момента своего возникновения, когда партия представляла собой группу, действовавшую в глубоком подполье, ежедневно и ежечасно подвергавшуюся террору и преследованиям, и до настоящего времени, когда партия является правящей в социалистической стране с 50-миллионным населением, в составе которого более 50 народностей, она никогда не отклонялась от этого последовательного и испытанного курса, всегда высоко несла и развивала идеи, заложенные Лениным в Октябрьской революции в России и завещанные им революционному движению современного мира.

Безраздельно преданная знамени ленинизма, наша партия не впадала в догматизм, равно как и не подвергалась, даже на самое короткое время, влиянию правого или «левого» оппортунизма, откуда бы он ни исходил.

Правильный курс партии на протяжении 47 лет ее существования — это результат решительной борьбы за чистоту марксистско-ленинской идеологии и творческого развития этой идеологии.

Социалистическая революция, которая является орудием выполнения пролетариатом своей исторической миссии и руководящей силой которой выступает авангардная партия рабочего класса, не представляет собой дело только рабочего класса капиталистических государств. В это понятие включается также и освободительная революция колониальных и зависимых народов. Президент Хо Ши Мин образно назвал колониализм спрутом, присосавшимся «одним щупальцем к пролетариату метрополий и другим — к пролетариату колоний»¹.

Поэтому для того, чтобы уничтожить капитализм, в целях продвижения к социализму, необходима совместная борьба, в которой сочетались бы борьба пролетариата капиталистических государств и освободительная революция угнетенных народов. Боевой призыв Маркса и Энгельса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был развит В. И. Лениным и сформулирован им с учетом новых исторических условий следующим образом: «Пролетарии и угнетенные народы всего мира, соединяйтесь!»

Одним из самых блистательных успехов вьетнамской революции за минувшие без малого полвека и одновременно творческим развитием марксистско-ленинского учения является то, что вьетнамские коммунисты смогли добиться гармоничного и органического сочетания подлинного патриотизма вьетнамского народа с пролетарским интернационализмом; они также умело достигли единения и совместного про-

¹ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. М., 1970, стр. 6.

движения двух фронтов — национального освобождения и классового, социального освобождения, чтобы прийти к цели, поставленной историей, то есть к освобождению человека, а значит — к социализму и коммунизму.

Это важный и характерный аспект практического применения всеобщей истины в конкретных условиях вьетнамской действительности.

В результате этого вьетнамская революция, несмотря на то что с самого начала она протекала в обстановке неисчислимых сложностей и невероятных трудностей, несмотря на то что империализм пытался ее блокировать, изолировать от внешнего мира, обладала огромной энергией и динамикой, исключительным наступательным духом, благодаря чему наша революция добилась побед стратегического значения, оказала выгодное для революции воздействие на соотношение сил между революцией и контрреволюцией.

Поступательное движение освободительной борьбы нашего народа, протекавшей в обстановке сочетания подлинного патриотизма с пролетарским интернационализмом, — это живая картина его славной революционной борьбы.

Августовская революция 1945 г.

Августовская революция 1945 г. явилась поворотным этапом в истории вьетнамского народа. Она оказала большое влияние на развитие антиколониальной борьбы во всем мире.

«Не только трудящиеся и вьетнамский народ, но также трудящиеся и угнетенные народы других стран, — указывал товарищ Хо Ши Мин, — могут гордиться тем, что впервые в истории революции колониальных народов партия, которой всего лишь 15 лет, возглавила революцию, одержала победу и взяла в свои руки власть во всей стране»².

В решениях III съезда ПТВ отмечалось, что «Августовская революция 1945 г. — это грандиозная народная национально-демократическая революция многомиллионного народа нашей страны. Она ликвидировала власть колонизаторов и феодалов, создала Демократическую Республику Вьетнам — независимое, подлинное демократическое государство народа, открыла новую эру в истории нашей страны». III съезд ПТВ подчеркнул, что победа Августовской революции... это «торжество марксизма-ленинизма во Вьетнаме, торжество правильного курса на национально-демократическую революцию, намеченного партией, которая руководила усилиями народа по его претворению в жизнь»³.

Наряду с победой Советского Союза, демократических и миролюбивых сил мира (в том числе революционных сил Вьетнама), разгромивших фашистский германо-итало-японский союз, Августовская революция и возникновение Демократической Республики Вьетнам еще более расширили и углубили трещину в империалистической системе, впервые возникшую в результате Октябрьской революции в России, внесли вклад в образование мировой социалистической системы, способствовали дальнейшему усилению и обострению всеобщего кризиса капитализма.

² Хо Ши Мин. Избр. соч. Ханой, 1960, стр. 356 (на вьет. яз.).

³ Документы III съезда ПТВ. Том 1. Ханой, 1960, стр. 19—20 (на вьет. яз.).

Война сопротивления против французских колонизаторов (1946—1954)

В декабре 1946 г. война против агрессии французских колонизаторов охватила всю страну. В этой войне сопротивления, за спасение Родины, народ Вьетнама был вынужден противостоять как агрессивным французским колонизаторам, так и усилиям всего мирового империализма, стремившегося не только захватить нашу страну, но и нанести удар мировому революционному движению. Решительно поднявшись на войну сопротивления и доведя ее до победы, народ Вьетнама выполнил не только свою национальную задачу, но и свой долг перед международным революционным движением.

В ходе войны сопротивления наша партия, руководствуясь идеями великого Ленина, опираясь на рабоче-крестьянский союз и неуклонно укрепляя свою руководящую роль, всемерно расширяла Единый национальный фронт, укрепляла народно-демократическую власть, проводила линию на сплочение всего народа, на длительную войну сопротивления, на уничтожение врага и спасение Родины.

В связи с критической ситуацией, в которой оказались французские колонизаторы, американские империалисты решили и дальше участвовать в Индокитайской войне, стремясь затянуть и расширить ее. Однако славная победа армии и народа Вьетнама заставила французских колонизаторов пойти на подписание Женевских соглашений. Мир в Индокитае был восстановлен на основе признания другими государствами независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности Вьетнама, Камбоджи и Лаоса⁴.

В нынешних исторических условиях национально-освободительные революции в странах Востока могут привести к завоеванию независимости и подлинной свободы лишь в том случае, если имеет место сочетание истинного патриотизма с пролетарским интернационализмом, если борьба ведется и против империалистов, и против местных реакционных сил. Победа вьетнамского народа в войне сопротивления против французских колонизаторов — это наглядное подтверждение верности ленинского учения о революции в странах Востока, творчески примененного нашей партией.

Подписав Женевские соглашения, империалисты вместе с тем были вынуждены признать неприкосновенность основных национальных прав стран, которые ранее были поработаны и угнетались ими, а также несправедливый, незаконный характер агрессивной, интервенционистской, подрывной политики старого колониализма и неоколониализма в отношении любого народа в любом районе мира. Таким образом, победоносная освободительная борьба народов Востока способствовала укреплению новой правовой основы отношений между государствами и народами, базирующихся на праве наций на самоопределение. Перед всем миром была продемонстрирована правильность слов из преамбулы Декларации независимости, оглашенной Президентом Хо Ши Мином 2 сентября 1945 г.: «Все народы мира созданы равными, каждый народ имеет право на жизнь, на счастье и на свободу».

Империалисты потерпели поражение во Вьетнаме, равно как и во всем Индокитае. Однако они не могли признать право вьетнамского народа, а также кхмерского и лаосского народов самим решать свою судьбу, хотя это право четко зафиксировано в Женевских соглаше-

⁴ Там же.

ниях. Кхмерский и лаосский народы плечом к плечу с вьетнамским народом сражались против общего врага — империализма за свою независимость и свободу. Как указывал В. И. Ленин: «Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»⁵. Вьетнамская революция, руководимая марксистско-ленинской партией, — это выражение наступательного революционного духа пролетариата и угнетенных народов. Вот почему каждая победа нашей революции, являясь прежде всего результатом героической борьбы и огромных жертв самого вьетнамского народа, в то же время пользуется поддержкой со стороны других народов. Каждая наша победа — это вклад в дело освобождения этих народов. В этом состоит огромная животворная сила пролетарского интернационализма.

Важнейшее значение победы вьетнамского народа в войне сопротивления против французских колонизаторов состоит также в том, что она явилась сильнейшим ударом по старому колониализму. Разумеется, не сразу после поражения во Вьетнаме рухнула оставшаяся часть французской колониальной империи. Однако это поражение оказалось для нее смертельным ранением, провозвестником агонии колониального режима, который уже не мог противостоять наступательным массированным ударам поработенных народов, вдохновленных победой Вьетнама.

Это была блестящая победа марксистско-ленинского курса нашей партии, полностью претворенного в жизнь в ходе войны сопротивления нашего народа против французских колонизаторов. «Решительно поднявшись на войну сопротивления и доведя ее до победы, наш народ не только выполнил свою национальную задачу, но также и свой долг перед международным революционным движением»⁶.

Война сопротивления против агрессии США, за спасение Родины (1965—1975)

«...Победа нашего народа в войне сопротивления против США, за национальное спасение навсегда останется одной из самых блестящих страниц истории нашего народа, беспримерным олицетворением полного торжества революционного героизма и человеческого разума... Великая победа нашего народа в войне сопротивления против США, за спасение Родины — это прежде всего победа правильного, творческого, независимого и самостоятельного политического и военного курса нашей партии. Применяв марксизм-ленинизм к конкретной обстановке страны, наша партия повела курс на одновременное осуществление национальной народно-демократической революции на Юге и социалистической революции на Севере, высоко неся знамена национальной независимости и социализма»⁷. Победе народа Вьетнама способствовала помощь стран социалистического содружества всех прогрессивных сил мира.

Победа в войне сопротивления против агрессии США, за спасение Родины была всесторонней и полной, ибо она продолжила, дополнила, расширила и развила победы, одержанные в ходе Августовской революции и войны сопротивления против французских колонизаторов, на-

⁵ Там же, стр. 328.

⁶ Документы III съезда ПТВ. Том 1. Ханой, 1960, стр. 19—20 (на вьет. яз.).

⁷ «Правда», 15. XII. 1976.

всегда и бесповоротно ликвидировала более чем столетнее господство империализма на вьетнамской земле, окончательно и навечно воссоединила две кровные части Родины — Север и Юг, подтвердив принцип единства и цельности вьетнамской нации, подавила темные силы внутренней реакции, служившие опорой для внешних врагов; устранила все препятствия на пути, ведущем страну к социализму.

В результате достигнутой победы были в серьезной степени ослаблены позиции и прорвана очень важная линия обороны империалистов США в Юго-Восточной Азии, усилилось влияние социализма. Наша победа укрепила веру и надежды, еще более повысила боевой дух и наступательный порыв сотен миллионов людей во всем мире, ведущих борьбу за независимость, свободу, справедливость, мир, счастье и социализм.

Использование главных субъективных и объективных, внутренних и внешних, материальных и духовных условий для успешного выполнения славной исторической миссии партии на минувшем историческом этапе (с момента рождения Демократической Республики Вьетнам) соответствует завету Президента Хо Ши Мина: «Вся партия, весь наш народ должны быть сплоченными, чтобы бороться, чтобы создать мирный, единый, независимый, демократический и процветающий Вьетнам, чтобы внести достойный вклад в мировое революционное дело».

Победа Вьетнама явилась выдающимся вкладом в дело укрепления международной сплоченности революционных сил, основой которой служит ленинский пролетарский интернационализм — этот кардинальный принцип социалистической революции и научного социализма, выдвинутый Марксом и Энгельсом, принцип, теоретически и практически развитый Лениным, поднятый им на новую ступень в ходе решительной борьбы, увенчавшейся великой победой Октябрьской социалистической революции, принцип, утвердившийся и получивший дальнейшее развитие в международном коммунистическом движении.

Вождь вьетнамских коммунистов Хо Ши Мин, являвшийся выдающимся деятелем международного коммунистического движения, неизменно высоко нес знамя пролетарского интернационализма. Он постоянно воспитывал в этом духе партийных работников — опытных и молодых, ветеранов и новых членов, женщин и мужчин, а также молодое поколение. Наша партия вправе гордиться тем, что на протяжении всех 47 лет своего существования она, беря пример с незабвенного Президента Хо Ши Мина, всегда гармонично сочетала подлинный патриотизм с пролетарским интернационализмом, что даже в самые острые и сложные моменты она неустанно боролась за укрепление международной сплоченности, рассматривая ее как главный фактор достижения революцией крупных побед.

Победой во Вьетнаме была подведена черта под более чем тридцатилетним отрезком пути, пройденным вьетнамской революцией, внесшей в течение этого времени достойный вклад в формирование новой, полной штормов и бурь эры в истории человечества, начало которой было положено 60 лет назад Великой Октябрьской социалистической революцией.

Многие наши друзья за рубежом задают вопрос: какие качества помогли вьетнамскому народу победить в отражении агрессии империализма?

Ответ можно получить, если посмотреть, как вьетнамский народ жил и боролся в течение своей четырехтысячелетней истории.

Из века в век, из поколения в поколение вьетнамский народ постоянно был вынужден противостоять сильным, дерзким, жадным и упорным иноземным силам. Однако даже в те периоды, когда страна была независимой и суверенной, народ ее влачил жалкое существование под гнетом эксплуатации, характерной для отсталых азиатских стран, находившихся под пятой феодальных диктаторских режимов.

Выстоять в этих условиях вьетнамскому народу помогли такие его качества, как решимость, жизнеспособность, высокое национальное сознание, пламенный патриотизм, героический, закаленный и упорный боевой дух.

Таковы истоки замечательных традиций и достоинств, представляющих собой наши духовные ценности и предмет национальной гордости.

Что касается иностранных нашествий, то в мировой истории с древнейших времен по настоящее время найдется немного народов, которым пришлось бы столкнуться с такими жестокими испытаниями, какие выпали на долю вьетнамского народа. И все агрессоры относились к разряду крупнейших «империалистов» своего времени, держав мирового масштаба: в древности это были танско-ханьские войска, в средние века — сунские, юаньско-монгольские, а затем цинские, в современную эпоху — японские, французские, американские.

После тысячи лет владычества северных феодалов Вьетнам в результате упорных сражений возродил свою страну, восстановил свою независимость и самостоятельность, отстаив национальную честь. Возникшее в результате этого государство Дайвьет было крупной цивилизованной державой в Юго-Восточной Азии.

Трижды в течение тридцати лет юаньско-монгольские орды обрушивались на Вьетнам. И трижды они терпели тяжелые поражения. А Вьетнам оставался страной тысячелетней цивилизации, страной вьетнамцев.

Двадцать лет оккупации войсками Минской династии, двадцать лет истребления и варварского угнетения вьетнамского народа были для агрессоров годами, когда они чувствовали себя словно на спине тигра или на вулкане. Под мощными ударами войска агрессоров, оказавшись перед угрозой полного уничтожения, были вынуждены уйти из Вьетнама. После изгнания захватчиков возродилась и расцвела культура государства Дайвьет.

Воспользовавшись тем, что вьетнамский феодальный строй рушился под наступательными ударами великого крестьянского восстания тейшонов, маньчжуро-цинская 200-тысячная армия пересекла границу и двинулась в сторону столицы Тханглонг, намереваясь захватить страну и установить над ней господство «Поднебесной». Понадобилось всего пять дней для того, чтобы войска нашего национального героя, предводителя тейшонов Куанг Чунга, наголову разбили армию агрессора.

Почти 100 лет французские колонизаторы, навязав нашему народу варварский колониальный режим, резали на части, порабощали Вьетнам. У вьетнамского народа не было иного выхода, кроме организации непрерывной — из года в год, из поколения в поколение — борьбы за независимость, за свободу, за право на жизнь, борьбы, в ходе которой он не страшился ни бомб и снарядов, ни штыков и гильотин, ни пыток.

Но эта мужественная борьба не смогла принести освобождения от рабских оков до тех пор, пока не возникла Коммунистическая партия Индокитая.

Благодаря правильному, мудрому курсу партии вьетнамская революция быстрыми шагами устремилась вперед, вовлекая миллионы трудящихся в борьбу не на жизнь, а на смерть против общего врага — колонизаторов и их приспешников-феодалов, в небывало смелую и упорную борьбу, характеризовавшуюся всевозрастающим наступательным порывом и творческим духом.

Через 15 лет после образования партии прозвучали залпы Августовской революции, означавшие, что наступил момент, когда врагам нации придется расплачиваться за их преступления: японские фашисты, французские колонизаторы и их приспешники — феодалы — все были сметены.

Отныне судьба Родины оказалась в руках народа. Героический Вьетнам вступил в великую славную социалистическую семью, которая расширяла свои рамки на фоне все более сужающегося «жизненного пространства» мирового империализма.

Для Вьетнама, бывшей колониальной страны, одной из первых сумевшей добиться своего освобождения от цепей империализма, победа под Дьенбьенфу открыла путь к социализму для его северной части, к завершению национально-демократической революции в масштабах всей страны и к объединению Родины.

Поражение французских колонизаторов вызвало гнев у американских империалистов, ибо тем самым были сорваны их попытки затянуть и расширить войну. В целях осуществления своей глобальной контрреволюционной стратегии империализм США попрам Женевские соглашения, отделил Южный Вьетнам и превратил его в свою военную базу, колонию нового типа, «антикоммунистический форпост» в Юго-Восточной Азии, в охранника ворот «свободного мира».

Захватив Южный Вьетнам, американские империалисты оказались в таком положении, что агрессивная война во Вьетнаме стала для них «туннелем без выхода», бездонной пропастью. США сбросили на Вьетнам 12 млн. т бомб, 100 тыс. т ядохимикатов, потеряли здесь тысячи самолетов, танков, бронетранспортеров, пушек, израсходовали 900 млрд. долл. Во Вьетнаме потерпели поражение четыре курса военной стратегии и пять президентов США.

Сокрушительное поражение американских империалистов во Вьетнаме — это естественный итог допущенного ими трагического просчета. Когда война еще была в самом разгаре, трезво мыслящие американцы, увидев, какое упорное и героическое сопротивление оказывает вьетнамский народ, пришли к выводу, что правящая группировка США, ошибочно оценив обстановку, втянулась в авантюру, последствия которой невозможно предугадать.

В нынешнем мире борьба прогрессивных, революционных сил, в том числе борьба пробудившихся угнетенных народов, вдохновленных победой Великой Октябрьской социалистической революции и окрепших после второй мировой войны, стала ураганом, от которого сотрясается мировой империализм; эти силы ныне все активнее участвуют в решении судеб всего человечества. Как же могут империалисты США, какими бы сильными они ни были, повернуть вспять колесо истории, заставить освободившиеся народы вернуться к рабской жизни, которую они отбросили и отбрасывают, несмотря на то что эта рабская жизнь сейчас империалистами подкрашивается и лакируется при помощи таких красивых понятий, как «свобода», «права человека», «процветание» (благодаря долларам и технике США), «безопасность» (благодаря американскому оружию, в том числе ядерному)?

Вьетнам явился первой колониальной страной, добившейся своего освобождения от империалистического господства; он высоко поднял знамя независимости в передовых рядах угнетенных народов, одержал победу над японскими фашистами, уничтожил французских колонизаторов, заложил основы социализма на севере страны, ставшей составной частью мировой социалистической системы в Азии. Пойти на раскол Вьетнама, развязать одну из самых жестоких в истории агрессивных войн, принести своей же стране — Соединенным Штатам — столь трагические последствия — разве это не означало, закрыв глаза и рискуя жизнью, прыгнуть в бушующий огонь?

Благодаря своей собственной нестигаемой героической борьбе вьетнамский народ добился победы в деле своего освобождения. Народ поднимался на борьбу каждый раз, когда Отечество оказывалось в опасности, ибо у него, народа, очень высоко развито сознание своего права быть хозяином страны, хозяином своей жизни.

Решимость защищать это право закалила народ, утвердила в его сознании лозунг «Нет ничего дороже независимости и свободы»; на протяжении исторического развития под знаменем, озаренным этим лозунгом, под руководством идей марксизма-ленинизма возникла испытанная временем прочная как гранит национальная сплоченность.

Опираясь на эту незыблемую национальную сплоченность, наш народ не пасовал перед трудностями и жертвами, которые он добровольно и сознательно преодолевал и приносил.

В Декларации независимости, оглашенной 2 сентября 1945 г., подводя итог борьбы нашего народа на протяжении последних 100 лет за свою свободу и независимость и в то же время определяя пути нашей нации на будущее, Президент Хо Ши Мин торжественно провозгласил: «Вьетнам имеет право быть свободным и независимым и в действительности является свободной и независимой страной. Весь вьетнамский народ полон решимости отдать все свои духовные и физические силы, свою жизнь и имущество делу защиты этого права на свободу и независимость»⁸.

Прочно держа в своих руках знамя марксизма-ленинизма, наша партия, исходя из реальных условий Вьетнама, имея в качестве путеводного маяка бесценный теоретический и практический опыт Великой Октябрьской социалистической революции и изучив практический опыт международного коммунистического движения, освободительных движений угнетенных народов, разработала верный, мудрый и творческий курс вьетнамской революции в области идеологии и культуры, использовала опыт прошлого для создания настоящего, что имело весьма важное значение для умелого сочетания подлинного патриотизма с пролетарским интернационализмом. Опираясь на этот принцип, партия укрепила в народе сознание хозяина своей страны, которое в своей основе издавна было присуще народу, подняла его на уровень требований эпохи, превратила его в осознание права трудового народа быть коллективным социалистическим хозяином государства.

Опираясь на народ, во имя народа — вот основная идея вьетнамской революции, которая начертана партией и реализуется под ее руководством. Установление тесных связей с широкими массами, с народом является одним из основных достоинств передовой партии рабочего класса Вьетнама, созданной и возвращенной Хо Ши Мином.

Вооруженная этим качеством, партия впервые в истории Вьетнама выступила как партия нового типа. С 60-х годов XIX в. до 20-х годов

⁸ Хо Ши Мин. Избр. соч. Ханой, 1960, стр. 209 (на вьет. яз.).

XX в. в национально-освободительной борьбе Вьетнама против французских колонизаторов не появлялась политическая партия или патриотическая организация, обладающая такими тесными связями с народными массами.

Обладая этим достоинством, партия с момента своего рождения приобрела абсолютное преимущество среди других политических сил в патриотическом фронте. Двигаясь верным и мудрым путем, партия стала единственной руководящей силой вьетнамской революции.

Благодаря тесным отношениям с широкими массами в наиболее тяжелые исторические моменты, под яростными ударами наступающего врага, партия сохранила коммунистическую принципиальность и непоколебимую революционную волю, в короткий период с новой силой восстановив свою организацию, возглавила новые выступления широчайших народных масс, укрепив еще больше их веру в партию.

Как бы ни складывалось положение, какая бы ни развивалась ситуация, приходилось ли работать в условиях строжайшей конспирации в период спада революционного движения или в условиях полузаконной, полузаконной деятельности, партия, имея тесные связи с народными массами, всегда оставалась хозяином положения. Твердо следуя революционным курсом, партия определяет соответствующие требования нового этапа, задачи, средства, формы и направление борьбы, которая ведет революцию к победе.

КПВ неразрывно связана с народом с тех пор, как она возглавила революционное движение во Вьетнаме. Это не только стиль работы партии, но и необходимое и решительное требование вьетнамской революции. Президент Хо Ши Мин настойчиво объяснял членам партии, кадровым работникам, бойцам, что тесный контакт с народными массами является важным принципом в деятельности революционера. Даже враги — прежде всего французские колонизаторы, а в последнее время американские империалисты — вынуждены были признать, что мы побеждаем, потому что с нами народ.

Наставления Хо Ши Мина пронизывают всю многолетнюю историю вьетнамской революции. Они проявились в экономическом, политическом, военном, культурном и партийном строительстве и привели к блестящим победам, о которых все мы знаем. Когда мы слышим, как простые люди, глядя на одержанные нами победы, говорят: «Это достигнуто благодаря партии, благодаря Хо Ши Мину», а члены партии и кадровые работники говорят: «Это результат деятельности масс, деятельности народа», — то это не просто вежливые фразы.

Единство партии и народа является прочным фундаментом вьетнамской революции, вступающей в новый этап, когда вся страна движется к социализму, выполняя задачи переходного этапа путем укрепления диктатуры пролетариата на основе развития прав трудового народа как коллективного социалистического хозяина в государстве нового типа, которым народ управляет под руководством партии.

Знамя марксизма-ленинизма несет на себе лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», призывающий самый передовой класс сплотить ряды для выполнения своей исторической миссии — свершения пролетарской революции, свержения капитализма, освобождения человечества, строительства нового мира.

Под этим лозунгом Ленин и созданная им партия большевиков настойчиво боролись за победу социалистической революции в эпоху империализма.

Октябрьская революция в России, явившись характерным примером творческого применения марксизма-ленинизма, сплотила все ре-

волюционные и прогрессивные силы и угнетаемые царизмом народы, которые опрокинули позиции империализма, реакции, помещиков, буржуазии, милитаризма и их приспешников, установили диктатуру пролетариата, уничтожили эксплуатацию человека человеком, открыли новую эру — эру равноправия, братства, справедливости и мира между народами.

Поэтому с самого начала Октябрьская революция и Советская Россия вызвали симпатии и поддержку угнетенного человечества, в том числе и народов пробудившегося Востока.

Наша партия, созданная, воспитанная и закаленная великим вождем вьетнамской революции, выдающимся деятелем международного коммунистического движения Президентом Хо Ши Мином, глубоко осознает, что лишь благодаря такому компасу, как учение Маркса — Ленина и уроки Великой Октябрьской социалистической революции, дело борьбы за национальное спасение и национально-освободительная революция во Вьетнаме увенчались полной победой.

Владея этим компасом, партия умело применила общую революционную истину нашей эпохи в конкретно-исторических условиях Вьетнама, глубоко и успешно сочетала революционную науку рабочего класса — марксизм-ленинизм, с выдающимися бойцовскими качествами и неиссякаемой творческой энергией нашего народа, со всем самым лучшим, что есть в четырехтысячелетних традициях вьетнамской нации.

Благодаря твердому и четкому осознанию этой линии — курса подлинного марксизма-ленинизма, обеспечению сплоченности внутри партии как основополагающего и главного условия, опоре на союз рабочего класса и крестьянства как рычаг, партия создала мощный единый национальный фронт, который растет день ото дня, играет все более активную роль, вносит свой вклад в поступательное развитие революционного процесса. Организационные формы фронта весьма многообразны и подвижны, они соответствуют каждому данному этапу развития революции, неизменной цели — неуклонному повышению политического сознания народа и его чувства хозяина, развивают творческий революционный потенциал огромных масс народа.

Являясь символом единения всего народа, Единый фронт представляет собой важное звено в укреплении руководящей роли в революции авангардной партии рабочего класса.

Преследуя в своей деятельности справедливые цели, совпадающие с сокровенными чаяниями всего прогрессивного человечества, опираясь на принцип гибкого сочетания истинного патриотизма с пролетарским интернационализмом, вьетнамская революция добилась сердечной солидарности, поддержки и помощи со стороны сотен миллионов друзей на всех континентах. Эта солидарность, поддержка и помощь еще более воодушевляли и поднимали боевой дух нашего народа и укрепляли его решимость одержать победу.

Естественно, что эта солидарность, рожденная общностью целей борьбы, возмущением человеческой совести перед лицом ужасных злодеяний агрессоров, глубоким восхищением негибким героическим духом и непрерывными блестящими победами вьетнамского народа, не могла не преодолеть всех трудностей и препятствий.

Были моменты, когда обстановка резко осложнялась и обострялась. Наряду с нанесением варварских массированных военных ударов в духе геноцида враг прибегал к коварным и грубым маневрам и провокациям с тем, чтобы сокрушить солидарность вьетнамского народа с его друзьями. Стоило лишь потерять бдительность или про-

явить недостаток хладнокровия, и можно было попасть в ловушку врага.

Однако высокая революционная бдительность, хладнокровие, упорство и героизм нашей партии, армии и народа вкупе с непоколебимой солидарностью прогрессивных сил планеты парализовали все бешеные и коварные потуги врага, заставили его сложить оружие перед лицом непоколебимой исторической реальности.

Президент Хо Ши Мин говорил: «Вьетнамские революционеры восприняли животворное влияние Октябрьской революции и учение Маркса — Ленина. Они были для нас как вода для жаждущего, как пища для голодного»⁹.

Воспринять свет Октябрьской революции — значит прежде всего понять ее изумительную творческую и жизненную силу.

Это сознание еще более воодушевило вьетнамский народ, усилило его революционную решимость добиться свободы и независимости, укрепило веру в победу.

Вместе с этим сознанием вьетнамские революционеры глубоко восприняли заветы Маркса и Энгельса о том, что в ходе социалистической революции пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, а завоюют они весь мир, а также указание Ленина о том, что освобождение трудящихся есть дело рук самих трудящихся. Великая Октябрьская социалистическая революция превратила это в реальность на одной шестой части земного шара.

За прошедшие 30 лет вьетнамская революция одержала крупные победы, оказала влияние на мировое революционное движение и вместе с тем пользовалась с его стороны горячей поддержкой и помощью, все это благодаря тому, что вьетнамская революция хорошо выполняла свой долг по отношению к нации и в то же время свой интернациональный долг.

* * *

IV съезд Коммунистической партии Вьетнама, проходивший в декабре 1976 г., ознаменовал собой великую веху в истории нашей страны. Съезд подвел итоги самого бурного периода — борьбы за национальную независимость и воссоединение Родины, и открыл перед нашим народом необъятные светлые горизонты нового этапа, продвижения страны к социализму.

Оглядываясь на четырехтысячелетнюю историю борьбы нашего народа за укрепление и в защиту своей родины, мы с еще большей ясностью осознаем закон общего поступательного развития истории, который состоит в том, что пути, которыми следуют все народы мира, ведут к социализму и коммунизму, так же как все реки и ручейки несут свои воды к морю.

Вся работа IV съезда партии проходила под знаменем ленинизма как нового этапа развития учения Маркса и Энгельса о социалистической революции.

Появившись в эпоху социалистической революции, превратившись из теории в практику, ленинизм стал самым надежным и точным компасом, самым ясным, эффективным и боевым учением, ответившим на все основные вопросы, поставленные временем. Основные положения ленинизма освещают пролетариату и всем угнетенным народам путь борьбы за их самоосвобождение, за строительство нового обще-

⁹ Хо Ши Мин. Избр. соч. Ханой, 1960 стр. 652 (на вьет. яз.).

ства — социализма и коммунизма. Ленинизм — всеобщая истина эпохи победы социалистической революции во всемирном масштабе.

Самое важное событие нашей эпохи — это победа Октябрьской социалистической революции. Это первая в истории человечества, победа пролетарской революции, совершенной под руководством Ленина и большевистской ленинской партии. Это самая глубокая и типичная революция, обладающая необычайной жизненной и творческой силой, являющаяся примером воплощения в жизнь великих ленинских идей. Она открыла новую эру в истории человечества, стала поворотным пунктом в процессе перехода от капитализма к социализму и коммунизму. Победоносная Октябрьская революция превратила мечты человечества в общественную реальность на шестой части земного шара, стала маяком в деле освобождения угнетенных народов всего мира.

Великие революционные принципы, разработанные Лениным и воплощенные в жизнь Октябрьской революцией, стали чудесным лучом света, озарившим мечты, подсознательно вынашивавшиеся с начала века революционерами и народом Вьетнама. Хо Ши Мин, на которого история возложила ответственность за поиски этого света в нашей стране, был типичным представителем славных революционных традиций, справедливых чаяний и высоких устремлений своего народа. Вот почему Хо Ши Мин очень быстро и глубоко усвоил идеологию марксизма-ленинизма, и уже с первых соприкосновений с этим учением свет этой идеологии глубоко проник в его душу и сердце. Знакомясь с тезисами Ленина по национальному и колониальному вопросам, Хо Ши Мин писал: «Тезисы Ленина меня очень взволновали, воодушевили, озарили сознание и вселили столько уверенности!»¹⁰

Именно под знаменем марксизма-ленинизма, одержав крупные победы, вьетнамская революция отлично выполнила как свой национальный, так и интернациональный долг, вписала блестящие страницы в историю нашей страны, внесла достойный вклад в дело мировой революции.

Глубокое усвоение и творческое применение, то есть прочное овладение ключевыми, узловыми положениями в познании и в практической деятельности, — вот два неразрывных фактора в системе идеологии марксизма-ленинизма.

Эта связь, впервые в истории человечества блестяще реализованная с победой Октябрьской социалистической революции, с образованием Союза Советских Социалистических Республик, шестидесятилетнее существование и развитие которого является ярким тому примером, служит красноречивым свидетельством неиссякаемой творческой и жизненной силы бессмертных ленинских идей.

Прочно овладев ключевыми положениями ленинизма, Хо Ши Мин и вьетнамские коммунисты указали вьетнамской революции правильный, творческий и своеобразный путь. За почти полувековой период, считая со времени рождения партии, вьетнамская революция постоянно гармонически сочетала истинный патриотизм с пролетарским интернационализмом, борьбу за национальную независимость с борьбой за социализм, выполняла как свой национальный, так и интернациональный долг, была и двигателем, и целью борьбы и увенчалась победой.

В практической деятельности, то есть в революционной борьбе, главным звеном, как и в понимании связи между классовым и нацио-

¹⁰ Хо Ши Мин. Избр. соч. Ханой, стр. 794 (на вьет. яз).

нальным освобождением, является право рабочего класса на руководство в революции через свой авангард — коммунистическую партию.

Партия есть высшая политическая организация рабочего класса. Партия является мудрым и самым полным представителем коренных, справедливых и долговременных интересов рабочего класса и трудящихся.

В колониальной стране революция против империализма связана с революцией против феодализма. Для осуществления руководящей роли рабочего класса в этой революции необходимо прежде всего правильно решить крестьянский вопрос. Только при наличии партии рабочего класса можно правильно решить крестьянский вопрос. Это также и в жизненных интересах рабочего класса: привлечение на свою сторону крестьянства — естественного, многочисленного и обладающего богатыми скрытыми революционными возможностями союзника, нужного для образования союза рабочих и крестьян, — главной силы, а также и основы революции, костяка Единого национального фронта.

Благодаря тому что с самого начала была понята революционная и научная суть марксизма-ленинизма, извлечены ценные уроки из Октябрьской революции и мирового революционного движения 20-х годов, исходя из конкретных условий страны, вьетнамские коммунисты преодолели трудности и создали во Вьетнаме партию нового типа, достойную быть авангардом рабочего класса.

В этой области деятельность Хо Ши Мина как первого вьетнамского коммуниста и выдающегося борца международного коммунистического и рабочего движения явилась решающим фактором.

Коммунистическая партия Вьетнама, созданная, руководимая, воспитанная и закаленная Хо Ши Мином, обладает прекрасными качествами, характерными для партии ленинского типа.

Это последовательный революционный дух, необычайная боевая энергия, сплоченность и единство, неразрывная связь с массами, богатая творческая сила.

Революция есть творчество, так как истина всегда конкретна. Проникнувшись этим духом, наша партия всегда ставила практику вьетнамской революции, живую реальность вьетнамского общества исходными пунктами в деле применения принципов марксизма-ленинизма. Именно благодаря независимой и творческой разработке пути и методов революции вьетнамская революция смогла добиться сегодняшних крупных побед.

За почти полувековой период вьетнамская революция под руководством коммунистической партии, авангарда вьетнамского рабочего класса, постоянно высоко несла всепобеждающее знамя бессмертного марксизма-ленинизма.

За почти полувековой период вьетнамская революция под руководством Коммунистической партии Вьетнама явила собой творческое развитие бессмертного духа Великой Октябрьской социалистической революции.

Экономическая политика японского государства: иллюзии и реальность

В. К. Зайцев

В 70-х годах в структуре экономического развития Японии наметились важные изменения. Обострение экономических трудностей как внутреннего, так и внешнего порядка вызвало перелом в сторону значительного снижения темпов роста ВВП. Так, если в 1955—1965 гг. среднегодовые реальные темпы экономического роста удерживались на уровне 10%, то за период 1965—1975 гг. они снизились до 8,5%, а в последующее десятилетие прогнозируются на уровне 6,5%¹. За этими усредненными показателями скрывается абсолютное сокращение ВВП на 1,2% в 1974 г. — впервые за послевоенный период, и незначительный рост — на 2,1% в 1975 г.².

Судя по оценкам официальных прогнозов, в нынешнем правительстве Японии преобладает точка зрения, что сверхвысокие темпы экономического роста ушли в прошлое; японская экономика переживает период адаптации к новому внутреннему экономическому порядку, характеризующемуся замедленным темпом развития и ростом цен на сырьевые ресурсы, что требует от Японии «подчинения низким, но неустойчивым темпам роста»³. Деловые круги Японии также считают, что «страна переживает переломный период ее истории», а экономический кризис 1974—1975 гг. не является «лишь временным явлением конъюнктурного порядка, но коренится в таких структурных сдерживающих факторах, как проблемы сырьевых ресурсов, энергии, окружающей среды и т. д.»⁴.

В этих условиях в Японии происходит переосмысление долгосрочных целей экономического развития и основных направлений промышленной политики. Это находит отражение и в направлении курса государственной экономической политики Японии в 70-х годах, где декларируется необходимость изменения акцентов в развитии производственной сферы на преимущественное развитие наукоемких отраслей, совершенствование социальной инфраструктуры, подъем благосостояния.

Уже сам факт выдвижения в государственной экономической политике Японии таких целей в качестве приоритетных следует рассматривать как знаменательный период в истории экономической политики Японии. Однако, как будет показано далее, основополагающие черты экономической политики капиталистического государства вообще и Японии в особенности накладывают существенные ограничения на типы социальных целей, которые государственная политика может преследовать эффективно.

¹ См. «Экономисутэ», 1975, № 53.

² См. «Тоё кэйдзай токэй гэнпо», 1976, № 7, табл. 16.

³ «The Japan Economic Journal», April 8, 1975.

⁴ «Кэйданрэн гэнпо», 1976, № 6.

В буржуазной экономической науке структуры экономического развития подразделяются на два принципиально отличных типа: ориентированные на преимущественный рост производственного потенциала (production — oriented) и ориентированные на совершенствование благосостояния (welfare — oriented economy), которые в условиях капитализма полностью отождествляются с обществом развитого потребления⁵.

В данной работе мы не будем касаться вопросов научной обоснованности такого подразделения, отметим лишь, что характерными чертами экономики первого типа в соответствии с этой классификацией являются высокая доля сбережений, низкий уровень потребления, более низкие темпы роста заработной платы по сравнению с темпами роста производительности труда, высокая норма прибыли и неравномерное распределение доходов. Для экономики второго типа характерны относительно низкая доля сбережений, высокий уровень потребления, превышение внутреннего спроса над размерами национального продукта, дефицит платежного баланса и т. д.

Среди промышленно развитых капиталистических стран классическим примером экономики второго типа считается экономика США, в то время как в качестве наиболее типичного примера экономики первого типа до последнего времени рассматривалась экономика Японии. По мнению многих буржуазных экономистов как на Западе, так и в Японии, экономическое развитие Японии в 70-х годах «характеризуется переходом от первого ко второму типу, а ускорение такого перехода является высшей целью государственной экономической политики»⁶.

Разумеется, в своем историческом развитии все развитые страны Запада прошли стадию, когда основной целью экономической политики было наращивание производственного потенциала.

Напомним, что в конце XIX века Япония была технически отсталой, бедной страной, почти не располагавшей собственной промышленностью и технологией. Для обеспечения независимости страны правящие круги Японии стремились догнать Запад. Поэтому как в военных, так и в экономических интересах индустриализация была им крайне необходима. Политика, направленная на реализацию этой необходимости, проявилась в раннем государственном вмешательстве в частную производственную деятельность и установлении тесных связей между государством и предпринимателями.

После поражения японского милитаризма во второй мировой войне необходимость обеспечения ускоренного экономического роста и быстрой индустриализации встала с еще большей остротой. В послевоенные годы на базе достигнутого согласия с лидерами делового мира японское правительство придерживалось политики выделения стратегически важных отраслей, которые получали специальную правительственную помощь в виде беспроцентного импорта оборудования, практики ускоренной амортизации, займов от государственных банков, налоговых льгот, квот на сырье и т. д.

Политика ускоренного роста требовала обеспечения высокого уровня производственных инвестиций и содействия экспорту с целью расширения производственных мощностей и получения валюты для финансирования импорта. Поэтому японское правительство содействовало через Банк Японии финансированию производственных компаний, что

⁵ См. Н. С. Wallich. Mainsprings of German Revival. New York, 1955, p. 24—34.

⁶ См. Н. Оное. Problems of Japanese Economic Policy at the Turning — Point in Planning. Kyoto, 1974, p. 795.

обеспечивало высокий уровень инвестиций. Серия налоговых реформ постепенно изменила прогрессивный характер подоходного налога в Японии: прибыли облагались более низкими налоговыми ставками, чем трудовые доходы, что способствовало накоплению капитала и высокому уровню сбережений. Высокий уровень косвенного обложения также стимулировал сбережения. Структура государственных расходов была подчинена интересам наращивания частных инвестиций. В экономических курсах 50—60-х годов японское правительство умышленно занижало оценки и прогнозы темпов роста и, следовательно, способствовало снижению налоговых поступлений в бюджет. Впоследствии бюджетные

Таблица

Темпы роста ВВП и капиталовложений основных капиталистических стран в 1960-х—начале 1970-х гг. (в %)

	Среднегодовые темпы роста		Доля инвестиций в ВВП
	ВВП	капиталовложения в основной капитал	
Япония	11,1	14,8	33,1
США	4,0	4,4	14,1
Англия	2,8	4,5	17,9
Западная Германия	4,8	5,6	25,8
Франция	5,8	9,0	25,6
Италия	5,7	5,0	20,6

Источник: К. Миядзава, К. Ниино, К. Сайто. Гэндай нихон кэйдзайрон (Современные экономические теории Японии). Токио, 1973.

излишки возвращались в частный сектор через налоговые льготы и государственные субсидии. Эти экономические рычаги способствовали перераспределению финансовых ресурсов в пользу наиболее быстро развивающихся отраслей и корпораций. Вкупе с другими факторами государственная политика и государственные программы развития способствовали модернизации промышленной структуры, росту производства и ВВП, экспортной экспансии.

С особой отчетливостью экспансионистские тенденции японского капитала проявились в государственном курсе Японии в 60-х годах. Так называемый «План удвоения национального дохода», разработанный в конце 1960 г. кабинетом Икэда, обнажил намерение государственно-монополистической олигархии Японии форсировать процессы концентрации производственных ресурсов в руках крупных монополий, которые стремились укрепить и расширить свои международные позиции. Известный английский экономист Г. Аллен писал, что «основная причина экономических успехов Японии в послевоенный период заключается в том, что она сконцентрировала все усилия на достижении единственной цели — восстановлении и развитии производственного потенциала, рассчитывая тем самым в кратчайшие сроки выйти на уровень наиболее развитых стран мира в экономической и технической областях»⁷.

Государственная политика, ориентированная на стимулирование высокого уровня частных производственных инвестиций, особенно в отраслях тяжелой и химической промышленности, принесла свои плоды.

⁷ «Lloyds Bank Review», January 1974.

В 60-е годы ВВП Японии увеличился почти в 3 раза, темпы роста ее экономики были самыми высокими в капиталистическом мире, в Японии наблюдалась самая высокая эффективность капиталовложений.

До 1964 г. Организация экономического сотрудничества и развития причисляла Японию к группе среднеразвитых стран, а Япония имела хронический дефицит платежного баланса. Модернизация промышленной структуры, усложнение продукции отраслей повысили долю добавленной стоимости в единице экспорта, что позволило увеличить чистые валютные поступления. В 1965 г. Япония преодолела барьер дефицитного платежного баланса, а уже в 1969 г. ВВП Японии, пересчитанный в долларах, превысил ВВП Западной Германии, став вторым по величине в капиталистическом мире.

В 60-е годы частный сектор японской экономики был высоко восприимчив и отзывчив к начинаниям государственной политики, что базировалось на сознании последующей поддержки со стороны государства в таких вопросах, как бюджетные ассигнования и субсидии, защита от иностранных конкурентов, образование антидепресссионных картелей, кредитные и налоговые льготы и т. д. Воздействие государственных мероприятий на образ действий частного сектора в эти годы следует признать существенным. Именно эту сторону японской действительности склонны гиперболизировать многие буржуазные экономисты. В оборот буржуазной японоведческой литературы пущен даже аллегорический термин «Корпорация Япония» (Japan Incorporated), подчеркивающий общность целей государства и предпринимателей и их согласие по основным вопросам экономического развития.

Однако при подходе к этому вопросу с марксистско-ленинских позиций становится очевидным, что поддержка и учет государственных курсов частным сектором определялись не особой «японской моделью» партнерства государства и бизнеса, а подчиненностью задач государственной политики коренным долгосрочным интересам монополистического капитала Японии.

Уже в 60-х годах, в процессе быстрого экономического роста, стали резко обостряться такие проблемы, как загрязнение среды, недостаточные размеры капиталовложений на социальные нужды и жилищное строительство, неразвитость систем социального обеспечения. Однако до начала 70-х годов цели социального развития и повышения благосостояния, хотя формально они и выдвигались государством, имели подчиненный характер по отношению к традиционной троице: росту производства, повышению производительности труда и экспортной экспансии.

Если проанализировать взаимосвязь между программными установками и их реальным выполнением, то легко обнаружим черту, характерную для послевоенной Японии в целом. Установки в области наращивания производства выполнялись и даже перевыполнялись, в то время как весьма скромные задачи в области совершенствования благосостояния оставались на бумаге. Другими словами, ориентиры, сулящие прибыль частному сектору, достигались, а «неприбыльные» цели (развитие социальной инфраструктуры, средств общественного пользования и т. д.) игнорировались, хотя по мере развития они приобретали все более важное значение. Поскольку производственным показателям в государственной политике отдавалось предпочтение, монополистический капитал Японии рассматривал систему государственных мероприятий не как «дорогу в рабство» для себя, а как «возможность совместить свои общественные устремления — получение максимальной прибыли — с общенациональными целями роста и повышения производи-

тельности»⁸. При этом, как отмечал японский экономический журнал, поскольку «японский народ мирился с плохими условиями окружающей среды и относительно низким материальным уровнем жизни, стимулировался экономический рост, а посредством форсированного экспорта избыточного производства осуществлялось расширение внешних рынков»⁹. Таким образом, эффект государственной экономической политики действовал лишь в строго очерченных границах классовых интересов японской буржуазии.

Нельзя отрицать, что более чем десятилетний период (вторая половина 50-х — 60-е годы) почти непрерывного экономического подъема, научно-техническая революция и увеличение роли государства в регулировании японской экономики способствовали определенному росту ранее крайне низкого жизненного уровня японцев, проявившемуся в основном в увеличении денежных доходов. Так, в номинальном выражении потребительские расходы в Японии с 1957 по 1963 г. удвоились, а за период 1963—1973 гг. возросли более чем в 4 раза (при одновременном резком росте цен). И все же японские потребители откладывали более одной трети своего потенциального потребления, что способствовало увеличению валовых капиталовложений за 1963—1973 гг. примерно в 5,5 раза. Низкий уровень «качества жизни», неуверенность японцев в завтрашнем дне проявляются в высоком уровне личных сбережений, который от 1,5 до 3 раз выше, чем в Западной Европе и США¹⁰.

По мнению известного японского экономиста К. Миядзава, следуя курсом капиталистической рационализации по западному образцу, «Япония многое получила, но, с другой стороны, немало и потеряла, что особенно проявилось в деградации окружающей среды и низком уровне качества жизни»¹¹. Дж. Накамура приходит к выводу, что «для достижения высоких темпов роста от Японии потребовались огромные усилия и большие жертвы»¹². Американский экономист Г. Грегори пишет, что «нет свидетельств тому, что японцы стали счастливее от того, что их денежные доходы возросли»¹³.

Экономическая наука еще не предложила объективного измерителя, который мог бы сказать нам, счастливее ли сегодня японцы, чем прежде. Вместе с тем заслуживает серьезного внимания сконструированный в Японии новый макроэкономический показатель, названный «чистым национальным благосостоянием» (Net National Welfare, NNW). Анализ экономического содержания и структуры показателя ЧНБ позволяет сделать вывод, что японские экономисты преследовали цель разработки единого обобщенного показателя экономического благосостояния, который давал бы более точное, чем показатель ВВП, отражение уровня потребления благ и услуг, которые прямо или косвенно влияют на благосостояние человека. Достигалось это как коренной перестройкой некоторых компонентов ВВП, так и включением в ЧНБ ряда компонентов, которые условно рассматривались как потребление и не оценивались в ВВП.

Показатель ЧНБ подсчитывался как сумма следующих компонентов: государственное потребление; личное потребление; уровень потреб-

⁸ Н. Оное. Planning and Politics. — In: Economic Planning and Macroeconomic Policy. Tokyo, 1971, p. 503—514.

⁹ «Кэйдзай хёрон», 1972, № 10.

¹⁰ См. White Paper on National Life. Tokyo, 1973, p. 245—251.

¹¹ К. Миядзава, К. Нинно, К. Сайто. Гэндай нихон кэйдзайрон. Токио, 1973, стр. 10.

¹² Дж. Накамура. Нихон-но кэйдзай хаттэн то ногэ (Развитие японской экономики и сельское хозяйство). Токио, 1966, стр. 56.

¹³ «Asian Survey», October 1975.

ления товаров длительного пользования; услуги государственного социального капитала; свободное время; вне рыночная деятельность; расходы на сохранение природной среды; загрязнение среды; ущерб от урбанизации. Компоненты с 3 по 9 получают условную денежную оценку, а три компонента, с 7 по 9, выражают «отрицательное благосостояние»¹⁴.

Основываясь на общетеоретической концепции показателя ЧНБ, японские экономисты провели экспериментальные расчеты этого показателя для 1955, 1960, 1965 и 1970 гг. Согласно этим расчетам, в 1955 году не наблюдалось заметного расхождения между ВНП и ЧНБ. Однако к 1970 г. ВНП значительно превысил ЧНБ, они составили соответственно 73,2 и 44,2 триллиона иен. Реальные среднегодовые темпы роста ВНП за период 1966—1970 гг. составили 12,1%; реальный показатель ЧНБ за этот же период рос значительно медленнее — на уровне 8,6%¹⁵. Другими словами, образовался серьезный разрыв между экономическим ростом Японии, выражающимся в японской статистике показателем ВНП, и уровнем благосостояния.

Несомненно, интегральный коэффициент уровня благосостояния — крайне неопределенная категория. В работах буржуазных экономистов нет четкого определения понятия благосостояния, хотя в принципе признается, что оно должно включать оценку не только экономических, но также политических и социальных факторов. Употребляющийся ныне в Японии показатель ЧНБ имеет ограниченный характер, он применим только в области экономического благосостояния. Его объект ограничивается элементами, которым на базе существующей статистики можно какими-либо методами дать условную денежную оценку. Следует также отметить, что вследствие наличия больших трудностей в получении практических оценок показателя, выражающие «отрицательное благосостояние», значительно сужены, что в свою очередь ведет к завышению общей величины ЧНБ. Тем не менее расчеты показателя ЧНБ в целом наглядно отразили тот теоретически известный факт, что в период высоких темпов роста Японии (1955—1970) благосостояние широких слоев японцев приносилось в жертву наращиванию производственного потенциала капиталистических предприятий.

Таким образом, по мере расширения масштабов японской экономики все более углублялся разрыв между темпами роста ВНП и ростом благосостояния. С начала 70-х годов в условиях повышения уровня потребления, усложнения и диверсификации запросов населения в Японии стали заметно меняться взгляды на содержание и результаты экономического роста. Стало общепризнанным, что в современных условиях экономический рост сам по себе не рождает рост благосостояния и высокого качества жизни личности. В последние годы в Японии получили распространение взгляды, вообще отрицающие такой критерий уровня благосостояния, как темпы экономического роста и размеры ВНП, появились рекомендации ориентироваться в экономическом развитии на «нулевой» или даже «отрицательный» рост производства.

В наиболее концентрированном виде критика политики стимулирования роста производства проявилась в Японии в общенациональном движении против загрязнения окружающей среды. Японский экономист Т. Мидзогути писал, что «в 60-х годах критика загрязнения среды была

¹⁴ Атарасий фукуси сихё NNW (Новый показатель благосостояния ЧНБ). Токио, 1973, стр. 6. Более подробно о показателе ЧНБ см. Я. А. Певзнер. Государство в экономике Японии. М., 1976, стр. 258—264.

¹⁵ Нихон кокусэй дзэу (Справочник переписи населения Японии). Токио, 1973, стр. 79.

в основном направлена против отдельных предприятий, однако по мере распространения этой проблемы на всю страну она вылилась в форму критики самого экономического организма, порождающего загрязнение среды»¹⁶. Об остроте проблемы загрязнения среды в Японии могут дать следующие сравнения: в Японии самый высокий в мире ВВП на 1 м² равнинной, то есть наиболее заселенной, местности (в 14 раз больше, чем в США, в 5 раз — чем во Франции и Италии, в 3,5 раза — чем в Англии и в 1,7 раза — чем в Западной Германии)¹⁷. На одну квадратную милю в Японии приходится 344 автомобиля по сравнению с 41 в США¹⁸. Площадь парковых угодий, приходившаяся в 1974 г. на одного жителя Токио, составляла всего 1,4 м², что значительно меньше, чем в Вашингтоне (40,8), Стокгольме (68,4), Лондоне (28,8) и других крупных городах мира¹⁹. Несмотря на то что в Японии самые жесточайшие государственные стандарты состояния окружающей среды (почти в 2 раза выше, чем в США), они повсеместно не соблюдаются, а за Японией закрепилась репутация наиболее «загрязненной страны мира».

В 70-х годах резко обострилось недовольство японцев недостаточностью капиталовложений на социальные цели, идущих на улучшение жизненных условий (учреждения по санитарному надзору за состоянием среды, учебные, культурно-бытовые, лечебные, коммунальные и развлекательные учреждения, парки, заповедники и т. д.). В Японии сложилась именно та ситуация, о которой предупреждал японцев известный американский буржуазный экономист Дж. Гэлбрейт. Он писал, что в Японии «растущий ВВП объединяет в себе расширение личного потребления со скудостью общественного потребления»²⁰.

Действительно, если в сфере, например, годового объема потребления, денежных доходов и т. д. Япония сравнивалась или вплотную приблизилась к развитым странам Западной Европы, то по размерам и относительной доле фондов капитала, используемого на общественные цели, еще сильно отстает от них. Развитие экономики в стране привело к росту как индивидуальных, так и коллективных запросов японцев, сделало их более чувствительными к состоянию окружающей среды, повысило требования к качеству жизни. Удовлетворение этих новых потребностей уже не может быть достигнуто лишь за счет дальнейшего роста текущего потребления, а необходимо предполагает совершенствование непроизводственной инфраструктуры, ускорение темпов капиталовложений на общественные цели. Так, по уровню потребления на душу населения Япония в последние годы превзошла Англию, однако, чтобы сравняться с Англией по размерам фондов капиталовложений на общественные цели, ей потребуется, по оценкам японских ученых, более десяти лет²¹.

Таким образом, если стимулирование высоких темпов экономического роста было логически обоснованной целью экономической политики Японии на протяжении послевоенной четверти века, то в настоящее время, когда шкала предпочтений потребителей претерпевает постепенную эволюцию, в Японии, как констатирует японская печать, назрела необходимость перемен. Отмечая большие изменения в осознании япон-

¹⁶ Гэндай нихон кэйдзайрон, стр. 111—112.

¹⁷ См. «Нихон кокусэй дзэу». Токио, 1973, стр. 85.

¹⁸ I. Frank (ed.). The Japanese Economy in International Perspective. Baltimore and London, 1975, p. 40.

¹⁹ См. Кокусай хикаку токэй (Международная сравнительная статистика). Токио, 1976, стр. 124.

²⁰ См. «Асахи симбун», 1. IX. 1970.

²¹ См. Гэндай нихон кэйдзайрон, стр. 112.

цами жизненных ценностей, журнал «Джэпэн экономик джорнэл» писал, что перемены, происшедшие в экономике Японии, трансформируются в решительные требования к правительству «перенести приоритет в распределении национальных ресурсов с производственной сферы на всемерное содействие расширению общественного капитала, идущего на защиту окружающей среды и развитие систем общественного благосостояния»²².

Такие выводы подтверждаются результатами опросов общественного мнения, которые свидетельствуют, что японцы озабочены не только и не столько ростом доходов и потребления, сколько загрязнением окружающей среды, недостаточностью и невысоким качеством жилищ, ростом цен, низким уровнем социального обеспечения. Так, на вопрос: «В целом положительно или отрицательно вы оцениваете результаты экономического роста для Японии?» — 18% опрошенных в возрасте от 20 лет и выше ответили «положительно» и 24% — «отрицательно». Это средние цифры по всем возрастным группам, у молодежи (20—24 года) данные показатели были соответственно 14% и 34%. На вопрос: «Какова в будущем должна быть основная цель экономической политики страны?» — лишь 8% опрошенных ответили «экономический рост», тогда как 58% — «повышение социального благосостояния, создание хороших жизненных условий»²³. Таким образом, результаты опросов общественного мнения показывают, что большинство японцев считают, что некоторое повышение доходов в период быстрого экономического роста не покрывает тех издержек в качестве жизни, которые этот рост вызвал в условиях капиталистической системы хозяйства Японии.

Начало 70-х годов было отмечено резким обострением внутренних противоречий не только в Японии, но и во всех других странах мировой системы капитализма. Валютный, экологический, инфляционный и энергетический кризисы, охватившие капиталистический мир, скачкообразный рост безработицы привели к усилению межимпериалистических конфликтов, особенно в области внешнеэкономических связей. Для Японии, в наибольшей степени среди развитых капиталистических стран зависящей от внешних энергетических и сырьевых источников, нарастание кризисных тенденций предвещало значительное ухудшение перспектив экономического развития.

В результате нефтяного кризиса конца 1973 г. и последовавшего за ним самого глубокого в послевоенный период циклического и структурного кризиса 1974—1975 гг. стало очевидным, что возможности Японии поддерживать высокие темпы экономического роста, опираясь, как и прежде, на отрасли тяжелой и химической промышленности, уже в значительной мере исчерпаны.

Во-первых, по мере того как доля Японии в мировой торговле становилась все более существенной, ей труднее становилось поддерживать такие же темпы роста импорта сырьевых и энергетических ресурсов, требующихся для отраслей тяжелой и химической промышленности²⁴. Если период высоких темпов роста японской экономики совпал с периодом низких импортных цен на сырьевые ресурсы, то в настоящее время цена нефти, являющейся движущей силой промышленного производства, сейчас настолько высока, что это крайне отрицательно сказывается на состоянии платежного баланса. По подсчетам японского экономиста М. Татэмото, если показатель соотношения экспорта и импорта

²² «The Japan Economic Journal», December 4, 1973.

²³ «Asian Survey», October 1975.

²⁴ Примерно 85% импорта Японии составляют сырье, топливо и продовольствие.

Японии в 1970 г. принять за 100, то в результате роста цен на сырую нефть он снизился до 60²⁵.

Далее, как уже отмечалось, разрушение окружающей среды превратилось в Японии в крайне острую проблему, а отрасли тяжелой и химической промышленности относятся к наиболее опасным ее загрязнителям. В Японии стало чрезвычайно трудно найти место для строительства новой ТЭЦ, нефтехимического или металлургического комбината из-за протестов общественности.

Одним из важнейших факторов, влияющих на положение экономики страны, является степень зрелости, которой достигли базовые отрасли промышленности Японии. Исторически экономика Японии следовала в основном западным моделям промышленного развития. Япония последовательно продвигалась от технически несложных отраслей легкой промышленности к более капиталоемким и материалоемким отраслям тяжелой и химической промышленности.

В начале 70-х годов базовые отрасли японской экономики, внесшие наибольший вклад в достижение высоких темпов роста, в основном, как отмечали японские экономисты, «выполнили свою историческую миссию»²⁶. Такие отрасли, как сталелитейная, автомобильная, судостроительная, нефтехимия и т. д., достигли стадии зрелости и, хотя они продолжают обеспечивать занятость и валютные поступления, уже проявляют признаки упадка. Это показал кризис 1974—1975 гг., который наиболее сильно ударил именно по этим отраслям. Например, автомобильная промышленность Японии впервые за свою историю в 1974 г. сократила выпуск машин на 7,3%. Избыточные мощности, ослабевающий внутренний спрос, снижающиеся темпы роста экспорта и производительности труда стали характерной чертой этих отраслей. Появляются и другие факторы, указывающие на потенциальную эрозию относительного преимущества Японии в отраслях тяжелой и химической промышленности (рост заработной платы и других издержек).

В этих условиях объективный ход исторического развития поставил Японию перед необходимостью изменить прежние тенденции развития экономики, ориентированной на ведущую роль материало- и энергоемких отраслей тяжелой и химической промышленности. Задача поиска новых направлений в развитии промышленной структуры и экономики страны в целом требовала усиления роли прогнозирования в развитии японского хозяйства. В Японии повысился интерес к долгосрочным государственным наметкам развития, которые, по определению японских экономистов, находятся у «критического поворотного пункта»²⁷.

В 1971 г. Совет по промышленной структуре Японии (Санкосин), являющийся консультативным органом при министерстве внешней торговли и промышленности (МВТП), разработал долгосрочную концепцию структурной перестройки японской экономики. Эта глобальная концепция, получившая название «промышленной и внешнеэкономической политики 70-х годов», содержала призыв к ускоренному развитию наукоемких и наукоинтенсивных отраслей материало- и энергосберегающего типа. В 1974 г. Санкосин опубликовал доклад «Долгосрочный прогноз промышленной структуры», в котором получили количественную конкретизацию положения доклада 1971 г. и содержался прогноз развития промышленной структуры Японии до 1985 г. Предполагается, что в дальнейшем такие доклады, перерабатываемые и дополняемые в соответ-

²⁵ См. «Нихон кэйдай кэнкю сэнта кайхо», 1976, № 272.

²⁶ Гэндай нихон кэйдайрон, стр. 188.

²⁷ «The Japan Economic Journal», January 1, 1974.

вин с изменением экономической обстановки, будут публиковаться каждый год, при этом конечный год прогноза также будет перемещаться на год²⁸.

В проектах долгосрочной структурной перестройки промышленной структуры Японии выделяются 4 основные группы приоритетных отраслей.

Во-первых, отрасли, в которых важную роль играют исследования и разработки. Сюда входят производство ЭВМ, самолетов, электромобилей, промышленных роботов, атомная энергетика, рециклирование отходов производства, разработка ресурсов океана.

Во-вторых, отрасли сложной комплексной сборки. Они представляют передовую технологию и требуют высокой квалификации рабочей силы. Это производство средств связи и конторского оборудования, станков с числовым программным управлением, оборудования для контроля за загрязнением среды, учебного оборудования, сборных домов, мощного строительного оборудования и т. д.

В-третьих, отрасли, удовлетворяющие разнообразные запросы моды. Они ориентированы на удовлетворение усложняющегося потребительского спроса и включают производство модной одежды, мебели, бытовой техники, предметов личного обихода и т. д.

В-четвертых, отрасли, относящиеся к индустрии знаний. Сюда входят разнообразные информационные услуги, консультирование, производство ЭВМ карманного типа, издательское дело и т. д.²⁹

Выделение новых приоритетных отраслей производилось на основе таких критериев, как размеры прибылей, темпы роста производительности труда, содержание и условия труда, воздействие на окружающую среду, международное разделение труда. По мнению авторов этих проектов, для ускоренного перехода в условиях рыночной экономики к такой промышленной структуре необходимы введение налога на добавленную стоимость, гибкое стимулирование приоритетных отраслей кредитно-финансовыми средствами, привлечение частного сектора к развитию непромышленной инфраструктуры, новый этап интернационализации хозяйственных связей.

Таким образом, проекты Санкосин рисуют новую долгосрочную перспективу перестройки промышленной структуры Японии. Аргументы в пользу такой структуры имеют много убедительных черт: наукоемкие отрасли в меньшей степени загрязняют среду, предполагают меньшую степень зависимости от импортного сырья, представляют области, где наиболее вероятно будущее международное преимущество Японии, отражают требование роста производительности труда, учитывают снижение темпов прироста трудовых ресурсов и т. д.

В настоящее время в Японии много пишут о том, что правительственные цели структурной перестройки хозяйства встретили понимание со стороны частного капитала и по этому вопросу достигнуто взаимопонимание государства и монополий. Однако, если предприниматели и соглашаются с курсом долгосрочной государственной политики, далеко не все желают поступиться своими краткосрочными интересами. Новые приоритетные отрасли находятся в настоящее время в основном в ранней стадии развития, их продукция ориентирована в первую очередь на удовлетворение внутреннего спроса. Если, следуя разрабатываемым проектам, все большая доля национальных ресурсов будет перераспре-

²⁸ Кэйдзай кидзэ-но миката (Альманах экономических статей). Токио, 1976, стр. 247.

²⁹ Нанадзюэндай-но цусэсангё сэйсаку (Промышленная и внешнеторговая политика в 70-х гг.). Токио, 1971, стр. 31—33.

деляться в эти отрасли, то производительность в основных, базовых отраслях (являющихся одновременно и основными экспортными отраслями) будет снижаться и, следовательно, будет падать их международная конкурентоспособность. В этих условиях добиться поддержки частным капиталом государственной политики будет труднее, чем прежде, а конфликты интересов государства и монополий будут более типичны для японской экономики. Японский экономист С. Хаяси справедливо отмечал, что «в конечном счете фактором решающего значения для любого государственного курса будет доверие и поддержка частного сектора, поскольку такой курс не будет иметь юридически обязывающей силы, а должен осуществляться на основе так называемого «административного руководства»³⁰.

Необходимо также отметить, что выработка общего курса экономической политики государства всегда предполагала примирение противоречивых интересов различных министерств и ведомств Японии, которые традиционно обладают значительной независимостью действий и большой самостоятельной властью. Поэтому при разработке курса долгосрочной экономической политики обобщение и систематизация разнообразных мероприятий, согласование ведомственных интересов, часто противоположных и взаимоисключающих, определение приоритетов с общенациональной точки зрения представляют весьма сложную задачу.

В прошлом, когда промышленная политика государства концентрировалась вокруг ограниченного числа ключевых отраслей, ее основным проводником было МВТП. В настоящее время экономическая и структурная политика Японии усложняется, приобретает более широкие масштабы. Теперь в нее вовлечены почти все министерства и ведомства, каждое из которых представляет свои собственные интересы и интересы сотрудничающих с ним деловых кругов.

Даже при наличии понимания стоящих перед страной проблем и согласии об общих принципах долгосрочной экономической политики различные министерства и стоящие за ними группы монополистического капитала, как правило, расходятся во мнениях о сроках и порядке проведения конкретных мероприятий. Так как министерства и ведомства Японии имеют ограниченные контакты друг с другом, а выполнение определенных государственных мероприятий целиком возлагается на отдельные министерства, различные точки зрения по конкретным вопросам могут серьезно влиять на общий ход и скорость осуществления общенациональных задач. На практике такое положение приводит к «параличу» намечаемых государственных мероприятий — ситуации, характеризующейся множеством проектов, но почти полным отсутствием реальных действий. По образному выражению экономиста Т. Утида, японские долгосрочные программы «напоминают рисовую лепешку, нарисованную на картине... Они рисуют величественные прожекты, а условий для их претворения в жизнь недостает»³¹.

Таким образом, сложность и масштабность японской экономики, а также усложненность процесса принятия решений предопределяют существование глубокого разрыва между осознанием необходимости изменений, выработкой общего курса экономической политики и его конкретным претворением в жизнь. Что касается долгосрочных наметок перестройки промышленной структуры Японии, то в настоящее время первые две стадии представляются в основном завершенными, тогда как практическое осуществление этой перестройки только начинается и стал-

³⁰ The President Directory. Tokyo, 1975, p. 11.

³¹ «Гэндай кэйдзай», 1974, № 13.

кивается с большими трудностями. И эти трудности связаны не столько с бюрократической инерцией в осуществлении новых задач, сколько с наличием реальных конфликтов интересов различных групп японской буржуазии.

Ориентация на перестройку промышленной структуры была включена в текущий 5-летний государственный так называемый «Экономический план второй половины 70-х годов» (1976—1980 фин. гг.). Это восьмая государственная экономическая программа, официально принятая японским правительством в послевоенные годы. По мнению многих западных комментаторов, наиболее впечатляющей чертой ее является коренное изменение приоритетов, характерных для прошлого периода.

Новый «экономический план» имеет подзаголовок «К стабилизированному обществу». Он базируется на концепции «жизненного цикла» бывшего премьер-министра Т. Мики и выдвигает в качестве основополагающей задачи государственной экономической политики на пятилетний период «обеспечение выхода японской экономики из кризиса и перевод ее на путь долговременного устойчивого роста»³². План выдвигает четыре основные цели: обеспечение стабильности цен и полной занятости; создание стабильных и благоприятных жизненных условий; содействие мировому экономическому развитию и международному сотрудничеству; создание базы для долговременного устойчивого роста³³.

Впервые в практике японского прогнозирования в этом «экономическом плане» не преобладают задачи, связанные с расширением производственной деятельности. Реальные среднегодовые темпы роста ВВП намечаются на уровне чуть более 6%. Более низкие темпы экономического роста предусматривались лишь в 1956—1960 фин. гг.

Как и следовало ожидать, в критических оценках новой «программы» японской прессой наибольшее внимание привлекла к себе проблема удушающих темпов роста. Одни считали, что обеспечение шестипроцентных темпов роста ВВП будет крайне трудным, другие полагали, что государственная установка на столь низкие темпы роста лишь осложнит решение проблемы повышения благосостояния.

Видимо, все же подобные споры о темпах роста лишены практического смысла. Предположение о шестипроцентных темпах роста ВВП вовсе не означает, что экономическая политика японского правительства будет строго ориентироваться на достижение этой цели. В условиях капитализма «сформулированные в программах действия правительства, — отмечал японский экономист Т. Мидзогути, — могут меняться в зависимости от изменения экономической обстановки, поэтому их можно рассматривать лишь как иллюзорный образ правительственной политики»³⁴.

Весьма иллюзорными выглядят и заявления японского правительства об общей «переориентации» долговременной экономической политики на «подъем благосостояния», которые столь широко пропагандируются японской буржуазной печатью. Новые правительственные наметки лишь подтверждают нереальность такой переориентации в условиях капиталистической Японии.

Показатели нового «экономического плана» свидетельствуют об ориентации государственной политики на стимулирование активной инвестиционной деятельности: среднегодовые темпы роста частных инвес-

³² «The Japan Economic Journal», May 18, 1976.

³³ Economic Plan for the Second Half of the 1970s. Tokyo, 1976, p. 7—10.

³⁴ «Тоё кэйдай» токэй нэнкан (Статистический ежегодник журнала «Тоё кэйдай»). Токио, 1973, стр. 48.

тиций в основные средства производства намечаются на уровне 13,1%, в жилищное строительство — 15,4%, государственных инвестиций — 13,5%³⁵. Намечается, что при снижении среднегодовых темпов роста экспорта до 14,4% и импорта до 13,2% (соответствующие показатели за период 1970—1975 фин. г. составляли 18,7% и 21,9%) основной баланс международных счетов Японии (включая баланс текущих счетов и баланс долгосрочных капиталовложений) к 1980 фин. г. восстановит равновесие, когда предполагаемое положительное сальдо в 4 млрд. долл. по текущим счетам покроет дефицит по долгосрочному капитальному счету³⁶. Эти цифры говорят о том, что возможности импорта сырьевых ресурсов, а также проблемы экспортного потенциала и платежного баланса не рассматриваются как факторы, серьезно ограничивающие будущий экономический рост.

Несмотря на то что предусматриваемые темпы роста производства для большинства основных отраслей производства будут более медленными, чем в предшествующие годы, расчеты на основе межотраслевой модели показали, что заметного изменения промышленной структуры в пользу наукоемких отраслей осуществить не удастся. Промышленная структура к 1980 фин. г. почти не изменится³⁷.

Ориентация плана на расширение международного экономического сотрудничества отражает как объективный процесс интернационализации японской экономики, так и экономическую политику монополистического капитала Японии.

В условиях резкого обострения межимпериалистических противоречий Япония стремится обеспечить стабильные поставки сырья и энергии, разнообразить источники их получения. Кроме того, по мере расширения японского экспорта национальная буржуазия многих стран требует повышения пошлин и введения квот на японские товары. Усиление протекционистской волны пугает японских экспортеров. Поэтому увеличение японской государственной внешней экономической помощи до уровня, существующего в других развитых странах (примерно 0,7% ВВП), рассматривается как важная часть усилий по нейтрализации подобных факторов³⁸.

Япония нарастающими темпами играет роль крупного экспортера капиталов. Так, на конец марта 1975 г. объем прямых японских инвестиций за рубежом достиг 12,7 млрд. долл. По прогнозу Совета по промышленной структуре МВТП, к 1980 г. зарубежные инвестиции Японии возрастут до 40,9 млрд. долл., а к 1985 г. — до 80,7 млрд. долл.³⁹. Основным стимулом интенсивного экспорта капиталов является стремление предпринимателей (монополий) многих отраслей японской экономики, достигших «стадии зрелости», к более выгодному для них (с точки зрения прибылей) размещению капиталов за границей. Дополнительными факторами являются проблемы, связанные с обеспечением импорта требующегося количества сырья и энергии (это было основным фактором создания многонациональных компаний в сталелитейной промышленности) и необходимостью «экспортировать» за рубеж некоторые из наиболее загрязняющих среду отраслей. Очевидно, что, если важные национальные производственные объединения стремятся размещать свои мощности за границей, должны быть предприняты специальные меры для обеспечения стабильных международных отношений, защиты суще-

³⁵ См. «Тоё кэйдзай токэй гэппо», 1976, № 7.

³⁶ Там же.

³⁷ См. Economic Plan for the Second Half of the 1970s. Tokyo, 1976, p. 137.

³⁸ Там же, стр. 54.

³⁹ См. «The Oriental Economist», October 1975.

ствующих инвестиций и создания основы для будущих. Таким образом, ориентация плана на расширение международного сотрудничества отражает прежде всего интересы монополистического капитала Японии и направлена на предупреждение и устранение потенциальных барьеров для дальнейшего экономического роста, которые возникают в сфере внешнеэкономических отношений.

Правительственная политика проникнута стремлением разрешить проблемы японской экономики, рожденные «высокими темпами роста», в интересах крупного капитала и, несмотря на демагогические декларации японского правительства, не предусматривает сколько-нибудь существенных мероприятий по повышению благосостояния и улучшению условий жизни трудящихся Японии. Так, предусмотрено, что государственные инвестиции за период 1976—1980 фин. г. составят 100 трлн. иен (в ценах 1975 фин. г.), однако только 28,8% из них предполагается направить на улучшение жизненных условий⁴⁰. По-прежнему подавляющая доля государственных капиталовложений будет направляться на развитие производственной инфраструктуры (дороги, связь, портовое хозяйство и т. д.), расширяющей возможности для функционирования частного капитала.

Значительные масштабы предусматриваемого увеличения финансовых расходов государства (в среднем на 13,9% ежегодно) остро ставят вопрос об источниках дополнительных финансовых ресурсов. Основным таким источником должно стать увеличение налоговых поступлений под лозунгом «высокое благосостояние — высокие налоги». За пятилетие предусматривается рост налогов и неналоговых платежей на 3%, а также увеличение на 1,5% платежей по социальному страхованию⁴¹. Однако, несмотря на эти меры, государственный бюджет вплоть до 1980 фин. г. прогнозируется с дефицитом порядка 6 трлн. иен. Это означает, что недостаток у государства средств на финансирование приобретения земли, развитие систем просвещения и социального обеспечения станет еще более острым.

Для покрытия бюджетных дефицитов японское правительство намерено выпускать специальные займы. Это не может не способствовать инфляции, бьющей в первую очередь по карманам трудящихся. Поэтому совершенно нереальными выглядят наметки снизить темпы роста потребительских цен к 1980 фин. г. до 6%, а оптовых до 5%⁴². Вместе с тем предусматривается, что прибыли корпораций, уровень которых несколько снизился в кризисные годы, будут расти в среднем на 17% в год⁴³.

Таким образом, анализ новых целевых установок в области экономической политики правительства Японии показывает, что изменение ее акцентов с роста на совершенствование благосостояния скорее кажущееся, чем реальное. За новыми фразами проглядывают старые цели. Правящие круги Японии заявляют о стремлении в известной мере переориентировать свою экономическую политику на повышение уровня благосостояния и социального обеспечения населения, который значительно ниже, чем в развитых странах Западной Европы и США. Однако реальная степень продвижения к этой цели несоизмерима с программными заявлениями. Можно с полной уверенностью предсказать, что реальные мероприятия в этой сфере будут осуществляться лишь в той мере, в ка-

⁴⁰ См. Economic Plan for the Second Half of the 1970s. Tokyo, 1976, p. 132.

⁴¹ Там же, стр. 142—143.

⁴² Там же, стр. 7.

⁴³ «The Japan Economic Journal», May 18, 1976.

кой они являются условием социальной и политической стабильности, необходимой для обеспечения будущего роста.

В условиях капиталистической системы хозяйства, покоящейся на незыблемости принципов частной собственности и стремлении к извлечению максимальной прибыли, возможности государства в области переориентации экономической политики в сторону большего учета проблем социального благосостояния ограничены классовыми интересами буржуазии, переступить которые невозможно, не порождая при этом непосредственной опасности самому существованию капиталистического строя. Для действительного изменения приоритетов в области национального развития государству потребовалось бы установить полный контроль над капиталовложениями монополий, ценообразованием, национализировать земельную собственность. Но это означало бы коренное изменение отношений государства и монополий, что принципиально невозможно при сохранении роли монополистической буржуазии как господствующего класса в обществе.

Именно в этом кроется источник конфликтов между логикой долгосрочной экономической политики Японии и трудностями осуществления конкретных мероприятий, особенно в краткосрочном плане. Несответствие долгосрочных «программных» государственных установок реальной экономической политике обуславливает демагогический и паллиативный характер мероприятий по повышению социального благосостояния. Государство, стоящее на страже интересов буржуазии, не только не ограничивает, а, напротив, стимулирует частнособственнический эгоизм монополистических корпораций. Поэтому трудящиеся Японии не склонны доверять многообещающим правительственным наметкам в области социального благосостояния, которые постоянно опровергаются самой жизнью.

Южная Корея в дальневосточной политике США

Д. Т. Капустин,
кандидат исторических наук

В послевоенной политике США на Дальнем Востоке Южной Кореи всегда отводилось и отводится исключительно важное место, которое определяется в большой степени ее расположением в континентальной Азии, непосредственно у рубежей стран социализма. Образно говоря, демаркационная линия в Корее (в общем проходящая по 38-й параллели) является на востоке Азии границей между двумя мирами — миром капитализма и социализма. Именно здесь, в Корее, империализм впервые после окончания второй мировой войны предпринял «горячую пробу сил», но столкнулся с мощью и сплоченностью стран социализма.

Американский империализм превратил Южную Корею в свой аванпост в Азии, сделал ее составным звеном так называемого «оборонного периметра США», который был создан в начале 50-х годов и огромной дугой простирался от Аляски и Алеутских островов до Австралии и Новой Зеландии, проходя через Японию, Южную Корею, Тайвань, Филиппины, Таиланд. Сцементировать этот «оборонный периметр» были призваны военно-политические договоры с США как на двусторонней, так и блоковой основе.

Бессрочный американо-южнокорейский договор о «взаимной обороне» был заключен 1 октября 1953 г. и вступил в силу 17 ноября 1954 г. Этот договор и последовавшие в его развитие другие соглашения с США явились политической основой существования южнокорейского режима (как при Ли Сын Мане, так и при Пак Чжон Хи). «Узаконив» строительство американских баз (на конец 1971 г. их насчитывалось 36¹) и размещение вооруженных сил США на корейской территории, Вашингтон взял в свои руки военно-политический контроль над Южной Кореей, превратил своего дальневосточного союзника в послушное орудие американского империализма.

Важным рычагом такого подчинения явилась также широкая экономическая и военная помощь США Сеулу. Даже по официальным данным, экономическая помощь за период с 1948 по 1970 г. составила 4 млрд. долл., а военная (с 1953 по 1969 г.) — 2,9 млрд. долл.²

Американский ученый Ким Се Чжин, отмечая «пристальное американское внимание и поддержку» Южной Корее, указывал, что Соединенные Штаты, начав с нуля, создали огромную южнокорейскую армию, численностью более 600 тыс. человек (по своей численности южнокорейская армия занимает 4—6-е место в мире), оснастили ее современным вооружением и продолжают осуществлять оперативный контроль над

¹ "US News and World Report", 27. III. 1972, p. 28.

² Korea: Past and Present. Seoul, 1972, p. 175; United States Security Agreements and Commitments Abroad. Republic of Korea. Hearings before the Subcommittee on United States Security Agreements and Commitments Abroad of the Committee on Foreign Relations. US Senate (91 : 2) February 24, 25 and 26, 1970. Washington, 1970, p. 1584.

ней. «Именно американская материальная поддержка, — подчеркивал он, — послужила основой экономического возрождения, и именно инспирированный американцами антикоммунизм лежит в основе южнокорейской политической идеологии»³.

Правящие круги Соединенных Штатов не делают тайны из того, что с помощью своих ставленников они насаждали и разжигали ненависть к КНДР среди населения Южной Кореи. Указывается, например, что в свое время выбор на Ли Сын Мана в качестве главы южнокорейского режима пал потому, что он «разделял точку зрения США по двум проблемам решающей важности»: предоставление сепаратной «независимости» Югу в 1948 г. и поддержание силой антикоммунистических установок как внутри режима, так и в отношении Севера⁴.

Когда же народный гнев смел клику Ли Сын Мана, Соединенные Штаты, следуя опробованному ими в ряде стран мира методу, помогли приходу к власти в Сеуле «сильных личностей» из числа военных, установивших режим полицейской диктатуры. Американский ученый Э. Рейшауэр писал, что США «были крестным отцом правой диктатуры» и обязаны встать на ее защиту, хотя «американский народ, несомненно, отверг бы такое обязательство»⁵.

Для «сдерживания» сил социализма и национально-освободительного движения в Азии Соединенные Штаты Америки не только довели численность своих вооруженных сил в Южной Корее до 64 тыс. человек (к концу 60-х годов), но и разместили часть из них непосредственно у демилитаризованной зоны. Кроме того, в Южную Корею было тайно ввезено ядерное оружие.

В 60-х годах американская дипломатия придавала особое значение взаимоотношениям между своими дальневосточными союзниками, прежде всего Японией, Южной Кореей и Тайванем, пытаясь скрепить их взаимоотношения прямыми политическими и военными узлами на блоковой основе. Под сильным давлением Соединенных Штатов были восстановлены отношения Южной Кореи с Японией (договор об основах отношений и ряд соглашений подписаны в июне 1965 г., после 14 лет переговоров). В 1966 г. был создан политический союз АЗПАК, наиболее активную роль в котором играли именно эти союзники США. В дальнейшем Вашингтон при активном содействии Сеула и Тайбэя пытался превратить его в военный блок.

К концу 60-х годов в политике США наметились определенные изменения. Президент США Р. Никсон выдвинул внешнеполитическую концепцию, цель которой заключалась в том, чтобы приспособить политику Соединенных Штатов Америки к новому соотношению сил в мире, к объективно изменившейся обстановке и достичь целей, пронстекающих из классовой сути американского империализма, теми методами и средствами, которые находились в распоряжении правительства США⁶. «Доктрина Никсона», как стала именоваться эта концепция, знаменовала собой новый этап американской политики в Азии, в частности в отношении Южной Кореи. При этом важно подчеркнуть, что ее основные идеи (с теми или иными отклонениями и модификациями) находились в основе политического курса администрации Дж. Форда и взяты на вооружение нынешним президентом США Дж. Картером.

³ Se-Jin Kim. The Politics of Military Revolution. N. Y., 1971, p. 176.

⁴ Cole D., Lim an P. Korean Development. The Interplay of Politics and Economics. Cambr., 1971, p. 19.

⁵ "Christian Science Monitor", 26. VII. 1976.

⁶ Подробнее см.: «Доктрина Никсона». М., 1972; Open Secret. The Nixon—Kissinger Doctrine in Asia. Ed. by Brandine V., Selden M. N. Y., 1972.

Р. Никсон: новый подход — старые цели

«Доктрина Никсона» была обращена в первую очередь к Азии и призывала к гибкому и всестороннему учету «меняющихся обстоятельств в изменяющемся мире». Ее «опорными элементами» были: партнерство с союзниками (различных градаций), готовность к переговорам, устранение «жесткости» внешнеполитических обязательств, военная помощь. С полным основанием к ним относят и американо-китайскую «нормализацию», или «новый подход к Китаю»⁷.

Именно так откровенно охарактеризовал основные положения «доктрины Никсона» один из ее непосредственных проводников, помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана М. Грин: «Это отнюдь не доктрина вывода войск. Наша проблема состоит не в том, как уйти из Азии, а в том, как должным образом остаться в Азии. Этой цели призваны служить и партнерство, и сила, и те переговоры, к ведению которых изъявляют готовность США... Мы пытаемся открыть эру переговоров с КНР»⁸.

Таким образом, азиатская политика США, основанная на принципах «доктрины Никсона», по существу, предполагала, с одной стороны, новый подход к Китаю, а с другой — верность принципу союзничества, в том числе и с дальневосточными союзниками (Японией, Южной Кореей, Тайванем), руками которых в первую очередь некогда осуществлялось «сдерживание Китая». Эта политика провозгласила одной из важнейших своих задач единство американских союзников в Азии, и главную роль в ее выполнении должна была играть Япония. В своем внешнеполитическом послании конгрессу в 1970 г. президент США называл Японию «ключом к успеху доктрины Никсона в Азии». Он подчеркивал, что «мир, процветание и прогресс на Тихом океане будут зависеть прежде всего от сотрудничества между США и Японией»⁹.

Главная идея новой азиатской политики Никсона состояла в том, чтобы, используя американо-японский договор безопасности, крепко привязать Японию — вторую (в капиталистическом мире) по экономической мощи страну — к осуществлению американских целей, опереться на ее потенциал для разделения политической «ответственности» и бремени военных расходов на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. При этом предусматривалось, что США пойдут навстречу некоторым требованиям и претензиям японского правительства: возвращение Окинавы, признание особых интересов в Южной Корее, на Тайване (на долю которых приходилось тогда 50% всех японских капиталовложений в Азии) и в странах Юго-Восточной Азии. Как сообщало американское агентство ЮПИ, выступая на закрытых слушаниях в сенатской подкомиссии по рассмотрению военных обязательств США за границей в конце 1969 г., заместитель государственного секретаря США А. Джонсон подчеркивал: «Отношения между США и Японией, а также позиция Японии в отношении других стран Азии и Тихого океана будут играть всевозрастающую роль в развитии этого обширного района, имеющего столь большое значение для США».

Другим дальневосточным союзникам США — Южной Корее и Тайваню — предназначалась не менее важная роль. Южнокорейский и чанкайшистский режимы были для Вашингтона более «удобными» и послушными партнерами, что объяснялось их полной зависимостью от США.

⁷ «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1, стр. 9.

⁸ "Washington Post", 27. XII. 1970.

⁹ Department of State Bulletin, 24.XI.1969, p. 440—441.

Это давало возможность Соединенным Штатам использовать их для оказания давления на других своих азиатских союзников, и прежде всего на Японию, в нужном для американского правительства направлении, и особенно для создания (как это трактовали творцы доктрины) «союза некоммунистических сил в Азии». При этом также учитывалось особое стратегическое положение Южной Кореи и Тайваня, нахождение их в непосредственной близости от границ КНР и рубежей стран социалистического содружества, ярый антикоммунизм обоих режимов, а также их чрезвычайная политическая активность в угодном для Вашингтона русле по созданию военно-политического союза в Восточной Азии.

В соответствии с «доктриной Никсона» с территориями союзников предполагался постепенный вывод большей части американского военного персонала. При этом одновременно планировалось усиление военного потенциала союзников как с помощью прямых поставок и продажи американского оружия, так и путем всемерного поощрения собственных усилий союзников в этом направлении.

Эту «возрастающую самостоятельную роль» союзников особо подчеркивал Никсон в своем гуамском выступлении, говоря, что «иначе они не научатся сами заботиться о себе». Он указывал, что в сочетании принципа замены мощи Соединенных Штатов силами их союзников с готовностью американского правительства прийти на помощь в случае ядерной угрозы и верностью всем своим договорным обязательствам — ключ к пониманию идеи, каким образом США собираются сохранить свою важную роль в Азии, выводя свои войска из Вьетнама и с других территорий¹⁰.

Расчеты американских правящих кругов на создание военно-политического союза в районе Азии и Тихого океана исходили из идеи обеспечения «регионального равновесия сил». Они заранее готовили почву, чтобы не допустить здесь возобладания сильного конкурента, который угрожал бы глобальным интересам США. При этом администрация Никсона стремилась отвести свои войска от китайских границ, но сохранить многоступенчатый контроль над различными частями района — через механизм «ядерного прикрытия» союзников, с помощью японо-американского договора безопасности и через двусторонние оборонительные договоры с союзниками.

По мере обеспечения единства между своими союзниками в Восточной Азии Вашингтон намеревался смягчить «жесткость» двусторонних договоров об обороне, в том числе и с Южной Кореей, и, возможно, принять на себя в будущем своеобразную посредническую роль в Азии. Р. Никсон прямо говорил о необходимости добиться того, чтобы азиаты «сами решали свои проблемы и конфликты», обещая помощь в случае угрозы нападения на них великой державы с применением ядерного оружия¹¹.

Анализ основных задач «новой азиатской политики США», выдвинутых Никсоном, приводит к заключению, что в азиатской политике США Южной Корее отводилась важная роль. Вместе с тем играть эту роль ей предназначалось в рамках тесной взаимозависимости американских союзников, и прежде всего дальневосточных. Кроме того, в определении этой политики (как и в оценке ситуации на Корейском полуострове) господствовал «глобалистский» подход, основанный на учете прежде всего политического и стратегического значения Южной Кореи для американского империализма, в результате чего внутрикорейские проблемы

¹⁰ "New York Times", 26. VII. 1969.

¹¹ *ibid.*

и главная среди них — проблема объединения страны — оказывались на заднем плане.

Политическая практика прошедших лет показала, что ряд важнейших задач «доктрины Никсона» оказался невыполненным, а другие подверглись серьезной прагматической корректировке. Последнее прежде всего касалось «нового подхода к Китаю». Пекин, как известно, воспринял вначале «доктрину Никсона» в целом как антикитайскую программу и готовился к политической конфронтации с США в Азии. Однако по мере претворения доктрины в жизнь уловил ее слабости (прежде всего в отношении Дальнего Востока) и усмотрел возможности для достижения определенного взаимопонимания с Вашингтоном и удовлетворения некоторых своих целей, вытекающих из его собственных гегемонистских устремлений.

Что же касается основных слабостей «доктрины Никсона», то они обнаружались как раз в области союзнических отношений. Во-первых, Соединенным Штатам не удалось обеспечить единства своих союзников в Азии. Менее чем через год после гуамской речи Никсона (к лету 1970 г.) стало ясно, что усилия по созданию военно-политического блока ПАТО или приданию военных функций политическому союзу АЗПАК обречены на провал, несмотря на особую активность в этом плане Сеула и Тайбэя. Большинство союзников США, и прежде всего Япония, проявили нежелание участвовать в каких-либо союзах даже с косвенной антикитайской подоплекой, тем более в условиях поиска Вашингтоном контактов с китайскими руководителями.

Вместе с тем новый курс США в Азии и, в частности, дипломатия «малых шагов» в отношении Пекина вызвали нарастающие центробежные тенденции в стане американских союзников в Азии, что в конце концов привело (уже после визита Р. Никсона в Пекин) к установлению некоторыми из них (Филиппины, Таиланд) дипломатических отношений с КНР и пересмотру статуса американских войск на их территориях.

Серьезные трения — как экономические, так и политические — существовали и продолжают существовать между Японией и Соединенными Штатами. Япония нередко противилась той роли, которую предписывали ей американские рецепты, и соглашалась прежде всего с теми из них, которые отвечали собственным интересам японских правящих кругов. Руководители страны давали открыто понять, что следует рассматривать проблемы безопасности Японии «с более независимых позиций» и даже «использовать силы противника для одержания победы над ними»¹².

Такая политика, естественно, вызывала недовольство у «малых» дальневосточных союзников США — Южной Кореи и Тайваня. Для них не только была очевидна военная слабость Японии вне американо-японского союза. Для них японская «независимость» в азиатских делах ассоциировалась с не столь уж давней японской оккупацией, с демагогическими лозунгами «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания», роли Японии как «старшего брата» и т. д. Подозрительность сеульских и тайбэйских лидеров в этом отношении получила новый толчок, когда японские монополии в 60-х годах начали усиленное экономическое проникновение в сферы своего «традиционного влияния», хотя в определенной степени и Южная Корея и Тайвань были заинтересованы в широких экономических связях с Японией.

Несмотря на серьезные противоречия между дальневосточными союзниками США, обусловленные как политико-экономическими, так и историческими факторами, американской дипломатии поначалу удалось

¹² "Newsweek", 8. II. 1971.

сделать важный шаг в навязывании Японии «особой ответственности» за южнокорейский и тайваньский режимы. 19—21 ноября 1969 г. состоялись переговоры между премьером Японии Э. Сато и Р. Никсоном. В коммюнике о переговорах говорилось, что «безопасность Корейской Республики неотъемлема от безопасности Японии», а сохранение мира и безопасности в районе Тайваня также является «исключительно важным фактором для безопасности Японии»¹³. По существу, это выглядело обязательством японского правительства быть союзником Соединенных Штатов Америки в поддержании южнокорейского и чанкайшистского режимов. Вместе с тем была очевидна разница в формулировках «обязательств». В последующем это подтвердилось, когда японские лидеры разъяснили, что в случае возникновения войны на Корейском полуострове Япония «обязана немедленно предпринять действия в помощь таким военным операциям, которые США начнут из Японии, даже до того, как ООН решит, является ли такая война в Корее агрессивной или нет», и что в случае боев в Тайваньском проливе Япония «не может не испытывать глубокого беспокойства по поводу положения этого государства (тайваньского режима. — Д. К.), которое она признала»¹⁴.

Сеульский режим, в общем положительно прореагировав на итоги встречи Никсон — Сато, попытался развить их, обратившись к японскому правительству с призывом «усилить систему военного сотрудничества» между Японией и Южной Кореей. Этот призыв содержался в документе, озаглавленном «Проблемы безопасности Корейской Республики в 70-е годы», который был направлен в Токио и отражал стремление южнокорейской верхушки привлечь японские правящие круги к активному созданию «трехсторонней оборонительной структуры» (США — Япония — Южная Корея) как основы будущего регионального военно-политического блока¹⁵. В тот период Япония заняла по данному вопросу уклончивую позицию.

Параллельно с усилиями по активному вовлечению Японии в орбиту американской политики в Азии происходило осуществление других важных мероприятий «доктрины Никсона», таких, как поиск каналов связи с Пекином, уменьшение военного присутствия США на периферии Китая (осуществление планов «вьетнамизации», прекращение патрулирования кораблей ВМС США в Тайваньском проливе). Такие аспекты политики Соединенных Штатов воспринимались в Сеуле весьма настоятельно.

В октябре 1969 г. в печать просочились сведения о том, что правительство США рассматривает вопрос о выводе из Южной Кореи одной дивизии американских войск, не связывая их присутствие с пребыванием южнокорейских войск численностью 40 тыс. человек во Вьетнаме¹⁶. Это заявление шло вразрез с заверениями Никсона, данными Пак Чжон Хи во время переговоров между ними в Сан-Франциско 22—23 августа 1969 г. о том, что президент Соединенных Штатов «не намерен возвращать» американские войска из Южной Кореи¹⁷.

Южнокорейская пресса немедленно запестрела советами «серьезно подумать над восполнением ущерба», «пересмотреть план всей обороны и принять ответственность за нее только на самих себя». Влиятельная сеульская газета «Хангук ильбо» предостерегала администрацию Никсо-

¹³ Department of State Bulletin, 1969, № 1590, p. 555—557.

¹⁴ "Japan Quarterly", 1970, № 3, p. 256.

¹⁵ "Japan Press Weekly", 11. IV. 1970, 18. VII. 1970.

¹⁶ "Korea Herald", 21. X. 1969.

¹⁷ "Washington Post", 28. XII. 1969.

на против попыток «умиротворить красный Китай за счет безопасности Южной Кореи», подчеркивая, что было бы грубой ошибкой со стороны США зайти так далеко в своем стремлении к сближению с Пекином, чтобы сократить военную поддержку Южной Кореи¹⁸.

Тем не менее 6 июля 1970 г. Соединенные Штаты через своего посла в Сеуле передали официальное уведомление южнокорейскому правительству о намерении сократить численность своих вооруженных сил в Южной Кореи на 20 тыс. человек. Это решение явилось началом нового важного этапа во взаимоотношениях Вашингтона со своими дальневосточными союзниками. Продолжая заявлять о верности союзническим договорам, американская администрация приступила в то же время к практическому сокращению своих вооруженных сил на территориях, непосредственно примыкающих к КНР. При этом впервые речь шла о войсках, не участвовавших в войне во Вьетнаме, что, естественно, не могло не касаться других союзников США в Азии¹⁹.

В Сеуле решение Белого дома вызвало открытую и ожесточенную оппозицию. Поскольку режим Пак Чжон Хи своими более ранними заявлениями исподволь подготавливал общественное мнение к мысли, что «американские войска не могут вечно оставаться в Кореи»²⁰, огонь критики был сосредоточен против «несвоевременности» шага правительства Никсона.

Важное заявление было сделано японским правительством. Начальник Управления национальной обороны Я. Накасонэ указал, что, хотя сокращение американских войск в Южной Кореи может повлиять на национальную безопасность Японии, ее вооруженные силы не примут на себя роли американских войск после их вывода²¹. В ответ на это тогдашний южнокорейский посол в Токио поспешил сообщить представителям печати, что Сеул также не хочет, чтобы в проблему вывода американских войск вмешивалась Япония²².

Правящая сеульская верхушка постаралась разжечь страсти вокруг вопроса о сокращении американских войск. Премьер-министр угрожал отставкой своего кабинета. Во время визита в Южную Корею 24—26 августа 1970 г. вице-президент США столкнулся там с таким недовольством решением Белого дома, что ему несколько раз пришлось связываться с Никсоном по телефону. Стороны не пришли к соглашению, поскольку возникли серьезные разногласия в оценке напряженности в Кореи и «угрозы со стороны Севера» (то есть КНДР), а также размеров американской помощи.

Решительное сопротивление со стороны Сеула, многочисленные упреки других американских союзников в связи с новой политикой США в Азии произвели на Вашингтон немалое впечатление. Американские специалисты по Восточной Азии делали вывод, что «доктрина Никсона», имевшая целью «усилить у азиатских народов гордость за себя и веру в свои силы, привела к противоположным результатам»²³.

Однако правительство Соединенных Штатов не отказалось от принятого решения. Уже в октябре 1970 г. начался вывод войск, а вскоре ста-

¹⁸ Цит. по: "Korea Times", 28. XII. 1969.

¹⁹ Вскоре после этого появились сообщения о решении правительства Никсона вывести почти все 12 тыс. американских солдат с Тайваня, сократить к июлю 1971 г. американский военный персонал в Таиланде, на Филиппинах и в Японии. (См. "Newsweek", 26. X. 1970; "New York Times", 27. XII. 1970.)

²⁰ "Korea Times". 24. IX. 1969.

²¹ «Емнури», 20. VII. 1970.

²² "Japan Times", 19. VII. 1970.

²³ "Asian Survey", 1971, № 10, p. 157.

ло известно, что США выводят как раз ту дивизию, которая охраняла 18-мильный участок демилитаризованной зоны²⁴. Таким образом, под контроль южнокорейской армии переходила вся 155-мильная линия перемирия между севером и югом Кореи. Очевидно, что это был центральный момент идеи сокращения войск в Корее, поскольку оставшиеся американские части были расположены в тылу и в случае небольших конфликтов автоматически в действия не вступали.

Решение о сокращении своих войск в Южной Корее было принято Соединенными Штатами фактически в одностороннем порядке, а соглашение по этому вопросу, подписанное 6 февраля 1971 г., явилось формальным выражением запоздалого согласия Сеула, уточнявшим главным образом обязательства США по пятилетней программе модернизации южнокорейской армии.

Вместе с тем столь бурная реакция южнокорейского режима и попытки Сеула шантажировать США выводом своих войск из Вьетнама, очевидно, возымели определенное действие на Вашингтон. В начале 1971 г. стало известно, что президент Никсон дал указание министерству обороны отложить на неопределенное время планы дальнейшего вывода американских войск, поскольку государственный департамент доказывал, что быстрый второй раунд сокращения может создать серьезные политические проблемы в Южной Корее, где весной 1971 г. было намечено проведение президентских и парламентских выборов²⁵. В последующие годы, вплоть до президентской кампании 1976 г., вопрос о новом сокращении не поднимался.

Активное китайско-американское сближение, принявшее после начала «пинг-понговой дипломатии» Пекина двусторонний характер, явилось важным этапом осуществления «доктрины Никсона» в Азии и привело к серьезным изменениям в расстановке сил на Дальнем Востоке. На какое-то время американская политика в отношении Китая затмила союзнические аспекты «доктрины Никсона», что вызвало недовольство союзников США и подтолкнуло Японию к ускорению нормализации своих отношений с КНР. Хотя Соединенные Штаты и не собирались порывать политических уз с союзниками и при каждом удобном случае подтверждали свои основные обязательства, вытекающие из двусторонних договоров, однако во имя дальнейшего сближения с Пекином американская администрация вынуждена была лавировать (особенно, например, по вопросу о Тайване) и идти на определенные компромиссы.

В целом позицию США в отношении Южной Кореи при администрации Никсона можно охарактеризовать как позицию полной поддержки при одновременном стремлении сохранить японскую «вовлеченность», оказать давление на Сеул в целях его большей политической гибкости и попытаться найти взаимопонимание с Пекином по корейской проблеме.

Анализ шанхайского коммюнике, например, показывает, что в ходе визита Р. Никсона в КНР проблема Кореи подверглась интенсивному обсуждению. Стороны зафиксировали в целом различные позиции по этому вопросу, хотя завуалированные формулировки и умолчания обнаружили их стремление не акцентировать на этом внимания. Итоги американско-китайской встречи в верхах продемонстрировали прежде всего то, что по вопросу о Корее американские и китайские руководители исходили из широких, глобальных интересов, подчиненных устремлениям правящих кругов своих стран. При этом была проявлена определенная готовность к компромиссу по форме, а в некоторых позициях

²⁴ "New York Times", 5. X. 1970.

²⁵ Ibid., 3. I. 1971.

(присутствие вооруженных сил США в Южной Корее) и по существу. Следует подчеркнуть, что именно в этот период особенно явственно стала вырисовываться двуручническая позиция Пекина, который официально поддерживал КНДР по проблеме объединения страны, и в частности по вопросу вывода вооруженных сил США из Южной Кореи, а конфиденциально выражал «понимание» необходимости американского военного присутствия на юге Корейского полуострова.

Стремительное китайско-американское сближение 1971—1972 гг. привело к определенным издержкам для союзнических отношений США на Дальнем Востоке. Прежде всего это относилось к Японии и ее «особой ответственности» за южнокорейский и тайваньский режимы.

Еще до американо-китайской встречи в верхах 7—9 января 1972 г. в Сан-Клементе состоялись переговоры между президентом США и премьер-министром Японии. На состоявшейся здесь пресс-конференции Э. Сато дал понять, что положения американо-японского коммюнике от ноября 1969 г. относительно Южной Кореи и Тайваня потеряли смысл и что Токио в отличие от Вашингтона не имеет военных договорных обязательств с этими режимами и может занять более гибкую позицию в отношении Пекина²⁶.

Представители сеульского МИД заявили, что замечания японского премьера отражают далеко идущие политические маневры, которые призваны обеспечить лучшие позиции в будущих китайско-японских переговорах, и что, по их мнению, положения совместного коммюнике Сато—Никсона остаются в силе, несмотря на отказ Сато от него²⁷. Действительно, замечания премьер-министра были немедленно исправлены японским министром иностранных дел, и в последовавшем официальном обмене нотами Япония подтвердила, что она придерживается статей коммюнике²⁸. Однако этот зигзаг Токио не остался случайным эпизодом.

Нормализация осенью 1972 г. отношений между Японией и КНР имела своим следствием разрыв Тайванем «мирного договора» 1952 г., фактически являвшегося политическим союзом между Токио и Тайбэем. И хотя Япония сохранила с тайваньским режимом активные экономические связи, а правительства Танака и Мики в последующие годы пытались улучшить двусторонние отношения, Япония с этого времени освободилась от политических гарантий перед Тайванем, в том числе и вытекавших из коммюнике Никсона—Сато от 1969 г.

Правящие круги Японии продолжали проявлять серьезные колебания и в отношении прошлых обязательств перед Сеулом. Так, японское правительство не поддержало планов южнокорейской верхушки по спасению АЗПАК и в течение нескольких лет избегало подтверждения обязательств по Корее, содержащихся в коммюнике Никсон—Сато, ссылаясь на новую ситуацию в районе. Вместе с тем Япония поддержала начало мирного диалога двух корейских сторон (например, в коммюнике Танака—Никсона 1 августа 1973 г.), а японские руководители все чаще стали подчеркивать необходимость мира и стабильности на всем Корейском полуострове.

Очевидно, стремлением выйти на поле более широкого маневрирования в отношении корейской проблемы следует объяснить тот факт, что японское правительство отмежевалось от сеульского тезиса об «угрозе нападения» со стороны КНДР, заявив 29 августа 1974 г., что, по его мне-

²⁶ "Japan Times", 8. I. 1972.

²⁷ "Korea Herald", 10. I. 1972.

²⁸ "Far Eastern Economic Review", 4. II. 1972, p. 28.

нию, такой угрозы не существует²⁹. Более того, в разъяснении МИД указывалось, что Япония не рассматривает южнокорейское правительство единственным законным правительством на Корейском полуострове и понимает ст. 3 «Договора об основах взаимоотношений» между Японией и Южной Кореей от 1965 г. как «признание суверенитета сеульского правительства только на территории Южной Кореи»³⁰.

Однако с приходом к власти в декабре 1974 г. кабинета во главе с Т. Мики позиция Японии опять стала меняться. Министр иностранных дел К. Миядзава сначала начал утверждать, что обстановка в Корее «тревожная», а после визита в США в апреле 1975 г. (незадолго до падения сайгонского режима) заявил, что положения коммюнике Никсона—Сато от 1969 г. остаются в силе³¹.

Диалог Пекина и Вашингтона и восстановление прав КНР в ООН положили начало политике приспособления южнокорейского режима к новой ситуации на Дальнем Востоке при сохранении в ее основе военно-политического союза с США. Основными направлениями этого приспособления, которое происходило под контролем США и при их активной помощи, были следующие:

Во-первых, вступление в диалог с КНДР. Известно, что на этой идее настаивали Соединенные Штаты и еще в 1970 г. советовали южнокорейским лидерам определить сферы, по которым Южная и Северная Корея могли бы начать диалог³². Хотя руководители южнокорейского режима и заявляли о «неизбежности в будущем диалога с Севером»³³, но, как отмечали американские исследователи, «Южная Корея использовала показной интерес к проблеме объединения для того, чтобы выиграть время для укрепления своих позиций»³⁴.

Во-вторых, отказ от некоторых прежних канонов своей внешней политики. Это нашло отражение, в частности, в отказе от корейского варианта «доктрины Хальштейна», в попытках установить торговые связи со странами Восточной Европы, в официальном разрешении на заходы в южнокорейские порты судов некоторых социалистических стран и т. п. Однако такие меры квалифицировались как «вынужденные» перед лицом сложившихся в мире реальностей, и прежде всего широкого признания Пекина³⁵.

В-третьих, попытки завязать контакты с КНР. Эти попытки имели место еще в августе 1971 г., когда южнокорейский министр иностранных дел заявил о готовности рассмотреть вопрос об установлении дипломатических отношений³⁶. Подобные попытки предпринимались и в дальнейшем, например осенью 1971 г., при посредничестве Канады, а также в марте 1973 г., в связи с претензиями Пекина на участки континентального шельфа Желтого моря.

В-четвертых, новая тактика в ООН и изменение в подходе к проблеме объединения страны. Здесь особенно отчетливо прослеживалось влияние Соединенных Штатов, которые стремились не только не допустить политического ущерба режиму Пак Чжон Хи в связи с восстановлением в ООН прав КНР, но и взяли курс на закрепление Южной Ко-

²⁹ «Экономист», 17. IX. 1974, стр. 6.

³⁰ См. Ю. М. Михайлов. Япония — Южная Корея: тенденции развития отношений. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, стр. 78.

³¹ «Japan Times», 18. IV. 1975.

³² United States Security Agreements and Commitments Abroad..., p. 1680—1681.

³³ «Korea Herald», 24. VIII. 1971.

³⁴ Clough R. Deterrence and Defense in Korea. The Role of US Forces. Wash., 1976, p. 28.

³⁵ «Korea Herald», 5. I. 1971.

³⁶ «Korea Times», 8. VIII. 1971.

рен в качестве отдельной политической единицы, даже если это будет в ущерб воссоединению Кореи, которое было признано Комиссией ООН как «открытое стремление всех корейцев»³⁷.

В 1971 и 1972 гг. корейская проблема в ООН не обсуждалась ввиду начала прямых контактов двух корейских сторон. Однако в начале 1973 г. стало очевидно, что дальнейшее откладывание обсуждения корейского вопроса в ООН невозможно. Международная общественность убедилась, что прямые переговоры Юга и Севера не сдвинули проблему объединения ни на йоту. Комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи вынуждена была признать, что дальние заявления о намерениях сторон дело не пошло³⁸. Многие американские политики и ученые пришли к выводу, что переговоры — это тактический ход Пак Чжон Хи, а не шаг к примирению, что он тем самым стремился завоевать популярность среди народных масс, использовать диалог в качестве торга с Америкой, боясь остаться «сиротой» в Азии³⁹.

За два месяца до начала сессии Генеральной Ассамблеи, 23 июня 1973 г., последовало неожиданное заявление южнокорейского президента о том, что Сеул предлагает обеим частям Кореи вступить в ООН и другие международные организации⁴⁰. (Это заявление было особенно неожиданным, поскольку совсем недавно южнокорейские лидеры требовали, чтобы ООН не вмешивалась в корейские дела и не усугубляла раскола нации.) Но при этом, как указал премьер-министр Южной Кореи на пресс-конференции, Сеул «возражает против любого предложения о выводе вооруженных сил ООН до тех пор, пока существует опасность агрессии на Корейском полуострове»⁴¹.

Новая тактика Сеула была очевидным результатом влияния американской дипломатии. Известно, что в июне 1973 г. для переговоров в Сеуле прибыл государственный секретарь США, который охарактеризовал заявление Пак Чжон Хи как перспективное⁴². Непосредственное согласование тактики США и Южной Кореи осуществлял его помощник по делам международных организаций Д. Пеппер.

Сеул отдавал себе отчет в том, что шансов на одновременное принятие КНДР и Южной Кореи в ООН практически не существует⁴³. Тем не менее делегация Южной Кореи тесно сотрудничала с американской, взявшей на себя инициативу в этом вопросе. Положение делегации США облегчалось тем, что она более, чем кто-либо, была в курсе настроений Пекина. Г. Киссинджер, ставший незадолго до этого государственным секретарем США, был первым, кто поведомил миру о том, что КНР не возражает против присутствия войск США в Корею⁴⁴. Его поездка в КНР (в середине ноября 1973 г., накануне обсуждения корейского вопроса в Первом комитете) показала, что американо-южнокорейская тактика в ООН была построена с учетом истинной позиции Пекина по

³⁷ Доклад Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи (КОВК). Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, 26 сессия, дополнение № 27 (A/8427). Нью-Йорк, 1971, стр. 27.

³⁸ Доклад КОВК..., 28 сессия, дополнение № 27 (A/9027), Нью-Йорк, 1973, стр. 32.

³⁹ См., например, Reishouer E., Henderson G. There's Danger in Korea Still. — "New York Times Magazine", 20. V. 1973, p. 19.

⁴⁰ "Korea Herald", 24. VI. 1973.

⁴¹ Доклад КОВК..., 28 сессия..., стр. 7.

⁴² Department of State Bulletin. 13. VIII. 1973, № 1781, p. 253.

⁴³ См. "Korea Herald", 19. IX. 1973. Проекты резолюций, предложенные западными странами, а также социалистическими и нейтральными государствами, были противоположны по смыслу, но имели совпадающий пункт — о роспуске Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи.

⁴⁴ "Korea Herald", 2. X. 1973.

вопросу о Корее. По свидетельству американских источников, формула в ООН была разработана Киссинджером и Чжоу Энь-лаем на основе соглашения, достигнутого в Пекине⁴⁵.

Благодаря этому в Первом комитете ООН возобладала американская тактика «спокойного» обсуждения проблемы, без бурных дебатов прошлых лет. К тому же заместитель государственного секретаря Ч. Портер (бывший посол в Южной Корее) связал в одном из выступлений присутствие американских войск с договором о взаимной обороне с Южной Кореей, а не с мандатом ООН⁴⁶. Из этого тезиса, который был подхвачен другими американскими дипломатами, следовало, что даже лишение мандата ООН практически не отразилось бы на присутствии войск США на юге Кореи.

21 ноября 1973 г. Первый комитет ООН с общего одобрения решил не проводить голосования по двум проектам резолюции о Корее, а заявить о консенсусе (согласии) относительно роспуска Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи, выразив надежду, что диалог, направленный на мирное объединение Кореи, будет продолжен двумя сторонами⁴⁷. Это предложение было утверждено Генеральной Ассамблеей.

Характерной чертой внешнеполитического курса Южной Кореи в условиях новой ситуации в Азии стал ее двойственный характер. Сеул официально приветствовал и объявление о визите Р. Никсона в КНР и его итоги, однако в выступлениях лидеров режима постоянно присутствовал тезис о том, что разрядка напряженности в Азии не коснулась Корейского полуострова. Это являлось своеобразным обоснованием требований как политической и военной помощи от США, так и усиления репрессий внутри страны.

Как известно, южнокорейская верхушка использовала начало диалога Север—Юг в качестве предлога для протаскивания новой конституции Южной Кореи, в соответствии с которой Пак Чжон Хи присвоил себе пожизненные диктаторские полномочия. С помощью ряда чрезвычайных мер был установлен жесткий полицейский террор в отношении любого несогласия с политикой режима и малейшей критики в адрес президента и новой конституции.

Ряд американских конгрессменов критиковал методы правления Пак Чжон Хи. Однако официальный Вашингтон всеми своими действиями демонстрировал, что для него главное — существование «сильной власти» в Сеуле, стремление избежать «дестабилизации» в Южной Корее, что могло бы подорвать осуществление главных задач США в этом районе. Южнокорейская верхушка не без успеха использовала это в своих целях.

Дж. Форд: шаг назад

«Уотергейтский скандал» означал конец президентства Р. Никсона, но не конец большинства тех принципов, которые были положены в основу новой политики США на Дальнем Востоке. Вместе с тем политическая реальность вносила свои коррективы в американский курс.

Сокрушительное поражение американского империализма в Индокитае привело к важной смене акцентов в политике Соединенных Штатов в Азии. Уже 1 мая 1975 г., то есть на другой день после падения

⁴⁵ "Asian Survey", 1974, № 1, p. 50.

⁴⁶ Department of State Bulletin. 22. X. 1973, № 1791, p. 509.

⁴⁷ South-North Dialogue in Korea. Seoul, 1973, (№ 003, Dec.)

Сайгона, министр обороны США Дж. Шлесинджер заявил, что после ухода из Вьетнама «фронтовой зоной обороны» являются Западная Европа и Южная Корея. Эта мысль содержалась и в выступлениях нового президента США и государственного секретаря. Так, Г. Киссинджер заявил 16 мая 1975 г.: «Мы считаем, что оборона и безопасность Кореи важны для безопасности всей Северо-Западной части Тихого океана, очень важны для наших отношений с Японией»⁴⁸.

В этот период выяснилась еще одна важная деталь американо-южнокорейских отношений. В ходе рассмотрения в американском конгрессе военного бюджета на 1976 финансовый год впервые было официально сообщено, что Соединенные Штаты разместили в Южной Корее 1 тыс. единиц тактического ядерного оружия и 54 самолета для их доставки, причем часть ядерных боеголовок находится вблизи демаркационной линии⁴⁹.

Главной особенностью политического курса США на Дальнем Востоке «после Вьетнама» явились энергичные усилия Вашингтона укрепить «особую ответственность» Японии за южнокорейский режим и создать тем самым новую военно-политическую структуру США — Япония — Южная Корея. В этой структуре уже не находилось места Тайваню, который стал обособленным объектом китайско-американского маневрирования.

Новые акценты политики Вашингтона в Азии встретили понимание со стороны японских правящих кругов, обеспокоенных провалом американской авантюры в Индокитае. Уже 9 июня 1975 г. премьер-министр Японии сделал заявление о том, что в случае столкновения на Корейском полуострове американским самолетам будет позволено стартовать из Японии⁵⁰. 23 июля 1975 г. министр иностранных дел К. Миядзава прибыл в Сеул с официальным визитом, в ходе которого была достигнута договоренность о возобновлении экономической помощи южнокорейскому режиму и налаживании двусторонних отношений, которые были весьма натянутыми после похищения сеульской охранкой из Японии лидера южнокорейской оппозиции Ким Тэ Чжуна.

Центральным событием в усилиях по созданию трехсторонней «оборонной» структуры в Северо-Восточной Азии явился визит премьер-министра Японии в США 5—6 августа 1975 г. В совместном заявлении Мики — Форда указывалось, что «безопасность Корейской Республики имеет важнейшее значение для сохранения мира на Корейском полуострове, что в свою очередь необходимо для обеспечения мира и безопасности Восточной Азии, в том числе Японии»⁵¹.

Сравнивая эту формулировку с аналогичной формулой коммюнике Никсона — Сато от ноября 1969 г. («безопасность Южной Кореи имеет жизненно важное значение для безопасности Японии»), нетрудно увидеть не только связь между ними, но и определенное различие. Последнее заключается в том, что прежняя жесткая взаимозависимость судеб Японии и Южной Кореи была устранена, но увязана с безопасностью не только всего Корейского полуострова, но и всей Восточной Азии. Очевидно, такая формула отвечала интересам всех участников нового союза, поскольку Япония хотела бы иметь известную свободу действий в отношении связей с США для «стабилизации» обстановки в регионе. Южная Корея не могла надеяться на Японию без американской под-

⁴⁸ Department of State Bulletin, 9. VI. 1975, № 1876, p. 760.

⁴⁹ См. «Нодон синмун», 6. VIII. 1976.

⁵⁰ См. «Тон'а ильбо», 10. VI. 1975.

⁵¹ Department of State Bulletin, 8. IX. 1975, № 1889, p. 383.

держки и влияния, но нуждалась в политической и экономической помощи обеих стран, а Соединенные Штаты стремились связать двух своих дальневосточных союзников и направить их в русло своей стратегии в Азии, учитывая при этом особенности их взаимоотношений. Анализ документа и практических действий Вашингтона и Сеула позволял говорить об их стремлении закрепить статус-кво в Корее и упрочить позиции южнокорейского режима.

Планируемому союзу США — Япония — Южная Корея не хватало только одного элемента, чтобы превратиться в замкнутый блок: договорных связей в военной области между Японией и Южной Кореей. Именно на это и были направлены (летом 1975 г.) главные усилия Вашингтона и Сеула. Пак Чжон Хи, например, прямо заявил в интервью газете «Нью-Йорк таймс», что «он предложил японским руководителям, чтобы между Японией и Южной Кореей были установлены особые отношения в области обороны, поскольку обе они связаны военными договорами с США»⁵².

Этой же цели служил целый ряд политических шагов Соединенных Штатов Америки, в особенности визит в конце августа 1975 г. американского министра обороны в Сеул и Токио. В ходе выяснения военных нужд южнокорейского режима Дж. Шлесинджер сделал заявление о том, что Соединенные Штаты «будут и впредь сохранять численность своих войск в Южной Корее на прежнем уровне», а в случае конфликта на Корейском полуострове «оставят свой выбор открытым для использования тактического ядерного оружия»⁵³. Такое заявление одного из высших руководителей США означало не только отход от важнейшего принципа «доктрины Никсона» («ядерный ответ» только на вмешательство великой державы с применением ядерного оружия), но и неприкрытый ядерный шантаж. На переговорах Шлесинджера с начальником Управления национальной обороны Японии М. Саката стороны договорились, что Япония наряду с США внесет свой вклад в обеспечение «безопасности» Южной Кореи путем предоставления своих военных баз в случае военных действий в Корее, а также путем обеспечения тыловой поддержки⁵⁴.

В течение второй половины 1975 г. и всего 1976 г. расширение связей в различных областях внутри тройственного альянса шло исключительно быстрыми темпами⁵⁵.

В условиях, когда администрацией Форда даже не ставился вопрос о новом сокращении вооруженных сил США в Южной Корее, продолжалось интенсивное наращивание военного потенциала сеульского режима. Стало известно, что режим Пак Чжон Хи разрабатывает новый пятилетний план модернизации вооруженных сил, хотя первая программа (1971—1975) была еще далека от завершения. В конце 1975 г. было сообщено, что стоимость этой программы будет около 5 млрд. долл., причем 3 млрд. из них предполагается получить в форме кредитов и займов из-за границы, то есть главным образом из Соединенных Штатов и Японии⁵⁶.

Усилия Вашингтона, Токио и Сеула по созданию тройственного союза в непосредственной близости от Китая были встречены в Пекине более чем сдержанно. Особенно наглядно эта «сдержанность» была про-

⁵² "New York Times", 21. VIII. 1975.

⁵³ Ibid., 30. VII. 1975.

⁵⁴ "Japan Press", 1975, № 958, p. 75.

⁵⁵ См. подробнее: Д. В. Петров. Японо-американский союз и новая обстановка в Азии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3.

⁵⁶ "Washington Post", 29. XII. 1975.

демонстрирована в ходе обсуждения корейского вопроса на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Китайские представители, как и ранее, в своих выступлениях не затронули попыток США, Японии и Южной Кореи, направленных на создание военного союза, хотя и поддержали проект резолюции социалистических и нейтралистских стран по Корее. Представитель КНР, вслед за правительством КНДР, отклонил предложение Г. Киссинджера о созыве конференции «заинтересованных сторон» по Корее в узком (КНДР, КНР, США, Южная Корея) или в более широком составе, заявив, что в значительно изменившихся со времени перемирия обстоятельствах практически приемлемым будет лишь заключение мирного договора вместо соглашения о перемирии «путем консультаций между фактически заинтересованными сторонами соглашения по перемирию в Корее»⁵⁷.

В этот период стала особенно очевидна лицемерность позиции КНР по корейской проблеме. Китайские представители в конфиденциальных беседах с американцами одобряли пребывание войск США в Южной Корее. Об этом, в частности, сообщали конгрессмены Ч. Перси, Д. Андерсон, М. Минк и другие, посетившие КНР в августе 1975 г. и в январе 1976 г.⁵⁸ Довольно откровенно на этот счет высказалась близкая к госдепартаменту газета «Вашингтон пост»: «Называя себя коммунистической страной, Китай в то же время энергично сигнализирует Соединенным Штатам, что он хочет, чтобы американские войска оставались в Южной Корее»⁵⁹.

Новый свет на позицию Пекина в отношении Южной Кореи и корейской проблемы в целом пролил визит Дж. Форда в КНР 1—5 декабря 1975 г. Хотя, как известно, никакого совместного заявления подписано не было, однако на пресс-конференции в Пекине 4 декабря Г. Киссинджер сказал, что проблема Кореи обсуждалась, и добавил: «Наши точки зрения не идентичны, но характеризуются пониманием, и мы надеемся, что обе стороны будут оставаться сдержанными в отношении Корейского полуострова»⁶⁰.

Вскоре после визита японская газета «Ёмиури» сообщила об одной важной детали китайско-американских переговоров. Газета поместила информацию о том, что во время встречи с Дж. Фордом Мао Цзэ-дун предложил президенту США совместно воздействовать на правительства КНДР и Южной Кореи, с тем чтобы они проводили политику, устраивающую одновременно Пекин и Вашингтон. МИД Японии, проанализировав сообщение, назвало его правдоподобным, поскольку оно подкрепляется последующими заявлениями американских руководителей относительно занятия общей с КНР позиции в корейском вопросе⁶¹. Это сообщение получило подтверждение и южнокорейских информационных агентств.

Осуществлявшийся Соединенными Штатами Америки курс в отношении Южной Кореи был подтвержден в «тихоокеанской доктрине», обнародованной Дж. Фордом в Гонолулу 9 декабря 1975 г., сразу после поездки в КНР и ряд стран Восточной Азии. Обращало на себя внимание то, что среди пяти основных элементов новой доктрины (американская мощь — основа стабильного баланса в азиатско-тихоокеанском регионе; партнерство с Японией; нормализация отношений с КНР; тесные и дружественные связи с другими государствами Азии; урегулиро-

⁵⁷ «Жэньминь жибао», 27. IX. 1975.

⁵⁸ "Washington Post", 28. II. 1976.

⁵⁹ См. «Правда», 19. III. 1976.

⁶⁰ Department of State Bulletin, 29. XII. 1975, № 1905, p. 929.

⁶¹ См. «Правда», 13. XII. 1975.

вание политических конфликтов) последний прямо был связан с Кореей. Президент США заявил: «Сохраняется напряженность в Корее. Мы имеем тесные связи с Корейской Республикой, и мы остаемся вовлеченными в дело мира и безопасности на Корейском полуострове, подтверждая в то же время присутствие здесь наших вооруженных сил»⁶². Однако уже тогда американское общественное мнение все больше стало склоняться к необходимости постепенного вывода вооруженных сил США из Южной Кореи. Э. Рейшауэр опубликовал статью с призывом заменить нынешние обязательства США перед сеульским режимом «более общим обязательством в отношении мира в этом районе»⁶³.

Однако такая идея не отвечала задачам администрации Форда. Во всяком случае, это стало ясно, когда Постоянный совет Верховного Народного Собрания КНДР в начале 1976 г. обратился с письмом к парламентам и правительствам всех стран способствовать тому, чтобы обеспечить прочный мир в Корее и ускорить объединение Севера и Юга без вмешательства извне. В письме содержалось требование распустить «Командование вооруженными силами ООН» и вывести из Южной Кореи все иностранные войска⁶⁴. Вашингтон предложил в ответ старую идею четырехсторонней конференции по корейской проблеме, а Пекин в ответном письме Постоянного совета ВСНП КНР от 13 марта 1976 г. заявил, что он «полностью поддерживает твердую и справедливую позицию КНДР», подчеркнув, что «пребывание американских войск в Южной Корее — самое большое препятствие на пути осуществления корейским народом самостоятельного мирного объединения родины»⁶⁵.

Подводя итог короткому периоду президентства Дж. Форда, можно констатировать, что политика его администрации явилась специфической «защитной реакцией» на поражение американского империализма в Индокитае. Это привело к смещению стратегических интересов США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в район Северо-Восточной Азии, в соответствии с чем Корея стала рассматриваться как наиболее важный аванпост империализма в Азии, сохранение которого Соединенные Штаты стали связывать с созданием военного союза США — Япония — Южная Корея на основе ранее заключенных двусторонних союзнических договоров.

Несмотря на очевидную преемственность с политикой предыдущей администрации, в ряде важных аспектов политический курс Дж. Форда сделал шаг назад по сравнению с «доктриной Никсона». При этом, продолжая оказывать всемерную поддержку южнокорейскому режиму, Вашингтон проявил стремление сделать проблему Кореи предметом обсуждения узкого круга участников, где главная роль принадлежала бы США и КНР.

Дж. Картер: обещания и действительность

Приход Джеймса Картера в Белый дом сулил перемены в вопросе об американском военном присутствии в Южной Корее, поскольку в ходе предвыборной кампании новый американский президент выступал за вывод американских сухопутных войск и удаление тактического ядерного оружия.

Перед самым стартом «президентской гонки», в начале 1976 г., ин-

⁶² Department of State Bulletin, 29. XII. 1975, № 1905, p. 915.

⁶³ "Christian Science Monitor", 26. VII. 1976.

⁶⁴ См. «Минчжу Чосон», 5. III. 1976.

⁶⁵ «Жэньминь жибао», 14. IV. 1976.

ститут Брукинга в Вашингтоне выпустил книгу видного специалиста по дальневосточным проблемам Ральфа Клофа «Сдерживание и оборона в Корее. Роль американских вооруженных сил», которая сразу была воспринята как «корейская программа» Дж. Картера. Автор книги считал необходимым в течение двух или более лет дать возможность Соединенным Штатам «прийти в себя» после Индокитая, взвесить свои силы и возможности и не предпринимать ничего в Корее, что может подорвать веру союзников в американские обязательства, породить подозрения в ослаблении позиций США. Затем правительство, по мнению Клофа, могло бы рассмотреть вопрос об удалении ядерного оружия и сухопутных войск, но при сохранении ВВС — в зависимости от обстановки, действуя при этом в тесном сотрудничестве с Южной Кореей и Японией и учитывая настроения и позицию Северной Кореи. В перспективе «план Клофа» предусматривал полный вывод войск США в результате обеспечения разрядки напряженности в отношениях между двумя корейскими сторонами, значительного прогресса в переговорах между ними, признания Севера и Юга Кореи четырьмя крупнейшими державами (США, Япония, СССР, КНР) и вступления их в ООН⁶⁶.

В этой программе, направленной в конечном счете на раскол Кореи во имя глобальных интересов американского империализма, присутствовал содержащийся в «доктрине Никсона» тезис о постепенном выводе сухопутных войск, имелся и новый весьма важный элемент — тезис о первоочередности вывода ядерного оружия.

Не преувеличивая значения предложений Р. Клофа, следует подчеркнуть, что первые шаги президента Картера были сделаны именно в таком направлении. При этом необходимо иметь в виду, что они совпали периодом охлаждения отношений между Вашингтоном и Сеулом, вызванного подкупом ряда американских законодателей агентами южнокорейской разведки и появившимися сообщениями о слежке агентов американского ЦРУ за южнокорейским президентом⁶⁷.

Во время визита в Вашингтон премьер-министра Японии Т. Фукуда 21—22 марта 1977 г. в совместном коммюнике относительно вывода американских сухопутных сил из Южной Кореи говорилось: «Соединенные Штаты после консультаций с Корейской Республикой, а также Японией будут действовать таким образом, чтобы не создать угрозы миру на Корейском полуострове». Дж. Картер подтвердил также сохранение обязательств США по обороне Южной Кореи⁶⁸.

Однако обращало на себя внимание то, что японская сторона никак не выразила своего отношения к этому заявлению, хотя, как известно, премьер-министр еще 14 февраля 1977 г. заявил, что «правительство не будет возражать против постепенного вывода американских войск из Южной Кореи, если это будет сделано таким путем, который не нарушит военного равновесия на Корейском полуострове»⁶⁹. Очевидно, Япония продолжала придерживаться занятой незадолго до этого позиции внешнего невмешательства в двустороннюю проблему США и Южной Кореи. Смысл этой позиции, учитывавшей недовольство в правящих кругах страны планами Картера в Корее, заключался в том, что «Япония не может выразить свою оппозицию, поскольку нет угрозы миру, безопасности и стабильности на Дальнем Востоке»⁷⁰.

⁶⁶ Clough R. Op cit., p. 49—55.

⁶⁷ См. "New York Times", 14. X. 1976; «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 2, стр. 134—136.

⁶⁸ "Japan Times", 24. V. 1977.

⁶⁹ "Daily Yomiuri", 15. II. 1977.

⁷⁰ "Japan Times", 19. II. 1977.

Внимание наблюдателей привлекло и то, что в согласованном сторонами пункте о «важности поддержания мира и стабильности на Корейском полуострове для безопасности Японии и всего Дальнего Востока» на этот раз (в отличие от совместного заявления Мики и Форда от 1975 г.) не была упомянута Южная Корея.

В мае и июле 1977 г. высокопоставленные американские представители обсуждали в Токио и Сеуле конкретные планы вывода.

После состоявшихся бесед в Сеуле южнокорейские лидеры, как писала американская пресса, «с явным неудовольствием признали неизбежность вывода», но заявили, что удаление сухопутных войск США должно быть компенсировано поставками в течение 4—5 лет современного вооружения и увеличением боевой мощи южнокорейской армии⁷¹.

Вместе с тем в последнее время американские «ястребы» из числа военных и конгрессменов, а также определенные круги в Японии усилили давление на правительство Картера. Очевидно, результатом этого явилось заявление Дж. Картера с намеком на возможность применения Соединенными Штатами ядерного оружия в Корее⁷².

Результаты американско-японо-южнокорейских консультаций похоронили надежды тех, кто поверил обещаниям о выводе американских войск из Южной Кореи и заявлениям о стремлении к разрядке напряженности на Корейском полуострове. Стало ясно, что США выведут к концу следующего года всего 6 тыс. солдат, но после завершения пятилетней программы сокращения оставят 13 тыс. военнослужащих (главным образом из ВВС) в Южной Корее. Одновременно США намерены сейчас увеличить на одну четверть военную авиацию.

Если учесть, что Соединенные Штаты будут одновременно продолжать переоснащение южнокорейской армии и резко увеличат военную помощь Сеулу (в том числе путем передачи вооружения для ВВС и ВМС), то станет ясно, что речь идет о существенном возрастании военного потенциала американско-южнокорейских сил в Корее.

Правительство Дж. Картера находится еще в начале своего пути. Но по первым шагам уже можно судить, что его цели в Южной Корее остаются теми же, которые были провозглашены новой азиатской политикой Р. Никсона: во имя интересов американского правящего класса уменьшить «физическое присутствие» США, оградить себя от автоматического вовлечения в возможный конфликт, тем более ядерный, на Корейском полуострове, но всеми силами сохранить главные стратегические и политические позиции в Южной Корее, поскольку Юг Кореи остается последним американским форпостом непосредственно на Азиатском континенте, потеря которого может серьезно отразиться на политической ориентации Японии и в целом на американском присутствии во всей Северо-Восточной Азии.

Шаги, предпринимаемые новой администрацией США,— это отнюдь не решение проблемы, а своеобразный камуфляж под видом предпринимаемых полумер. Например, вывоз ядерного оружия отнюдь не устраняет угрозу ядерной войны в Корее, ибо базы на Окинаве являются такими же передовыми пунктами ядерного базирования, нацеленными на Корею, Китай и Советский Союз. Появились признаки и того, что сеульский режим рвется к обладанию ядерным оружием.

Кроме того, вывод сухопутных войск США будет, согласно планам Вашингтона, сопровождаться «модернизацией» южнокорейской армии. А это очевидное для всех начало нового этапа гонки вооружений на

⁷¹ "New York Times", 26. V. 1977.

⁷² См. «Правда», 8. VII. 1977.

Корейском полуострове. При этом важно подчеркнуть, что, согласно данным конгресса США, за прошедшие семь лет военная помощь более чем вдвое превысила ту, которая была оказана за предыдущие 16 лет, и составила на середину 1975 г. 6,5 млрд. долл.⁷³.

А недавно газета «Вашингтон пост» сообщила, что Пентагон представил администрации Картера план оказания дополнительной военной помощи режиму Пак Чжон Хи на сумму в 8 млрд. долл.⁷⁴.

Огромная военная помощь Южной Корее является главным средством укрепления режима Пак Чжон Хи, одного из самых жестоких и антидемократических в мире. И поэтому, как бы высокопарно ни выражались в Белом доме о «защите» прав человека в других странах, пример Южной Кореи — союзника США — красноречиво свидетельствует о том, что во имя политических интересов американское правительство смотрит сквозь пальцы на вопиющий террор и насилие в Южной Корее.

При явном и тайном попустительстве Вашингтона режим Пак Чжон Хи возвел в ранг государственной доктрины концепцию «наращивания сил для объединения Кореи путем победы над коммунизмом», предусматривающую ускорение экономического развития и интенсивное наращивание (при активной помощи США) военного потенциала Южной Кореи. Эту агрессивную концепцию пресса КНДР справедливо расценивает как перелицовку лисынмановской доктрины объединения Кореи путем «похода на Север».

* * *

Что касается позиции Советского Союза в отношении корейской проблемы, то на протяжении более чем трех десятков лет она остается ясной и последовательной. В сжатой и убедительной форме она вновь была подтверждена в ответах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на вопросы главного редактора японской газеты «Асахи»: «Мы поддерживаем предложения КНДР о выводе всех иностранных войск из Южной Кореи и создании благоприятных условий для объединения страны на мирных демократических началах без какого-либо вмешательства извне». Л. И. Брежнев указал, что эту позицию разделяет большинство государств — членов ООН⁷⁵.

Мирной является и позиция Корейской Народно-Демократической Республики, что еще раз было подчеркнуто в интервью президента КНДР Ким Ир Сена французской газете «Монд»⁷⁶. В этом интервью подтверждались предложения «решить проблему Кореи совершенно независимо и без всякого иностранного вмешательства», на основе «мирного национального единства, преодолевающего различия в режимах и идеологии». В качестве первого практического шага на пути к постепенному объединению страны была подтверждена идея конфедерации Севера и Юга Кореи. В интервью была также подвергнута критике позиция президента Картера по вопросу вывода американских войск из Кореи, как все более отдаляющаяся от его предвыборных обещаний.

Проведенный анализ показывает, что ситуация, сложившаяся ныне вокруг проблемы Кореи, весьма сложная. Тем не менее она предоставляет определенные возможности для поиска приемлемой альтернативы, отвечающей интересам корейского народа, а также учитывающей позиции крупнейших держав региона — Японии, США, КНР и СССР.

⁷³ US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. July 1, 1945 — June 30, 1975. S. 1., s. a., p. 75.

⁷⁴ «Правда», 29. VII. 1977.

⁷⁵ «Правда», 7. VII. 1977.

⁷⁶ «Monde» 26—27. VI. 1977.

Некоторые экономические проблемы китайской деревни в 70-х годах

Л. А. Волкова,
кандидат экономических наук
В. И. Потапов,
кандидат экономических наук

Положение в китайской деревне, где проживает свыше 80% населения страны¹, оказывает непосредственное влияние на экономическую и политическую ситуацию в стране. Поэтому в деятельности китайского руководства существенное место отводится мероприятиям в области сельского хозяйства, политике по отношению к крестьянству. В свою очередь политическая и экономическая ситуация, складывающаяся в деревне, постоянно оказывает влияние на определение политических и социальных моментов деятельности китайских руководителей.

Как известно, сельское хозяйство КНР, являясь важной отраслью экономики, поставляет 70% сырья для легкой промышленности² и вместе с переработкой его продукции дает более 50% поступлений в бюджет, 70% товаров для экспорта, в формировании национального дохода доля сельского хозяйства составляет около 40%. Эта отрасль народного хозяйства служит важным источником накопления средств для развития тяжелой промышленности, а деревня представляет емкий рынок сбыта для промышленной продукции.

Аграрная политика китайского руководства преследует как экономические, так и политические цели в деревне: обеспечение потребностей страны в сельскохозяйственной продукции, получение средств для финансирования программ экономического строительства, поддержание политической стабильности в деревне.

Методы достижения этих целей не были одинаковыми на различных этапах социально-экономического развития страны, выступая производным фактором от стратегической направленности общеполитического курса.

В первые восемь лет после образования КНР (1950—1957) осуществление Коммунистической партией Китая целого ряда важных мероприятий в деревне, главными из которых являлись аграрная реформа, а затем кооперирование, сыграло решающую роль в быстром восстановлении и развитии сельскохозяйственного производства. В 1957 г. валовой сбор зерна составил 185 млн. т (включая батат и картофель в пересчете 4:1), хлопка-волокна — 1,64 млн. т, поголовье свиней увеличилось до 145,9 млн. голов, то есть рост по сравнению с 1949 г. составил соответственно 71,3%, 400 и 250%. Темпы роста производства сельскохозяйственной продукции значительно опережали рост населения, что обеспечивало улучшение снабжения последнего продовольствием и промышленным сырьем.

¹ «Хунци», 1977, № 2, стр. 43.

² Там же, стр. 42.

В последние годы первой пятилетки (1953—1957) в Китае был разработан долгосрочный план развития сельского хозяйства («Основные положения плана развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 годы»). Эта 12-летняя программа содержала комплекс мероприятий, осуществление которых обеспечило бы более высокие по сравнению с первой пятилеткой темпы развития сельскохозяйственного производства и повышение материального и культурного уровня жизни тружеников деревни.

По второму пятилетнему плану (1958—1962), который был принят VIII съездом КПК в 1956 г., намечалось увеличить в 1962 г., например, производство зерна до 250 млн. т, хлопка-волокна — до 2,4 млн. т, довести поголовье свиней до 250 млн. голов, что соответственно на 30, 50 и 70% больше по сравнению с уровнем 1957 г. К концу предполагаемой третьей пятилетки (1963—1967) производство зерновых культур намечалось увеличить до 369—375 млн. т, то есть довести производство зерна в расчете на душу населения до 500 кг (1957 г. — 286 кг).

Однако переход китайского руководства в 1958 г. к авантюризму в экономической политике, выразившийся в попытке осуществить «большой скачок», то есть за короткий период времени резко увеличить производство промышленной и сельскохозяйственной продукции при отсутствии в стране необходимых для этого условий, в создании в деревне народных коммун, привел к кризису в экономике страны, в том числе и в сельском хозяйстве. Уже к 1960 г. производство сельскохозяйственной продукции резко сократилось, снизившись до уровня 1952—1953 гг.

В 1960 г. валовой сбор зерновых культур упал до 160 млн. т, хлопка-волокна — до 1 млн. т, а поголовье свиней сократилось до 120 млн. голов.

Потребовалось пять лет, чтобы восстановить сельское хозяйство. В период так называемого «урегулирования» народного хозяйства (1961—1965) китайское руководство вынуждено было в значительной степени отказаться от форм и методов ведения хозяйства в годы «большого скачка». Были разукрупнены народные коммуны, в рамках которых производственные бригады и большие производственные бригады получили большую хозяйственную самостоятельность. Крестьянам были возвращены приусадебные участки. Постепенно восстанавливался принцип материальной заинтересованности крестьян в своем труде.

В последние годы периода «урегулирования» в связи с принятыми мерами народное хозяйство страны было выведено из состояния кризиса, промышленное производство начало постепенно возрастать, сельскохозяйственное производство достигло в целом уровня 1957 г.

Вместе с тем положение в экономике оставалось напряженным. Сельское хозяйство продолжало испытывать трудности, вызванные авантюристической политикой китайского руководства в годы «большого скачка». Были ослаблены позиции коллективного хозяйства в деревне. Уровень жизни основной массы крестьянства продолжал оставаться низким. Чжоу Энь-лай, выступая с докладом о работе правительства на I сессии ВСНП третьего созыва (декабрь 1964), отмечал, что главные задачи 1965 г. в области экономики заключаются в том, чтобы «завершить еще не выполненные задачи по урегулированию народного хозяйства и подготовиться к выполнению третьего пятилетнего плана, осуществление которого начнется с 1966 г.»³.

³ «Жэньминь жибао», 31. XII. 1964.

Развернувшаяся в 1966 г. политическая кампания, получившая название «великой пролетарской культурной революции», значительно усугубила трудности в экономике, которые еще не удалось ликвидировать после «большого скачка». Третий пятилетний план, о котором упоминал Чжоу Энь-лай в 1964 г., не был разработан. XI пленум ЦК КПК восьмого созыва (август 1966), одобрявший эту политическую кампанию, не выдвинул никакой позитивной экономической программы.

Во время «культурной революции» и в последующие годы особенно проявилось стремление маоистского руководства использовать гражданские отрасли экономики, в том числе и сельское хозяйство для наращивания военно-промышленного потенциала с целью осуществления великодержавных националистических замыслов. Развитие экономики страны должно было подчиняться главному стратегическому лозунгу «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям».

Сельское хозяйство в меньшей степени, чем промышленность, пострадало от «культурной революции». Однако последняя оказала отрицательное влияние на темпы развития этой отрасли народного хозяйства, особенно в 1967—1968 гг., в период и после разгрома провинциальных, окружных и уездных партийных и государственных органов. Была нарушена система управления сельским хозяйством, в ряде районов дезорганизовано руководство на уровне производственных бригад и народных коммун, упала производственная активность крестьян и т. д. В связи с дезорганизацией промышленного производства значительно сократились поставки в деревню минеральных удобрений, ирригационного оборудования, сельскохозяйственных машин, орудий и инвентаря. Это сказалось на эффективности борьбы со стихийными бедствиями, которые почти ежегодно имели место в тех или иных крупных сельскохозяйственных зонах.

С 1970 г. намечился отход от некоторых негативных направлений в экономической политике, стала проявляться тенденция к использованию экономических рычагов в управлении хозяйством, несколько усилилось внимание к хозяйственным вопросам деревни.

В 1970—1976 гг. среднегодовые темпы прироста производства сельскохозяйственной продукции составляли примерно 1,5% в год, едва поспевая за темпами прироста населения. Товарность зернового производства в течение ряда лет не превышала 25—30%. Газета «Жэньминь жибао» отмечала, что в последние годы «темпы роста производства зерна не были достаточно высоки, отстает и производство технических культур — хлопка и масличных»⁴.

Низкие темпы роста сельскохозяйственного производства тормозят, как признается китайской печатью, развитие экономики страны в целом. На Всекитайском совещании по сельскому хозяйству в 1975 г. выступавший в качестве премьера Госсовета КНР Хуа Го-фэн вынужден был признать следующее: «Если мы будем довольствоваться нынешними темпами развития (сельского хозяйства), то в текущем столетии мы не сможем осуществить задачи модернизации сельского хозяйства, а также модернизации промышленности, обороны, науки и техники»⁵.

Итоги прошедших лет после образования КНР показывают, что основные успехи в сельском хозяйстве были достигнуты в первые восемь лет. Так, за эти годы валовые сборы зерна (основной вид продовольст-

⁴ «Жэньминь жибао», 13. VI. 1977.

⁵ Там же, 21. X. 1975.

вия) возросли с 108 млн. т в 1949 г. до 185 млн. т в 1957 г., то есть на 77 млн. т. За остальные годы сбор зерна возрос всего лишь на 55 млн. т.

В 1966—1968 гг. было начато наступление на принципы и методы хозяйственной политики, осуществлявшиеся в годы «урегулирования», в том числе на материальное стимулирование, распределение по труду. Резкой критике в пекинской пропаганде подверглись развитие подсобных промыслов, оживление товарно-денежных отношений, разрешение крестьянам развивать свое домашнее хозяйство. В печати высказывались мнения о сокращении и без того мизерных приусадебных участ-

Таблица 1

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции
в 1970—1976 гг. (оценка)

Продукция	Год				
	1970	1973	1975	1976	1976 к 1970 в %
Зерновые (млн. т)	210	220	235	235	111,9
Хлопок-волокно (млн. т)	1,9	1,95	2,0	2,1	115,2
Свиньи (млн. голов)	165	195	215	220	133,3

ков или о их ликвидации. Обеспокоенные этими обстоятельствами, крестьяне в ряде районов начали делить между собой общественные фонды, домашний скот, зерно, в том числе и семенное. В некоторых провинциях имели место открытые выступления крестьян против проводимой в деревне политики, вылившиеся в ряде мест в вооруженные столкновения.

Все эти обстоятельства не смогли не сказаться отрицательно на сельскохозяйственном производстве: во многих районах несвоевременно убирался урожай сельскохозяйственных культур, прекратились ирригационные работы, сбор органических удобрений, начало сокращаться производство подсобных промыслов и т. д.

«Культурная революция» оказала пагубное влияние не только на производство, но и на распределение сельскохозяйственной продукции, создала целый ряд трудностей для государства в заготовках продовольствия и сельскохозяйственного сырья для промышленности, обострила продовольственную проблему в стране: и без того сравнительно низкие нормы обеспечения населения зерном и растительным маслом были урезаны.

Создавшаяся в деревне ситуация вынудила маоистское руководство принять определенные меры. В деревню были направлены большие контингенты военнослужащих, кадровых работников, служащих государственных учреждений и учащейся молодежи. К сельскохозяйственным работам была подключена армия. В некоторых провинциях армейские органы практически взяли в свои руки руководство сельским хозяйством.

Отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства оказали массовые политические кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», «изучения теории диктатуры пролетариата», критики романа «Речные заводи» и другие. В экономическом плане эти кампании были направлены против наметившейся в начале 70-х годов тенденции к использо-

ванию экономических методов в руководстве народным хозяйством. «Банда четырех» и ее сподвижники, на которых списываются сейчас все трудности и провалы в экономике, в том числе и в сельском хозяйстве, широко используя различные формы пропаганды, вновь повели наступление на жизненные права и интересы китайских трудящихся, на право крестьян заниматься подсобными промыслами, иметь приусадебные участки, которые в настоящее время в Китае, когда коллективное хозяйство не может обеспечить необходимый уровень жизни крестьянства, являются для него одним из важнейших дополнительных источников получения доходов.

Таблица 2

Производство зерна и хлопка в КНР
на душу населения в 1970—1976 гг.

Продукция	Год				
	1970	1973	1974	1975	1976
Население (млн. человек)	785	820	833	844	855
Зерновые (млн. т)	210	220	225	235	235
на душу населения (кг)	268	268	270	278	275
Хлопок-волокно (млн. т)	1,9	1,95	1,9	2,0	2,1
на душу населения (кг)	2,4	2,3	2,3	2,4	2,5

В 70-е годы хотя и продолжался некоторый рост производства зерновых культур, однако каких-либо больших изменений в обеспечении населения зерном и зернопродуктами не произошло. Если исходить из того, что численность населения в КНР составила в 1970 г. 785 млн. человек, в 1976 г. — 855 млн. человек, а валовые сборы зерновых соответственно 210 и 235 млн. т, то производство зерна в расчете на душу населения составило в эти годы 268 и 275 кг, то есть увеличилось всего лишь на 7 кг.

Решение зерновой, а вместе с ней и всей продовольственной проблемы зависит от развития производительных сил в деревне и от роста сельскохозяйственного, в том числе и зернового производства.

В области увеличения сельскохозяйственного производства в Китае имеются большие возможности. Одним из важнейших резервов такого роста является повышение урожайности. Так, урожайность зерновых культур в первые восемь лет после образования КНР увеличилась на 30% и достигла в 1957 г. — 15,3 ц/га (1949 г. — 10,6 ц/га). Однако в последующие годы темпы ее роста снизились: в 1976 г. урожайность зерновых культур составила примерно 18 ц/га, то есть за последние 19 лет она повысилась всего лишь на 17%.

Одним из важнейших факторов в деле повышения урожайности является орошение полей, которое в условиях Китая позволяет повысить урожайность в 1,5—2 раза, а в ряде районов — собрать два-три урожая в год.

Ирригационному строительству на селе в Китае уделяется большое внимание. Ежегодно силами крестьян, вооруженных примитивной техникой, выполняется большой объем работ. Например, в осенне-зимний период 1975—1976 гг. на этих работах было занято 130—150 млн. человек (в соответствующий период 1974—1975 гг. — 100 млн. человек) ⁶.

⁶ «Жэньминь жибао», 23. VII. 1976; «Хунци», 1977, № 1.

Особенностью ирригационной системы в Китае является то, что она состоит главным образом из мелких ирригационных сооружений, ежегодно требующих ремонта. Поэтому значительная часть труда крестьян на этом строительстве затрачивается непроизводительно. Вместе с тем до настоящего времени площадь орошаемых полей находится на уровне 1957 г. — около 35 млн. га. Согласно ранее разработанным планам, предполагалось довести орошаемую площадь до 60 млн. га.

Другим, не менее важным фактором в повышении урожайности сельскохозяйственных культур является применение минеральных удобрений, в которых сельское хозяйство Китая испытывает большую нехватку и т. д.

Большое значение для увеличения сельскохозяйственного производства имеет рациональное использование земельного фонда. В настоящее время в Китае имеется около 110 млн. га пашни (0,13 га в деревне на каждого жителя). В то же время в стране, по подсчетам китайских экономистов, насчитывается более 100 млн. га пахотнопригодных земель, из которых около одной трети может быть освоено без больших капитальных вложений.

Наиболее отсталой отраслью сельского хозяйства является животноводство, на которое приходится менее 12% валового производства сельского хозяйства. Отсталые методы ведения животноводства, слабая кормовая база — основные проблемы этой отрасли сельского хозяйства, которые в 70-е годы, как и в предыдущие 10 лет, не нашли еще своего кардинального решения. Не менее остро стоит вопрос об улучшении породности скота, о повышении его продуктивности.

Основной отраслью животноводства мясного направления в Китае является свиноводство. поголовье свиней сосредоточено в основном в личных приусадебных хозяйствах крестьян (до 80%). Сравнительно медленные темпы роста поголовья свиней объясняются в значительной степени политикой ограничения развития этих хозяйств.

Нехватка зерна и хлопка вынуждает Китай прибегать к большим закупкам их за границей, на что тратятся значительные валютные запасы.

Неуклонно возрастающие потребности в продовольствии растущего населения городов и районов выращивания технических культур, армии, потребности в сельскохозяйственном сырье промышленности и внешней торговли предъявляют повышенные требования к сельскому хозяйству.

Увеличивающееся значение сельского хозяйства в Китае связано не только с обострением продовольственной и сырьевой проблем, решение которых зависит прежде всего от сельского хозяйства, но и с политической проблемой недовольства крестьян существующим режимом, его пассивным сопротивлением проводимой маонистами политике в деревне.

Низкие темпы роста сельскохозяйственного производства в известной степени обусловлены объективными трудностями этой отрасли хозяйства, характеризовавшейся крайне отсталым уровнем развития производительных сил. Это обстоятельство служило и продолжает служить тормозом повышения производительности крестьянского труда и преобразования материальных условий производства в этой отрасли.

Политика китайского руководства, нацеленная на максимальное изъятие средств из сельского хозяйства в интересах наращивания военно-промышленного потенциала, по существу, консервирует экономическую отсталость деревни. Капиталовложения государства в сельское хозяйство, а также в обслуживающие его отрасли промышленно-

сти составляют незначительную часть расходов государственного бюджета, тогда как расходы на военные нужды превышают 40% госбюджета. Увеличение капитальных вложений в сельское хозяйство за счет сокращения ассигнований на военную программу могло бы помочь решению насущных проблем деревни⁷.

Таблица 3

Импорт КНР зерна в 1970—1976 гг.*
(в млн. т)

Страны	Год						
	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
Канада	2,0	3,0	3,0	3,7	2,0	3,1	2,0
Австралия	2,2	—	—	—	1,6	1,4	1,6
США	—	—	0,4	2,3	2,8	—	—
Франция	0,4	—	—	—	0,2	—	—
Аргентина	—	—	—	0,1	0,9	1,0	1,0
Всего	4,6	3,0	3,4	6,1	7,5	5,5	4,6

* A Reassessment of the Economy of the People's Republic of China. Wash. 1975, p. 648. «U. S.—China Business Review», march-april, 1975, p. 17.

Примечание: 1975—1976 гг.—контрактные обязательства; по сообщению газеты «Файнэншл таймс» от 8. X. 1976 г., фактический импорт зерновых в 1975 г. составил 3,5 млн. т, а в 1976 г.—2 млн. т. КНР заключила контракты на закупку пшеницы с поставкой с января 1977 г. по август 1978 г. на 11,8 млн., в том числе с поставкой в 1977 г.—8 млн. т.

В 1975 г. в связи с попытками наметить основные направления перспективного развития Китая до 1980 г. и до 2000 г. еще более остро встал вопрос о дальнейших путях развития деревни. В качестве альтернативы перестройки сельского хозяйства китайское руководство обратилось к «дачжайскому» пути развития.

Еще в 1964 г. Мао Цзэ-дуном был выдвинут лозунг «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая». С этого времени практика Дачжая — большой производственной бригады в уезде Сянь провинции Шаньси — преподносится как путь развития социализма в сельском хозяйстве КНР. Более десяти лет на примере этой бригады пропагандируется такая организация хозяйства в деревне, при которой за счет предельного напряжения физических сил крестьян при минимальных затратах государственных средств обеспечивался бы непрерывный рост сельскохозяйственного производства и максимальное поступление государству сельскохозяйственной продукции.

⁷ По подсчетам китайских экономистов, 1 млрд. юаней капитальных затрат позволяет освоить примерно 1 млн. га целинных земель, урожаем с которых можно прокормить около 6 млн. человек в течение года. Эти же средства, направленные на производство химических удобрений, могут обеспечить рост производства продовольствия, достаточный для того, чтобы прокормить 32 млн. человек (Ван Чэн-цзин. Вопросы роста производства продовольствия в Китае. Пекин, 1958, стр. 17). Подсчеты свидетельствуют, что только средств, израсходованных на атомное и термоядерное оружие, было бы достаточно, чтобы удовлетворить потребности страны в зерне. — «Земледельско знамя», София, 6. II. 1976.

С конца 1975 г., после Всекитайского совещания по сельскому хозяйству, с новой силой было развернуто движение за повсеместное создание уездов дачжайского типа. Значение его приравнивается руководством КНР к аграрной реформе, кооперированию и созданию народных коммун. Совещание выдвинуло задачу превращения более $\frac{1}{3}$ уездов страны в уезды дачжайского типа и осуществления в основном механизации сельского хозяйства к 1980 г. (при «опоре на собственные силы» самих уездов)⁸.

Анализ установок Всекитайского совещания по сельскому хозяйству в 1975 г. позволяет выделить политический и экономический аспекты, характеризующие новый этап движения «учиться у Дачжая». Из шести условий, выдвинутых в качестве критерия уездов дачжайского типа, три носят политический характер и касаются вопросов «укрепления» руководства на уездном уровне, необходимости «классового» подхода к его формированию. Три других условия относятся к экономической области и предусматривают расширение материальной базы коллективного хозяйства за счет роста производства, мелиоративного строительства, осуществления механизации и подтягивания на этой основе «бедных коммун и производственных бригад» до уровня средних в данной местности.

По замыслам маоистского руководства, «дачжанзация» деревни должна служить достижению главных экономических и политических целей, составляющих суть его аграрной политики, — обеспечению условий для милитаризации страны, наращиванию военно-экономического потенциала, а также стабилизации и упрочению военно-бюрократического режима.

В экономическом отношении дачжанзация уездов должна привести к укреплению в их рамках самообеспечивающихся хозяйственных комплексов, способных направить усилия крестьянских масс на развитие сельского хозяйства, местной промышленности, транспорта и военного дела. Это облегчит маневрирование материальными ресурсами и ресурсами рабочей силы в рамках уезда.

Созданием уездов дачжайского типа достигается и совершенствование механизма изъятия ресурсов из деревни. Требование повысить ответственность уездов за сдачу сельскохозяйственной продукции означает стремление центра облегчить поступление государству товарной продукции. На Всекитайском совещании по распространению опыта Дачжая прозвучало также требование усилить контроль уездов над коллективным хозяйством бригад как по линии производства (отдавать приоритет сельскому хозяйству, земледелию, а главное — производству зерна, а не подсобным промыслам, торговле и прочим занятиям), так и по линии распределения (бороться с практикой распределения урожая «подчистую», без оставления фондов — резервного и накопления, без выполнения обязательств перед государством).

Был поставлен также вопрос об ограничении подсобного домашнего хозяйства крестьян: подчеркнута необходимость вернуть коллективным хозяйствам излишки приусадебных участков там, где их площадь превышает официально установленные размеры, а также занятые в личное пользование распаханые пустыри, возвратить в деревню крестьян, отправившихся на побочные заработки*.

⁸ «Жэньминь жибао», 21. X. 1975.

* Приусадебные участки и домашние подсобные промыслы в большой производственной бригаде Дачжай были ликвидированы в 1963 г. В настоящее время члены бригады могут разводить лишь небольшое количество домашней птицы и кроликов.

Движение за создание уездов дачжайского типа увязывается с укрупнением хозяйственных единиц в деревне: предусматривается в перспективе переход к собственности большой производственной бригады, а затем и коммуны как основной производственной и хозрасчетной единицы.

Китайское руководство видит в движении учебы у Дачжая, особенно на его новом этапе — создании уездов дачжайского типа, — возможность усиления всестороннего контроля над деревней.

Политический аспект дачжаизации деревни заключается в том, чтобы усилить влияние маоистского государства на развитие аграрных отношений, усилить идеологическую и политическую обработку крестьянства, ограничить так называемые «стихийные капиталистические тенденции», под которыми обычно подразумевается недовольство крестьян существующим режимом, стремление к лучшим условиям жизни. В социально-экономическом плане предусматривается ряд мер, направленных на ограничение возможностей крестьян противодействовать маоистской политике, с одной стороны, а с другой — на ограничение частнособственнических тенденций крестьянства.

Второе Всекитайское совещание по распространению опыта Дачжая, проведенное в декабре 1976 г., еще раз продемонстрировало интерес китайского руководства к сельскому хозяйству, а также попытки в какой-то мере воспользоваться экономическими методами решения проблем этой отрасли народного хозяйства. На этом совещании была вновь подтверждена задача: «к концу нынешнего столетия осуществить всестороннюю модернизацию сельского хозяйства, промышленности, науки и техники»⁹.

Перед деревней по-прежнему ставят цель: к концу 1980 г. превратить треть уездов страны в уезды дачжайского типа, в основном осуществить механизацию сельского хозяйства во всей стране.

Движение за дачжаизацию уездов в 1976 г., как и прежде, сталкивалось с большими трудностями, что признавалось китайской печатью. Тем не менее на совещании по Дачжаю было объявлено, что в дополнение к имевшимся в 1975 г. 307 уездам, отличившимся в движении равнения на Дачжай, в 1976 г. добавилось еще более 100 уездов¹⁰.

Как свидетельствуют материалы совещания по Дачжаю в декабре 1976 г. и последующие сообщения китайской печати, движение за дачжаизацию уездов увязывается с достижением определенного уровня производства основных сельскохозяйственных культур: намечается в 1980 г. достичь показателей урожайности, предусмотренных для различных районов страны «Основными положениями плана развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 гг.».

Поставлена также задача — добиться к концу 1980 г., чтобы на душу сельского населения приходилось около 0,067 га площадей, дающих стабильные высокие урожаи¹¹, то есть всего около 47—48 млн. га.

Одной из ключевых проблем сельского хозяйства является повышение производительности труда в этой отрасли, до сих пор базирующейся в основном на ручном труде крестьян и тягловой силе скота. Низкая производительность труда, обусловленная отсталостью и слабостью материально-технической базы сельского хозяйства, является одной из главных причин, сдерживающих развитие сельскохозяйственного

⁹ «Жэньминь жибао», 28. XII. 1976.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 24. XII. 1976.

¹¹ «Жэньминь жибао», 24. XII. 1976. Общая площадь гарантированных урожаев получена, исходя из предположения, что сельское население составляет примерно 700 млн. человек.

производства. Несмотря на определенные успехи в деле развития производительных сил сельского хозяйства за годы, прошедшие со времени образования КНР, техническая оснащенность этой важнейшей для Китая отрасли хозяйства по-прежнему остается чрезвычайно низкой.

Для осуществления технической реконструкции сельского хозяйства Китаю требуется, по подсчетам китайских экономистов, 800 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), при условии, что из 107 млн. га пашни 80 млн. га пригодны для механической обработки, 400 тыс. грузовиков, ирригационное оборудование суммарной мощностью 20 млн. л. с., 8 млрд. кВт·ч электроэнергии.

По другим расчетам потребности в тракторах определяются в 1,2—1,5 млн., грузовых машинах — 320 тыс. и столько же комбайнов, мощности потребного ирригационного оборудования — 40 млн. л. с.¹²

В настоящее время Китай располагает тракторным парком, насчитывающим около 400 тыс. тракторов в условном исчислении. Примерно 10% мощности тракторного парка приходится на садово-огородные тракторы, среди которых преобладают малогабаритные двухколесные тракторы мощностью 7—12 л. с.

Мощность дренажно-оросительного оборудования приближается к 40 млн. л. с., потребление электроэнергии в сельском хозяйстве оценивается в 12 млрд. кВт·ч¹³, что составляет около 10% ее общей выработки в стране. Большая часть электроэнергии используется ирригационными системами в районах высоких и стабильных урожаев. В 1976 г. было произведено примерно 32 млн. т химических удобрений, около половины этого количества произведено на мелких предприятиях.

В 1976 г. на втором совещании по Дачжаю проблема механизации сельского хозяйства ставилась в более широком социально-экономическом плане, чем в 1975 г., она была определена как условие укрепления союза рабочего класса и крестьянства, условие расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве и изменения социальной структуры крестьянства. Механизацию китайское руководство рассматривает как средство повышения производительности труда и ускорения темпов роста сельскохозяйственного производства, как средство укрепления позиций коллективного хозяйства в деревне.

Китайская печать и выступления китайских руководителей не дают точного определения понятия механизации. Доклад Хуа Го-фэна на совещании по Дачжаю в 1975 г. дает основание полагать, что под «осуществлением в основном механизации сельского хозяйства» подразумевалось механизировать на 70% основные трудовые процессы в земледелии, лесном хозяйстве, животноводстве, подсобном и рыбном хозяйстве¹⁴.

Китайская печать к механизации относит использование как сельскохозяйственных машин, так и простых орудий и приспособлений, называя это «механизацией и полумеханизацией» сельского хозяйства. Как показывают китайские материалы, техника, машины используются прежде всего не в земледелии, а на перевозках, на переработке сельскохозяйственных продуктов¹⁵. В некоторых районах под механизацией понимается преимущественно строительство мелких оросительных объектов, влагозадержание, улучшение почвы и внесение

¹² «Жэньминь жибао», 20. VI. 1963; «Чжунгуи яньцзю», 1976, т. 10, № 2, стр. 56.

¹³ People's Republic of China: An Economic assessment, Wash., 1972, p. 135—138; China Agriculture (Report of the National Council for US-China Trade). Wash., 1976, p. 72—76.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 21. X. 1975.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 28. VI. 1977.

удобрений и в последнюю очередь — применение машин в основных производственных процессах.

В большой производственной бригаде Дачжай, как сообщала китайская печать, уже механизированы обработка и транспортировка продуктов земледелия и подсобных промыслов, машинами обрабатывается 80% пашни, на посевных работах, обработке посевов и уборке ручной труд только начал вытесняться¹⁶. В провинции Хэйлуцзян, имеющей для механизации сельского хозяйства наиболее благоприятные природные условия, полеводческие работы механизированы на 45%, тогда как степень механизации работ, не связанных с земледелием, выше 60%¹⁷.

Для Китая характерна неравномерность осуществления механизации сельского хозяйства по отдельным районам. Это обусловлено как природными, так и экономическими факторами. Наиболее высокая степень механизации достигнута в отдельных районах, относящихся к так называемым зонам высоких и стабильных урожаев, а также в равнинных районах, имеющих возможность использовать крупную сельскохозяйственную технику без предварительных землеустроительных работ. В этих районах работы по механизации были начаты в конце 50 — середине 60-х годов и в настоящее время там достигнут сравнительно высокий уровень механизации отдельных видов работ. Эти районы расположены главным образом в провинциях Хэбэй, Шаньдун, Хэйлуцзян, Гуанси, Цзянсу, Аньхой, Хунань. По сообщению китайской печати, в провинции Шаньдун, например, в 1976 г. площадь, обрабатываемая машинами, превысила 40%¹⁸.

В остальных провинциях этой группы районов (кроме провинций Шаньдун и Хэйлуцзян) степень механизации ниже. В связи с этим, видимо, в печати приводятся данные не по провинциям в целом, а лишь по отдельным уездам. Так, в 1976 г. в уезде Дайе (провинция Хэбэй) площадь механизированной вспашки и высадки рассады составила более 40% всей пахотной площади¹⁹, а в уезде Дачжи этой же провинции — более чем на 60% рисовых полей²⁰.

Для большинства же районов более насущной является проблема обеспечения простейшими сельскохозяйственными механизмами и орудиями, которая трактуется как «полумеханизация».

В этих районах процесс механизации сельского хозяйства, насыщение его машинами, использование электричества и т. д. находится в начальной стадии. В некоторых районах ведутся лишь подготовительные работы по созданию соответствующих условий для применения машин на полях. Именно поэтому пекинская печать признает необходимым осуществление не только механизации, но и полумеханизации сельского хозяйства и в качестве передовых называет районы, где «в основном осуществлена механизация и полумеханизация главных сельскохозяйственных работ».

Неравномерность процесса механизации сельскохозяйственных работ в масштабах страны, ее очаговый характер фактически были признаны в докладе Хуа Го-фэна на совещании по Дачжаю в 1975 г.; было отмечено, что только «ряд больших производственных бригад, коммун и уездов достиг сравнительно высокой степени механизации»²¹.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 22. VII. 1977.

¹⁸ Там же, 28. V. 1977.

¹⁹ Там же, 30. XII. 1976.

²⁰ Там же, 17. VI. 1977.

²¹ Там же, 21. X. 1975.

Решение проблемы механизации сельского хозяйства упирается в ограниченность финансовых и материальных ресурсов на местах и производственных мощностей предприятий сельскохозяйственного машиностроения. Китайское руководство по-прежнему придерживается принципа «опоры» главным образом на «собственные силы» уездов, коммун и бригад в осуществлении механизации без существенной помощи со стороны государства. Китайская печать рекомендует в этой области придерживаться курса «трех основ»: производство сельскохозяйственной техники — с использованием местных ресурсов как основы, производство сельскохозяйственной техники — с упором на мелкие и средние механизмы, приобретение сельскохозяйственной техники — на средства коллективных хозяйств²².

На примере передовых уездов показывается, что основная часть средств на механизацию (70—90%) должна быть изыскана в самих уездах. В печати неоднократно подчеркивалось, что большая производственная бригада Дачжай в осуществлении механизации «опиралась исключительно на свои накопления»²³.

Осуществление программы механизации, бесспорно, требует увеличения капиталовложений в сельское хозяйство. По подсчетам китайских экономистов, использование тракторов и других сельскохозяйственных механизмов требует на каждый гектар земли вложения 300—450 юаней, или 33—50 млрд. юаней на 110 млн. га пахотной площади²⁴, что примерно соответствует объему ежегодных капиталовложений в народное хозяйство КНР.

Сельскохозяйственная техника в Китае остается дорогостоящей. Так, 27-сильный трактор стоит примерно 10 тыс. юаней, а цена малогабаритного трактора эквивалентна стоимости 20 т риса²⁵. Возможности большинства коллективных хозяйств являются недостаточными для приобретения сельскохозяйственных машин. Так, газета «Жэньминь жибао» отмечала, что, например, в округе Сусянь провинции Аньхой в 1976 г. было закуплено сельскохозяйственных машин лишь на сумму 26 млн. юаней. А для осуществления «в основном» механизации сельского хозяйства в 1980 г. округу потребуется 450 млн. юаней, или более 100 млн. юаней в год, то есть в 1976 г. была затрачена только четверть требуемой суммы на нужды механизации. Было отмечено также, что у половины производственных бригад не хватает денежных средств на покупку сельскохозяйственной техники²⁶. Журнал «Хунци» писал в начале 1977 г., что «в настоящее время в стране еще недостаточно выплавляется стали, мощности по производству крупных сельскохозяйственных машин еще ограничены, покупательная способность коллективных хозяйств невысока»²⁷.

В решении проблемы накопления средств для механизации большая роль отводится так называемой промышленности коммун и больших производственных бригад, получившей значительное развитие в последние годы. По данным китайской печати, в 1975 г. 90% коммун и 60% больших производственных бригад имели свыше 800 тыс. пред-

²² «Хунци», 1977, № 1, стр. 105.

²³ «Жэньминь жибао», 28. VI. 1977. Следует учитывать, что в этой бригаде отчисления в фонд накопления с 1970 г. составляют более 20% валовой продукции, тогда как средним по стране они приближаются к 10%.

²⁴ Сельское хозяйство КНР 1966—1973 гг. М., 1975, стр. 53—54.

²⁵ Там же, стр. 53.

²⁶ «Жэньминь жибао», 17. VI. 1977.

²⁷ «Хунци», 1977, № 1, стр. 106.

приятий²⁸. Эти предприятия в большинстве своем являются мастерскими полукустарного типа по первичной переработке сельскохозяйственной продукции, изготовлению различной продукции кустарного промысла (циновок, шляп, обуви и т. д.), по ремонту и производству несложного сельскохозяйственного инвентаря, по изготовлению кирпича, производству бумаги, местных удобрений и т. д. Продукция этих предприятий занимает значительный удельный вес в валовой продукции коллективных хозяйств. Их продукция не подлежит централизованным закупкам, реализуется по сравнительно более высоким ценам. Например, в провинции Хунань доходы от предприятий коммун и бригад увеличивались после 1970 г. ежегодно более чем на 30%, их удельный вес в валовой продукции хозяйств составлял в 1975 г. около 20%²⁹. В уезде Уси (провинция Цзянсу) 98,8% средств для приобретения сельскохозяйственной техники в 1976 г. поступало от предприятий коммун и больших производственных бригад³⁰. В провинции Шаньдун накопления этих предприятий составили в 1976 г. 170 млн. юаней, половина которых была использована на развитие сельскохозяйственного производства и его механизацию³¹.

Крайне ограниченные возможности коллективных хозяйств, отсутствие помощи сельскому хозяйству со стороны государства ставят под сомнение осуществление механизации сельского хозяйства к 1980 г.

Необходимость повышения производительности труда в сельском хозяйстве диктуется не только потребностями экономики страны в целом, это и насущная потребность социально-экономического развития самой деревни, в которой до настоящего времени является нерешенной проблема так называемых бедных или отстающих коммун и бригад. Хозяйственное положение этих бригад характеризуется невыполнением производственных планов, неспособностью удовлетворить собственные нужды в продовольствии при условии выполнения или частичного выполнения обязательств перед государством. Отстающие коммуны и бригады часто не в состоянии без помощи государства удовлетворять минимальные жизненные потребности своих членов.

В 60-е годы количество производственных бригад в отдельных коммунах, которые не имели возможности обеспечить своим членам минимальный уровень потребления, составляло 18—28% их общего числа³². Такое же положение сохранилось и в 70-х годах. Например, газета «Жэньминь жибао» в 1973 г. отмечала, что в провинции Аньхой отстающими являются 15—20% всех производственных бригад³³. Эта же газета в июле 1977 г. сообщала об уезде Юйминь Гуанси-Чжуанского автономного района, в котором из 339 больших производственных бригад 95, или 28%, были отстающими³⁴. По данным зарубежных источников, в 1974 г. около 150 тыс. больших производственных бригад и свыше 1 млн. производственных бригад, то есть примерно 20% общего числа всех бригад, считались отстающими, не обеспечивающими себя полностью зерном.

Подтверждением того, что существование бедных или отстающих коммун и бригад — типичное явление, служит и постановка вопроса о них на совещаниях по распределению опыта Дачжая 1975 и 1976 гг.

²⁸ «Жэньминь жибао», 24. XII. 1976.

²⁹ Там же, 19. XII. 1976.

³⁰ «Хунци», 1977, № 2, стр. 29.

³¹ «Жэньминь жибао», 28. V. 1977.

³² «Дагун бао», 17. II., 5. VI. 1965.

³³ «Жэньминь жибао», 14. VI. 1973.

³⁴ Там же, 13. VII. 1977.

Одним из требований к уезду дачжайского типа, названных в докладе Хуа Го-фэна в октябре 1975 г., было требование «обеспечить непрерывный рост коллективного хозяйства, что позволит бедным коммунам и производственным бригадам достигнуть или превысить по производству и доходам нынешний уровень средних в данном месте коммун и производственных бригад»³⁵.

Решения и этой проблемы китайское руководство пытается добиться силами и средствами самих коллективных хозяйств, путем дальнейшего развертывания движения учебы у Дачжая и создания уездов дачжайского типа. Член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Государственного Совета КНР Чэнь Юн-гуй подчеркнул на дачжайском совещании в декабре 1976 г., что «бедные коммуны и бригады должны прежде всего опираться на собственные силы»³⁶. Он сказал также, что государство будет оказывать этим хозяйствам финансовую, материальную и техническую помощь, однако это обещание не было конкретизировано ни в самом докладе, ни в материалах печати.

Следствием низкой производительности труда в сельском хозяйстве и аграрной политики руководства, нацеленной прежде всего на изъятие ресурсов из деревни, является существование почти в каждой коммуне крестьянских семей, в которых доходы работающих членов семьи недостаточны, чтобы прокормить семью. Уровень жизни сельского населения продолжает оставаться чрезвычайно низким, что не исключает возможности роста доходов в отдельные годы у различных групп крестьян. Доход на одного работающего даже в сельских районах с благоприятными условиями не превышает 13—15 юаней в месяц³⁷ (160—180 юаней в год), в передовых коммунах он может быть выше — до 20 юаней в месяц и больше, то есть 200—250 юаней в год. (Средняя зарплата рабочего составляет 50—60 юаней в месяц.) Если примеры сравнительно высоких доходов крестьян попадают на страницы печати, то низшая граница их тщательно скрывается. О ней можно составить представление лишь по случайным данным. Так, в 1967 г. в дацзыбао цзаофаней горкома провинции Гуандун приводились цифры годового дохода членов некоторых коммун в 20—30 юаней. Значительны колебания в уровне доходов крестьян по районам страны, по отдельным коммунам и бригадам.

Даже в коммунах и производственных бригадах, находящихся в благоприятных экономических условиях, семьи, нуждающиеся в помощи коллективного хозяйства для обеспечения лишь минимума жизненных средств, составляют 5—6% общего числа семей. Для различных районов и коммун характерно неодинаковое соотношение иждивенцев и занятых в производстве, при котором семья нуждается в помощи от коллективного хозяйства или государства. Это соотношение определяется уровнем доходов прежде всего в общественном хозяйстве. Например, в одной из коммун пригорода Шанхая семьи, где на одного работающего приходится 3,5 иждивенца, уже нуждаются в помощи от коллективного хозяйства³⁸. В коммунах и бригадах с более низким уровнем доходов число иждивенцев, которых может прокормить каждый работающий, уменьшается. Помощь нуждающимся семьям выделяется из фонда общественного благосостояния. Однако средств этого фонда во многих хозяйствах оказывается недостаточно для помощи всем нуждающимся. При распределении продовольствия по

³⁵ «Жэньминь жибао», 21. X. 1975.

³⁶ Там же, 24. XII. 1976.

³⁷ Основные аспекты китайской проблемы. 1965—1975. М., 1976. стр. 174.

³⁸ Burgki S. J. A Study of Chinese Communes, 1965. Cambridge, 1969, p. 24.

гарантированным нормам, или «основному пайку», которое преобладает в большинстве коммун, семьи, «расходы которых превышают доходы», для того чтобы выкупить зерновой паек, вынуждены становиться должниками бригады. В некоторых коммунах и бригадах эта задолженность растет из года в год, что приводит к сокращению выплат тем членам коммуны, у которых размер денежных доходов выше стоимости получаемого продовольствия. Создается положение, когда часть членов производственной бригады считается ее должниками, а сама бригада становится должником семей, имеющих большое число начисленных трудовых единиц, которые не могут быть оплачены. Лишь в некоторых случаях коммуны и бригады получают от государства кредиты для помощи бедствующим семьям.

Обеспечение бедствующих семей представляет собой серьезную проблему для китайской деревни, ей было уделено особое внимание в «Указаниях ЦК КПК по вопросам распределения в сельских народных коммунах» (декабрь 1971). Было рекомендовано изыскивать возможности для лучшего использования в коллективном хозяйстве частично трудоспособных членов больших семей, выделять им средства из общественных фондов. Государство фактически устраняется от помощи деревне и в решении этой проблемы, хотя китайское руководство пытается опираться в проведении своей аграрной политики на наименее обеспеченную часть крестьянства.

Социально-экономическая структура китайской деревни в 70-е годы не претерпела существенных изменений, хотя китайское руководство и предпринимало некоторые попытки в этом направлении.

В этот период происходит некоторое усиление экономической роли двух высших ступеней в системе народных коммун: большой производственной бригады и коммуны, главным образом вследствие развития в них мелких предприятий и мастерских, называемых в китайской печати промышленностью коммун и бригад. В пригородных коммунах и в районах с благоприятными природными условиями этот процесс протекает более интенсивно (об этом и сообщает китайская печать), в остальных происходит медленнее, а в некоторых он не начинался вообще. Например, доля коммуны в валовой продукции всех трех ступеней (коммуна, большая производственная бригада, производственная бригада) коммуны Синьфэн (уезд Жаолин провинции Гуандун) возросла с 19,7% в 1964 г. до 29,5% в 1975 г., доля большой производственной бригады возросла с 4,9% до 17% за этот же период, а доля производственной бригады сократилась с 75,4% до 53,5%³⁹.

В основном коммуны и большие производственные бригады приобретают сельскохозяйственную технику, поступающую в деревню. Так, в уезде Уси (провинция Цзянсу) в 1974 г. в их собственности находилось 77% всех имевшихся тракторов. Это ведет к росту удельного веса коммун и больших производственных бригад в основных фондах всех ступеней. В названном выше уезде в 1974 г. он составлял 55%⁴⁰. Однако в ряде районов экономические позиции двух высших ступеней в народных коммунах остаются весьма слабыми.

Строительство коммунами и большими производственными бригадами предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, кустарных мастерских, мелких электростанций и т. д., приобретение ирригационного оборудования и сельскохозяйственной техники укрепляет

³⁹ «Peking Review», 1976, № 37, p. 24.

⁴⁰ Су Сун. Социалистический путь сельского хозяйства нашей страны. Пекин, 1976, стр. 49.

позиции коллективного хозяйства в деревне. Производственные бригады за определенную плату могут пользоваться техникой, электроэнергией и другими услугами или продукцией предприятий и мастерских. Это ведет к усилению хозяйственных связей внутри коммуны и в то же время углубляет экономическую зависимость производственной бригады от двух других подразделений коммуны.

Производственная бригада, объединяющая в среднем 30—40 крестьянских дворов, в большинстве районов страны является первичной коллективной хозяйственной единицей, в рамках которой организовано сельскохозяйственное производство и распределение продукции. Число производственных бригад превышает 5 млн.

В большую производственную бригаду входит обычно несколько производственных бригад, она объединяет примерно 200 крестьянских дворов. В ряде районов она выступает в качестве основной хозрасчетной единицы в рамках коммуны. Там же, где эти функции выполняет производственная бригада, большая бригада сосредоточивает свои усилия на развитии главным образом второстепенных отраслей хозяйства, привлекая для этого часть рабочей силы производственных бригад.

Народная коммуна, являясь высшей ступенью коллективной организации крестьянства и в то же время низшим органом государственной власти в деревне, выполняет как административные, так и хозяйственные функции. Народная коммуна определяет величину сельскохозяйственного налога, уплачиваемого производственными бригадами, доводит до них объем поставок сельскохозяйственной продукции по плану государственных централизованных закупок, контролирует составление и выполнение производственных планов бригадами. Как собственник наиболее крупных мастерских и предприятий, техники, ирригационного оборудования, коммуна осуществляет и определенную хозяйственную деятельность.

Проведенные в ряде районов в годы «культурной революции» и частично в 1970 г. мероприятия по укрупнению коммун и слиянию бригад имели своим следствием некоторое сокращение их количества. Если накануне «культурной революции» насчитывалось 70—80 тыс. коммун, то в настоящее время их число определяют в 50—60 тыс. В журнале «Хунци» за 1976 г. было названо число народных коммун, превышающее 50 тыс.⁴¹

Практика укрупнения хозяйственных единиц во время «культурной революции» была фактически осуждена в китайской печати и в директивных документах в начале 70-х годов. Так, в журнале «Хунци» указывалось: «Мы постепенно поведем крестьян от сравнительно небольшой коллективной собственности к довольно крупной коллективной собственности. Однако нельзя и не следует пытаться одним махом завершить этот процесс»⁴². В печати разъяснялось, почти в тех же выражениях, как и после провала «большого скачка», что «система народных коммун, в которой осуществляется трехступенчатая собственность, а производственная бригада является основой, в принципе соответствует уровню развития производительных сил. На современном этапе необходимо придерживаться этой системы»⁴³. В «Указаниях ЦК КПК по вопросам распределения в сельских народных коммунах» (декабрь 1971 г.) было разъяснено, что недостаточно развитая материальная база коммун и бригад, существенно различающийся уровень экономиче-

⁴¹ «Хунци», 1976, № 9, стр. 57.

⁴² Там же, 1970, № 2, стр. 6.

⁴³ Там же.

ского развития производственных бригад, входящих даже в одну коммуну, делает необходимым «продолжать последовательное осуществление политики трехступенчатой собственности с производственной бригадой в качестве основы»⁴⁴.

В начале 70-х годов определенное внимание уделялось укреплению хозяйственной самостоятельности производственных бригад, осуждались попытки «затушевать различия между ступенями коллективной собственности». Существование в деревне системы «трехступенчатой собственности» с производственной бригадой в качестве основной хозрасчетной единицы было закреплено в Конституции КНР, принятой в январе 1975 г.⁴⁵

С весны 1975 г. в ходе кампании «за изучение теории диктатуры пролетариата и ограничение буржуазного права» китайская печать стала акцентировать внимание на необходимости усиления экономических позиций двух высших ступеней — большой производственной бригады и коммуны — и перехода функций основной хозяйственной единицы к большой производственной бригаде⁴⁶.

На совещании по распространению опыта Дачжая в 1975 г. было вновь подчеркнуто, что «трехступенчатая система собственности с собственностью производственной бригады в качестве основы» соответствует развитию производительных сил в большинстве районов страны⁴⁷. Вместе с тем была определена и перспектива развития на ближайшие годы: по мере роста числа уездов дачжайского типа и укрепления экономики двух высших ступеней коммуны сначала большая производственная бригада, а затем и коммуна должны стать основной хозрасчетной единицей.

В материалах второго совещания по Дачжаю в декабре 1976 г. в целом была подтверждена эта тенденция развития.

В 1977 г. переход функций хозрасчетной единицы к большой производственной бригаде и коммуне более определенно обуславливался развитием производства, созданием соответствующей материальной базы. В китайской печати подчеркивалось, что «изменения собственности определяются уровнем развития производства и сознания народа, а не субъективными пожеланиями отдельных людей»⁴⁸.

В целом перспективы развития организационной структуры коммун, масштабов обобществления основных средств производства и размеров хозяйственных единиц в деревне в 70-е годы не претерпели изменений по сравнению с тем, что было определено партийными решениями и подтверждено китайской печатью в начале 60-х годов. В отношении же сроков этих изменений политика китайского руководства не была последовательной: в годы «культурной революции» совершенно четко проявилось стремление значительно ускорить этот процесс (что частично и было осуществлено), призывы к подобному ускорению раздавались со страниц китайской печати и в 1975 г. В 1970—1974 гг. перспектива изменений представлялась делом довольно отдаленного будущего.

В области распределения доходов от коллективного хозяйства среди членов коммун в начале 70-х годов происходило частичное восстановление, с известными оговорками, принципа распределения по труду. От насаждения уравнительных методов распределения в годы «куль-

⁴⁴ «Хунци», 1971, № 13, стр. 31.

⁴⁵ Там же, 1975, № 2, стр. 9.

⁴⁶ Там же, 1975, № 4.

⁴⁷ «Жэньминь жибао», 21. X. 1975.

⁴⁸ Там же, 17. III. 1977.

турной революции» китайское руководство перешло к рекомендациям придерживаться при распределении доходов принципов «от каждого по способностям, каждому по труду», равной оплаты за равный труд мужчин и женщин». Например, газета «Жэньминь жибао» писала: «В экономическом отношении следует придерживаться социалистического принципа распределения по труду и эквивалентного обмена...»⁴⁹.

Однако восстановление принципа распределения по труду произошло не последовательно и не полностью. Например, в китайских газетах в 1970—1972 гг. подчеркивалась необходимость отличать «правильное претворение в жизнь принципа распределения по труду от выдвижения на командное место трудовых единиц и материального стимулирования»⁵⁰, осуществлять «разумное премирование членов бригад и коммун, которое не уподоблялось бы «погоне за деньгами» и материальному стимулированию»⁵¹. Такая неопределенность в формулировках давала возможность различного толкования и запутывала руководителей коммун и бригад.

«Указания ЦК КПК по вопросу распределения в сельских народных коммунах» (декабрь 1971 г.) содержали требование «твёрдо придерживаться социалистического принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», «осуществлять вознаграждение по труду». При распределении зерна между членами коммун считалось целесообразным сочетать методы нормированного распределения с распределением по труду. Признавалось, что главной помехой в налаживании работы по распределению являлась «уравниловка». В Конституции КНР, принятой в январе 1975 г., зафиксирован принцип распределения «кто работает, тот не ест, от каждого по способностям, каждому по труду»⁵².

В ходе развернутой весной 1975 г. кампании «за ограничение буржуазного права» вновь предпринимались попытки усилить элемент уравнительности при распределении доходов⁵³.

В 1977 г. китайская печать подчеркивала необходимость при распределении придерживаться принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», призывала исправить ошибки, допущенные в этой области по вине «четверки»⁵⁴.

В настоящее время в китайской деревне нет устоявшихся, единых для всей страны форм и методов распределения, отсутствует единая система учета труда. В некоторых районах практикуется система учета труда, сходная с дачжайской: по истечении определенного срока каждый член бригады сообщает учетчику, сколько он заработал трудовых единиц или трудодней (1 трудодень приравнивается к 10 трудовым единицам). Затем на общем собрании записанные цифры обсуждаются и утверждаются с изменениями или без них. Значительная часть производственных бригад и коммун возвращается к системе оценки трудовых затрат на основе «оценки рабочей силы» или нормирования труда.

В области распределения доходов между членами коммун характерно сочетание методов нормированного распределения продовольствия, составляющего основную часть дохода крестьянской семьи, с методом распределения по труду, иными словами, преобладающая часть дохода распределяется уравнительно, по едокам. Тем не менее пропорции

⁴⁹ «Жэньминь жибао», 3. II. 1970.

⁵⁰ Там же, 3. II. 1970.

⁵¹ Там же, 7. VIII. 1972.

⁵² «Хунци», 1975, № 2, стр. 9.

⁵³ Там же, 1976, № 8, стр. 30.

⁵⁴ «Жэньминь жибао», 20. VI. 1977.

уравнительного распределения и распределения по труду различны в разных районах. В некоторых местах практиковалось распределение валового дохода без отчисления в общественные фонды и выполнения обязательств перед государством. Являясь формой протеста крестьян против сохранения низкого жизненного уровня, распределение по принципу «разделить все дочиста и съесть полностью» существует на протяжении многих лет.

Сохранение, а вернее, преобладание элементов уравнительности в оплате труда в коммунах в известной мере обусловлено объективными причинами, и прежде всего низкой производительностью труда крестьян. В этих условиях изъятие ресурсов из деревни, осуществляемое китайским руководством, настолько сокращает фонд потребления, что увеличение доли продовольствия, получаемого при распределении по труду наиболее трудоспособной частью крестьянства, имеет своим результатом его сокращение у другой части до уровня полуголодного существования. Попытки руководства решить эту проблему на пути уравнительного распределения ущемляют интересы и снижают производственную активность наиболее трудоспособной части сельского населения, что отрицательно сказывается на производительности труда и еще более усложняет проблему.

На протяжении последних лет наиболее часто изменялась официальная линия в отношении подсобного домашнего хозяйства членов коммун. В начале 70-х годов существование домашнего подсобного хозяйства членов коммун, основу которого составляет приусадебный участок, допускалось при условии преимущественного развития коллективного хозяйства. В некоторых районах членам коммун разрешалось даже обрабатывать пустоши и земли, не используемые в хозяйстве коммун и бригад.

Однако в 1975 г. приусадебные участки и домашнее подсобное хозяйство крестьян были объявлены почвой для возникновения «капитализма в деревне»⁵⁵. На совещании по распространению опыта Дачжая (октябрь 1975 г.) был поставлен вопрос о его ограничении: подчеркнута необходимость «вернуть коллективным хозяйствам часть приусадебных участков там, где их площадь превышает официально установленные размеры, а также вернуть занятые в личное пользование распаханые пустыри»⁵⁶.

С конца 1976 г. в материалах печати подчеркивалась важность домашнего подсобного хозяйства членов коммун, продукция которого составляет 25% закупаемой торговыми организациями продукции сельскохозяйственного производства и подсобных промыслов⁵⁷. Печать критиковала действия, направленные на подрыв развития подсобного промысла как в личных, так и в коллективных хозяйствах.

Примерно такие же изменения прослеживаются и в отношении развития коллективных подсобных промыслов. Поощрение их при условии сохранения приоритета производства зерна привело к тому, что в ряде районов коммуны и бригады стали стремиться к преимущественному развитию именно подсобного промысла и таких отраслей, продукция которых могла быть реализована на рынке или продана снабженческо-сбытовой кооперации, то есть по ценам, значительно превосходящим государственные закупочные цены на основные виды сельскохозяйственной продукции***. Такое направление развития подвергалось кри-

⁵⁵ «Хунци», 1975, № 8.

⁵⁶ «Жэньминь жибао», 21. X. 1975.

⁵⁷ Там же, 30. XI. 1976.

*** Недаром крестьяне говорят: «один му под овощами равен 10 му под зерном».

тике, однако оно позволяло увеличить коллективные доходы в коммунах и бригадах.

Экономические проблемы, стоящие перед китайской деревней, сложны и многообразны. Методы, которые использует китайское руководство для их решения, не только не являются эффективными, но и вызывают противодействие со стороны крестьянства. Оно проявляется и в стремлении крестьян вернуться к индивидуальным формам хозяйства (так называемое закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами, «разделение полей и ведение единоличного хозяйства»⁵⁸), и в противодействии коллективных хозяйств основным установкам аграрной политики, что в настоящее время объявлено на страницах китайской печати «капиталистическими тенденциями внутри коллективного хозяйства»⁵⁹. К их проявлению относятся: невыполнение единого государственного плана и выращивание наиболее выгодных сельскохозяйственных культур, невыполнение планов государственных централизованных закупок и свободная продажа продукции на местных рынках, неправильное определение взаимоотношений между государством, коллективом и крестьянами, самовольное распределение продукции, распределение «подчистую»****, распределение рабочей силы между отраслями хозяйства по своему усмотрению, без предпочтения сельскому хозяйству⁶⁰.

Как отмечалось выше, в 70-е годы, особенно в начале второй половины, в Китае стало больше уделяться внимания вопросам экономического развития страны, и особенно развитию сельского хозяйства. Однако до настоящего времени китайский народ, в том числе крестьяне, не имеет перед собой конкретных задач перспективного развития этой важнейшей отрасли народного хозяйства, аналогичных тем задачам и мероприятиям для их выполнения, которые были в свое время разработаны VIII съездом КПК (1956) и 12-летней программой развития сельского хозяйства (1956—1967) в 1955 г. Прошедший в августе 1977 г. XI съезд КПК, как и два предыдущих съезда, не сформулировал никакой социально-экономической программы развития страны и китайской деревни.

⁵⁸ «Жэньминь жибао», 24. XII. 1976; «Хунци», 1977, № 6, стр. 36.

⁵⁹ «Хунци», 1976, № 6, стр. 57; 1977, № 2, стр. 48.

**** Распределение между членами коммун всего валового дохода без отчислений в общественные фонды и сдачи продукции государству.

⁶⁰ «Хунци», 1977, № 2, стр. 48.

С Лениным в сердце

(Страницы из жизни Хо Ши Мина)

Е. В. Кобелев

Многие ветераны мирового коммунистического движения на вопрос, какое событие они считают самым памятным в их жизни, отвечали: день, когда они впервые ступили на советскую землю. Вспоминая о тех незабываемых днях, они рассказывают, каким ярким кумачом революционных стягов и транспарантов горели улицы и площади древней Москвы, каким неистовым, беспредельным был революционный энтузиазм советских рабочих и крестьян, какая всеокрушающая вера в окончательную победу, заражавшая и зарубежных друзей, исходила от большевиков, смело вставших у кормила власти в огромной отсталой стране. «Кто из нас тогда чувствовал холод в легоньком пальтишке, рассчитанном на климат Рима, Генуи, Неаполя? У нас бились сердца, горели щеки, сияли глаза!» — вспоминал ветеран Итальянской коммунистической партии, видный деятель Коминтерна Джованни Джерманетто о своем первом приезде в Советскую Россию¹.

Точно такие же чувства обуревали неизвестного молодого азиата — очень худого человека с высоким лбом, с глубоко посаженными, необычайно светлыми глазами, когда он в один из июльских дней 1923 г. сошел по трапу небольшого советского парохода, совершавшего рейсы между Гамбургом и Петроградом, и очутился на причале петроградского порта. У него не было при себе никаких документов, кроме «проходного свидетельства» для путешествия в Советскую Россию на имя фотографа Чен Ванга, уроженца Индокитая, выданного ему в предствительстве РСФСР в Германии. Кошелек его практически был пуст. А весь дорожный багаж состоял из небольшого фанерного чемодана.

Но что значили все эти мелочи в сравнении с мыслью, что наконец-то он — первый из вьетнамцев — в стране, где воплотились в жизнь его юношеские мечты о свободе, равенстве, братстве, где веками угнетенные стали теперь хозяевами своей судьбы. Он полон сил и энергии, ему всего 33 года. Отсюда, из этой великой страны — колыбели мировой революции, он и начнет прокладывать долгий путь к грядущему освобождению своего народа.

В 1911 г. школьный учитель Нгуен Тат Тхань — так звали молодого Хо Ши Мина — покинул родину, горя желанием познать мир, закалить свой дух и начать борьбу за освобождение родины от гнета чужеземных угнетателей, продажного императора и алчных феодалов. Шесть лет прошли в странствиях по морям и странам, в тяжелом, изнурительном труде. Гарсон на французском пассажирском судне, сезонный рабочий в нью-йоркском Гарлеме, мусорщик, истопник и по-

¹ Дж. Джерманетто. Записки циркульника. М., 1959, стр. 160.

мощник повара в Лондоне. В 1917 г. он обосновывается на постоянное жительство в Париже и работает по найму в частном фотоателье.

После долгих скитаний по свету молодой патриот понял, что империализм и колониализм везде одинаковы. Он пришел к выводу, что есть только один путь к освобождению своей родины, своего народа — это решительная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. Он еще не представлял себе, каким путем должно идти вьетнамское национально-освободительное движение, чтобы добиться победы. Но его ненависть к колонизаторам властно требовала выхода, и она находит его в страстной, беззаветной каждодневной деятельности на благо собственного народа. В эти дни он и берет себе новое имя — Нгуен Ай Куок — «Нгуен-патриот».

В 1918 г. Нгуен Ай Куок вступает в ряды социалистической партии Франции, осознав общность интересов трудящихся капиталистических стран и колониальных народов, угнетенных господствующими классами этих стран.

1920 г. стал переломным в формировании идейно-политического мировоззрения вьетнамского патриота. Он знакомится с работой В. И. Ленина «Тезисы по национальному и колониальному вопросам», которая была опубликована на страницах «Юманите». Много лет спустя, вспоминая о том огромном впечатлении, которое произвели на него ленинские тезисы, Хо Ши Мин писал: «Как это меня взволновало, согрело, просветило, убедило! Я даже заплакал от радости. Как будто обращаясь к массам, я воскликнул:

— Несчастные, замученные соотечественники, вот что нам нужно. от путь к нашему освобождению!

С этого момента я полностью встал на сторону Ленина и III Интернационала»².

В декабре 1920 г. на Турском съезде французских социалистов вьетнамский революционер голосует вместе с большинством за создание Французской коммунистической партии, за присоединение ее к Коминтерну и становится таким образом первым в истории Вьетнама коммунистом. Нгуен Ай Куок был деятельным членом молодой партии. Он ведет активную политическую работу среди вьетнамских эмигрантов. На страницах левых французских газет регулярно появляются его заметки и статьи, разоблачающие произвол колонизаторов в Индокитае и других французских колониях. Он активно участвует в развернутом партией и профсоюзами движении за сбор средств в фонд помощи трудящимся Советской России. Как единственный представитель трудящихся колоний в ФКП, он неизменный участник съездов партии.

В июне 1923 г. его неожиданно вызывают в ЦК ФКП.

— Товарищ Нгуен,— сообщил встретивший его работник ЦК,— принято решение о направлении Вас в качестве делегата от колониальных народов в Советскую Россию для работы в Коминтерне и участия в V Всемирном конгрессе Коминтерна. Об этом просил наше руководство представитель Исполкома Коминтерна товарищ Мануильский.

Нгуен Ай Куок хорошо помнил эту фамилию. На II съезде ФКП Нгуен Ай Куок как представитель колоний был избран в президиум. Там он познакомился с ветераном большевистской партии Д. З. Мануильским, который участвовал в работе съезда в качестве представителя ИККИ. Хотя оппортунистам удалось в тот раз фактически сорвать работу съезда, не дав ему принять никаких решений, Нгуен Ай

² «Проблемы востоковедения», 1960, № 2, стр. 19.

Куок успел выступить с небольшой речью и внес предложение включить в повестку дня в качестве одного из главных пунктов обсуждения колониального вопроса. Мануильскому понравилась горячая речь молодого азиатского делегата. Через несколько месяцев, когда Исполком Коминтерна поручил Мануильскому подготовить к V конгрессу основной доклад по национальному и колониальному вопросам, он вспомнил об энергичном представителе Индокитая и посоветовал французским товарищам включить его в состав делегации ФКП.

И вот остался позади утомительный и опасный по тем временам путь — вначале в вагоне 1-го класса поезда Париж — Берлин (в роли богатого коммерсанта), затем переезд в Гамбург с помощью немецких товарищей, оттуда — советским пароходом в Петроград, и, наконец, долгожданная Москва.

Коминтерновец из Индокитая

«В дни, когда во Франции разворачивалось движение помощи русскому пролетариату, я слышал, а во время первого приезда в СССР увидел, в каких тяжелых условиях приходилось начинать свой путь Советской стране, — вспоминал Хо Ши Мин об этих днях. — Трудно рассказать о величайшем героизме и самоотверженности рабочих и крестьян, приступивших к строительству социализма. Вместе с тем уже очевидны были и первые достижения советского народа. Быстрый прогресс Советской страны, любой ее успех вызывал в сердце каждого революционера радость и счастье, наполнял нас гордостью за дело великого Октября»³.

Действительно, многое из увиденного Нгуеном в Москве и на пути к ней значительно отличалось от того, что он ожидал увидеть. Сообщения о жизни в стране победившего пролетариата приходили в Париж с опозданием, не успевали за стремительным бегом событий и свидетельства очевидцев. К середине 1923 г. все более зримыми становились замечательные плоды новой экономической политики партии — этого гениального открытия Ленина.

В августе 1923 г. в Москве произошло крупное по тем временам событие — открылась первая в истории рабоче-крестьянского государства Всероссийская сельскохозяйственная выставка.

Нгуен Ай Куок вместе с другими коминтерновцами посетил выставку и был восхищен ею. Он смотрел на загорелые, обветренные лица крестьян, прибывших в Москву из российских губерний и далеких национальных окраин, слушал, как они с гордостью рекламируют посетителям свою продукцию — огромные снопы крупнозернистой пшеницы и ржи, горы белоснежного хлопка, изумительные по красоте ковры ручной работы, — и думал: вот что может сделать свободный труд с забитыми, темными, неграмотными в прошлом крестьянами.

В Москве Нгуен Ай Куок, как и другие деятели Коминтерна, поселился в гостинице «Люкс» на Тверской улице (ныне — гостиница «Центральная»). Оттуда его путь чаще всего лежал на Моховую улицу. Здесь, в здании напротив библиотеки Румянцевского музея (ныне Библиотека им. В. И. Ленина), размещался восточный отдел Исполкома Коминтерна, куда Нгуен Ай Куок был прикомандирован по прибытии в качестве постоянного работника. Частым гостем был он и в секретариате Крестьянского Интернационала у Арбатской площади.

³ «Труд», 10. VII. 1957.

Его рабочий день был заполнен до отказа. Став за долгие годы работы в рядах французского рабочего движения опытным журналистом, он и в Москве много пишет в газеты и журналы. Прежде всего в «Инпрекорр» — информационный бюллетень Исполкома Коминтерна, выходящий на английском, немецком и французском языках. Не порывает связей и со своими парижскими друзьями: пишет в «Юманите», в журнал «Ля ви увриер». Тематика статей его довольно обширна. Он разоблачает разбой французских колонизаторов в Индокитае, английских империалистов в Китае, пишет о росте рабочего движения в Китае, Японии, Турции, о положении крестьянства в странах Азии, о расовом угнетении в США.

С первых же дней пребывания в Москве Нгуен Ай Куок завоевал уважение и симпатии советских и зарубежных товарищей. Большое личное обаяние, самоотдача в работе, глубокая культура в сочетании со свободным знанием нескольких иностранных языков, врожденный такт и воспитанность — таким он запомнился всем, кто общался с ним в то время, и именно эти качества моментально располагали к нему окружающих. Не последнюю роль в его популярности, конечно, играл и тот факт, что он был в Советской стране посланцем далекого Вьетнама.

Советские люди встретили имя Нгуен Ай Куок на страницах газеты «Правда» уже через три месяца после его приезда в Россию. Случилось это так. На Всероссийскую сельскохозяйственную выставку прибыло большое число представителей крестьянства из более чем 20 стран Европы и Азии. В ходе контактов между ними и представителями Коминтерна родилась идея созыва Международной крестьянской конференции, на которой крестьяне различных стран могли бы обсудить вопросы, затрагивающие их интересы. Открытие первого всемирного схода крестьянства состоялось 10 октября в Андреевском зале Кремля. В этот день «Правда» вышла с крупными заголовками через всю первую полосу: «Привет новым союзникам по борьбе! Против гнетательского, разбойничьего союза капиталистов и помещиков вырастает великий союз рабочих и крестьян»⁴. Делегатов приветствовал председатель ВЦИК Союза ССР М. И. Калинин. 12 октября под рубрикой «Первая международная крестьянская конференция» «Правда» сообщила: «На втором заседании выступил от французской колонии Индокитай Нгуен Ай Куок. «Оратор отметил, что крестьянство Индокитай вдвойне угнетено — как крестьяне вообще и как крестьяне колониальной страны»⁵. На заключительном заседании был избран руководящий орган Крестьянского Интернационала — Международный крестьянский совет. Нгуен Ай Куок был единогласно избран в президиум МКС.

Прощание с Лениным

С тех пор как Нгуен Ай Куок познакомился с ленинскими трудами, его самой заветной мечтой стало встретиться с Лениным. Казалось, эта мечта близка к осуществлению — ведь он уже в Москве. Однако в первый же день пребывания на советской земле он, к своему несчастью, узнал, что Ленин тяжело болен и находится безвыездно в Горках. Как и все вокруг, с кем он каждодневно общался, Нгуен Ай Куок надеялся на лучшее. На Международной крестьянской конференции в

⁴ «Правда», 10. X. 1923.

⁵ «Правда», 12. X. 1923.

Андреевском зале Кремля он с бьющимся от радости сердцем рукоплескал вместе с делегатами, когда им объявили, что Ленину стало значительно лучше, врачи разрешили ему читать газеты. Но прошло несколько недель, и стало ясно, что это улучшение самочувствия было временным. 21 января в Москву пришла скорбная весть — В. И. Ленин не стало.

«Во время завтрака в столовой, находившейся на первом этаже гостиницы,— вспоминал Хо Ши Мин,— мы узнали, что умер Ленин. Этому никто не хотел верить. Но, взглянув в окно, мы увидели, что флаг над зданием Моссовета приспущен. Нас охватила безмерная скорбь. Ленин умер! Мне так и не довелось встретиться с Лениным, и это было самой большой горестью в моей жизни...»⁶.

Нгуен Ай Куок был в числе первых коминтерновцев, кто пришел к Колонному залу Дома Союзов проводить Ленина в последний путь. Находившийся в то время в Москве Джованни Джерманетто, ставший впоследствии другом Хо Ши Мина, вспоминал:

«Москва в январе 1924 г. В разгаре русская зима, когда температура порой опускается ниже 40°. Всего несколько дней назад скончался Ленин.

В то утро в нашем номере гостиницы «Люкс» раздался тихий стук в дверь. Затем дверь открылась, и к нам вошел очень худой молодой человек. На голове у него была кепка, на плечах — легкое демисезонное пальто.

— Я вьетнамец, меня зовут Нгуен Ай Куок,— проговорил он. — Я собираюсь к Дому Союзов, где находится гроб с телом Ленина, чтобы проводить его в последний путь...

— Товарищ Ай Куок, вы так легко одеты, что просто не выдержите мороза. Подождите, пока для вас раздобудут теплую одежду, и тогда пойдете...

Ай Куок тяжело вздохнул и, ни слова не говоря, сел пить чай вместе с нами, а затем ушел в свой номер. Мы тогда подумали, что он послушался нас и никуда не пошел.

...Около 10 часов вечера вновь раздался легкий стук. Я открыл дверь: передо мной стоял товарищ Ай Куок, все в том же легком пальтишке, с кепкой на голове. Лицо его было иссиня-бледным, уши, нос, пальцы рук стали лилового цвета от лютого мороза.

— Я только что побывал у гроба с телом Ленина. — Ай Куок с трудом говорил, его зубы стучали от холода. — Я не мог ждать до завтра, чтобы поклониться самому великому другу народов колоннальных стран...»⁷.

Через много лет на родине, в джунглях партизанского края, на привале после длительного перехода, кто-то из товарищей спросил Хо Ши Мина, откуда у него эти черные отметины на ухе и на пальцах ног. И тогда он рассказал о далеком скорбном дне 1924 г., когда, презрев лютый русский мороз, почти целый день простоял он, легко одетый, в траурной процессии у входа в Колонный зал Дома Союзов, чтобы проститься с великим Лениным, и вернулся к вечеру домой с обмороженным лицом и ногами.

27 января на Красной площади состоялись похороны В. И. Ленина. В 4 часа дня прогремели залпы орудийного салюта. В Москве, как и по всей стране, раздались протяжные гудки. Фабрики, заводы, паровозы отдавали вождю последний салют.

⁶ «Almanach de l'Humanité», 1970, я. 13.

⁷ Báo Hồ Hà-nôi, 1975, tr. 27—28.

В тот день, когда Хо Ши Мин вернулся из Колонного зала Дома Союзов, он заперся в своей комнате, до поздней ночи писал, стремясь выразить на бумаге охватившее его чувство скорби. Он писал, и по его щекам катились слезы:

«Ленин умер!» Подобно молнии в безоблачный день, пронесется эта весть над плодоносными равнинами Африки и зеленеющими просторами Азии. Да, чернокожие и желтолицые могут точно не знать, кто такой Ленин, не знать, где находится Россия... Однако все они — от крестьянина на полях Аннама до охотника в лесах Дагомеи — внимали передававшимся шепотом словам, что там, далеко, на другом конце земного шара, живет народ, прогнанный господ, эксплуатировавших его... что страна эта называется Россией, руководят ею мужественные люди и самого мужественного из них зовут Лениным...

При жизни он был нам отцом, учителем, товарищем, советчиком. Теперь он — путеводная звезда, ведущая нас к социальной революции. Ленин живет в наших делах, он бессмертен»⁸.

27 января на страницах газеты «Правда» среди откликов зарубежных друзей появилась и эта статья за подписью члена президиума Международного крестьянского союза Нгуен Ай Куока.

Приехав в Советский Союз и близко познакомившись с жизнью и деятельностью Ленина, читая воспоминания его соратников, слушая рассказы тех, кто вместе с ним работал, Нгуен Ай Куок был восхищен Лениным прежде всего как человеком. Он был поражен, насколько Ленин всей своей жизнью и деятельностью революционера, борца, наболев, просто личности отвечает созданному в его воображении эталону Человека с большой буквы. Впоследствии в своих работах, посвященных вопросам воспитания принципов революционной морали среди вьетнамских коммунистов, Хо Ши Мин не раз будет указывать именно на эту важнейшую сторону величия ленинского гения.

Та же тема занимает его мысли и в первые дни после кончины Ленина. Он пишет своим друзьям в Париж в газету «Пария», которая была основана по его же инициативе в 1921 г.: «Если Ленин для пролетариата Запада — вождь, лидер, учитель, то для народов Востока он является еще чем-то большим. Для них он, если можно так выразиться, святенья. Ленин покоряет и привлекает сердца азиатских народов не только своей гениальностью, но и презрением к роскоши, любовью к труду, чистотой своей личной жизни, простотой, одним словом, моральным величием и благородством учителя»⁹.

Последующие месяцы проходят в напряженной работе и учебе. Нгуен Ай Куок ставит перед собой задачу изучить досконально все, что Ленин писал и говорил по колониальному вопросу. А тогда это было для него не так-то просто. Лишь отдельные труды В. И. Ленина были переведены на иностранные языки. Долгие часы проводил Нгуен Ай Куок в библиотеке Коммунистического университета трудящихся Востока, с помощью русских товарищей подбирал необходимую литературу в секретариате Исполкома Коминтерна.

Тетради Нгуен Ай Куока были полны выписок из ленинских работ, собственных раздумий, которые легли затем в основу его первой книги на вьетнамском языке «Путь революции», сыгравшей во Вьетнаме такую же роль, как ленинская «Что делать?» в революционном движении России. Постепенно контуры этого единственно правильного пу-

⁸ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. М., 1970, стр. 3—5.

⁹ Там же, стр. 13.

ти становились ясными и четкими. В колониальных и зависимых странах, размышлял Нгуен Ай Куок, революция первоначально и прежде всего должна быть крестьянской революцией, направленной своим острием против колонизаторов и местных феодалов. Союз между подавляющим большинством крестьянства и рабочим классом — вот та основа, на которой только и можно создать широкий и прочный национальный фронт. Но крестьянство в колониях — это темная, забитая масса. Поэтому необходима революционная партия, партия коммунистов, которая вела бы постоянную организационную и направляющую работу среди крестьянских масс. Без этой работы победа революции не может быть обеспечена. Ленинское понимание специфики социально-политических условий в колониях, жизненной важности правильного решения крестьянского вопроса позволило впоследствии немногочисленной партии вьетнамских коммунистов повести за собой подавляющее большинство населения своей страны и обеспечить победу Августовской революции 1945 г.

В гуще событий

Как работник Коминтерна, Нгуен Ай Куок находился в самой гуще общественно-политической жизни молодой Советской республики, держал руку на пульсе набиравшего силу международного коммунистического движения. Он участвовал практически во всех крупных политических мероприятиях, проводившихся в Москве, не раз выступал на митингах советских трудящихся.

Он часто посещал Коммунистический университет трудящихся Востока. Этот университет — одно из первых в Советской России политических учебных заведений — был открыт в 1921 г. по личному указанию В. И. Ленина. Остро стояла задача подготовки революционных кадров из представителей народов Востока. Большую часть слушателей составляли посланцы среднеазиатских и закавказских республик. Но с каждым годом росло и число революционеров из зарубежных стран, в основном из Азии. После первого же посещения КУТВа, совершив экскурсию по его многочисленным аудиториям, Нгуен Ай Куок стал горячим его пропагандистом. Он пишет в «Ля ви увриер» большую статью, где подробно рассказывает об университете, о том, что в нем обучается более тысячи студентов 62 национальностей, что он располагает девятью зданиями, двумя библиотеками, кинотеатром, поликлиникой, общежитием, богатым подсобным хозяйством и собственным домом отдыха в Крыму. «Большевики не ограничились платоническими речами, принятием гуманных резолюций об угнетенных народах, — писал он, — а учат эти угнетенные народы тому, как надо бороться»¹⁰.

21 апреля Нгуен Ай Куок был приглашен на торжественное заседание в актовом зале университета по случаю его 3-летнего юбилея. Выступавшие вспоминали об одной из последних ленинских статей «Лучше меньше, да лучше», в которой В. И. Ленин высказал мысль, что под влиянием идей Октябрьской революции вызревает революционный подъем на Востоке, где народные массы втягиваются с необычайной быстротой в последнее время в борьбу за свое освобождение¹¹. Возрастает значение субъективного фактора, необходимы люди, которые бы несли в самые широкие массы передовое революционное сознание.

¹⁰ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме..., стр. 6.

¹¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 404.

И именно этих людей готовят на базе идейно-политического опыта пролетариата более развитых стран, в первую очередь Советской России, Университет трудящихся Востока.

Нгуен Ай Куок слушал ораторов и думал о том, что он должен сделать все возможное, чтобы в ближайшее же время в стенах этого университета появились его соотечественники.

Утро 1 мая 1924 г. выдалось в Москве хмурое, моросил мелкий дождь. Но Красная площадь сверкала ярким кумачом стягов и полотнищ. Со стены Исторического музея бросались в глаза огромные буквы транспаранта со словами призыва: «Отдай революции всего себя, как сделал Ленин». У Кремлевской стены уже возвышался только что воздвигнутый временный Мавзолей В. И. Ленина.

Такой предстала Красная площадь перед глазами Хо Ши Мина, когда он вместе с другими коминтерновцами очутился на трибунах у Кремлевской стены. Это был первый в его жизни Первомайский праздник на свободной земле победившего пролетариата. Неподдалеку от него, впереди группы коминтерновцев, виднелось приспущенное траурное знамя Коминтерна с надписью: «Пронесем твоё знамя через весь мир». Взволнованный, смотрел Нгуен Ай Куок, как сплошным потоком идут демонстранты мимо Мавзолея, приветствуя стоящих на трибуне всемирного старосту М. И. Калинина, зарубежных коммунистов.

В конце мая парижские рабочие, собравшись на общегородской митинг памяти коммунаров, приняли решение передать бесценную реликвию французских революционеров — знамя Парижской коммуны — на хранение московским коммунистам до победы во Франции пролетарской революции. 80-летний ветеран Парижской коммуны Фуркад последний раз пронес по улицам Парижа знамя, под которым ему повелось сражаться на баррикадах. И вот в Москве на Красной площади — торжественная церемония передачи знамени московским рабочим. Под звуки революционных маршей знамя Парижской коммуны переносится в Мавзолей В. И. Ленина. От ФКП в этой исторической церемонии участвовала делегация, прибывшая на V Всемирный конгресс Коминтерна. В ее состав уже в Москве по решению ИККИ был включен представитель Индокитая Нгуен Ай Куок.

На всемирном форуме коммунистов

Ожиданием V Всемирного конгресса Коминтерна Нгуен Ай Куок жил все эти месяцы в Москве, ведь прежде всего ради этого он проделал дальний и опасный путь из Парижа в столицу первого государства рабочих и крестьян.

Торжественное открытие V Всемирного конгресса Коминтерна состоялось 17 июня 1924 г. в Большом театре. Это был первый форум коммунистов мира, собравшийся без основателя и руководителя Коминтерна В. И. Ленина. Верность коммунистов ленинизму, в какой бы стране они ни вели свою трудную, самоотверженную работу, — этот тезис был доминирующим в выступлениях подавляющего большинства участников конгресса. И не случайно работа конгресса началась с митинга на Красной площади, у Мавзолея В. И. Ленина, где яркую, пламенную речь произнес М. И. Калинин.

Нгуен Ай Куок выступил на конгрессе дважды — в комиссии по национальному и колониальному вопросу и в прениях по аграрному вопросу. Он говорил горячо, страстно, смело критиковал свою же собственную партию за ее недостатки. Хотя в комиссиях шло обсуждение

конкретных, практических вопросов и поэтому аплодировали там редко, оба его выступления сопровождалась бурными аплодисментами. Его речь в комиссии по национальному и колониальному вопросу «Правда» опубликовала под красноречивым заголовком: «От слов к делу. Поучительные цифры. Выступление делегата Индокитая Нгуен Ай Куока»¹².

Стенографический отчет V конгресса зафиксировал диалог, происшедший между генеральным секретарем ИККИ Василом Коларовым и представителем Индокитая во время торжественной церемонии открытия конгресса.

«Коларов: Президиум предложил резолюцию в поддержку народов колониальных и полуколониальных стран.

Тов. Нгуен: Я хотел бы знать, обратится ли конгресс с особым воззванием к колониям.

Тов. Коларов: В порядке дня конгресса стоит колониальный вопрос, о странах Востока, странах колониальных и полуколониальных, а следовательно, все товарищи, желающие высказаться по этому поводу, будут иметь возможность это сделать.

Тов. Нгуен: Раньше, чем ставить воззвание на голосование, предлагаю добавить слова: «К колониальным народам».

Предложение тов. Нгуен Ай Куока принимается»¹³.

Нгуен Ай Куок огласил перед участниками конгресса перечень конкретных предложений, осуществление которых, по его мнению, способствовало бы активизации деятельности ФКП в национально-колониальном вопросе и усилению революционной пропаганды в колониях.

Будучи членом ФКП Нгуен Ай Куок постоянно боролся с проявлениями пассивности партии в колониальном вопросе в начальный период. Выдающийся деятель ФКП Жак Дюкло в своих мемуарах писал, что именно встречи и беседы с Нгуен Ай Куоком в Париже способствовали формированию у него, тогда девятнадцатилетнего юноши, только что вступившего в партию, правильного понимания существа колониального вопроса. Не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря постоянной разъяснительной работе со стороны Коминтерна, благодаря усилиям революционных представителей колоний, прежде всего таких, как Нгуен Ай Куок, ФКП заняла впоследствии в колониальном вопросе подлинно интернационалистскую позицию. Она оказывала всемерную поддержку борьбе колониальных народов за свое национальное освобождение, решительно выступив в 40—50-е годы против «грязных войн» французских колонизаторов в Индокитае и Алжире.

Сразу же после завершения работы конгресса Коминтерна один за другим в Москве прошли еще несколько важных международных форумов. И на всех впервые присутствовал представитель Индокитая. Живя в Париже, Нгуен Ай Куок был активным членом рабочего профсоюза, вошедшего в состав Унитарной всеобщей конфедерации труда, созданной под руководством французских коммунистов, и вот он в качестве полномочного делегата вместе со своим другом Г. Монмуссо на III конгрессе Профинтерна в Москве. Он еще довольно молод, поэтому вполне естественно его появление и в президиуме IV конгресса Коммунистического интернационала молодежи. Наконец, он пока единственный в Москве представитель своего обездоленного народа — ра-

¹² «Правда», 3. VII. 1924.

¹³ «V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». М.—Л., 1924. стр. 32.

бочих, крестьян, молодежи, женщин, стариков, детей, поэтому не удивительно, что его приглашают вслед за тем в качестве почетного гостя на Международный конгресс женщин. Там он знакомится с Н. К. Крупской, «исключительно простой, доброй и скромной женщиной»¹⁴, как он охарактеризует ее впоследствии. Его глубоко тронуло, как эта женщина, перед которой он преклонялся, с неподдельным интересом расспрашивала его о горькой доле вьетнамских женщин, задавленных жестокими феодально-колониальными порядками.

Жажда борьбы

Минул всего лишь год с того дня, как Нгуен Ай Куок ступил на советскую землю. Но каким насыщенным оказался для него этот короткий отрезок времени, ставший решающим, переломным этапом в его жизни. Глубокое изучение ленинских трудов, активная работа в Коминтерне и его организациях, знакомство с жизнью советских людей, их опытом революционного творчества и социалистического строительства — все это завершило его идейно-политическое формирование как коммуниста-ленинца. Теперь это был признанный представитель поднимавшейся на борьбу революционной Азии, опытный деятель всемирного союза коммунистов, чувствующий в себе силы к выполнению сложных практических задач. Он жаждал конкретного революционного дела, которое бы приближало пусть медленно, но неуклонно день освобождения родного народа. Его властно манил к себе зов далекой, покинутой им родины. Через четверть века он вспоминал: «И в детстве, и в зрелом уже возрасте я никогда не испытывал такого чувства свободы, неизбывной радости и счастья, как в те дни в Москве. Все-таки я жил тогда одной мыслью — скорее бы собрался Всемирный конгресс, чтобы после его завершения отправиться в путь и приступить к практической работе»¹⁵.

Он пишет письмо в ИККИ с просьбой командировать его в Южный Китай для работы среди вьетнамских политэмигрантов, которые, по его сведениям, стекаются сейчас туда, влекомые революционной программой правительства Сунь Ят-сена. И вот Нгуен в здании ИККИ, в знакомом уже кабинете, на двери которого висит табличка «Д. З. Мануильский». На V конгрессе его «крестный» — ведь это он дал молодому вьетнамцу путевку в Москву, в Коминтерн, в новую, захватывающую жизнь — был избран членом президиума ИККИ. Член большевистской партии с 1903 г., Мануильский пользовался большим уважением среди коминтерновцев.

Двум старым знакомым не нужен был переводчик. Они оба говорили на прекрасном французском языке. После поражения русской революции 1905 г. Мануильский эмигрировал в Париж и успешно закончил там юридический факультет Сорбоннского университета.

— Ну, что, товарищ Нгуен, рветесь в бой? — крепко пожимая руку своего «крестника», спросил Мануильский.

— Еще как рвусь. Прошедший конгресс вооружил всех коммунистов боевой программой действий. Хотя у нас во Вьетнаме пока нет партии, я понимаю призыв конгресса к большевизации компартий капиталистических стран, то есть к освоению партиями идейных, организационных и тактических принципов большевизма, как обращенный и

¹⁴ Т. L a n. Vũ'a đi đư'ò'ng, vũ'a K'ê chuyên. Hà-nôi, 1963, tr. 20.

¹⁵ Т. L a n. Vũ'a đi đư'ò'ng, ..., tr. 17.

к нам. Мы должны как можно быстрее создать в Индокитае партию большевистского типа. Думаю, что объективные условия для этого имеются. Все сильнее заявляет о себе наш рабочий класс, его борьба постепенно принимает действенные, боевые формы.

В ответ на колониальный произвол лучшие, передовые умы эмигрируют из страны. По моим данным, они большей частью обосновываются сейчас в Южном Китае — Гуанчжоу, Гонконге, Макао. Я вижу свой долг в том, чтобы отправиться туда и вести революционную работу среди своих соотечественников. Ведь эти люди при правильной постановке дела могут стать костяком будущей коммунистической партии. К тому же из Южного Китая легко поддерживать прямые связи с Вьетнамом.

— Полностью согласен с вами, товарищ Нгуен. Могу вас обрадовать: Исполком Коминтерна удовлетворил вашу просьбу. Вы назначаетесь членом восточного отдела Коминтерна, ответственным за южное направление. Разумеется, главная ваша задача, — продолжал он, — это идейно-политическая и организационная работа среди соотечественников, подготовка условий для создания компартии в Индокитае. Однако, учитывая ваши знания и опыт, Исполком выражает надежду, что вы будете оказывать в меру ваших сил и возможностей необходимое содействие и революционным представителям других стран Юго-Восточной Азии.

Вы совершенно правы, ставя вопрос о Южном Китае. Там действительно создалась сейчас очень благоприятная обстановка для сил революции. Гуанчжоуское правительство, созданное еще в начале 1923 г., возглавляет лидер партии гоминьдан доктор Сунь Ят-сен, большой друг Советской страны. Большую и полезную работу ведут в Южном Китае советские политические и военные советники. Огромной популярностью, это подтверждают и китайские друзья, пользуется там главный политический советник Сунь Ят-сена М. М. Бородин. Это старый большевик-подпольщик, активный коминтерновец, участник первого учредительного конгресса Коминтерна. Думаю, было бы хорошо, если бы вы по приезде установили с ним связь. Его помощь всегда может пригодиться...

Поблагодарив Мануильского за важную информацию и добрые пожелания, Нгуен Ай Куок выразил убеждение, что в следующую встречу он будет уже представлять компартию своей любимой родины — Вьетнама.

В декабре 1925 г. Нгуен Ай Куок под видом китайского служащего по имени Ли появляется в Кантоне, где в течение двух лет ведет политическую работу среди своих соотечественников-эмигрантов. Но и находясь вдали от советской страны, он фактически не порывает с ней связей. Перед его отъездом из Москвы ему предложили стать внештатным корреспондентом РОСТА, и он регулярно снабжает советское информационное агентство корреспонденциями о текущих событиях в Южном Китае и Индокитае.

Время, проведенное в Стране Советов, оставило неизгладимый след в памяти Хо Ши Мина, навсегда сделало его верным другом советского народа. На протяжении всей жизни он всемерно пропагандировал достижения нашей страны, призывая к единению с Советским Союзом — «оплотом революционного движения и борьбы за мир во всем мире»¹⁶.

¹⁶ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме... , стр. 94.

Первые отклики в Китае на победу Великого Октября

*Р. А. Мировицкая,
кандидат исторических наук*

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила ход развития всего человечества. Она положила начало эпохе революционного обновления мира, сообщила могучий импульс борьбе народов за национальное освобождение и социальный прогресс. С октября 1917 г. человечество вышло на путь перехода к социализму и коммунизму. «Октябрьская революция, — говорится в постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 г., — является таким социально-политическим событием, величие которого раскрывается все глубже и рельефней с каждым новым шагом человечества по пути общественного прогресса»¹.

Первые послеоктябрьские годы, как и вся 60-летняя история нашей страны, неизменно привлекают внимание историков, идеологов, специалистов в области международных отношений. Большое значение при этом придается и изучению откликов на победу Великого Октября в странах Запада и Востока. При всем их многообразии, определяемым главным образом закономерностями развития в той или иной стране, своеобразием революционного процесса, очевидно, необходимо обратить внимание на наличие общих черт, характерных для групп стран, — это послеоктябрьский революционный кризис в капиталистических странах Запада, подъем национально-освободительного движения в зависимых и колониальных странах Востока. Общим в отношении к Октябрьской революции и Советской России было и движение трудящихся крупнейших капиталистических стран в защиту Советской власти от империалистической агрессии под лозунгом «Руки прочь от России», активное участие коммунистов-интернационалистов, оказавшихся к 1917 г. в России, в борьбе за установление Советской власти, причем в ходе этой борьбы они одновременно проходили школу революционной работы, позволившую им впоследствии донести революционный опыт российских большевиков до трудящихся масс своих стран.

С анализа первых откликов в Китае на победу Великого Октября начинаются многочисленные книги и статьи по проблемам новейшей истории Китая, поэтому в настоящей статье автор пытается обратить внимание на некоторые менее освещенные аспекты этого вопроса, в том числе на своеобразие отношения к победе Октябрьской революции различных общественных сил и группировок в первые послеоктябрьские годы (1917—1921).

В силу особенностей развития китайского общества носителем национального самосознания выступали местная буржуазия, интеллигенция. Именно из этой среды выдвинулись деятели, долгое время искав-

¹ «Правда», 1. II. 1977.

шне пути, которые бы вывели Китай на путь модернизации, мира, прогресса. Прогрессивная китайская интеллигенция уже не была единой, участники движения за новую культуру находились на этапе дифференциации, выделения левого крыла, буржуазной либерально настроенной части². Естественно, что Октябрьская революция нашла отклик в гоминьдане, партии, под знаменами которой произошло свержение цинской династии. Безусловно, с большим воодушевлением приветствовали победу революции в России трудящиеся Китая. Октябрьская революция не прошла незаметной и для правящих кругов Китая, что определялось историей русско-китайских отношений.

10 ноября 1917 г. появились первые сообщения о победе в России Октябрьской революции на страницах крупнейших китайских газет, в том числе и на китайском языке («Миньго жибао», «Ишибао», «Шэньбао» и др.). Правда, это была случайная по характеру информация, весьма приближенно отображавшая не только суть, но и последовательность событий.

Понимание китайской общественностью сути происходивших в России событий было осложнено рядом объективных и субъективных факторов, в том числе особенностями освободительного движения в стране и состояния общественной мысли Китая³, характером источников информации, доступных общественности.

Обстоятельства сложились таким образом, что китайские органы массовой информации не имели непосредственных связей с Россией и были вынуждены довольствоваться материалами западных информационных агентств, перепечатывая весьма часто сообщения клеветнического содержания из западных газет и журналов о большевиках, мероприятиях Советской власти, о положении на фронтах гражданской войны. Многократно китайская пресса, ссылаясь на западные источники, предвещала скорую гибель Стране Советов.

Передовая китайская общественность постоянно выражала сомнение в достоверности печатавшихся слухов и ставила вопрос о необходимости направления собственных корреспондентов в Советскую Россию для обстоятельного освещения политики и практики Советской власти («Чэньбао», 13 апреля 1919 г. и др.), но до конца 1919 — начала 1920 г. положение не изменилось.

Как известно, вскоре после победы Октябрьской революции советское правительство предприняло активные шаги по доведению до общественности и правительств зарубежных стран информации о внутренней и внешней политике Советской республики. Инструкция Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР Международным отделам крайовых совдепов (22 февраля 1918 г.) указывала, что в отношении к соседним народам необходимо руководствоваться принципами, изложенными в Декрете о мире, который необходимо «широко распространить на местных языках». Инструкция подчеркивала, что «при всяком удобном случае в печати, на митингах, в листовках... надлежит подчеркивать, что мы кладем первый камень в создании совершенно новых отношений с народами Востока и что спасение их от опасности захвата, насилий и беззакония японо-европейских капиталистов и угнетателей заключается в тесном единении с народами социалистической России»⁴. Насколько нам известно, первым советским документом, опубликован-

² Новейшая история Китая. М., 1972, стр. 50—54.

³ См. А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900—1917). М., 1972, стр. 328—332.

⁴ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959, стр. 37—38.

ным целиком китайской прессой, сначала шанхайской, а затем и газетами Пекина, Тяньцзиня и др. было Обращение Совнаркома РСФСР «К китайскому народу и правительствам южного и северного Китая» от 25 июля 1919 г. Это произошло только в конце марта 1920 г.⁵

Важным каналом информации могли быть свидетельства очевидцев и участников событий. Для Китая это прежде всего китайские рабочие, оказавшиеся ко времени Октябрьской революции в России и возвращавшиеся на родину⁶, а также впечатления о Советской России и встречах с руководителями Советской республики западных корреспондентов и политических деятелей, время от времени появлявшиеся в западной прессе.

Китайская общественность действительно придавала большое значение рассказам рабочих. Так, Цай Юань-пэй, известный буржуазный демократ, просветитель, выступая в ноябре 1918 г. на массовом митинге в Пекине, говорил, что эти люди принесли в Китай «славу победившего государства». Правда, китайские власти, впрочем, как и правительства других стран, ограничивали поток возвращенцев из Советской России, не без основания опасаясь, что их объективные рассказы о виденном будут способствовать развитию революционного движения в стране. Специальными циркулярами пограничным китайским властям вменялось в обязанность всемерно препятствовать возвращению китайских рабочих (равно как и ввозу литературы) из Европы и России в Китай⁷.

Впечатления о Советской России стали публиковаться в Китае только со второй половины 1919 г. Одним из первых таких материалов была беседа В. И. Ленина с корреспондентом газеты «Мир» (США, Нью-Йорк) Линкольном Эйром, опубликованная в газете «Чэньбао».

Таким образом, до второй половины 1919 г. или даже до весны 1920 г. китайский читатель знал о России в основном по материалам прессы.

Из прессы внимательный читатель мог понять, что к власти в России пришли рабочие и крестьяне, что Октябрьская революция в корне отличается от всех прошлых революций. В газетах, журналах («Тайпинъян», «Дунфан») мелькали некоторые данные о политических мероприятиях и политических установках Советской власти — предложение о заключении мира и прекращении войны, о разделе земли между крестьянами, о проведении выборов, о введении рабочего контроля на производстве. Сущность же прихода к власти в России трудящихся классов вряд ли была понятна значительной части читающей публики Китая. К трудящимся массам она относилась с известным пренебрежением и предубеждением.

Советская же внешняя национальная политика получила самую широкую поддержку всего мыслящего Китая. Китайские историки, в 50-е годы изучавшие проблему воздействия Октябрьской революции на Китай, дают по этому поводу такое объяснение: «Не все результаты внутренних мероприятий Советской России можно было увидеть за короткий срок, но ее ясная миролюбивая и дружественная внешняя политика, которую китайский народ ощущал на себе, встречала в массах самое горячее одобрение»⁸.

⁵ См. Движение в Китае за признание Советской России. М., 1962.

⁶ «Материалы по новой истории», Пекин, 1957, № 5, стр. 100; Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов, стр. 45—46.

⁷ См. Leong Sow-Theng. The Sino-Soviet Relations. The first phase. Canberra, 1971.

⁸ Дин Шоу-хэ, Инь Сюй-и, Чжан Бо-чжао. Влияние Октябрьской революции на Китай. М., 1959, стр. 49.

В китайской прессе было опубликовано сообщение об отмене неравноправных договоров царской России с иностранными государствами⁹. Газеты типа «Миньго жибао», «Бэйцзин жибао» писали о негативной политике Советской власти по отношению к Японии, которая, как известно, в то время расширяла масштабы агрессии в Китае, о миролюбивых принципах советской внешней политики, благодаря которым, как отмечалось в некоторых статьях, укрепилось положение Советской России. Была опубликована заключительная часть Инструкции НКВД РСФСР Международным отделам краевых совдепов, которой был предпослан следующий призыв: «Если китайский народ хочет дать отпор японо-европейским капиталистам и бороться с тиранией и несправедливостью, он должен теснее сплотиться с русским народом, так как русские — лучшие друзья угнетенных народов». Публиковались также статьи, комментировавшие, с большей или меньшей долей объективности, внешнеполитические принципы и практику советского правительства. В качестве примера можно назвать статью в «Миньго жибао». 27 мая 1918 г. эта газета писала, что «новое правительство России сосредоточило все внимание на том, чтобы покончить с бесчинством капиталистических монополий и чиновничества. В вопросе же о колониях правительство, исходя из принципа невмешательства, энергично выступило против политики гнета... и делает все для того, чтобы народы обрели счастье...

Что касается соседей, то правительство выразило глубокое недовольство агрессивной политикой Японии». «Миньго жибао» подчеркивала, что «правительство Ленина в России укрепилось потому, что оно руководствуется миролюбивыми принципами невмешательства, для Китая это пример, достойный подражания».

Ряд статей, опубликованных в «Дунфан цзачжи», «Лаодун» и др., был посвящен деятельности В. И. Ленина. Была опубликована «Краткая биография вождя социалистической революции в России»¹⁰.

Просматривая спустя 60 лет китайскую прессу, невольно отмечаешь информацию, в которой четко определены отдельные черты и особенности советской политики. Так, 16 апреля 1918 г. «Миньго жибао» опубликовала статью бывшего японского посла в России, в которой признавалось, что «принцип национальной независимости блестяще разрешен русской революцией» и что он окажет воздействие на последующий ход развития отношений в Азии. «Бэйцзин жибао» (24 мая 1918 г.) опубликовала заявление китайских студентов, возвратившихся из Японии, в котором подчеркивалось, что «новое правительство России, ставящее своей целью создание коммунистического общества, уже заявило о том, что оно ни при каких обстоятельствах не совершит агрессии против другой страны».

Но подобные сообщения тонули в потоке информации, в которой тенденциозно изображались и даже преднамеренно искажались события в России. В этой связи и отмечают китайские историки, что восприятие Октябрьской революции, практики социалистического строительства было процессом «от полного неведения — к некоторому пониманию, от понимания меньшинством — к пониманию большинством, от частичного понимания — к полному пониманию»¹¹.

Патриотические силы Китая уже в первой половине 1918 г. выразили свою позицию по отношению к Октябрьской революции.

⁹ См. «Шэньбао», 15. II. 1918.

¹⁰ «Дунфан цзачжи», т. 15, № 3, III, 1918; «Лаодун», № 2, IV, 1918.

¹¹ Пынь Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, стр. 65.

Если рассматривать события в хронологическом порядке, то следует напомнить об известной телеграмме выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена В. И. Ленину и Советскому правительству по случаю победы революции. Этот факт в достаточной степени известен¹². Следует лишь обратить внимание на известную логику развития ситуации в Китае — именно Сунь Ят-сен, лидер освободительного движения китайского народа, «Миньго жибао», отображавшая настроения известной части гоминьдановцев, были в числе первых в Китае, выразивших «глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия» России и выразивших надежду, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы»¹³.

В. И. Ленин предвидел наступление революционной войны угнетенных народов против империалистических угнетателей, прологом которой явилась народная и глубоко социальная революция в России. Он писал, что опыт революции в такой стране, как Россия, «покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощью европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе такие возможности... что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым...»¹⁴.

События в Китае развивались именно таким образом. Расширение масштабов японской агрессии после Октября вызвало ответную реакцию. Первыми выступили китайские студенты, одна из наиболее мобильных сил страны того времени. Китайские студенты, обучавшиеся в Японии (до 3 тыс. человек), в мае 1918 г., прослышав о новых японо-китайских соглашениях «о совместной обороне», которые они справедливо расценили как «купчую на страну», приняли решение прервать учебу, вернуться в Китай и сделать попытку приостановить японскую агрессию. Воодушевленные русской революцией и взяв на вооружение отдельные идеи и принципы Октября (в своей интерпретации), они, не отказываясь от прежних методов протеста, характерных для антияпонских выступлений прошлых лет, например 1915 г. (петиционная кампания, бойкот японских товаров и др.), решили прибегнуть и к другим методам — «постараться пробудить народ», «установить связь со всеми слоями народа». Они были на пути к пониманию важности единства действий всего народа. В одном из документов, принадлежавших перу участника движения, подчеркивалось, что «если... народ единодушно выступит против внешнего давления, то отвергнуть эти условия, пагубные для государства, будет не так уж трудно»¹⁵. В печати пропагандировались внешнеполитические принципы и практика Октябрьской революции, Советская Россия рассматривалась как союзник в борьбе за освобождение Китая от японского господства.

Майское выступление китайских студентов, в действиях которых наивная вера в возможность отстоять национальную самостоятельность страны путем поддержки своему правительству, тесными нитями связанному с японским капиталом, сочеталась с пониманием необходимо-

¹² С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. М., 1964; М. С. Капца. Советско-китайские отношения. М., 1958.

¹³ Пын Мин. Указ. соч., стр. 68.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 321.

¹⁵ Ван Гун-би. Накануне «4 мая» 1919 г. — «Материалы по новой истории», 1955, № 2, стр. 108—109.

сти развязывания инициативы масс, единства всего народа в борьбе, явился в известной степени прологом движения «4 мая» 1919 г.

В условиях фактической изоляции Китая от России только отдельным выдающимся умам, деятелям, обладавшим незаурядным уровнем сознания, было под силу проявить подлинный интерес к идеям Октября, и тем более подняться до понимания их основ.

Среди них надо первым назвать Ли Да-чжао, крупнейшего китайского марксиста, коммуниста-интернационалиста, профессора Пекинского университета. Далее следует вспомнить Цюй Цю-бо, Дэн Чжунся, Цай Хэ-сэня, Юнь Дай-ина и др.

В нашей литературе не раз упоминалось, что Ли Да-чжао был одним из первых, кто со страниц печати, а также выступая на массовых митингах приветствовал победу Октябрьской революции, кто в русской революции увидел будущее своего народа. В статьях, написанных вскоре после Октябрьской революции («Сравнение французской революции с русской», «Поражение «панизмов» и «Победа демократии» (июль 1918 г.), «Победа большевизма» и «Победа народа» (ноябрь 1918 г.), он впервые, насколько нам известно, в общественной мысли Китая писал об исторической неизбежности повторения в международном масштабе опыта Октябрьской революции. Октябрьскую революцию называл «Зарей свободы», писал, что «будущий мир будет миром Красного знамени».

Менее известна его деятельность по привлечению внимания общественности страны к событиям в России, к опыту Октября. А значение ее в Китае, отгороженного от Советской России блокадой и интервенцией, трудно переоценить.

В своих статьях, зачастую публиковавшихся одновременно в ряде столичных и провинциальных прогрессивных периодических изданий, в лекциях Пекинского университета, где он читал специальный курс исторического материализма, истории социалистических учений и социалистических движений, социального законодательства, в стенах педагогических вузов, где читал лекции по социологии, философии истории и истории женского движения, наконец, со страниц пекинской «Чэньбао» он объяснял происходившие в России события, обращая особое внимание на особенности Октябрьской революции, характер внутренней и внешней политики советской власти. Он призывал внимательно прислушиваться к вестям из новой России, которая «строится на принципах свободы и гуманизма», подчеркивал, что в условиях «распространяющейся клеветы» нам надо «изучать большевизм, знакомить с ним народ, рассказывать правду о нем обществу». Он и его ближайшие единомышленники много сделали для того, чтобы события в России заняли достойное место в политической жизни страны, чтобы китайским патриотам «захотелось понять сущность этой революции»¹⁶.

Естественно, что сама китайская действительность, «где так много мрачного и трагичного», как писал известный коммунист-интернационалист Цюй Цю-бо, не могла не взволновать «докатившийся... неслышанный доселе грохот крушения старого общества»¹⁷. Не полагаясь на стихийный ход событий, Ли Да-чжао на страницах «Чэньбао» высмеивал тех, кто не хотел изучать большевизм, исходя из того только, что «Англия, США и другие страны в своем большинстве отвергают его»¹⁸. Под его влиянием редакция буржуазной газеты «Чэньбао» весной 1919 г.

¹⁶ Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, стр. 67, 134, 14—24.

¹⁷ Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. М., 1959, стр. 89.

¹⁸ «Чэньбао», 13. IV. 1919.

поместила статью, в которой называла русскую революцию «величайшим событием XX века» и призывала тщательно изучать ее.

В 1918 — начале 1919 г. Ли Да-чжао и его единомышленники содействовали началу изданий ряда журналов и газет, печатавших материалы по марксизму, о Советской России, — Мэйчжоу пинлунь», «Гоминь», «Синьчао», «Шаонянь чжунго» и др.

В те же годы аналогичные издания начали издаваться в Тяньцзине, Шанхае, Ухани, Гуанчжоу и других крупных центрах страны.

В этот первый период только отдельным наиболее прозорливым умам китайской нации было под силу осознать, какие глубокие перспективы открыла для Китая, для всего мира Октябрьская революция. Они обратились к изучению марксизма, опыта Октября. Но одновременно и широкие круги китайских патриотов приветствовали Октябрьскую революцию, с исключительным вниманием следя за развитием событий в России. Русская революция воспринималась как освобождение трудящихся классов от всех форм гнета в борьбе не только с отечественным, но и мировым империализмом.

Большое впечатление произвели в Китае призывы Октября к объединению трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против империалистических агрессоров. Именно советские внешнеполитические призывы китайская общественность воспринимала как наиболее характерные особенности новой России. Вспомним, например, слова Цюй Цю-бо: «...В самый канун движения «4 мая»... далеко-далеко были услышаны призывы победоносной русской пролетарской революции к революционному объединению пролетариата со слабыми и малыми нациями Востока для борьбы против капиталистических держав»¹⁹.

Октябрьская революция, как писал видный деятель китайского рабочего движения Дэн Чжун-ся, разбудила китайский пролетариат. В известной книге «Краткая история профсоюзного движения в Китае» он ярко отобразил отношение китайских рабочих к победившей в России революции. Дэн Чжун-ся писал, что неграмотные на 90% китайские рабочие узнавали о всех важнейших событиях из уличных разговоров и «радушно приветствовали вести о мировом революционном движении. С особенной радостью встретили они весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России»²⁰.

И хотя вопрос об откликах в рабочей среде все еще не детализирован в советской и китайской (50-е годы) историографии, однако можно со всей определенностью сказать, что пробудившийся к политической борьбе китайский пролетариат был наиболее последовательным другом Советской республики, рожденной Октябрем.

Пекинское правительство получало, в общем-то, обширную информацию по крайней мере об основных декретах советской власти, было осведомлено о советских предложениях по нормализации отношений с Китаем.

7—8 ноября китайский посланник в России Лю Цзинь-жэнь сообщил своему правительству о взятии власти в Петрограде большевиками. 10 ноября он передал в Пекин содержание Декрета о мире в следующей редакции: «Национальный представительный съезд, созванный большевиками в качестве «высшего органа власти в стране», обратился ко всем воюющим странам с предложением о трехмесячном перемирии для ве-

¹⁹ Шуан Линь (Цюй Цю-бо). Юбилей «4 мая» и национально-революционное движение. — «Сяндао», 1925, № 113, стр. 1044.

²⁰ Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, стр. 24.

дения переговоров о мире». В последующее время он сообщал о начале публикации секретных договоров, заключенных в свое время царским правительством с Японией (1907—1916) и др.²¹

29—30 ноября в Пекин было направлено китайским посланником Обращение Советского правительства к восьми крупнейшим странам мира, участникам первой мировой войны, в том числе Китаю, в котором запрашивалось, готовы ли они начать переговоры о мире или будут продолжать войну. «Ответ на эти вопросы, — подчеркивалось в Обращении, — должен быть дан сейчас же, и ответ не на словах, а на деле. Русская армия и русский народ не могут и не хотят дольше ждать. 1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести переговоры с немцами одни»²².

Китайское правительство в то время придерживалось линии стран Антанты²³.

Тем не менее в конце ноября — декабре 1917 г. в ходе встреч между представителями НКВД и сотрудниками китайской миссии в Советской России обсуждались такие актуальные вопросы советско-китайских отношений, как назначение советских представителей в Китай, программа урегулирования вопроса о КВЖД, предложение советского правительства об отказе от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции в Китае, о признании Пекином советского правительства.

В отчете китайского посланника, полученном в Пекине 20 и 28 февраля 1918 г., советские предложения были изложены в следующей форме: советское правительство желает отказаться от права экстерриториальности русских граждан в Китае, арендованных территорий, «боксерских» контрибуций. Советское правительство готово продать КВЖД Китаю, не ожидая сроков, установленных контрактом, а в случае, если у Китая нет на это средств, возможно создание совместного русско-китайского управления²⁴. Данный материал — еще одно свидетельство последовательной дружественной политики СССР в отношении Китая. Именно на рубеже 1917—1918 гг. была сформулирована советская программа развития отношений с Китаем, изложенная затем в докладе Наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина в июле 1918 г. на V съезде Советов, подтвержденная Обращением Совнаркома РСФСР к Китаю от 25 июля 1919 г. и закрепленная последующими договорными актами, в том числе первым советско-китайским договором от 31 мая 1924 г.

В 1919—1921 гг. авторитет и популярность Советской страны в Китае росли и укреплялись. Этому благоприятствовали победы Красной армии на фронтах гражданской войны над соединенными силами международной и российской контрреволюции. Широкие слои китайского народа с неизменным вниманием следили за происходившими в России знаменательными событиями, выражая надежду на полное освобождение советской земли от интервентов. Актуальность приобрел вопрос о непосредственных контактах с революционной Россией. Сунь Ят-сен планировал направить в Россию своих единомышленников для изучения обстановки на месте, в самой гуще борьбы.

С другой стороны, интерес к России вызывался разительным контрастом между империалистической политикой крупнейших держав За-

²¹ «Материалы по новой истории», 1957, № 5, стр. 112—115.

²² Документы внешней политики СССР, т. 1, М., 1957, стр. 29—30.

²³ М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 9.

²⁴ Материалы по истории китайско-русских отношений. — Сб. Русская революция и общие перемены. Тайбэй, 1968, т. 1, док. 96

пада в Китае, нашедшей очередное подтверждение в решениях Версальской мирной конференции (1919), и дружественной политикой Советской России по отношению к Китаю.

В немалой степени повороту китайского общества к Советской России способствовала и просветительская деятельность первых китайских марксистов, которую они вели в прессе, в создававшихся в стране обществах Изучения марксизма, Изучения России и т. д.

Заметным рубежом в восприятии Октябрьской революции в Китае и расширении авторитета Советской Республики в Китае явились события «4 мая» 1919 г., которые вошли в литературу как первый массовый отклик китайского народа на победу Великой Октябрьской социалистической революции. Именно под воздействием освободительных идей Октября устойчивое недовольство широких масс страны империалистической политикой держав, главным образом Японии, вылилось в волнения, охватившие все слои городского населения. В движении приняли участие представители всех классов, поднимавшихся к борьбе за национальную независимость. Это выступление китайского народа имело ряд черт, выделявших его из движений прошлого²⁵.

Цюй Цю-бо, которому принадлежат слова о том, что большевистская революция в России «всколыхнула весь мир и оказала влияние на развитие идей во всех странах» (1920), писал, что качественно новой чертой движения «4 мая» был его массовый характер. Он отметил, что в движении была преодолена историческая ограниченность предшествовавшего этапа, когда партии и классы не могли в своих программах и лозунгах отразить объективно антиимпериалистическое содержание революции. Он при этом отмечал, что движение устремилось «лишь по пути антияпонской борьбы». Цюй Цю-бо считал, что отличительной чертой этого движения является участие в нем китайского пролетариата. Он писал в этой связи, что «мощная национально-революционная волна неожиданно дала толчок к пробуждению классового самосознания китайских рабочих. В ней берут начало подлинно социалистическое, коммунистическое движение и движение за организацию профсоюзов»²⁶.

С этого времени среди революционных группировок Китая начинается поворот от расплывчатых идеалов национального возрождения к активной сознательной антиимпериалистической борьбе, к массовому движению за освобождение Китая.

Под влиянием идей Октября, послевоенного хода развития событий ускорился процесс расслоения интеллигенции, обострились споры по целому ряду важнейших вопросов, из которых наибольшую значимость имел вопрос о подходах к путям преобразования Китая. Интеллигенцией левого направления учение Маркса-Энгельса, как справедливо пишет Л. П. Делюсин, было воспринято «не только как одно из течений теоретической социалистической мысли, а, прежде всего, как практическое средство ликвидации старого и построения нового мира»²⁷.

Откликом наиболее прогрессивной части китайской интеллигенции на Октябрьскую революцию был поворот к марксизму. Но идейное размежевание с буржуазными реформистами, националистами было процессом длительным. В 1919—1920 гг. оно было скорее размежеванием между буржуазным реформизмом и социалистическими течениями, среди которых были и сторонники марксизма.

²⁵ О движении «4 мая» 1919 г. см.: Движение «4 мая» 1919 года в Китае. Документы и материалы. М., 1969; Новейшая история Китая, стр. 56—58.

²⁶ «Сяндао», 1925, № 113, стр. 1044.

²⁷ Л. П. Делюсин. Спор о социализме. М., 1970, стр. 13.

Начало процесса распространения марксизма сопровождалось интересом к изучению марксистской литературы. В 1920—1921 гг. было опубликовано в периодике разных направлений свыше 300 названий работ марксистского содержания, включая «Манифест Коммунистической партии», некоторые работы В. И. Ленина — «Государство и революция» (фрагмент), «Политические партии в России и задачи пролетариата», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «От разрушения векового уклада к творчеству нового», «Великий почин» (фрагмент), «Речь на III Всероссийском съезде советов народного хозяйства», «О продналоге», выступления на VIII и IX съездах РКП(б), «Беседа с сотрудником «Известий ВЦИК» по поводу восстания «левых эсеров» и др.

Хотя не все переводы (чаще с японского языка) были выполнены профессионально, а принципы научного социализма познавались по частям, а не как система взглядов, хотя марксистские идеи претерпевали глубокую трансформацию и приобретали националистическую окраску, это был процесс огромного значения. Он содействовал распространению марксизма в Китае, создавал идейно-теоретические предпосылки организации компартии, которая была создана в 1921 г.

25 июля 1919 г. Советская Россия направила в Китай упоминавшееся выше Обращение СНК РСФСР, в котором в третий раз были изложены принципы советской политики в отношении Китая, в соответствии с которыми социалистическое государство с первых дней своего возникновения предпринимало практические шаги к нормализации отношений с Китаем, и были выражены чувства дружбы советского народа к китайскому народу²⁸.

Как отмечалось выше, Обращение СНК РСФСР оказалось первым советским внешнеполитическим документом по китайскому вопросу, опубликованным китайской прессой и ставшим достоянием широких кругов общественности страны, в том числе той ее части, которая возлагала надежды на послевоенную мирную конференцию как на путь, который приведет Китай к национальному освобождению. Призывы советского правительства, отражавшие сокровенные чувства народных масс, объективные интересы нации, нашли самый широкий отклик в стране. В Китае начались выступления за дружбу с Советской Россией, за нормализацию отношений с Советской Россией.

С того времени, как в Китае стали известны мирные советские предложения, которые, по определению «Миньго жибао», «в необычайной степени воздействовали на психологию китайцев» и были восприняты как новая надежда, как помощь в решении назревших проблем страны, резко возрос интерес к Советской стране. Только в одном журнале «Синь циннянь» с сентября 1920 по апрель 1921 г. было опубликовано 137 статей и заметок о русской революции, партии большевиков, о жизни рабочих и крестьян, о государственном, экономическом и культурном строительстве в Советской России. В ряде городов страны были созданы «Общества изучения России».

Расширялся круг людей, солидаризировавшихся с Советской Россией. Если в начале 1919 г. значительная часть китайской общественности, размышляя о судьбах страны, возлагала надежды на «великодушные» держав, «справедливость» Запада, то через год буржуазные организации, подобные, тем, которые составляли наказы Парижской мирной конференции, рекомендовали пекинскому правительству «направить советскому правительству заявление дружественного харак-

²⁸ О. Б. Рахманин. Дружба советского и китайского народов имеет свою историю и традиции. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, стр. 16—17.

тера», подчеркивая при этом, что «декларацию СНК РСФСР», «не может не одобрить ни один народ мира, если он ценит гуманность и принципиальность»²⁹. Выходил на политическую арену китайский пролетариат. Согласно китайским материалам 50-х годов, в Пекине и Тяньцзине рабочие и студенты весной 1920 г. выступали с лекциями и распространяли листовки, в которых пропагандировали успехи РСФСР³⁰.

Китайская молодежь стремилась поехать в Россию учиться и работать. Одним из первых в Советскую Россию, как известно, был направлен в качестве корреспондента «Чэньбао» Цюй Цю-бо. Как писал Чжэн Чжэнь-до, «в своих сообщениях из Советской России... он добросовестно и вдохновенно рассказывает китайскому народу всю правду о тяжелой, героической борьбе первого в мире социалистического государства, о том, как под руководством великого учителя Ленина рабоче-крестьянские массы России одолели всех врагов, как они, невзирая на неисчислимые трудности, стоявшие на их пути, строят новое, светлое, социалистическое общество. И сердца огромного множества людей, читавших его корреспонденции, обратились к Советскому Союзу — надежде всего человечества»³¹. В конце 1920 г. в Шанхае было организовано китайско-русское агентство, осуществлявшее перевод материалов иностранной печати о Советской России. В Шанхае же стали функционировать курсы русского языка, созданные в помощь изучающим марксистскую литературу³².

Под влиянием идей Октября и упрочения положения Советской России, по мере того как рассеивались иллюзии о возможности содействия западных держав в модернизации страны³³ гоминьдановские лидеры начинают пересматривать вопрос об исторических судьбах Китая, роли коммунистов в решении коренных проблем страны. Сунь Ят-сен, Ляо Шун-кай в ответ на Обращение и письма руководителей Советского государства, все активнее вступали на путь контактов с представителями Советской страны и Коминтерна, приезжавшими в начале 20-х годов в Китай. Не только Сунь Ят-сен и его ближайшие соратники, но и весьма широкие круги национальной буржуазии в гоминьдане и вне его видели в Советской России «знамя объединения всех угнетенных наций и притесняемых наций в борьбе против мирового империализма», признавали, что успеха нельзя добиться «без союза со всеми нациями, относящимися к Китаю как к равному»³⁴.

Однако если Сунь Ят-сен, великий китайский революционер-демократ, сумел подняться над буржуазным национализмом, пойти на союз с Советской страной, с компартией Китая, с рабочим и крестьянским движением в своей стране, то значительная часть гоминьдановцев, националистов рассчитывала использовать политику Советской России, опыт Советской России только в своих узкоклассовых интересах для возрождения могущественного националистического Китая. Истоки политической дифференциации проявились в отношении к движению на-

²⁹ «Синь циннянь», т. VII, 1920, № 6, стр. 4.

³⁰ Дружба с Советским Союзом — основа свободы и независимости народно-демократических государств. Пекин, 1950, стр. 30 (на кит. яз.).

³¹ Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, стр. 3—4. О деятельности Цюй Цю-бо на посту корреспондента «Чэньбао» в Москве см. Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, стр. 6—14; см. также О периодических изданиях периода «4 мая» 1919 г., т. 1, стр. 129—139 (на кит. яз.).

³² См. О. Б. Рахманин. Дружба советского и китайского народов имеет свою историю и традиции. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, стр. 17.

³³ М. И. Сладковский. Ленин и политика КПСС в отношении Китая. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, стр. 7.

³⁴ Дай Цзи-тао. Основы движения Китая за независимость. Кантон, 1925, стр. 77 (на кит. яз.).

родных масс. Дай Цзи-тао, видный представитель правого крыла гоминьдановцев и будущий комментатор Сунь Ят-сена, уже в 1919 г. в беседе с Сунь Ят-сеном выразил опасение относительно «беспорядков», с «которыми трудно будет справиться».

Весной 1920 г., после того как пекинское правительство получило сразу из нескольких источников Обращение Совнаркома РСФСР от 25 июля 1919 г., оно дало указание своим резидентам установить неофициальные контакты с представителями Наркомата по иностранным делам. И это несмотря на то, что иностранные резиденты в Китае сделали многое, чтобы посеять сомнения в характере документа и причинах его направления в Китай³⁵, китайской миссии в Копенгагене было поручено вступить в неофициальный контакт с главой советской делегации М. М. Литвиновым³⁶. Одновременно пекинские власти направили во Владивосток некоего Фан Ци-гуана для встречи с Виленским-Сибиряковым, передавшим текст Обращения Совнаркома китайскому консулу во Владивостоке. Фан Ци-гуан сообщил Виленскому-Сибирякову 22 мая 1920 г., что китайская сторона оценила «добрую волю советского правительства», но, поскольку правительство Китая принадлежит к лагерю держав Согласия, оно не может вести политики, находящейся в противоречии с политикой этих государств. Как только страны Антанты признают советское правительство, Китай последует за ними. Секретарь китайской миссии в Копенгагене сделал М. М. Литвинову заявление аналогичного характера. В последующие годы в правительственных кругах Китая участились дебаты по вопросу о политике Китая в отношении России, пекинское правительство приняло в Пекине представителей РСФСР и ДВР.

* * *

В Китае наступало время более углубленного изучения «пути русских». Этому прежде всего способствовали особенности освободительного движения в стране, перед которым со всей остротой был поставлен вопрос о союзниках китайского революционного движения. С другой стороны, Китай уже не был отрезан от России «китайской стеной».

Если в 1917 г. только отдельные, наиболее прозорливые умы китайской нации сумели увидеть в русской революции будущее своей страны и встали на путь активного восприятия опыта Октябрьской революции, популяризации опыта Октября, марксизма-ленинизма, то 20-е годы уже были годами становления коммунистического движения в Китае, а отношение к Советской России — тем рубежом, по которому происходило размежевание сил революции и контрреволюции в стране.

Великая Октябрьская революция побудила китайских революционеров, равно как и передовых представителей других стран Востока, пересмотреть вопрос об исторических судьбах своей страны. Первые китайские коммунисты, марксисты искали в ленинизме ответ на насущные проблемы Китая, видели будущее Китая на путях революционного преобразования страны, на путях дружбы с Советской страной.

³⁵ Материалы по истории китайско-русских отношений, т. I, док. 301 от 29. III. 1920 г., т. II, док. 62 от 23. V. 1920 г. (на кит. яз.).

³⁶ Leong Sow - Theng. Sino-Soviet Relations. The first phase, p. 11.

К 40-летию национально-освободительной войны китайского народа против японских захватчиков

А. С. Титов

Сорок лет тому назад, 7 июля 1937 г., японские империалисты, спровоцировав так называемый «инцидент» у Лугоуцяо (близ Пекина), развязали длительную кровопролитную агрессивную войну против китайского народа, намереваясь поставить его на колени и превратить Китай в свою колонию. Еще в 1931 г. империалистическая Япония при попустительстве Англии, США и других капиталистических держав захватила Маньчжурию — богатейшую китайскую область с 30-миллионным населением, по площади в несколько раз превышающую размеры самой Японии. Захват Маньчжурии был открытым нарушением Японией подписанного ею совместно с другими державами в 1922 г. Вашингтонского договора, первый пункт которого обязывал его участников «уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную неприкосновенность Китая». Но этот захват не встретил даже осуждения со стороны капиталистических государств, подписавших Вашингтонский договор. Видя, что ведущие капиталистические державы (США, Англии, и др.) идут по пути уступок агрессорам, и заручившись поддержкой союзников по агрессивному блоку — фашистской Германии и Италии, империалистическая Япония приступила к осуществлению заранее разработанного и подготовленного плана завоевания Китая.

Развязав без объявления разбойничью войну, японские империалисты не рассчитывали на длительное и упорное сопротивление Китая. Они были уверены, что война будет «молниеносной»: несколько месяцев войны — и Китай капитулирует. Так рисовался исход войны японским захватчикам.

Делая ставку на «короткую войну» и «быструю победу», японские агрессоры исходили из военно-технического превосходства японской армии, слабости центрального правительства Китая, которому не подчинялось значительное число местных милитаристов, а также из наличия многих капитулянтских и прояпонских элементов как в правящих верхах Китая, так и среди китайского генералитета, с помощью которых Япония надеялась поставить центральное нанкинское правительство на колени. Однако японские агрессоры жестоко просчитались. Развязав агрессивную войну, они столкнулись с невиданным сопротивлением многомиллионного китайского народа. Несмотря на тяжелые потери на первом этапе войны, в китайском народе крепла воля к сопротивлению японским захватчикам, стремление во что бы то ни стало отстоять независимость Китая.

Встретив упорное сопротивление, японские захватчики стали жестоко расправляться с мирным населением Китая. В захваченных ими городах и деревнях пылали пожары, японские войска совершали

грабежи, насилия над женщинами, массовые убийства беззащитных стариков, женщин и детей. Этими чудовищными злодеяниями японские оккупанты стремились внести смятение в ряды защитников родины, запугать их, не допустить национального сплочения. Однако и эти расчеты японской военщины не оправдались. Зверства и злодеяния японской военщины не сломили боевой дух китайского народа и его решимость довести освободительную войну против японских интервентов до победного конца. Напротив, они способствовали широкому развертыванию войны сопротивления, в том числе в тылу японских войск. «Десятки миллионов китайского населения, — писал член Политбюро и Секретариата ЦК КПК, глава делегации КПК в ИККИ Жэнь Би-ши (Чжэн Лин), — участвуют в антияпонской войне. Несмотря на тяжелые потери, понесенные в этой войне, в народе растет воля к сопротивлению японской агрессии, стремление во что бы то ни стало отстоять национальную независимость Китая. Об этом ярко свидетельствует большое участие народных масс в развертывании партизанской войны»¹.

Борьба китайского народа с самого начала приобрела международный характер. Китай с первого же дня японо-китайской войны воевал не только ради своего национального освобождения, но и в интересах всего прогрессивного человечества. Он боролся против одного из партнеров агрессивного блока. Справедливая национально-освободительная война Китая против японских оккупантов встретила сочувствие и поддержку международного пролетариата, и прежде всего народов Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, выступая 26 апреля 1938 г. с докладом о международном положении и коснувшись антияпонской войны в Китае, говорил: «Население Китая, исторически натерпевшееся от произвола японской военщины, купцов, продавцов опиума, спекулянтов и всякого рода другого сброда, сейчас виновником всех бедствий, даже своей постоянной нищенской жизни, изнуряющего труда, ни с чем не сравнимой китайской бедности, считает японцев. Народ горит острой ненавистью к чужеземным разбойникам. Сейчас, как никогда, китайский народ объединился как единое государство. Народный антияпонский фронт становится могучей общественной силой, притягивающей к себе все социальные слои. И цель борьбы очень проста и понятна широким массам: изгнать из пределов Китая иностранных насильников. Вся задача, стоящая перед китайским правительством, заключается в том, чтобы достать оружие. Людей же, жаждущих оружия, желающих применить его против врагов с полной эффективностью, — миллионы»².

Политика «невмешательства» правительств США и Англии на деле потворствовала агрессору. Они ограничивались лишь выражением лицемерного сочувствия Китаю и другими дипломатическими жестами, пожеланиями «кончить дело миром» и т. п. Правящие круги Англии и США проводили политику уступок и пособничества японским империалистам, лелея надежду, что в дальнейшем японская агрессия пойдет в северном направлении — против СССР. Они не прекратили поставок стратегических материалов и сырья в Японию даже после

¹ Чжэн Лин. Китайский народ в борьбе против японского агрессора. М., 1938, стр. 19.

² М. И. Калинин. О международном положении (Доклад на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского района г. Москвы 26 апреля 1938 г.). — В кн.: «Китай дает отпор». Ростов н-Д., 1938, стр. 19—20.

начала японо-китайской войны. Более того, в 1938 г. Япония получила от США 125 млн. долл. в виде займов и кредитов, под которые затем поставлялись в Японию станки, военное оборудование и вооружение. Английские банкиры финансировали торговые операции Японии с Германией и Италией. Китай же до 1939 г. не получал ни цента ни от США, ни от Англии³.

Советский Союз, давая решительный отпор враждебной антисоветской политике правящих кругов Китая, во главе которых стояли Чан Кай-ши и Ван Цзин-вэй, неизменно выступал на стороне китайского народа. Он не только выступил с осуждением японской агрессии, но и добивался в международных органах (в Лиге Наций, на международной конференции по разоружению, на Брюссельской конференции) принятия эффективных мер по обузданию японской агрессии против Китая и установлению мира на Дальнем Востоке. Требуя от Лиги Наций принятия эффективных мер борьбы против японской агрессии, Советский Союз заявил 7 марта 1933 г. о своей готовности поддерживать любые предложения и действия международных организаций и отдельных правительств, направленные на скорейшее справедливое разрешение конфликта и восстановление мира на Дальнем Востоке⁴.

В конце 1932 г. были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Китаем. По этому поводу в докладе на VII съезде Советов 28 января 1935 г. говорилось: «Восстановлены также нормальные отношения с Китаем, которые были прерваны Китаем в 1929 г. под напором его антисоветских элементов. С тех пор китайское правительство, видимо, убедилось в том, что этот разрыв не может служить на пользу Китайской республике и только ухудшает ее международное положение. Может быть, кому-нибудь и нужен был этот практический урок, но это уж их дело. Для нас и без того было ясно, что правильные отношения между СССР и Китаем — в интересах обеих стран и всеобщего мира. Поэтому мы с удовлетворением приняли предложение китайского правительства восстановить отношения, что должно служить укреплению дружественных отношений между нашей страной и великим китайским народом»⁵.

Это выступление Советского правительства явилось определенным толчком для Чан Кай-ши и его сторонников к пересмотру своей позиции в отношении Советского Союза. Тем более их расчеты направить японскую агрессию на север — против СССР за счет уступок в отношении Маньчжурии и в других вопросах не оправдались. В феврале 1935 г. через посланника Китая в Великобритании Го Тай-ци Чан Кай-ши дал понять советским руководителям в беседе с послом СССР И. Майским о желании китайского правительства улучшить отношения с Советским Союзом⁶.

Выступая за коллективное обуздание японской агрессии в Китае, Советское правительство одновременно предпринимало шаги к налаживанию нормальных межгосударственных советско-китайских отношений, считая, что улучшение и укрепление этих отношений не только в интересах народов обеих стран, но и явятся сдерживающим фактором агрессивных намерений японских империалистов в отношении

³ См. А. М. Дубинский. Помощь СССР китайскому народу в период японо-китайской войны (1937—1945) и позиция руководства КПК. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 6, стр. 76.

⁴ См. Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, стр. 74.

⁵ Документы внешней политики СССР, т. XVIII, М., 1973, стр. 44—45.

⁶ Там же, стр. 71—72.

Китая и будут способствовать установлению мира на Дальнем Востоке. В октябре 1935 г. китайское правительство обратилось к Советскому правительству с запросом: «Сможет ли китайское правительство получить из СССР военное снаряжение через Синьцзян», если оно «вынуждено будет оказать вооруженное сопротивление Японии», учитывая, что «морским путем оно едва ли что-нибудь сможет получить?»⁷. Советское правительство дало положительный ответ на этот вопрос⁸.

В ходе советско-китайских переговоров, начавшихся в конце 1935 г., Советское правительство предложило национальному правительству Китая в начале 1937 г. заключить пакт о дружбе и военно-техническом соглашении, которое предусматривало: а) продажу Советским Союзом Китаю самолетов, танков и другого военно-технического снаряжения, предоставление для этой цели нанкинскому правительству кредита в 50 млн. ам. долл.; б) подготовку в Советском Союзе китайских летчиков и танкистов, а также в случае необходимости посылку советских инструкторов-преподавателей в соответствующую китайскую военную школу в одном из пунктов Северо-Западного Китая; в) в случае угрозы коммуникационной линии, связывающей Китай и СССР через Ганьсу, и в случае просьбы о том командования китайской армии — посылку нескольких советских самолетных и танковых соединений для включения в китайскую армию, защищающую эту коммуникационную линию⁹.

Однако нанкинские правители не торопились с заключением этих соглашений с Советским Союзом. Они все еще рассчитывали договориться с империалистической Японией. Неблагоприятное для Нанкина развитие событий после «инцидента» у Лугоуцяо заставило китайское правительство обратиться 19 июля 1937 г. с просьбой к правительству СССР о срочной поставке Китаю самолетов, танков, зенитной и противотанковой артиллерии, а несколько позднее (14 августа 1937 г.) и о направлении в Китай советских летчиков, авиамехаников, артиллеристов и танкистов для обучения китайских военнослужащих¹⁰.

21 августа 1937 г., в самый тяжелый для Китая момент, был заключен советско-китайский договор о ненападении, который нанес серьезный удар агрессивной политике японских империалистов, рассчитывавших на международную изоляцию Китая, а также политике попустительства агрессору, проводившейся западными державами. Договор оказал благотворное влияние на внутривнутриполитическое положение в Китае, содействовал оформлению единого национального антияпонского фронта на базе сотрудничества КПК и гоминьдана. Это не только увеличило силы сопротивления китайского народа, но и позволило в определенной мере усилить давление левых патриотических сил на гоминьдан, особенно в начальный период японо-китайской войны, в вопросе о демократизации страны и облегчении положения народных масс. Значение этого договора было высоко оценено патриотическими силами Китая и прогрессивной мировой общественностью. В то же время этот договор вызвал бешеную злобу у японских империалистов. На страницах японской печати появились угрозы в адрес Советского Союза. Несмотря на эти угрозы, Советский Союз

⁷ Документы внешней политики СССР, т. XVIII, стр. 662.

⁸ Там же, стр. 663.

⁹ См. Документы внешней политики СССР, т. XX. М., 1976, стр. 701—702.

¹⁰ Там же, стр. 392—394, 743.

стал оказывать Китаю в самые трудные для него дни не только политическую и моральную поддержку, но и крайне необходимую материальную и военную помощь. Советским Союзом было поставлено в Китай большое количество оружия, боеприпасов, горючего и других военных материалов¹¹. Большой вклад в борьбу китайского народа против японских захватчиков внесли советские летчики-добровольцы (более 200 из них пали смертью героев), а также многочисленные военные специалисты (более 3,5 тыс. в начале 1939 г.). В результате эффективной помощи советских военных специалистов, которые разрабатывали планы организации отпора японскому наступлению, обучали и готовили китайские войска для активных боевых действий, потери китайской армии значительно сократились. Если в начале войны потери китайской армии по сравнению с японской составляли 5 : 1, то к 1939 г. они были 1 : 1. Кроме того, присутствие советских военных специалистов в китайской армии способствовало поддержанию сотрудничества между войсками гоминьдана и КПК, удерживало некоторых китайских генералов от открытых действий против коммунистов. «У многих китайских генералов, — пишет бывший советский военный специалист А. Я. Калягин, — была еще свежа в памяти работа с советскими добровольцами Национально-революционной армии в 1924—1927 гг., и они не могли забыть те симпатии, которые проявляли китайские трудящиеся к советским людям. Поэтому наше появление для китайских генералов означало не только новую военную школу, но и необходимость нового, по крайней мере внешне, подхода ко многим проблемам внутренней политики, хотя к этим вопросам мы и не имели прямого отношения»¹².

Помощь СССР китайским вооруженным силам, которую нельзя переоценить, выражалась также в том, что его Дальневосточная Красная Армия сковывала главную и самую мощную группировку сухопутных войск империалистической Японии, сосредоточенную в Маньчжурии и Корее, так называемую японскую Квантунскую армию. В июле 1938 г. и мае—августе 1939 г. Красная Армия Советского Союза дала сокрушительный отпор японским военным провокациям у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Эти успехи советских вооруженных сил нашли широкий отклик в Китае, еще больше укрепили боевую решимость китайского народа и китайской армии к сопротивлению.

Всесторонняя помощь и поддержка Советским Союзом Китая, особенно в начальный период японо-китайской войны, явилась одним из решающих факторов, способствовавших организации вооруженного сопротивления китайского народа японским захватчикам и срыву планов молниеносной войны, на которую рассчитывали японские империалисты.

Огромную работу по организации кампании международного рабочего класса в помощь освободительной борьбе китайского народа проделал Коминтерн. В директиве «О помощи испанскому и китайскому народам» от 3 октября 1937 г. Секретариат ИККИ предложил компартиям различных стран обширную программу действий в поддержку освободительной борьбы китайского народа (развертывать широкое движение протеста против разбойничьей войны японских империалистов в Китае, организуя митинги, демонстрации, бойкот японских това-

¹¹ Более подробно о характере и размерах помощи Советского Союза Китаю в укреплении его обороноспособности см.: А. Я. Калягин. По незнакомым дорогам. М., 1969.

¹² А. Я. Калягин. По незнакомым дорогам, стр. 39.

ров, отказ рабочих от разгрузки японских товаров и погрузки вывозимых в Японию военных и других материалов, сбор средств в фонд помощи китайскому народу, отправку медикаментов и амбулаторий в Китай и т. д.). 15 октября 1937 г. Секретариат ИККИ обратился ко всем антивоенным организациям с воззванием о солидарности и помощи китайскому народу в его справедливой борьбе против японских захватчиков. В декабре 1937 г. Секретариат ИККИ вновь обсудил ход кампании помощи китайскому народу и одобрил инициативу компартий США, Англии, Голландии и других стран, создавших комитеты друзей Китая. Эти комитеты сыграли большую роль в сборе средств в фонд помощи китайскому народу, в отправке медикаментов и амбулаторий в Китай, в организации кампании солидарности, в осуществлении бойкота японских товаров и т. п.¹³

В июне 1938 г. Секретариат ИККИ вновь принял специальное постановление об активизации оказания всемерной поддержки и помощи освободительной борьбе китайского народа со стороны международного рабочего движения и всех сил демократии и мира. В нем подчеркивалось, что «освободительная война китайского народа является важнейшей составной частью общей борьбы мирового пролетариата и всего передового человечества против насилия варварского фашизма...»¹⁴

Солидарность, поддержка и помощь справедливой борьбе китайского народа со стороны международного коммунистического и рабочего движения, первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, прогрессивных и демократических сил всего мира находили глубокий отклик среди китайского народа и его патриотических сил и вдохновляли их в борьбе против японских захватчиков за независимость и свободу своей родины. Таким образом, китайский народ боролся с японскими агрессорами не в одиночку. На его стороне был международный рабочий класс, его верные и искренние друзья — народы Советского Союза, прогрессивные и демократические силы всего земного шара. После начала японо-китайской войны в июле 1937 г. все симпатии советского народа были на стороне патриотов Китая.

Разбойничье нападение японских империалистов на Китай в июле 1937 г. не было полной неожиданностью для китайского народа. Патриотические слои китайского народа и их революционный авангард — Коммунистическая партия Китая не только знали о неизбежности борьбы с японскими захватчиками, но и активно готовились к этой борьбе, стремясь создать единый национальный антияпонский фронт и объединить весь многомиллионный Китай на борьбу за независимость и свободу своей родины. Особую роль в подготовке китайского народа к борьбе с японскими захватчиками сыграли новая политика КПК — политика единого национального фронта, разработанная на основе исторических решений VII конгресса Коминтерна (июль — август 1935 г.), и патриотическое «движение 9 декабря» за отпор Японии и национальное спасение, начало которому положила антияпонская демонстрация пекинских студентов 9 декабря 1935 г. Выдвинутые коммунистами лозунги решительной борьбы за спасение родины были понятны каждому китайскому патриоту, они полностью отвечали настроениям масс. Патриотическое «движение 9 декабря» за национальное спасение, проходившее под руководством и лозунгами КПК, охватило все слои китайского населения, прежде всего

¹³ См. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, стр. 464—465.

¹⁴ Коммунистический Интернационал, 1938, № 7, стр. 127.

в городах, а также во всем Северном Китае, где население острее чувствовало угрозу японской агрессии. Оно продолжалось в течение 19 месяцев до начала антияпонской войны в июле 1937 г. Душой этого движения были китайские коммунисты и комсомольцы, работавшие в глубоком подполье в городах и в Северном Китае. Они проводили большую разъяснительную и организаторскую работу не только среди различных слоев китайского населения, создавая ассоциации национального спасения и другие патриотические организации, но и работали в войсках нанкинского правительства. Не случайно бойцы и командиры 29-й гоминьдановской армии, дислоцировавшейся в Северном Китае, первыми оказали упорное сопротивление японским захватчикам в июле 1937 г.

Ход военных действий в Северном Китае, где японцы первоначально сосредоточили все свои усилия, с самого начала принял иное направление, чем рассчитывало японское командование. Важную роль в борьбе за Северный Китай сыграли вооруженные силы КПК, которые в соответствии с приказом Военного комитета национального правительства, возглавляемого Чан Кай-ши (август 1937 г.), были реорганизованы в 8-ю национально-революционную армию. Командующим 8-й армии был назначен легендарный полководец китайской Красной армии, славный сын китайского народа Чжу Дэ, а его заместителем — один из видных военных деятелей КПК Пэн Дэ-хуай. Во главе трех дивизий: 115-й, 120-й и 129-й, входивших в состав 8-й армии, были поставлены такие боевые командиры китайской Красной армии, как Линь Бяо, Хэ Лун и Лю Бо-чэн.

Приказ Чан Кай-ши от 22 августа 1937 г. о реорганизации китайской Красной армии в 8-ю армию был очень важным конкретным шагом к формированию единого фронта между гоминьданом и КПК. В октябре 1937 г. национальное правительство согласилось на создание под руководством коммунистов еще одной армии — Новой 4-й армии, сформированной из партизанских отрядов Центрального и Южного Китая. Командующим Новой 4-й армией был назначен активный участник Наньчанского восстания и Кантонской коммуны (1927 г.) Е Тин, а его заместителем — видный деятель КПК из рабочих, член Политбюро и Секретариата ЦК КПК Сян Ин. 8-я и Новая 4-я армии стали основным ядром народных сил сопротивления в тылу японских войск, на оккупированной ими территории Северного и Центрального Китая, и явились важным фактором в вооруженной борьбе против японских агрессоров.

Перед отправкой 8-й армии на Северо-китайский фронт в провинцию Шаньси в 20-е числа августа 1937 г. на совещании в Лочуане в руководстве КПК разгорелась острая борьба по вопросу о политике КПК в период войны против Японии и о действиях 8-й армии на фронте. Исходя из ошибочной оценки, что «гоминьдановское руководство, продолжая и после событий у Лугоуцяо порочную политику, которую оно вело со времени «событий 18 сентября», опять идет на соглашательство и уступки, душил активность патриотических армий, подавляет патриотическое движение народа за спасение родины»¹⁵, Мао Цзэ-дун фактически выступил против сотрудничества с гоминьданом в антияпонской войне. Он утверждал, что Чан Кай-ши ведет нерешительную, ограниченную, одностороннюю войну, которая неизбежно приведет к поражению. Рано или поздно, утверждал Мао Цзэ-дун, «гоминьдан капитулирует перед Японией или его разгромят, если какая-то часть его вооруженных сил будет продолжать боевые действия. И тогда ведущая роль в стране перейдет к КПК. Поэтому не надо идти ни на какие уступки гоминьдану, а наоборот,

¹⁵ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. М., 1953, т. 2, стр. 28.

КПК должна действовать совершенно независимо и самостоятельно от гоминьдана как в политическом, так и в военном отношении и даже выступать против него при первой же благоприятной возможности»¹⁶.

Что касается действий 8-й армии на фронте, то Мао Цзэ-дун утверждал, что она должна сохранить абсолютную независимость, полностью подчиняясь лишь указаниям Военного комитета ЦК КПК и игнорируя приказы Военного совета национального правительства. 8-я армия, указывал он, должна придерживаться тактики партизанской войны, уклоняясь от столкновений с сильным противником. Ссылаясь на то, что 8-я армия уступает гоминьдановским войскам по численности и по технической оснащённости, Мао Цзэ-дун говорил, что она не может рассчитывать на сколько-нибудь значительные успехи на фронте и не в состоянии разжечь пламя всенародной войны. Поэтому он настаивал на том, чтобы 8-я армия вела совершенно самостоятельно чисто партизанскую войну в тылу японских оккупантов для создания собственных баз в горных районах и расширяла свои ряды путем формирования новых соединений¹⁷.

Характеризуя эту позицию Мао Цзэ-дуна, бывший военный советник при ЦК КПК Отто Браун писал: «Исходя из того, что антияпонская война носит затяжной характер, Мао Цзэ-дун развил свою старую теорию о партизанской войне как основной форме борьбы. Согласно этой теории, главной силой в борьбе является крестьянство, а ее оплотом — деревня. Поэтому все усилия необходимо направить на создание опорных баз в глубоком тылу противника, так как он может контролировать только крупные населенные пункты и важные коммуникации. Эта задача возлагалась на армию, которую, следовательно, предлагалось не концентрировать для решающих боевых действий, а, напротив, рассредоточить, разбить на небольшие отряды, чтобы они самостоятельно заняли все свободные от японцев районы, создали там органы власти и защищали их от нападения оккупантов и от «мероприятий гоминьдановских реакционеров». «В этой концепции, — подчеркивает Отто Браун, — проявилась авантюристическая тенденция, преследующая цель занять в войне против Японии выжидательную позицию и превратить антияпонские опорные базы в антигоминьдановские»¹⁸.

Осуществление этого курса Мао Цзэ-дуна, полностью расхвалившегося с реальной обстановкой, вело к самым пагубным, трагическим последствиям не только для китайского народа, но и для самой КПК, ее вооруженных сил. Этот курс Мао Цзэ-дуна был отвергнут большинством членов Политбюро ЦК КПК и командованием 8-й армии. Чжу Дэ и Пэн Дэ-хуай высказались за эффективное взаимодействие 8-й армии с гоминьдановскими войсками в соответствии с директивами нанкинского Военного совета. Оба они выступили за комбинированную маневренно-партизанскую войну¹⁹.

Не поддержал позицию Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лай, который указал, что КПК должна принять активное участие в антияпонской войне, с тем чтобы укрепить свое положение, что КПК должна сдерживать свое слово о честном сотрудничестве, данное гоминьдану, и вместе с ним добиваться полной победы в войне против Японии, что 8-я армия должна отправиться на фронт и исполнить свой долг. Чжоу Энь-лай не согласился также с тем, что 8-й армии надлежит вести

¹⁶ Отто Браун. Китайские записки. 1932—1939. М., 1974, стр. 284—285.

¹⁷ Там же, стр. 286.

¹⁸ Там же, стр. 287.

¹⁹ Там же, стр. 285.

лишь партизанские бон, уклоняясь от столкновений с сильными частями противника. Он настаивал на том, чтобы 8-я армия при благоприятных условиях вела маневренную войну против японских захватчиков в больших масштабах.

Опасаясь, что Мао Цзэ-дун как председатель Военного комитета ЦК КПК будет добиваться осуществления своих авантюристических установок, Чжоу Энь-лай вместо поездки в Нанкин, на чем настаивал Мао Цзэ-дун, отправился вместе с войсками 8-й армии на Северо-китайский фронт в провинцию Шаньси, где пробыл около трех месяцев, координируя действия 8-й армии с гоминьдановскими войсками.

Перед отправкой на фронт бойцы и командиры 8-й армии приняли присягу. «Японский империализм, — говорилось в присяге, — смертельный враг китайской нации. Империалисты стремятся поработить нашу страну и уничтожить нашу нацию, они убивают наших родных, близких, они насилуют наших матерей, жен и сестер, сжигают жилища, уничтожают наше хозяйство, инвентарь и скот. Во имя нашей нации, нашей страны, наших современников, во имя наших детей и внуков мы клянемся сопротивляться до конца японским захватчикам»²⁰.

В начале сентября 1937 г. части 8-й армии в соответствии с приказом нанкинского Военного совета выступили из Ханьчэна и Тунгуаня, направляясь в провинцию Шаньси.

25 сентября 1937 г. 115-я дивизия под командованием Линь Бяо в первом же крупном бою у горного прохода Пинсингуань нанесла поражение японцам, полностью разгромив одну из бригад отборной японской 5-й дивизии генерала Итагаки, уничтожив более 3 тыс. солдат и офицеров противника и захватив богатые трофеи. Эта победа произошла в то время, когда гоминьдановские войска терпели поражение. Она всколыхнула общественное мнение не только в Китае, но и за его пределами. Победа под Пинсингуанем развеяла миф о непобедимости японской армии, подняла боевой дух китайской армии, воодушевила китайский народ на дальнейшую борьбу против японских захватчиков. Она решительно изменила создавшуюся в то время критическую обстановку в Северном Китае.

Победа под Пинсингуанем дала возможность гоминьдановским войскам на Северокитайском фронте, которыми командовал губернатор провинции Шаньси генерал Янь Си-шань, упорядочить свои войска и подготовиться к боевым действиям у Синькоу и в других местах, где японцам было оказано серьезное сопротивление. Работник штаба Янь Си-шаня Сюй Фан-тин, оценивая победу под Пинсиагуанем, позднее писал: «Касаясь боев у Пинсингуаня, нужно сказать, что оценивать победу 8-й армии нужно не с точки зрения тяжелых потерь, понесенных обеими сторонами, а с точки зрения того, что она вдребезги разбила миф о непобедимости «императорской армии» и тем самым подняла боевой дух наших войск. Японская армия после боев у Нанькоу стремительно продвигалась вперед, не встречая никакого сопротивления. Неожиданный разгром у Пинсингуаня заставил японцев призадуматься и умерить свой пыл. Они уже больше не продвигались с такой стремительностью, как прежде. Во время боев у Синькоу они уже не двигались напролом, в то время как боевой дух наших войск поднимался. Японцы всегда находились под впечатлением разгрома у Пинсингуаня»²¹.

²⁰ Китайский народ победит! Сборник статей и документов. М., 1938, стр. 57.

²¹ Цит. по кн.: Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков. М., 1957, стр. 28—29.

Умело сочетая маневренные, позиционные и партизанские формы боевых действий, успешно действовали на Северокитайском фронте и другие подразделения 8-й армии: 129-я и 120-я дивизии. «По неполным подсчетам, — писал начальник Главного Политуправления 8-й армии Жэнь Би-ши, — за восемь месяцев военных действий 8-й армии в провинции Шаньси японцы потеряли около 30 тыс. ранеными и убитыми»²².

Согласно данным Главного политического управления 8-й армии, до падения 8 ноября 1937 г. города Тайюаня 8-я армия действовала в Северном Китае преимущественно во взаимодействии с гоминьдановскими войсками под общим командованием Янь Си-шаня. После захвата японцами Тайюаня она стала переходить от маневренных действий регулярных частей к тактике и стратегии партизанской войны в соответствии с лозунгами, выдвинутыми в указаниях ЦК КПК и в приказе Чжу Дэ и Пэн Дэ-хуая: «Быть вместе с населением Северного Китая», «Развертывать партизанскую войну в тылу врага», «Создавать антияпонские опорные базы»²³.

Действие 8-й армии в начальный период японо-китайской войны оказали огромное влияние на гоминьдановскую армию, которая придерживалась тактики позиционной обороны. Командование гоминьдановской армии под влиянием успехов 8-й армии перешло «к применению в широких масштабах партизанских методов ведения войны». «Для этого, — указывает Жэнь Би-ши, — все чаще используются регулярные части в тылу японцев, широко развернулась организация партизанского движения среди местного населения»²⁴.

Труднейшая 8-летняя кровопролитная война против японских захватчиков закончилась в 1945 г. победой китайского народа. Решающий вклад в эту победу внес Советский Союз, выступив на завершающем этапе японо-китайской войны на стороне китайского народа и вынудив японских империалистов к безоговорочной капитуляции. Стремясь сократить сроки мировой войны, помочь борющемуся народу Китая, Кореи и других стран, правительство СССР обязалось еще на Ялтинской конференции глав правительств СССР, Англии и США в феврале 1945 г. вступить в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после разгрома фашистской Германии.

Несмотря на поражение германского фашизма, японский империализм отказался сложить оружие и взял курс на затягивание войны, выдвинув лозунг (в мае 1945 г.) «столетней войны за империю». Японское правительство отклонило Потсдамскую декларацию США, Англии и Китая от 26 июля 1945 г. с требованием о безоговорочной капитуляции Японии. Японские правящие круги не изменили своей позиции и после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Они рассчитывали, что антифашистская коалиция развалится и удастся избежать безоговорочной капитуляции. Для таких расчетов у Японии имелись определенные основания. В Китае продолжал развиваться острый политический кризис, грозивший в любой момент перерасти в гражданскую войну. Единый антияпонский национальный фронт фактически существовал лишь номинально и почти перестал выполнять свою роль одного из мощных факторов антияпонского сопротивления в результате противоборства между гоминьданом и КПК. Возникли определенные разногласия и среди основных держав антигитлеровской коа-

²² Чжэн Лин. Китайский народ в борьбе против японского агрессора, стр. 14.

²³ Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков, стр. 41.

²⁴ Чжэн Лин. Китайский народ в борьбе против японского агрессора, стр. 11.

лишь партизанские бои, уклоняясь от столкновений с сильными частями противника. Он настаивал на том, чтобы 8-я армия при благоприятных условиях вела маневренную войну против японских захватчиков в больших масштабах.

Опасаясь, что Мао Цзэ-дун как председатель Военного комитета ЦК КПК будет добиваться осуществления своих авантюристических установок, Чжоу Энь-лай вместо поездки в Нанкин, на чем настаивал Мао Цзэ-дун, отправился вместе с войсками 8-й армии на Северо-китайский фронт в провинцию Шаньси, где пробыл около трех месяцев, координируя действия 8-й армии с гоминьдановскими войсками.

Перед отправкой на фронт бойцы и командиры 8-й армии приняли присягу. «Японский империализм, — говорилось в присяге, — смертельный враг китайской нации. Империалисты стремятся поработить нашу страну и уничтожить нашу нацию, они убивают наших родных, близких, они насилуют наших матерей, жен и сестер, сжигают жилища, уничтожают наше хозяйство, инвентарь и скот. Во имя нашей нации, нашей страны, наших современников, во имя наших детей и внуков мы клянемся сопротивляться до конца японским захватчикам»²⁰.

В начале сентября 1937 г. части 8-й армии в соответствии с приказом нанкинского Военного совета выступили из Ханьчэна и Тунгуаня, направляясь в провинцию Шаньси.

25 сентября 1937 г. 115-я дивизия под командованием Линь Бяо в первом же крупном бою у горного прохода Пинсингуань нанесла поражение японцам, полностью разгромив одну из бригад отборной японской 5-й дивизии генерала Итагаки, уничтожив более 3 тыс. солдат и офицеров противника и захватив богатые трофеи. Эта победа произошла в то время, когда гоминьдановские войска терпели поражение. Она всколыхнула общественное мнение не только в Китае, но и за его пределами. Победа под Пинсингуанем развеяла миф о непобедимости японской армии, подняла боевой дух китайской армии, воодушевила китайский народ на дальнейшую борьбу против японских захватчиков. Она решительно изменила создавшуюся в то время критическую обстановку в Северном Китае.

Победа под Пинсингуанем дала возможность гоминьдановским войскам на Северо-китайском фронте, которыми командовал губернатор провинции Шаньси генерал Янь Си-шань, упорядочить свои войска и подготовиться к боевым действиям у Синькоу и в других местах, где японцам было оказано серьезное сопротивление. Работник штаба Янь Си-шаня Сюй Фан-тин, оценивая победу под Пинсиагуанем, позднее писал: «Касаясь боев у Пинсингуаня, нужно сказать, что оценивать победу 8-й армии нужно не с точки зрения тяжелых потерь, понесенных обеими сторонами, а с точки зрения того, что она вдребезги разбила миф о непобедимости «императорской армии» и тем самым подняла боевой дух наших войск. Японская армия после боев у Нанькоу стремительно продвигалась вперед, не встречая никакого сопротивления. Неожиданный разгром у Пинсингуаня заставил японцев призадуматься и умерить свой пыл. Они уже больше не продвигались с такой стремительностью, как прежде. Во время боев у Синькоу они уже не двигались напролом, в то время как боевой дух наших войск поднимался. Японцы всегда находились под впечатлением разгрома у Пинсингуаня»²¹.

²⁰ Китайский народ победит! Сборник статей и документов. М., 1938, стр. 57.

²¹ Цит. по кн.: Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков. М., 1957, стр. 28—29.

Умело сочетая маневренные, позиционные и партизанские формы боевых действий, успешно действовали на Северокитайском фронте и другие подразделения 8-й армии: 129-я и 120-я дивизии. «По неполным подсчетам, — писал начальник Главного Политуправления 8-й армии Жэнь Би-ши, — за восемь месяцев военных действий 8-й армии в провинции Шаньси японцы потеряли около 30 тыс. ранеными и убитыми»²².

Согласно данным Главного политического управления 8-й армии, до падения 8 ноября 1937 г. города Тайюаня 8-я армия действовала в Северном Китае преимущественно во взаимодействии с гоминьдановскими войсками под общим командованием Янь Си-шаня. После захвата японцами Тайюаня она стала переходить от маневренных действий регулярных частей к тактике и стратегии партизанской войны в соответствии с лозунгами, выдвинутыми в указаниях ЦК КПК и в приказе Чжу Дэ и Пэн Дэ-хуая: «Быть вместе с населением Северного Китая», «Развертывать партизанскую войну в тылу врага», «Создавать антияпонские опорные базы»²³.

Действие 8-й армии в начальный период японо-китайской войны оказали огромное влияние на гоминьдановскую армию, которая придерживалась тактики позиционной обороны. Командование гоминьдановской армии под влиянием успехов 8-й армии перешло «к применению в широких масштабах партизанских методов ведения войны». «Для этого, — указывает Жэнь Би-ши, — все чаще используются регулярные части в тылу японцев, широко развернулась организация партизанского движения среди местного населения»²⁴.

Труднейшая 8-летняя кровопролитная война против японских захватчиков закончилась в 1945 г. победой китайского народа. Решающий вклад в эту победу внес Советский Союз, выступив на завершающем этапе японо-китайской войны на стороне китайского народа и вынудив японских империалистов к безоговорочной капитуляции. Стремясь сократить сроки мировой войны, помочь борющемуся народу Китая, Кореи и других стран, правительство СССР обязалось еще на Ялтинской конференции глав правительств СССР, Англии и США в феврале 1945 г. вступить в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после разгрома фашистской Германии.

Несмотря на поражение германского фашизма, японский империализм отказался сложить оружие и взял курс на затягивание войны, выдвинув лозунг (в мае 1945 г.) «столетней войны за империю». Японское правительство отклонило Потсдамскую декларацию США, Англии и Китая от 26 июля 1945 г. с требованием о безоговорочной капитуляции Японии. Японские правящие круги не изменили своей позиции и после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Они рассчитывали, что антифашистская коалиция развалится и удастся избежать безоговорочной капитуляции. Для таких расчетов у Японии имелись определенные основания. В Китае продолжал развиваться острый политический кризис, грозивший в любой момент перерасти в гражданскую войну. Единый антияпонский национальный фронт фактически существовал лишь номинально и почти перестал выполнять свою роль одного из мощных факторов антияпонского сопротивления в результате противоборства между гоминьданом и КПК. Возникли определенные разногласия и среди основных держав антигитлеровской коа-

²² Чжэн Лин. Китайский народ в борьбе против японского агрессора, стр. 14.

²³ Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков, стр. 41.

²⁴ Чжэн Лин. Китайский народ в борьбе против японского агрессора, стр. 11.

лиции. Все это давало повод японским империалистам надеяться на длительную оборону как на самих Японских островах, так и в Китае и прилегающих к нему странах Азии.

Вступление Советского Союза в войну с Японией и сокрушительный разгром им Квантунской армии в Маньчжурии не только привели к безоговорочной капитуляции империалистической Японии, но и в корне изменили политическую и военно-стратегическую обстановку на Дальнем Востоке, создав исключительно благоприятные условия развития революционного национально-освободительного движения в Азии, установления народной власти в Китае, Корее и Вьетнаме.

Вступив в войну против Японии на труднейшем маньчжурском направлении, Советский Союз не только заботился о своих национальных интересах, не только выполнял союзнические обязательства, но и свой классовый, интернациональный долг перед китайскими трудящимися, революционерами Китая, Кореи, Индокитая, осуществлял свою освободительную миссию на Востоке.

Сокрушив молниеносным ударом мощную японскую группировку в Маньчжурии и фактически передав этот важный военно-стратегический и экономический район революционным силам Китая, Советский Союз сыграл историческую решающую роль в освободительной борьбе китайского народа.

С помощью Советского Союза Маньчжурия в короткий срок превратилась в главную военно-стратегическую базу китайской революции, в стратегический плацдарм для перехода революционных армий в генеральное наступление на гоминьдановскую реакцию²⁵.

В 1945—1949 гг. в Маньчжурии с помощью Советского Союза интенсивно готовились военные, политические, экономические и организационно-технические условия для решительного штурма за освобождение Китая от оков империализма и феодализма. Здесь была сформирована, обучена и вооружена Объединенная демократическая армия (впоследствии — 4-я полевая армия), ставшая главной ударной силой китайской революции. Она была в достатке оснащена трофейным оружием и боеприпасами, захваченными Советской Армией у японской Квантунской армии, а также переданными по другим каналам, хорошо экипирована и снабжена всем необходимым для осуществления крупных операций стратегического масштаба²⁶. Благодаря этой поддержке революционные силы китайского народа вступили в гражданскую войну, развязанную гоминьдановцами, организованными, вооруженными и хорошо обученными.

Особое значение имела политическая и дипломатическая борьба Советского Союза на международной арене в интересах китайского народа (в ООН, на сессиях Совета министров иностранных дел в Москве в 1945—1947 гг., в других международных организациях), которая сорвала широкое прямое вмешательство американского империализма во внутренние дела Китая, блокировала его попытки затормозить развитие китайской революции. Советский Союз в этот сложный период также эффективно использовал на благо китайской революции Договор и соглашения от 14 августа 1945 г., свое присутствие в Маньчжурии, в том числе на военно-морской базе Порт-Артур и на КЧЖД.

Борьба за Маньчжурию в 1945—1949 гг. — еще одно историческое

²⁵ См. О. Б. Рахманин. Дружба советского и китайского народов имеет свою историю и традиции. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, стр. 22.

²⁶ О. Б. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база 1945—1949. К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975, стр. 181—182.

свидетельство того, кто является подлинным другом китайского народа, а кто был и остается его непримиримым врагом.

Таковы исторические факты, о которых предпочитает умалчивать нынешнее китайское руководство. Игнорируя опыт истории, пекинские лидеры продолжают курс на разжигание вражды к Советскому Союзу — единственной великой державе, оказавшей реальную поддержку Китаю в наиболее трудный для него период антияпонской войны и внесшей решающий вклад в разгром японских агрессоров на китайской земле. В то же время предпринимаются все более активные шаги к развитию не только экономического и политического, но и военного сотрудничества с Японией, с японскими милитаристами, которые в течение длительного времени совершали злодеяния в Китае.

Кантонская коммуна

[К 50-летию вооруженного восстания в Гуанчжоу
11—13 декабря 1927 г.]

*Т. Н. Акатова,
кандидат исторических наук*

50 лет назад, 11 декабря 1927 г., в славном своими революционными традициями городе Гуанчжоу (Кантоне) была провозглашена власть Советов. Это событие, известное как Кантонская коммуна, навсегда вошло в историю революционного движения в Китае.

Восстание было организовано и проходило под руководством Коммунистической партии Китая. Главной его силой были революционные рабочие Гуанчжоу, их поддерживали революционно настроенные солдаты и крестьяне городских пригородов.

Героические события тех дней происходили в обстановке тяжелейшего поражения революционно-демократических сил. Стремительный взлет революции 1925—1927 гг. был прерван изменой верхушки гоминьдана, объединившейся с силами реакции. 12 апреля 1927 г. Чан Кай-ши совершил контрреволюционный переворот в Шанхае — пролетарском центре Китая. Почти одновременно — 15 апреля — гуандуанский милитарист Ли Цзи-шэнь совершил подобный переворот в Гуанчжоу, 15 июля на путь контрреволюционного террора встал и уханьский ЦИК гоминьдана, возглавлявшийся Ван Цзин-вэем, долее других рывившегося в тогу «левого».

Кровавый террор, развязанный гоминьданом против компартии, против революционных рабочих и крестьян, — одна из самых черных страниц в истории китайского народа. По сведениям китайского отделения МОПР, только за период с апреля по сентябрь 1927 г. в 19 провинциях страны было убито 29 430 революционеров, ранено — 31 300 и арестовано — 32 000 человек¹.

Уйдя в подполье, КПК пыталась организовать отпор контрреволюции, спасти завоевания революционно-демократических сил. В невероятно трудных условиях белого террора, неся колоссальные потери, она возглавила ряд вооруженных выступлений, ставших арьергардными боями революции 1925—1927 гг.

Первым из них было Наньчанское восстание 1 августа 1927 г. Под натиском несравненно превосходящих сил гоминьдановских милитаристов оно потерпело поражение. Однако в ходе его было создано ядро собственных вооруженных сил, руководимых компартией*.

Характерно, что в стремлении КПК вновь поднять массы на революцию надежды возлагались на провинцию Гуандун, с которой было связано зарождение революционных сил единого антиимпериалистического фронта. Предполагалось, что, утвердившись в Наньчане, повстанцы затем проследуют в Гуандун, где будет вновь создана революционная база и подготовлена военная экспедиция против контрреволюционного гоминьдана. Этим планам не суждено было осуществиться. Уцелевшие от

¹ «Правда», 17. XI. 1927.

* День 1 августа 1927 г. стал датой рождения руководимой КПК Народной армии.

разгрома под Наньчаном революционные повстанческие войска с неимоверными трудностями пробивались в Гуандун. Гуандунская организация КПК, стремясь помочь революционным войскам, приближавшимся к городу Шаньтоу (Сватоу), подняла шаньтоуских рабочих на забастовку. В ней приняли участие портовые рабочие, металлисты, рикши, лодочники, шоферы, прислуга иностранцев. 24 сентября 1927 г. войска, возглавляемые коммунистом Е Тинем, с помощью рабочих овладели городом. Однако вскоре под натиском войск южных милитаристов им пришлось оставить город. В сражении под Шаньтоу революционные войска потерпели поражение, уцелевшие группы и отряды рассеялись. В середине октября около 1000 бойцов под командованием Е Тина пробивались в юго-восточные уезды Гуандуна — Хайфын и Луфын, где они усилили позиции революционного крестьянского движения, руководимого легендарным вождем крестьянства, членом ЦК КПК Пэн Баем.

Несмотря на провал попытки освободить Гуанчжоу наньчанскими повстанцами, компартия продолжала рассматривать овладение этим городом как основную возможность создания революционной базы. Поражение крестьянских восстаний «осеннего урожая» и неудачные попытки рабочих восстаний в Чанша, Ханькоу и других городах осенью 1927 г. еще более усилили стремление коммунистов осуществить этот план. С середины ноября 1927 г. подготовка вооруженного восстания в Гуанчжоу становится основой деятельности КПК. Генеральный секретарь ЦК КПК Цюй Цю-бо в отчете VI съезду партии (июнь — июль 1928 г.) характеризовал подготовку этого восстания как «общую задачу всей партии»².

Необходимо подчеркнуть, что в сложнейшей обстановке кризиса и поражения революции КПК не смогла трезво оценить соотношение социально-политических сил после контрреволюционного переворота. Для стратегической линии КПК в период арьергардных боев августа—декабря 1927 г. была характерна недооценка глубины поражения революционно-демократических сил, недооценка сил реакции и соответственно переоценка революционных возможностей, прежде всего классово-политической сознательности рабоче-крестьянских масс.

Тем не менее планы КПК в отношении Гуанчжоу опирались на целый ряд определенных предпосылок как объективного, так и субъективного характера. Даже в условиях общего поражения революционно-демократических сил здесь, как нигде в Китае, были живы традиции рабоче-крестьянской борьбы. Этому способствовала чрезвычайная неустойчивость политической обстановки. Борьба местных милитаристских клик за власть в Гуандуне серьезно ослабляла лагерь реакции.

Совершивший контрреволюционный переворот в Гуанчжоу 15 апреля 1927 г. милитарист Ли Цзи-шэнь пытался покончить с компартией и революционным рабочим классом. Несколько тысяч революционеров были арестованы, многие из них были казнены. В ночь переворота войска разоружили пикеты гонконг-гуанчжоуского стачкома и революционных профсоюзов города, руководимых коммунистами. Однако контрреволюционеры не осмелились уничтожить стачечный комитет и сохранявшиеся в городе общежития и столовые для забастовщиков, не устроившихся на работу. Слишком высок был авторитет забастовщиков — самоотверженных борцов за национальное освобождение. Удалось также избежать разоружения и уйти в подполье части пикетов стачкома и гуанчжоуских профсоюзов. В результате в городе продолжали действовать под непосредственным руководством коммунистов около 20 тыс. гонконгских за-

² Цюй Цю-бо. Китайская революция и КПК. М., (6. г.), стр. 78.

бастовщиков, 2 тыс. бойцов их пикетов и еще несколько отрядов городских рабочих примерно такой же численности.

Это была серьезная сила, на которую компартия рассчитывала, планируя восстание в Гуанчжоу. Гонконгские забастовщики были неизменным авангардом в сопротивлении реакции. Несмотря на репрессии, в городе не прекращались политические и экономические выступления рабочих. Рабочее движение особенно активизировалось, когда основные военные силы Ли Цзи-шэня в сентябре 1927 г. были брошены против вступивших в восточный Гуандун войск Е Тина и Хэ Луна.

Гуанчжоу был занят армией противника Ли Цзи-шэня, Чжан Фа-куя. Стремясь упрочить свою власть в городе, Чжан Фа-куй первое время пытался расположить к себе рабочий класс. Компартия воспользовалась этим для легализации и активизации рабочего движения, для разоблачения милитаристской демагогии.

Крупнейшим событием октября 1927 г. стала всеобщая забастовка моряков Гонконга, Гуанчжоу, Шаньютоу, Аомыня и Цзянмыня против решения английских пароходных компаний уволить всех участников гонконг-гуанчжоуской забастовки, вернувшихся на работу после ее окончания. Рабочие Гуанчжоу присоединились к забастовке, требуя восстановления свободы деятельности профсоюзов. В городе был учинен погром созданных милитаристами профсоюзов и избиты их реформистских лидеров. Только бросив против рабочих полицию и войска, Чжан Фа-куй смог прекратить волнения. Обстановка в Гуанчжоу накалялась. Рабочие готовили всеобщую политическую забастовку, полиция возобновила по-важные аресты.

7 ноября рабочие Гуанчжоу организовали манифестацию в честь 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В этот же знаменательный день была провозглашена Советская власть в уездах Хайфын и Луфын восточного Гуандуна. Хайлуфынская Советская республика явилась итогом всего предшествовавшего развития борьбы гуандунских крестьян³. Под руководством таких прославленных деятелей КПК, как Пэн Бай и Е Тин, здесь формировались вооруженные силы, готовившиеся поддержать восстание в Гуанчжоу. Власть крестьянских союзов установилась также в нескольких уездах острова Хайнань.

Следует подчеркнуть, что, проектируя вооруженное восстание в Гуанчжоу, руководство КПК надеялось слить в единый поток революционные выступления рабочего класса и крестьянства, осуществить союз рабочих и крестьян при руководстве рабочего класса⁴.

Благоприятным фактором для развития революционной борьбы являлась и начавшаяся 17 ноября открытая война между кликами Чжан Фа-куя и Ли Цзи-шэня. Война не только усугубила политическую неустойчивость и экономическую разруху в городе, но и вызывала недовольство солдат, облегчая революционную пропаганду среди них.

Гуандунский комитет КПК заявил, что «раскол в стане врагов достиг наибольшей остроты, а решимость народных масс вооруженным путем взять власть в свои руки созрела окончательно»⁵.

17 ноября ЦК КПК дал директиву Гуандунскому комитету о срочной подготовке восстания⁶. 26 ноября Гуандунский комитет, возглавляемый членом политбюро ЦК КПК Чжан Тай-лэем, принял решение о вос-

³ Подробнее см.: В. П. Илюшечкин. Крестьянское движение в Гуандуне в 1924—1927 гг. — Сб. «Кантонская коммуна», М., 1967, стр. 78—80.

⁴ См.: Цюй Цю-бо. Проблемы вооруженного восстания. — «Буэрсэвэйкэ», 1927, № 10, стр. 294—297.

⁵ «Буэрсэвэйкэ», 1927, № 9, стр. 257.

⁶ Там же, стр. 256.

станции. 28 ноября он обратился с воззванием к рабочим, крестьянам и солдатам провинции: «Превратим милитаристскую войну в победоносную революционную войну рабочих, крестьян и солдат! За революцию народных масс! За власть советов! Долой империалистов, милитаристов и капиталистов! Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствует III Интернационал! Да здравствует советская революция!»⁷. В «Воззвании» был дан анализ обстановки, сложившейся в Гуандуне, и конкретные указания о вооружении и срочной боевой подготовке ударных отрядов рабочих и крестьян, о работе среди солдат милитаристской армии. Сразу же был создан руководящий центр по подготовке восстания во главе с Чжан Тай-лэем.

Однако непосредственная подготовка восстания была весьма осложнена ударом, который нанесла реакция по главной силе — рабочему классу. В ноябре по приглашению Чжан Фа-куя в Гуанчжоу приехал Ван Цзин-вэй. Чтобы избавиться от присутствия в городе гонконгских забастовщиков, не теряя при этом «лица» защитника национальных интересов, этот опытный политикан и демагог предпринял хитрый маневр. Еще 10 октября 1926 г. по соглашению со стачкомом после окончания забастовки правительство обязывалось выплатить каждому не нашедшему работы забастовщику по 100 юаней и сохранить в городе их организации (стачком, пикеты, общежития, столовые). Однако в то время было выплачено лишь по 10 юаней. Требования о выплате остальных 90 юаней постоянно выдвигались рабочими. Ван Цзин-вэй считал выгодным пожертвовать значительной суммой денег для выплаты этих 90 юаней, с тем чтобы нарушить остальные условия соглашения. Против забастовщиков были брошены войска и полиция, выгнавшие их из города. В поисках работы и пристанища они разбрелись по деревням и городкам провинции. Многие из них направились в Хайлуфын, чтобы влиться в партизанские отряды. Лишь 2 тыс. забастовщиков смогли законспирироваться в городе, а в подпольных пикетах сохранилось всего 500 бойцов. Коммунисты же в своих планах ориентировались на более чем 20 тыс. организованных стачкомом забастовщиков и 2 тыс. вооруженных пикетчиков.

Рабочие самого Гуанчжоу не имели единой организации, их профсоюзы были раздроблены и зачастую враждовали между собой. В период революции компартии удалось создать боевое объединение классовых профсоюзов — Совет рабочих делегатов (СРД), но оно было загнано в подполье и сильно пострадало от репрессий в 1927 г. Реакционные власти еще усугубили раздробленность рабочего движения. Наряду с реформистским Союзом механиков и цеховой Гуандунской федерацией, существовавшими легально, Ван Цзин-вэй было создано еще «желтое» «Объединение союзов революционных рабочих».

План организации восстания предусматривал военную подготовку и мобилизацию трех основных массовых сил: рабочих, революционных солдат, гуандунского крестьянства.

Все мелкие разрозненные рабочие отряды были объединены в Красную гвардию, насчитывавшую 2 тыс. бойцов. Ядром ее стали 500 пикетчиков бывшего гонконг-гуанчжоуского стачкома, прошедшие военную подготовку и наиболее дисциплинированные. Попытка создать подразделения Красной гвардии по районам города не удалась: сказалась традиционная раздробленность рабочих по профессиям. Поэтому было сохранено старое деление — не территориальное, а по профсоюзам рикш, моряков, портовиков и т. п. В дальнейшем, когда срок восстания был

⁷ Русский перевод документа см. «Кантонская коммуна», М., 1967, стр. 206.

перенесен, это крайне затруднило мобилизацию красногвардейцев, разбросанных по всему большому городу. Было создано высшее командование — штаб Красной гвардии и боевые подразделения. Самыми крупными были шесть объединенных отрядов, включавших по несколько профсоюзных, близких территориально, подразделений. При штабе имелись три рабочих спецотряда: транспортный (60 шоферов), разрушения коммуникаций (50 железнодорожников и коммунальных рабочих), отряд по борьбе с контрреволюцией (39 наиболее проверенных бойцов) и отряд разведчиков для сбора сведений о планах и действиях противника.

Революционный дух красногвардейцев был очень высок, но вооружены они были плохо. Винтовок и револьверов было мало. Бойцы сами готовили гранаты (из глины), железные пйки, сабли, палки, бамбуковые колья и т. п. В ход пошли даже металлические мерки (чи), камни, бревна. Сказалась полная необученность рабочих военному делу. Дело в том, что армия в Китае была наемной и формировалась главным образом из крестьян. Штаб Красной гвардии накануне восстания заседал ежедневно, в подполье срочно шло обучение бойцов. Чтобы поднять рабочих города на восстание, было решено в канун его организовать всеобщую забастовку и затем по классическому образцу перевести ее в вооруженное восстание. Была развернута пропаганда забастовки и восстания, разъяснялись их цели и задачи. Однако работа велась в основном среди рабочих революционных профсоюзов; массы, входившие в реформистские и цеховые объединения почти не были вовлечены, так как было мало времени и большая опасность провала. Предполагалось, что в ходе восстания реакционные лидеры этих союзов будут устранены и тогда массы примкнут к восстанию⁸.

Работа среди крестьянства сводилась к мобилизации его на непосредственную помощь начавшим восстание рабочим, а также к углублению аграрной революции в районах, где власть была захвачена крестьянскими союзами. Эта задача была чрезвычайно сложной. Между революционным Гуанчжоу и красным Хайлуфыном лежали районы, занятые реакционными милитаристскими армиями, еще отдаленнее был очаг крестьянской революции на острове Хайнань. Самой реальной силой было крестьянство гуанчжоуских пригородов, среди которых коммунисты и сосредоточили работу, заключавшуюся в основном в революционной пропаганде, призывах поддержать рабочих и в выдвижении лозунгов чисто крестьянской борьбы. Но вся эта работа не была закреплена организационно, что объяснялось недостатком сил и времени, трудностями подполья, определенной переоценкой уровня организованности крестьянского движения.

Работа среди солдат армии Чжан Фа-куя облегчалась тем, что как раз в Гуанчжоу находились войска, в которых действовали коммунисты-подпольщики, было много курсантов школы Вампу, революционно настроенных солдат и офицеров. Основной надеждой был учебный полк 4-ой армии. Командиром его был коммунист, из 1300 низших офицерских чинов 200 также были коммунистами. Большой удачей было то, что во главе гарнизонного полка также стоял коммунист. При проведении дополнительного набора он тайно от Чжан Фа-куя включил в состав полка 300 гонконгских забастовщиков, изгнанных Ван Цзин-взем из города. В этих полках были проведены тайные собрания, подпольно распространялась нелегальная газета гуандунских коммунистов «Хунци». Однако

⁸ См.: Дэн Чжун-ся. Китайская коммунистическая партия в Кантонском восстании. — Сб. «Кантонская коммуна», М., 1967, стр. 96.

среди воинских частей, находившихся за пределами города, компартия не имела опоры и не вела никакой работы.

Очень серьезной задачей партии была предварительная подготовка революционных органов власти. 7 декабря Гуандунский комитет КПК созвал конференцию представителей рабочих, крестьян и солдат. Она приняла решение начать восстание 13 декабря 1927 г. и создала временный орган революционной власти — Административный комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Гуанчжоу. В него вошли 10 рабочих, выдвинутых Советом рабочих делегатов, 3 депутата от солдат и 3 представителя крестьян пригородов.

В последние дни перед восстанием шла активнейшая подготовка. Профсоюз печатников организовал выпуск листовок и прокламаций с революционными требованиями: «Повысить заработную плату рабочим, уменьшить рабочее время, ликвидировать безработицу, передать все земли крестьянам, уничтожить все старые долги, сжечь все контракты и долговые расписки, отменить таможенные пошлины, повысить жалованье солдатам, уничтожить обкрадывающих и угнетающих солдат воинских начальников». Провозглашались лозунги: «Долой империализм! Долой милитаристов и компраторов! Долой предателей Чан Кай-ши, Ван Цзин-вэй, Чжан Фа-куя!»⁹.

Коммунистическая газета «Хунци» и орган Совета рабочих делегатов «Гуанчжоу гунжэнь» выходили увеличенным тиражом. Их буквально расхватывали взбудораженные массы.

Несмотря на конспирацию, подготовка восстания была раскрыта. Находившийся в эти дни в Шанхае Ван Цзин-вэй получил сведения о готовящемся в Гуанчжоу восстании. 9 декабря он спешно известил об этом Чжан Фа-куя, настаивая на срочном разоружении учебного полка, разгоне революционных профсоюзов, аресте всех коммунистов и советского консула¹⁰.

Готовя эти меры, Чжан Фа-куй уже 10 декабря вызвал в город верные ему реакционные части и ввел военное положение и приступил к арестам.

В этой обстановке было принято решение немедленно, уже в ночь на 11 декабря, начать восстание, пока враги не успели полностью отомобилизовать свои силы.

Восстание началось в 3 часа 30 минут 11 декабря. Секретарь Гуандунского комитета КПК Чжан Тай-лэй на митинге, организованном в казармах учебного полка, выступил с призывом к восстанию перед солдатами, красногвардейцами, представителями рабочих и крестьянских организаций. Все они дали клятву до конца сражаться за победу революции. С красными знаменами, повязав на шею красные галстуки, солдаты и рабочие-красногвардейцы повели атаку на заранее намеченные важнейшие объекты: полицейское управление, центральный банк, почту, телеграф, электростанцию, воинские казармы, тюрьмы. Повстанцы проявили чудеса храбрости и самопожертвования, их яростный натиск смял вооруженных до зубов милитаристов и полиции¹¹. Были открыты все тюрьмы и освобождено более 2 тыс. политических заключенных, в основном революционных рабочих и курсантов Вампу. Они немедленно приняли участие в восстании.

⁹ «Вестник Сямьньского университета», 1959, № 2, стр. 97.

¹⁰ «Гунжэнь жибао», 12.XII.1961.

¹¹ Ход восстания подробно освещен в статье А. Г. Афанасьева «Героическое восстание пролетариата Гуанчжоу 11—13 декабря 1927 г.» — Сб. «Кантонская коммуна», М., 1967, стр. 14—31.

Активное участие в восстании приняло более 20 тыс. рабочих. Но большинство из них действовало «голыми руками». «За каждой организованной группой красногвардейцев следовало множество безоружных людей», — сообщает Дэн Чжун-ся¹². Весь город бурлил. Повсюду реяли красные знамена, на стенах домов огромными иероглифами были начертаны лозунги восстания: «Рис — рабочим! Земля — крестьянам! Вся власть — Советам рабочих, крестьян и солдат!»¹³. К концу дня почти весь город был освобожден. В тот же день была провозглашена власть Советов. Революционное правительство — Совет народных комиссаров — состояло из 16 человек. Председателем был избран член политбюро ЦК КПК, признанный вождь китайского пролетариата Су Чжао-чжэн. Бывший председатель гонконг-гуанчжоуского стачечного комитета, он затем возглавил Всекитайскую федерацию профсоюзов, был министром труда в Ухане. Во время восстания Су находился в подполье в Ханькоу и был избран заочно. Его замещал Чжан Тай-лэй, являвшийся также народным комиссаром по военным и морским делам. В правительстве вошли и другие известные деятели КПК: народным комиссаром по аграрным вопросам был избран Пэн Бай, главнокомандующим — Е Тин, начальником секретариата — Юнь Дай-ин. Декреты и воззвания правительства печатались в крупнейшей типографии города. Первым его документом было «Обращение к рабочим, крестьянам и солдатам всего Китая», вторым — «Обращение к международному пролетариату». Отраженная в декретах программа правительства отражала насущные интересы рабочих, крестьян, солдат, всех трудящихся. Вся власть передавалась Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; власть гоминьдана была низвергнута. Внешняя политика была определена установками: свержение империализма, союз с СССР и пролетариатом всего мира.

Восстание шло на подъем. К вечеру 11 декабря подошли отряды крестьян из пригородов. Силы их были невелики (500 человек), но их прибытие вызвало ликование, укрепило надежды. Были захвачены продовольственные склады, созданы пункты раздачи продовольствия как повстанцам, так и нуждающемуся городскому люду. Однако уже на следующий день силы внутренней и международной реакции, оправившись от столь неожиданного удара, стали готовить объединенную атаку на революционный город. Роль вдохновителей и организаторов кровавой расправы принадлежала иностранным империалистам. Пекинская «Ишибао» сообщала, что немедленно по получении сведений о восстании дипломатический корпус организовал несколько секретных совещаний. Было решено, что восстание это выходит за рамки внутренних китайских беспорядков и следует предпринять против «мятежников» объединенные военные действия¹⁴. Сразу же, 11 декабря, десант японской морской пехоты, высадившись в городе, активно вмешался в бои, прикрывая части милитаристской армии. Под предлогом «защиты иностранцев» американцы срочно привезли в Шамянь пулеметы. 12 декабря, в самый разгар борьбы, иностранные консулы Гуанчжоу на экстренном совещании приняли план «самообороны». Они установили связь с милитаристскими частями, приближавшимися к городу. В бои вступили отряды английской и американской морской пехоты¹⁵. Затаившиеся в городе силы реакции перешли в наступление. Характерно, что против повстанцев выступили

¹² Дэн Чжун-ся. Китайская коммунистическая партия в Кантонском восстании. — Сб. «Кантонская коммуна», 1967, стр. 103.

¹³ «Буэрсэвэйкэ», 1927, № 12, стр. 400.

¹⁴ «Ишибао», 15.XII.1927.

¹⁵ «Дагунбао», 14. XII. 1927. «Буэрсэвэйкэ», 1927, № 13, стр. 408.

вооруженные отряды реформистского Союза механиков. Это было проявлением давних цеховых пережитков, вражды и междоусобиц между рабочими союзами. «Механики», нацепив себе красные повязки, чтобы походить на красногвардейцев, подошли вплотную к повстанцам и открыли по ним стрельбу¹⁶.

13 декабря милитаристские армии ворвались в город. Вооруженная до зубов военщина, поддержанная империалистами, была неизмеримо сильнее борцов революции. Беспрецедентный героизм и мужество повстанцев не могли компенсировать недостатка вооружения и опыта, не могли изменить общего соотношения сил. Когда стало ясно, что город отстоять невозможно, решено было отступить, чтобы вывести и сохранить вооруженные силы революции. Отступавшие воинские соединения прикрывали стоявшие насмерть отряды рабочих профсоюзов. Вырваться из окружения удалось лишь немногим. 13 декабря Кантонская коммуна пала. Восстание было подавлено с невиданной жестокостью: в течение всего нескольких дней было расстреляно, повешено, сожжено, замучено не менее 5700 рабочих. Вместе с китайскими революционерами жертвами бесчеловечных расправ пали и представители первого в мире государства рабочих и крестьян сотрудники Генконсульства СССР в Гуанчжоу¹⁷.

«Кантонское восстание вошло в сознание трудящихся как образец величайшего героизма китайских рабочих»¹⁸, — так охарактеризовал VI конгресс Коминтерна в своем воззвании к рабочим и народу Китая восстание пролетариата Гуанчжоу. В условиях жесточайшего белого террора это восстание явилось арьергардным боем, которым рабочий класс, руководимый КПК, попытался дать отпор кровавой реакции, подняв знамя Советов.

В те дни революционный Гуанчжоу был надеждой всего Китая. Коммунистический Интернационал, Профинтерн, МОПР, давая чрезвычайно высокую оценку героизму китайских рабочих и историческому значению событий, ставших «знаменем новой, советской фазы революции»¹⁹, призывали создать «единый фронт трудящихся всего мира для защиты наших китайских братьев»²⁰.

Рабочий класс всего мира, прежде всего трудящиеся Советского Союза, развернули широкую кампанию солидарности под лозунгом: «Руки прочь от Китая!»²¹

Бурные события Кантонской коммуны и их трагический конец дали колоссальный исторический урок; оценка его стала в те дни центральной проблемой и для КПК и для международного рабочего движения. Коминтерн отметил, что «беспрецедентное мужество китайских рабочих является актом величайшего, подлинно мирового значения»²². На ближайшем, IX пленуме ИККИ (февраль 1928 г.) в Резолюции по китайскому вопросу, вновь подтвердив эту оценку, ИККИ специально указал на необходимость тщательного учета опыта Кантонской коммуны, проработку этого опыта во всех ячейках партии, поскольку прежде всего следовало учесть ошибки руководства в организации и проведении восстания.

¹⁶ «Гунжэнь жибао», 11.XII.1961.

¹⁷ Подробности трагедии, биографии погибших см. «Кантонская коммуна», М., 1967.

¹⁸ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, М.—Л., вып. 6, стр. 190.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Красный Интернационал Профсоюзов», 1928, № 1, стр. 107.

²¹ Документы и материалы по этому вопросу с вводной статьей А. С. Ипатовой см. «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 4, стр. 130—133.

²² «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая», М., 1934, стр. 205.

ИККИ указал на главные из этих ошибок: недостаточность предварительной работы среди рабочих, крестьян и в армии противника, неправильный подход к рабочим — членам «желтых» профсоюзов, недостаточность подготовки к восстанию самой парторганизации и комсомола, слабость политической мобилизации масс²³. Пленум указал, что в обстановке поражения революционных сил главной задачей КПК является борьба за массы, их политическое просвещение и сплочение вокруг партии²⁴.

Состоявшийся вскоре после IX пленума ИККИ VI съезд КПК принял установку на борьбу за массы. В духе суровой и мужественной самокритики руководство КПК тщательнейшим образом проанализировало все просчеты в организации восстания, чтобы извлечь из них уроки на будущее.

Главной причиной поражения восстания было абсолютное превосходство сил контрреволюции как в общенациональном масштабе, так и в Гуандуне. КПК переоценила раскол в стане противника, междоусобная война милитаристов в Гуандуне немедленно прекратилась — и они объединенным фронтом выступили на подавление коммуны. Империалисты открыто выступили на стороне реакции. Сказалась слабость военной подготовки рабочих, нехватка оружия, КПК не удалось окружить Гуанчжоу кольцом крестьянских восстаний, не удалось разложить армию противника и т. п.

Однако, кроме многочисленных организационных и военно-тактических ошибок, которые в определенной мере были неизбежны в той сложнейшей обстановке, чрезвычайно серьезной трудностью была проблема мобилизации рабочих масс. В Кантонской коммуне, словно в фокусе, проявились как лучшие качества китайского рабочего класса — его беспредельное мужество и героическое самопожертвование в борьбе за свободу, огромная сила его творческой инициативы и революционного энтузиазма, так и его слабые стороны, обусловленные социально-экономической отсталостью страны. Тяжелейшим наследием рабочего класса явилась его раздробленность, живучесть цеховых и земляческих пережитков, мешавших классовому объединению. Организация, объединение рабочего класса всегда были трудностью для КПК, всегда отставали от размаха его борьбы. Эти трудности, не преодоленные в период революции, усилились после ее поражения, что ярко проявилось в разобщенности рабочих союзов Гуанчжоу, сознательно усугублявшейся политической гоминьдана. Поднятое авангардом рабочего класса восстание не смогло охватить все рабочие массы огромного города. 20 тыс. рабочих-повстанцев — это были члены сохранившихся в подполье революционных профсоюзов, численность которых в годы революции доходила до 200 тыс. человек. В связи с этим серьезной ошибкой КПК было недостаточное внимание к национальному (антиимпериалистическому) фактору. Ненависть рабочего класса к иностранным работодателям была главным побудительным мотивом его революционной борьбы. Опыт революции 1924—1927 гг. ярко выявил колоссальную мобилизующую и объединяющую роль национального фактора в рабочем движении. Готовя восстание, КПК ограничилась общим антиимпериалистическим призывом, не выдвинув конкретных лозунгов, отражающих обстановку в Гуандуне.

Кантонская коммуна всегда была в центре внимания советской исторической науки. В 1929 г. по горячим следам событий был издан сбор-

²³ Там же, стр. 210.

²⁴ Там же, стр. 208.

ник «Кантонская коммуна», включавший наряду с исследованиями советских китаеведов статьи руководителей КПК Цюй Цю-бо и Дэн Чжунся. В 1967 г. в связи с сорокалетием восстания был издан новый сборник статей и материалов под тем же традиционным названием. 50 лет, прошедшие с памятных дней Кантонской коммуны, не охладили ни внимания историков к проблемам рабочего класса, ни того глубокого уважения и восхищения, которые проявляет советский народ к замечательным революционным традициям пролетариата Китая.

В юбилейном году 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции мы с гордостью отмечаем и полувековую годовщину мужественного подвига китайского пролетариата, вся борьба которого от первых выступлений до победы в 1949 г. развертывалась под могучим воздействием идей Октября, при всесторонней помощи советского народа, неизменно верного своему высокому интернациональному долгу.

КУЛЬТУРА И НАУКА

Китайская классическая драма: вопросы жанровой специфики

В. Ф. Сорокин,
кандидат филологических наук

Если сравнивать с поэзией и прозой, чья история измеряется в Китае тысячами, драматургия как род литературы возникла довольно поздно. Самые ранние из дошедших до нас — причем, как правило, в более поздней редакции — пьес, скорее всего, относятся к началу XIII столетия. Они были созданы на юге, где еще доживала свои дни Сунская империя, и назывались сивэнь. Судьба не была к ним благосклонна: прошло каких-нибудь два века, и самая память об этом жанре исчезла до той поры, пока в 1920 г. три пьесы не были случайно обнаружены. Чуть позже, нежели сивэнь, на севере Китая, находившемся под частью сначала чжурчжэней, а с 1234 г. монголов, впоследствии назвавших свое государство империей Юань, возник другой жанр драматургии — цзацзюй. Под названием «юаньская драма» этой разновидности пьес суждено было утвердиться в памяти потомков как своего рода классика, недостижимый в некоторых отношениях эталон, на который равнялись драматурги позднейших времен. Об этом жанре и пойдет речь.

Не будет преувеличением сказать, что по широте охвата явлений бытия, многообразию и сложности сюжетов, пестроте представленных в ней человеческих типов юаньская драма не уступит ни одному из предшествовавших литературных жанров. Разве что искусство прозаического сказа могло соревноваться с ней в этом смысле, но то было наполовину устное искусство, и даже из числа сокращенных записей уцелели лишь немногие. Цзацзюй же сохранились в количестве, превышающем то, что время пощадило от наследия других великих театров прошлого — Греции, Рима, Индии, английской «елизаветинской драмы».

Время расцвета жанра — вторая половина XIII и начало XIV века. Примерно столет спустя он начинает постепенно трансформироваться, утрачивая присущие только ему черты. По названиям известно свыше семисот¹ созданных за два века цзацзюй

(в действительности их было гораздо больше); примерно четвертая часть их дошла до наших дней, свидетельствуя о величии творческого духа народа, создавшего в годину иноземного нашествия столь богатое и многокрасочное искусство.

Это было искусство, рассчитанное на самые разные вкусы и потребности. Представления цзацзюй привлекали в театральные балаганы крупных городов ремесленников и торговцев, служилый люд и обитатели «веселых кварталов». Пьесы разыгрывались на специальных площадках в селах и в монастырях. Кое-что из обширного репертуара цзацзюй считалось достойным показа и на празднествах во дворцах — о таких представлениях упоминает, в частности, Марко Поло.

Это было искусство синтетическое, в котором сочетались речевые диалоги, пение под музыкальный аккомпанемент и сценическая игра. Часть аудитории больше всего забавляли комические ужимки и грубоватые шутки клоунов-чоу, другие с волнением следили за перипетиями сюжета, в котором, как в жизни, «радость сменяла печаль, за разлукой наступало свиданье». Наиболее подготовленные зрители наслаждались поэтическим мастерством автора, яркостью эпитетов, меткостью сравнений, искусством рифмовки. К услугам грамотных были тексты пьес, отпечатанные с деревянных досок, правда, как правило, сокращенные (фиксировались главным образом арин, так как диалоги было легко понять на слух). Но и полные тексты собирались и хранились в специальной правительственной палате. Часть их была включена в самом начале XV в. в энциклопедический свод «Юнлэ дадянь». Пестрым был и состав авторов пьес: среди них мы находим и профессионалов из ремесленных цехов «шухуэй», и актеров, и представителей ученого сословия, не нашедших себе применения при власти монголов, и чиновников средней руки. В любом случае это должны были быть люди, достаточно подготовленные для овладения не-

¹ В наиболее полном из составленных «по свежим следам» списков (он содержится в трактате Чжу Цюаня «Правильные звуки Великой гармонии», созданном в самом конце XIV в.) приводится 556 названий.

В книге Фу Си-хуа «Юаньдай цзацзюй цюаньму» (Пекин, 1957), в которой использованы все доступные источники, это число возросло до 737, но несколько десятков пьес относятся к началу XV в.

простыми правилами сочинения арий и знакомые с поэзией предшествующего периода.

Не связывая себя единством места и времени, юаньские драматурги не ставили преград своей фантазии в выборе темы и характера ее обработки. Они всли читателя в чертоги вельмож и в заброшенную гончарню, где коротает дни бедняк, в жилище певички и в подводное царство, к дракону Восточного моря. Восхваления идеализированных правителей древности соседствуют в их произведениях с инвективами, обращенными к незадачливым государям, неспособным защитить ни свою страну, ни даже своих любимых. Они клянут тиранов и продажных сановников, воспевают честную бедность и преданную любовь.

В юаньской драме не так уж много конкретных примет юаньского времени. Отчасти тому виной суровые законы, каравшие за все, что власти относили к числу «возмутительных и непристойных речей». Но очевидно также, что драматурги обращали взор в первую очередь на устойчивые, существенные черты жизни средневекового китайского общества, мало зависящие от смены правителей, обличали коренные пороки, славяли непреходящие моральные ценности. Дети своего времени, они порой отдавали дань феодальным предрассудкам и даже религиозному изуверству. Но куда громче звучит в их творениях призыв к справедливости и доброте, вера в достижимость простого земного счастья.

К какой же из двух линий развития китайской культуры следует, в свете сказанного, отнести юаньские цзацзюй — к литературе «высокой», «ученой» или демократической, «простонародной»? Конечно же, ко второй. Не случайно литераторы-ортодоксы на протяжении веков не желали допускать драматургов в «храм литературы». Но несомненно и то, что попытка дать такое однозначное определение не передает специфики юаньской драмы, сложности этого литературного явления, разные составные части которого (поэтические и прозаические) в разной степени отвечают критерию доступности, неодинаково соотносятся с книжной традицией. Необходимо также помнить о существовании внутри жанра двух стилевых направлений, названия которых — «натуральное» (бэньсэ) и «изукрашенное» (вэньцай) — указывают на стремление авторов в первом случае к простоте и естественности языка, а во втором свидетельствуют о тяготении к более насыщенному тропами и поэтическими намеками, а потому более затрудненному и «ученому» стилю.

Анализ характерных признаков цзацзюй свидетельствует о том, что ряд существенных черт роднит этот жанр с другими разновидностями китайского традиционного театра. Это отмеченная выше синтетичность формы, структурообразующая роль музыкальной основы пьесы, распределение

всех ролей в соответствии с определенным количеством актерских амплуа, каждое из которых имеет фиксированную сценическую манеру исполнения. Общим является и преимущественное обращение к сюжетам, уже использованным в других родах литературы.

Но в ряде важных аспектов юаньские цзацзюй стоят особняком среди жанров китайской классической драматургии. Это относится прежде всего к использованию в вокальных партиях исключительно поэтической формы цюй, причем только на сезерные мелодии и только в виде циклов, связанных единством рифмы и тональности. Далее, композиционную основу цзацзюй составляет четырехчастная схема с возможным добавлением одной-двух сцен меньшего объема (в других жанрах — за исключением одноактных дуаньцзюй — количество частей не фиксируется). Наконец, на протяжении всей цзацзюй или по крайней мере каждой из частей вокальная партия исполняется одним и тем же персонажем.

Эти особенности в большой степени определяли принципы организации литературного материала, развития сюжета, функций стихов и прозы в цзацзюй, а также историческую судьбу жанра — по мере того, как северные мелодии цюй утрачивали популярность и забывались, цзацзюй прекращали свою сценическую жизнь и становились «чистой» литературой. Примечательно, с какой неукоснительностью соблюдались эти формальные предписания. Первое правило не знает исключений. Лишь в пяти из 171 сохранившихся цзацзюй XIII—XIV вв.² насчитывается по пять, а не по четыре части, и лишь в трех пьесах в пределах одной части поют два персонажа. При этом в большинстве таких случаев есть либо уверенность, либо основательное предположение, что речь идет о текстах более позднего времени³. Здесь следует сказать, что под «четырёхчастной схемой» имеется в виду не столько формальное деление пьесы на четыре акта чжэ, которого еще нет в ранних изданиях, сколько организация фабулы вокруг четырех циклов арий, в каждом из которых находит выражение драматическая и эмоциональная кульминация соответствующей стадии развития сюжета.

Интересно и другое: цзацзюй как литературный жанр предстает перед нами в совершенно законченном, зрелом виде. Никаких следов переходных, неразвитых форм не сохранилось. Может создаться впечатление, и его усиливают некоторые указания источников того времени, будто жанр был создан одним писателем, вероятнее всего — Гуань Хань-цином. Так ли это, установить

² Эта цифра получается, если считать пьесы «Западный флигель» и «Путешествие на Запад» соответственно за пять и шесть полусамостоятельных цзацзюй.

³ См. Чжэнь Цянью. Цун ши дао цюй. 1961, стр. 197.

сейчас невозможно. Но в любом случае, если несколько поколений драматургов соблюдало раз и навсегда установленные правила, значит, они соответствовали эстетическим представлениям и вкусам эпохи, с одной стороны, и требованиям литературы и сцены — с другой.

Песенно-поэтический жанр цюй остановил на себе выбор драматургов именно потому, что ко времени зарождения драмы цзацзюй он завоевал в обществе широчайшее признание. Для литературы юаньской поры цюй характерны так же, как «классический» регулярный стих ши для танской и песенный неравностоппный цы — для сунской. Чтобы понять причины этой популярности, следует познакомиться с особенностями цюй, тем более, что этот жанр вне Китая известен мало.

Основные предшественники цюй, так сказать, исходный материал жанра — поэзия цы и народные песни. В жанре цы, господствовавшем на протяжении X—XII вв., были созданы непреходящие поэтические ценности⁴. Но как и некоторые другие стихотворные жанры, цы с течением времени все дальше уходили от народных истоков, становились все более рафинированными и усложненными. Сравнительно ограниченный выбор привычных тем, образов и ритмических схем угрожал однообразием. Стараясь избежать его, одни поэты прибегали к созданию новых, непривычных для слуха форм, другие усложняли язык и прибегали к отвлеченным понятиям и прозанзмам, что шло вразрез с песенной традицией и в значительной мере снижало цы их специфику, сближая с декламационной поэзией ши.

Одновременно менялась музыка. Старые мелодии забывались, либо видоизменялись. Возникли новые напевы, нередко порожденные творчеством неханьских народов — киданей, чжурчженей, позднее — монголов. В языке населения севера Китая происходили серьезные фонетические изменения, которые должны были отразиться и на технике стихосложения.

Цюй, как и цы, представляют собой неравностоппные поэтические тексты для голоса с музыкальным сопровождением, написанные на заранее известные мелодии и в соответствии с их ритмической схемой. Разница между этими двумя жанрами значительно меньше, нежели между ними и регулярными стихами ши, которые хотя и читались нараспев, определенного мелодического рисунка не имели.

При написании стихов на готовую мелодию каждая строка должна была соответствовать музыкальной фразе или ее относительно самостоятельной части, а количество слогов в строке — числу основных

(за вычетом разного рода музыкальных украшений) звуков в этой фразе. В цюй это правило строго соблюдалось, если не считать отдельных, особо оговоренных случаев. Так, все стихотворения, написанные на мелодию «Вспоминаю о Цзяннани», должны были состоять из 27 слогов, сгруппированных в пять фраз-строк по формуле 3—5—7—7—5. Подобные формулы первоначально выработывались эмпирически — поэт подбирая слова к реально звучавшей мелодии. Его потомки, как правило, мелодию уже не слышавшие, рассматривали формулу как готовую метрическую схему, помимо числа слогов в строках определявшую также расстановку рифм и порядок чередования свойственных китайскому языку тонов (ровных и ломаных).

В принципе так же обстояло дело и в цюй. Более того, названия многих (до одной трети общего числа) мелодий в обоих жанрах совпадают. Фактически, однако, при одинаковых названиях мелодий метрические схемы их нередко не идентичны. Но и при неизменной метрической схеме количество слов в цюй могло значительно превышать то, которое допускалось формулой цы. Происходило это за счет «чэньцзы» — «дополнительных (по отношению к метрической схеме) слов», являющихся особенностью цюй. Во время исполнения они приходились на слабые доли такта, на фиоритуры. «Чэньцзы» в определенной степени проясняли смысл стиха, делали его менее сжатым, более доступным для восприятия на слух. При чтении цюй и образованного читателя вряд ли возникали трудности, но для слушателей, особенно менее подготовленных, такие «дополнительные слова» могли оказаться необходимыми.

В роли «дополнительных слов» часто выступают личные и указательные местоимения, обращения, уподобительные обороты и грамматические частицы, которые уточняют для слушателей, о ком поется в данной арии, какие выражения следует понимать в прямом и какие в переносном смысле. В немалой степени благодаря «дополнительным словам» поэтический язык цюй представляется значительно более близким к разговорному по сравнению с предшествующими жанрами (это особенно относится к пьесам драматургов «натурального» направления). Это, несомненно, сказалось на выборе именно такой поэтической формы для юаньского театра.

Но роль «дополнительных слов» отнюдь не ограничивается пояснительной функцией. Их использование придает стиху дополнительную экспрессию и живость, обогащает звуковую палитру, расширяет поэтический словарь, усиливая присущую цюй тенденцию к сглаживанию резких доколе различий между устной речью и языком литературы — тенденцию, присущую всем ориентированным на массовую аудиторию жанрам той эпохи. Ни в одном из более ранних видов китайской поэзии не были воз-

⁴ Подробная характеристика поэзии цы дана в статье Н. Т. Федоренко «К проблеме китайского поэтического наследия». — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 2—3.

можно такие цепочки красочных, бытовых по лексической окраске эпитетов, какие мы находим в цикле стихотворений Гуань Хань-цзя «Не подчиняюсь старости»⁵. «Уо-ши гэ чжэн-бу-лань чжу-бу-шу чуй-бу-бянь чао-бу-бао сян-дан или тун ваньдоу...» («Я — громко звякающий медный шарик, что от пара не разваливается, от кипятка не разваривается, от ударов не сплющивается, от жара не лопается...»). Все это развернутое удобление (как и последующие строки) основано на применении «дополнительных слов», на этот раз значительно превышающих число «основных» (в цитированной строке они подчеркнуты). Если этот пример и экстраординарен, он отражает общее направление в развитии поэзии. С другой стороны, когда затрагивался круг тем и настроений, свойственных ши и цы, авторы цюй широко пользовались лексикой и стилистическими красками, характерными для этих жанров, так что говорить о резком разрыве с традицией не приходится.

Другое новшество, привнесенное в поэзию создателями цюй, касается правил чередования тонов в слогах. В первом тысячелетии нашей эры, когда выработывалась поэтика классического стиха, в китайском языке различалось четыре тона — ровный, нисходяще-восходящий, падающий и входящий. Три последних объединялись под названием ломаные тона. В просодии жанра ши четко фиксировались правила чередования ровного и ломаных тонов, между собой в данном случае не различавшихся. Этот же принцип соблюдался и в поэтике цюй.

Но ко времени возникновения цюй в языке северной половины Китая произошли серьезные изменения. Входящий тон исчез, и слоги, относившиеся к нему, стали произноситься под другими тонами. В окончаниях слогов пропали согласные, за исключением и (назализованного и смягченного). С другой стороны, из ровного тона выделился восходящий. Таким образом, произошла фонетическая перестройка — слоги, ранее различавшиеся по интонации или окончаниям, стали произноситься на один манер и рифмоваться между собой, другие (меньшая часть) стали произноситься совсем по-новому. Но словари рифм, которыми пользовались авторы ши и цы, никак не отражали этих изменений, и в этих жанрах по-прежнему полагалось рифмовать слоги, на слух не имевшие уже между собой ничего общего.

Поэзия цюй была свободна от этого недостатка. В ней (речь идет о северных цюй — на юге не было столь значительных изменений в фонетике) различались те же тоны, что и в реальном произношении. Правила их чередования были менее строгими, нежели в предшествовавших жанрах, но эта свобода не распространялась на так называемые «ударные места» (утоу) — на-

иболее важные в смысловом и музыкальном отношении части стихотворения. Особенно существенным было приведение в соответствие с действительным звучанием слогов системы рифм. В результате резко сократилось их количество: если в словаре «Гуан юнь» (1008), которым пользовались авторы ши и цы, все слоги китайского языка были распределены по 206 разделам, внутри которых они только и могли рифмоваться, то в закрепившем практику цюй труде Чжоу Дэ-цина «Чжуаньюань иньюнь» (1324) таких разделов осталось лишь 19. Соответственно возросло количество слогов, которые разрешалось рифмовать между собой, причем их принадлежность к тому или иному тону уже не имела значения.

Отказ от устаревшей, противоречившей живой речевой практике и сложной системы рифм был революционным шагом в области китайского стихосложения. Он позволил расширить круг ценителей поэзии, а самим поэтам предоставил новые творческие возможности. Теперь, при наличии большого числа рифмующих друг с другом слогов, они были в состоянии писать сравнительно длинные (100, 150 и более строк) произведения, связанные единством рифмы. Так возникли циклы цюй (таошу), состоявшие из нескольких стихотворений на разные мелодии, исполнявшиеся в одной ладотональности и объединенные, помимо общей рифмы, единством темы или настроения. Четыре таких цикла, в среднем по 10—12 цюй каждый, и легли в основу поэтической структуры цзацзюй.

Эта форма организации стихотворного и вокального материала обладала рядом бесспорных достоинств. Частая смена мелодий позволяла избежать однообразия, монотонности, но сквозная рифма и единая ладотональность закрепляли в восприятии слушателей ощущение непрерывности поэтического и музыкального развития. Звуковые повторы побуждали вновь обратиться мыслью к уже прослушанным ариям, делали более легким их запоминание. Поэтам циклическая форма позволяла не только блеснуть версификаторским мастерством, изобретательностью в рифмовке и строфике, но и продемонстрировать умение создать требуемую поворотами сюжета гамму настроений, повернуть тему разными сторонами. Они широко применяли такие приемы обогащения поэтической ткани произведения, как частое использование внутренней рифмы, развернутых параллелизмов, звукоподражаний, «цепных конструкций» (когда последний слог предыдущей строки служит первым слогом последующей), исторических и литературных намеков.

Все эти свойства поэзии цюй — сравнительная доступность, современность звучания, разнообразие и отточность технических приемов, способность выразить самый широкий круг тем и настроений — и обеспечили ей широчайшую популярность в период существования драмы цзацзюй, важ-

⁵ Цюань Юань саньюй. Пекин, 1964, т. 1, стр. 173.

нейшим составным элементом которой она является.

Но почему в основу композиции цзацзюй легла именно четырехчастная схема? На этот вопрос, замечает один из знатоков юаньской драмы Чжэн Цянь, не было и нет убедительного ответа. В ранних трактатах, касающихся театра и драматургии, об этом ничего не сказано. Высказывалась мысль, что четыре части цзацзюй давали примерно столько драматургического материала, сколько актеры фактически могли исполнить в течение вечера. Но, как известно, подобные соображения никогда не останавливали китайских драматургов ни в юаньские времена, если учитывать существование параллельно с цзацзюй пьесы сивэнь, ни после. Из слишком длинных пьес для исполнения отбирались отдельные сцены, слишком короткие исполнялись по несколько за вечер. Кроме того, две пьесы примерно одинаковой длины могли бы иметь неравное количество циклов арий и соответственно различную композицию.

Чжоу И-бай⁶ связывает форму цзацзюй со структурой существовавших почти за тысячу лет до Юаней, в эпоху Вэй и Цзинь, музыкальных сюит дацзюй. Единственным основанием для него служит то, что примерно половина известных нам по названиям дацзюй состояла из четырех частей (цзе). Но поскольку структура танских и сунских дацзюй была, как отмечает сам исследователь, совершенно иная, остается непонятным, почему юаньские драматурги должны были обращаться к давно забытой музыке прошедших времен, а не к творениям, более близким по времени и более живым.

Высказывалось предположение, что четырехчастная форма юаньских цзацзюй идет от одноименных сунских предшественников-фарсов. Эта версия, которая приводится, в частности, в книге Мэн Яо «История китайского театра»⁷, скорее всего, исходит из тождества терминов. Но четырехчастная природа сунских цзацзюй отнюдь не может считаться доказанной. Да и слишком велика дистанция между несложными комическими и песенно-танцевальными сценками, с одной стороны, и вполне зрелой юаньской драмой. В этом смысле к ней гораздо ближе стоят сивэнь; однако по многим формальным, в том числе композиционным, признакам эти два жанра являют собой полную противоположность.

Таким образом, соображения чисто исполнительского характера, а также сопоставление с близкими по времени театральными и музыкальными жанрами не изясняют природу четырехчастной композиции цзацзюй. Попробуем взглянуть на проблему «изнутри», с точки зрения роли каждой

из частей в структуре целой драмы и их взаимозависимости.

Как правило, первая часть представляет собой экспозицию пьесы, намечает взаимоотношения некоторых действующих лиц, дает толчок развитию интриги. Во второй части действие усложняется, интрига развивается, появляются новые персонажи. В третьей части конфликт достигает особой остроты, причем действие очень часто принимает неожиданный оборот. Во многих случаях это связано с внезапным появлением нового персонажа: мудрого судьи, благородного сановника, императорского гонца, — иногда — со сверхъестественными явлениями. Нередко третья часть отделена от второй значительным — до десяти-двадцати лет — промежутком времени. Наконец, в четвертой части разрешаются все загадки и недоразумения, отыскиваются правые и виноватые, собираются разлученные, получают отмщение пострадавшие; сюжет получает свое завершение. Широко известный пример такой композиции — трагедия Гуань Хань-цина «Обида Доу Э»⁸.

Такова наиболее распространенная, но не единственная схема развития сюжета (назовем ее схемой А). В ряде пьес действие в первых трех частях развивается либо по восходящей линии путем нагнетания конфликта, либо через повторение более или менее однотипных ситуаций. Резкого поворота в течении сюжета не происходит, и в четвертой части все приходит к заранее predeterminedому финалу. Такая схема (Б) особенно характерна для пьес на даосские и буддийские сюжеты, главное содержание которых — стремление одного персонажа, посланца небес, обратить в «истинную веру» другого, что и достигается к концу пьесы. Примером такого рода может служить пьеса Чжэн Тин-юя «Знак „терпение“»⁹.

В третью группу (В) выделены пьесы, где из-за усложненности сюжета, наличия нескольких параллельных линий или просто драматургического несовершенства композиция клочковатая, единая кульминация отсутствует. Стараясь вместить в одну пьесу слишком много событий, авторы порой увеличивают нагрузку, приходящуюся на дополнительные части (прологи или интермедии), делая их почти равновеликими основным четырем частям. Схема В шире представлена среди пьес на сюжеты из исторических хроник и преданий, таких, как «На пиру в Сянъяне» Гао Вэнь-сю или анонимная «Се Цзинь-у»^{*}. (Здесь можно заме-

⁶ Русский перевод см. в кн.: Классическая драма Востока. Индия. Китай. Япония. М., 1976, стр. 263—307.

⁷ Там же, стр. 347—396.

^{*} Особый случай представляет собой «Западный флигель» и «Путешествие на Запад», состоящие соответственно из пяти и шести цзацзюй, связанных единством сю-

⁶ Чжоу И-бай. Чжунго сицзюй ши чанбянь. Пекин, 1960, стр. 191.

⁷ Мэн Яо. Чжунго сицзюй ши. Ч. 1. Тайбэй, 1969, стр. 161.

тить, что шекспировские хроники, как правило, тоже уступают в композиционном отношении трагедиям и комедиям).

Чтобы установить количественное соотношение между пьесами, построенными по трем названным схемам, были отобраны для более пристального рассмотрения около трети из сохранившихся цзацзюй. Отбор производился так, чтобы представлены были произведения именитых и безвестных авторов, как безусловно относящиеся к раннему периоду, так и заведомо поздние.

Из 50 отобранных пьес по схеме А (кульминация и поворот в третьей части) построено тридцать пьес. По схеме Б (кульминация в четвертой части после плавного развития) — 8 произведений. Наконец, схема В (нет ярко выраженной кульминации) представлена десятью пьесами. Две трагедии — «Осень в Ханьском дворце» и «Плач по Цунь-сяо» — представляют в композиционном плане исключения, о которых пойдет речь в заключительной части статьи.

Итак, примерно три пятых юаньских цзацзюй принадлежат к тому типу композиционного построения, в котором первая часть «начинает повествование», вторая «продолжает его и делает более развернутым», третья «придает ему новое направление, вводя отсутствовавшее в первых двух содержание», а четвертая «увязывает воедино все предыдущие». При этом «самой важной» является третья часть, которая «придает волюобразный и извилистый характер» движению сюжета. Заменяя слова «часть пьесы» на «строка стихотворения», мы получим принципы построения четверостиший цзюэцзюй в классической поэзии в том виде, как они изложены в «Своде правил по составлению китайских стихов».

В процитированных фразах раскрывается смысл известной формулы «цзи—чэн—чжуань—хэ» («зачин—подхват—поворот—завершение»), в которой обобщена практика написания пяти- и семисловных четверостиший, начиная с эпохи Тан. Она в большей степени сохраняет свое значение и для ряда других разновидностей «высокой» поэзии и прозы — для восьмистиший люйши, эссенстических произведений и более поздних «восьмичленных сочинений» (багуэнь), восемь частей которых фактически представляют собой более подробно члененный вариант той же четырехчастной схемы.

Столь широкое и длительное (на протяжении многих столетий) бытование этой формулы позволяет думать, что в ней отражены не столько формальные предписания, касающиеся только литературной техники, сколько стойкий идейно-эстетический принцип осмысления и отображения явлений жизни. В нем есть место и для спокойного, плавного развития, и для внезапных

жета; по существу, они являются шагом в направлении крупномасштабных пьес чуаньци, выдвинувшихся на авансцену театральной жизни Китая в минскую эпоху.

изменений, приводящих, однако, к предуготованному завершению. Перед нами своего рода микрокосм, подчиняющийся действию тех же основных законов, что и большой мир людей. Но то же — с поправкой на масштаб — можно сказать и о драмах. В них тоже изображен мир, управляемый извечными законами, в котором развитие совершается по циклам, процветание сменяется упадком и вновь процветанием, зло является столь же неотъемлемой частью миропорядка, как и добро. Но в каждом отдельном случае справедливость торжествует, и благодаря этому возникает все завершающий и разрешающий финал.

Эта заданность, искусственная «благополучность» многих финалов составляет, как давно отмечено, определенную слабость цзацзюй. Весьма часто уже в третьей части конфликт фактически разрешен, и на долю последней части остается лишь формальное доведение всех линий до конца. В этом определенное отличие цзацзюй, точнее, значительной их части, от стихотворений, в которых последняя строка является не менее важной в их архитектонике, нежели третья, на значении которой настаивает поэтическая теория.

Однако среди танских четверостиший и восьмистиший много и таких, в которых «поворот» отсутствует или слабо выражен, смысловой же акцент несомненно падает на последнюю строку. Примером может служить стихотворение Бо Цзюй-и «Ночью в лодке» (перевод Л. З. Эйдлина):

После дождя на берегу
так чисто и свежо.
Прохладой веет у моста,
приятен ветерок.
Чета осенних журавлей,
и лодка на пруду.
Глубокой ночью вместе мы
в сиянии луны.

Легко видеть, что подобная композиция вполне соответствует схеме Б для цзацзюй.

Что же касается произведений, относящихся к группе В, чья архитектоника не находит точных аналогий в сфере поэзии, то тут можно предположить в одних случаях сознательный отход от сложившихся правил под воздействием материала, в других — недостаточное овладение ими. Вообще же следует отметить, что к концу периода расцвета жанра цзацзюй усиливается тенденция к более свободному обращению с формой пьес. (Впрочем, возможность введения одной или двух дополнительных сцен с самого начала позволяли драматургам разнообразить сравнительно жесткую композиционную схему). Эта тенденция очевидна уже в пьесах XIV в., особенно «анонимных», то есть принадлежащих малоизвестным авторам. Она еще более явственна в пьесах XV в., где даже допускается смешение северных и южных мело-

дий — вещь для цзацзюй классической поры немислимая. Выход на театральную авансцену чуаньци с их весьма свободной композицией лишь подтвердил и закрепил эту линию развития. Надо сказать, что такая же тенденция, хотя и более замедленная, наблюдалась и в поэзии ши. При Минах и особенно Цинах поэты отдавали предпочтение тем жанрам, формальные требования к которым были менее строги.

Проводя параллель между законами композиции в цзацзюй и в классической поэзии и прозе, автор вовсе не предполагает, будто творцы цзацзюй сознательно брали за образец то или иное конкретное произведение. Речь идет о другом — о следовании, скорее всего интуитивном, тем эстетическим принципам, которые определяли организацию материала в «высоких жанрах». Надо подчеркнуть, что хотя в цзацзюй преобладающим поэтическим жанром являются цюй, «высокая» поэзия — ши, в меньшей степени цы — тоже занимает в них значительное место. Двустипшия и четверостипшия, как правило, открывают и закрывают многие сцены или вкраплены в монологи, как и стихотворения более значительных размеров. Сошлемся и на то, что герои целого ряда пьес являются известнейшие поэты, что во многих случаях стихи (написанные на стене, подаренные другу, представленные трону) и обмен стихотворными посланиями играют важную роль в развитии сюжета. Вообще вряд ли придется сомневаться, что авторы цзацзюй были людьми, начитанными в классической поэзии и прозе — об этом свидетельствует лексика и образный строй созданных ими арий, а также широкое использование ими литературных источников в качестве сюжетной основы пьес.

С третьей из выделенных выше особенностей юаньских цзацзюй (каждый цикл поэтических арий исполнялся одним действующим лицом) тесно связан вопрос о соотношении и взаимодействии прозаических и поэтических частей текста пьес и их генезиса.

Сопоставление диалогов и арий в пределах каждой отдельной сцены цзацзюй показывает, что в большинстве случаев ария повторяет или развивает высказанную в предыдущих репликах мысль, но более образно и эмоционально. В других случаях арии представляют собой изливания чувств, реминисценции, рассуждения героя или описания, повод для которых содержится также в диалоге. Таким образом, арии представляют собой нечто вроде лирического комментария к действию, к развитию сюжета, причем комментарий односторонний — автор обычно смотрит на происходящее глазами одного, главного персонажа.

У исследователей, кажется, нет сомнений в том, что этот прием — исполнение всех арий одним персонажем — пришел в драму из процветавшего в ту эпоху в Китае прозаопоэтического сказа, где всю стихотвор-

ную партию вел один исполнитель. Из многочисленных видов сказов большинство исследователей в качестве непосредственного предшественника цзацзюй выделяет прозаопоэтическую «балладу» чжугундяо. Так, К. Есикава писал: «Можно предположить, что юаньские цзацзюй вышли из чжугундяо; можно даже сказать, что, поскольку сценические условия потребовали постепенного увеличения числа актеров, чжугундяо в конце концов превратилась в цзацзюй»¹⁰. Дж. Крамп пишет: «Драматурги взяли декламируемый (не разыгрываемый) чжугундяо и превратили его... в настоящую поэтическую драму»¹¹. В моей статье «Классическая драма Китая в XIII—XVI веках» было высказано мнение, что первые создатели цзацзюй, возможно, превращали чжугундяо в цзацзюй, заменяя при этом прозаическую авторскую речь диалогами и монологами, арии же в принципе могли оставаться почти неизменными¹².

Более внимательное знакомство с поэтической структурой чжугундяо заставляет, однако, думать, что если процесс превращения чжугундяо в драму и имел место, он был значительно более сложным. Причина тому — существенные различия в характере и функциях поэтических (поющих) частей в обоих жанрах. Соавторы «Баллады о Притаившемся Драконе» утверждают, что в чжугундяо «поющие части... расширяли прозаические, украшая их»¹³. Для многих случаев это верно, но много и примеров, подобных нижеследующему, взятому из «Западного флигеля» Дун-цзеюаня: «Хун-нян постучалась в кабинет. При виде ее Чжан и обрадовался».

Это была проза; далее следует ария (на мелодию «Шэн хулу»): «Золотой своей шпилькой она постучала в дверь. «Кто там?» — спросил Цзюнь-жуй. «Это Хун-нян! Мне нужно повидать господина!» Услышав это, Чжан поспешил открыть дверь: «Вас, наверное, прислала барышня? Я вчера провинился перед ней, и вот теперь мы словно на разных краях неба. Всю ночь я проворочался без сна!» Отвечала ему Хун-нян: «Не спешите, я сейчас расскажу вам о чувствах госпожи!»¹⁴

Как мы видим, ария не просто «украшает» прозаическую часть, но и развивает ее, вводя новое содержание. Этот же отрывок показывает, что не вполне прав был Чжэн Чжэнь-до, усматривавший отличительную особенность арий чжугундяо в том, что в них

¹⁰ Есикава Кодзио. Юань цзацзюй яньцзюй, Тайбэй, 1960, стр. 18.

¹¹ Studies in Chinese Literary Genres. Berkley, 1974, p. 219.

¹² См. «Изучение китайской литературы в СССР», М., 1973, стр. 62.

¹³ M. Doleželová-Velingerová and J. S. Crump. Ballad of the Hidden Dragon. Oxford, 1971, p. 3.

¹⁴ Дун-цзеюань. Сисянци. Пекин, 1962, стр. 86.

«рассказ или описания даются от третьего лица»¹⁵. Сохранившиеся чжугундяо изобилуют ариями, в которые включена прямая речь одного или нескольких персонажей, в том числе фразы, не дублирующие прозаический текст (чего практически никогда не бывает в цзацзюй). И если мы назвали арии в цзацзюй своего рода лирическим комментарием к фабуле, то в чжугундяо поэтическая часть (кстати говоря, по объему значительно превышающая прозаическую) представляет собой нечто вроде большой поэмы, сотканной из множества разномерных кусков и прерываемой прозаическими фрагментами. Эпическое изложение событий чередуется в ней с лирическими излияниями и диалогами; так что говорить о тождестве функций поэтических частей в общей структуре чжугундяо и цзацзюй не приходится. Что же касается несомненного, хотя и далеко не полного сходства их музыкальной формы, то помимо генетического родства оно может объясняться также и общими тенденциями музыкального развития той эпохи, приведшими к процветанию целого ряда песенных и сказовых жанров, основанных на цюй.

Приходится оставить в стороне трудно разрешимый при нынешнем состоянии текстов вопрос о взаимоотношениях между прозаическими частями двух жанров. Но и сказанного достаточно, чтобы возникли сомнения в справедливости распространенного представления о том, что чжугундяо было единственным непосредственным предшественником цзацзюй, если не его прообразом. В поисках других возможных источников вдохновения юаньских драматургов хочется привлечь внимание к двум необычным приемам композиции цзацзюй. Один из них встречается в четвертых, финальных частях «Осени в Ханьском дворце» Ма Чжи-юаня и «Дождя в платанах» Бо Пу. В них почти нет действия — все события уже произошли в предыдущих частях. Очень мало и диалогов — почти весь текст состоит из арий, в которых герои пьесы тоскуют о погибших возлюбленных, об утраченном счастье. Практически эти части пьес мало отличаются от песенных циклов чжуаньцы, ставших популярными еще в сунские времена, и от более поздних вокальных циклов цюй, предназначенных для «чистого», то есть не связанного со сценической игрой исполнения.

Второй прием использован в большем (около десяти) числе пьес, в частности, в «Плаче по Цунь-сяо» Гуань Хань-цина. Речь идет о сценах, в которых один персонаж, обычно гонец, рассказывает во всех подробностях другому о недавно происшедшем сражении. Характерно при этом, что исход и обстоятельства боя уже известны зрителю, а иногда и персонажу, слушающему

рассказ, как в пьесе «Плеть одолевает копье». Драматическое развитие в этих случаях уступает место эпическому повествованию, в котором арии чередуются с прозаическими репликами. Поскольку такая форма встречается только в батальных сюжетах, нельзя не вспомнить о том, что в числе распространенных разновидностей сунского устного сказа были повествования о «подвигах на мечах и палицах» (бодоа ганьбан) и о «железных всадниках» (тешир), составлявшие особые ветви в традиционной классификации сказов.

Можно привести, наконец, и мисие Е Дэ-цзюня¹⁶ о прямом влиянии еще одной разновидности сказа, цыхуа, на поэтическую структуру цзацзюй. В 92 пьесах, по его подсчетам, содержатся семи- и десятистрочные стихи повествовательного характера, обозначаемые в тексте словами цы юнь, которые не пелись, а произносились нараспев. Таким образом, в формировании цзацзюй как литературного жанра участвовало по меньшей мере три вида сказов помимо чжугундяо, хотя сходство с последним более заметно.

В истории китайской, как и любой другой литературы, составляющие ее виды и жанры не развивались изолированно друг от друга и существовали законы поэтики, общие для ряда жанров. Раскрытие взаимосвязей между разными пластами культуры в каждую эпоху предполагает, очевидно, сопоставление не только несомненно родственных, но и типологически более отдаленных литературных форм. Это помогает определить своеобразие каждого из жанров в ряду других явлений.

Специфические черты юаньской драмы, в совокупности определяющие «необщее выражение» ее лица, сформировались в результате взаимодействия двух тенденций: упрощения, сближения с живой стихией языка «высокой» поэзии, с одной стороны, и воздействия выработанных в «высоких» жанрах эстетических норм на демократические виды литературы, с другой. Творцы цзацзюй использовали, в разной степени, художественный опыт, формы и технические приемы, характерные для таких непохожих друг на друга явлений литературы, как поэзия ши и цы, прозопоэтический сказ в его нескольких разновидностях, предшествующие формы театрального и музыкального искусства, внося свой вклад в совершенствование этих форм и приемов. В сочетании со смелостью драматургов в отображении существеннейших аспектов действительности, с их сочувственным вниманием к людским заботам, страданиям и устремлениям это обеспечило юаньской драме одно из почетных мест в истории китайской литературы и мировой театральной культуры.

¹⁵ Чжэн Чжэнь-до. Чжунго вэньсюэ яньцзю. Пекин, 1957, стр. 964.

¹⁶ Е Дэ-цзюнь. Сун Юань Мин цзянчан вэньсюэ, Шанхай, 1957, стр. 46.

Проблемы безопасности в районе Индийского океана

Проблема обеспечения безопасности в районе Индийского океана приобретает в наши дни все большую актуальность и остроту. К настоящему времени практически все страны мира уже выразили так или иначе свою точку зрения по этой проблеме. Большое внимание ей уделили на конференциях в Лусаке (1970), в Алжире (1973) и в Коломбо (1976) неприсоединившиеся государства. Начиная с XXVI сессии (1971) индоокеанская проблема обсуждалась на всех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Широкий отклик получило внесенное в ООН Индией, Шри Ланкой и рядом других стран предложение об объявлении Индийского океана зоной мира, свободной от размещения ядерного оружия, военных баз неприбрежных государств и т. д. Индоокеанской проблеме посвящено множество выступлений мировой печати, сотни специальных научных исследований. Это связано, несомненно, с объективным фактом усиления роли обширного региона, охватывающего бассейн Индийского океана, в развитии международных отношений.

Социально-экономическое развитие стран региона и складывающаяся тенденция к укреплению их политического и экономического сотрудничества, к преодолению ныне существующих политических противоречий и относительной слабости экономических связей создают важные предпосылки для постепенного формирования данного региона как самостоятельного политико-географического комплекса.

В районе Индийского океана проживает около трети населения мира. Во многих странах, входящих в него, происходит непрерывный рост национально-освободительного движения. Они располагают значительными природными ресурсами, от снабжения которыми в возрастающей степени зависят промышленно развитые капиталистические страны (достаточно сказать, что в районе Персидского залива находится свыше 65% запасов нефти всего капиталистического мира, и на него приходится около половины ее добычи). Наконец, через Индийский океан проходят важнейшие морские коммуникации. Индийский океан является транспортной артерией, связывающей наряду с транссибирской железнодорожной магистралью восточную и западную части Советского Союза.

К сожалению, в советской литературе нет пока монографического исследования по индоокеанской проблеме. Тем больший интерес вызывает выход в свет на русском языке книги Д. Каушика¹, известного исследователя международных отношений в Азии, прогрессивного общественного деятеля Индии.

Д. Каушик уделил в своей работе основное внимание проблеме безопасности Индийского океана как составной части борьбы азиатских народов за разрядку напряженности, за мир. Сам автор определил цель исследования как попытку «проследить те недавние события в зоне Индийского океана, которые имеют отношение к вопросам безопасности этого района» (стр. 18—19). Кроме этой общей задачи автор поставил себе целью дать картину «истинного положения» в районе Индийского океана, поскольку большая часть обширной зарубежной литературы по данному вопросу «имеет предназначение оправдывать различные действия западных держав в Индийском океане и искажает политику Советского Союза и миролюбивых афро-азиатских стран» (стр. 18). В этой связи нельзя не отметить стремления Д. Каушика дать аргументированный отпор распространяемым империалистической пропагандой вымыслам о якобы существующей «советской военно-морской угрозе» безопасности афро-азиатских стран, являющимся своеобразным переложением в «духе времени» созданного в XIX в. английским империализмом мифа о «русской угрозе» Южной Азии. Гальванизация этого мифа призвана служить пропагандистским прикрытием растущего военно-политического проникновения держав Запада в Индийский океан.

В свете поставленной автором задачи вполне понятно его стремление подробно проанализировать возросшую в 70-е годы в зоне Индийского океана военно-политическую активность держав Запада. При этом Д. Каушик констатирует, что США распространили уже зону действия своего 7-го флота на Индийский океан. Располагая с начала 60-х годов в зоне Индийского океана коммуникационной системой, достаточной для развертывания краткосрочных военноморских и военно-воздушных операций, США ныне превращают базу на острове Диего-Гарсия в крупный военный комплекс, предназначенный для осуществления военных операций в широком масштабе. Рассматривая сооружение баз как основной элемент постоянного военного присутствия, Пентагон создал широкую дугообразную (от Японии до Австралии и через Индийский

¹ Девендра Каушик. Индийский океан. Проблемы безопасности. Перевод с английского. Общая редакция и вступительная статья профессора Г. Ф. Кима. М., «Прогресс», 1976, 232 стр.

океан к Южной Африке и Персидскому заливу) цепь военно-морских и военно-воздушных баз. Кроме того, США поддерживают в Индийском океане тесное военно-политическое партнерство с Австралией и Новой Зеландией, используют в своих замыслах союзников по разного рода агрессивным блокам и группировкам. Д. Каушик отмечает, что Англия вовсе «не отказалась от своего желания оставаться в Индийском океане» (стр. 45). Напротив, она активизируется в его западной части. В соответствии с Саймонстаунским соглашением (1970) она регулярно проводит совместные маневры с военно-морскими силами ЮАР. Одновременно Англия пытается оживить деятельность СЕНТО, ориентируя эту организацию на борьбу с национально-освободительным движением на юге Аравийского полуострова. Постоянно расширяет свое военное присутствие в Индийском океане Франция. В ноябре 1972 г. ассамблея НАТО приняла резолюцию о распространении сферы агрессивной активности этого блока на обширные районы Южной Атлантики и Индийского океана.

Свои действия силы империализма направляют прежде всего на обеспечение всеми средствами собственных, весьма значительных, экономических интересов в этой части мира. Представление о размерах этих интересов могут дать следующие данные: США, например, осуществили капиталовложения в нефтедобывающую и нефтяную промышленность Персидского залива на сумму около двух млрд. долл.; выкачиваемая американскими монополиями из данного района ежегодная прибыль составляет свыше 1,5 млрд. долл. Значительны американские капиталовложения и в других странах и районах, расположенных по периметру Индийского океана. Д. Каушик отмечает, что американские капиталовложения в Малайзии составляют 200 млн. долл.; в 1970 г. американские капиталовложения в различные предприятия горной, лесной, рыбной, сахарной, нефтеперерабатывающей и обрабатывающей отраслей промышленности Индонезии, а также в строительство дорог и портов составляли 600 млн. долл. Особое место занимает ЮАР: американские капиталовложения здесь увеличились с 467 млн. долл. в 1964 г. до 692 млн. долл. в 1969 г. (стр. 61—62).

Фактор экономической «заинтересованности» является важной, но не единственной причиной военно-политической активизации империализма в районе Индийского океана. Нарастание своей военной мощи в Индийском океане Пентагон рассматривает как благоприятную возможность усиления нажима на противников США, в том числе и на Советский Союз, путем создания угрозы их территории или морским коммуникациям со стороны американских ВМС и ВВС, оснащенных ракетно-

ядерным оружием. Кроме того, по расчетам американских стратегов, уже сам факт постоянного военного присутствия США в регионе должен «ободряюще» воздействовать на их союзников, на местные реакционные и проимпериалистические круги. Пресловутая «дипломатия канонерок» по-прежнему занимает важное место в арсенале средств и методов политики империализма. Пентагон принял на себя в этой части мира жандармские функции по подавлению национально-освободительного движения. Как подчеркивает автор, интерес США «к отдаленным островам и к Австралии имеет в виду ...карательные действия против национально-освободительного движения в различных частях Азии и Африки, против непокорных стран, попытавшихся воспрепятствовать намерению эксплуатировать естественные богатства этого района» (стр. 64).

Д. Каушик указывает, что военное проникновение в район Индийского океана таких стран, как Япония и Китай, уже в обозримом будущем является весьма вероятным. Автор приходит к обоснованному выводу о том, что «и Китай и Япония находятся на пути к тому, чтобы в течение текущего десятилетия встать в ряд самых крупных военно-морских держав, и они могут покуситься на Индийский океан. Их появление в Индийском океане с согласия или при потворстве Соединенных Штатов, несомненно, придаст новые аспекты проблеме безопасности в этом районе» (стр. 81).

Большое внимание уделяет Д. Каушик анализу позиции Советского Союза по индоокеанской проблеме, резонно рассматривая ее в рамках сделанного СССР предложения о создании в Азии системы коллективной безопасности. Позиция СССР по индоокеанской проблеме была всесторонне охарактеризована Л. И. Брежневым в речи на XXV съезде КПСС. Советский Союз, постоянно оказывавший поддержку предложению о превращении Индийского океана в зону мира, подчеркивает, что важнейшее значение для решения этой проблемы имеет ликвидация иностранных военных баз, представляющих собой основной элемент постоянного военного присутствия. СССР учитывает, что борьба за превращение Индийского океана в зону мира идет в том же направлении, что и советская инициатива по обеспечению мира и безопасности в Азии на основе совместных усилий стран континента.

Проблема Индийского океана — важная и сложная проблема современных международных отношений, требующая всестороннего изучения. В этой связи хочется присоединиться к мнению автора предисловия к книге Д. Каушика проф. Г. Ф. Кима, отметившего, что эта книга является «важным вкладом в осмысление проблемы коллективной безопасности в зоне Индийского океана» (стр. 17).

Ю. М. Рякин

Прошлое и настоящее бирманского народа

4 января 1978 г. Бирма отмечает 30-летие своей независимости. Минувшие тридцать лет были нелегкими в жизни бирманского народа. Прошли годы, прежде чем страна смогла полностью воспользоваться результатами обретенной независимости. Только созданный в 1962 г. Революционный Совет, в который вошли представители патристически настроенного офицерства, активные участники антиколониальной борьбы и сторонники прогрессивного социально-экономического развития, приступил к осуществлению преобразований, направленных на укрепление государства и национальной экономики. В результате под руководством Революционного Совета в стране произошли серьезные сдвиги, которые открыли новые перспективы для продвижения Бирмы по пути некапиталистического развития. В настоящее время в Бирме нет иностранных предприятий, экспроприрована собственность крупных землевладельцев и феодалов. В Бирме осуществлена и национализация основных средств производства. В руках государства находятся банки, внешняя торговля, железнодорожный и воздушный транспорт, нефтяная, горнодобывающая и энергетическая промышленность. В области внешней политики Бирма строго придерживается политики позитивного нейтралитета, она выступает за мирное разрешение всех спорных проблем международных отношений. Постоянно развиваются дружественные политические, экономические и культурные связи Бирманского Союза с нашей страной, с другими социалистическими государствами. Независимый внешнеполитический курс Бирмы, основанный на принципах мирного сосуществования и направленный на развитие дружественных отношений со всеми странами мира, находит понимание и поддержку у советского народа.

Непосредственное сотрудничество советских и бирманских обществоведов началось в 1955 г. С тех пор переводы работ бирманских авторов на русский язык осуществляются регулярно.¹

Каждая такая публикация расширяет наши представления о различных аспектах

жизни народов дружественной Бирмы, с удовлетворением встречается не только специалистами, но и всеми советскими читателями, проявляющими интерес к актуальным проблемам развития освободившихся стран Востока. Все выше сказанное в полной мере относится и к рецензируемой книге Такин Чит Маун².

Ее автор — видный политический деятель Бирмы, активный участник борьбы за достижение и упрочение независимости страны, за мир во всем мире, один из руководителей Бирманского общества дружбы и культурных связей с Советским Союзом.

В 1930 г., в возрасте 15 лет, Такин Чит Маун вступил в национально-патристическую организацию «Добама аснайон» («Наша Бирма»). С тех пор он активный борец за независимость своей страны, за интересы трудящихся, прежде всего крестьян, Всебирманскую организацию которых он долгие годы возглавлял.

В 1950 г. Такин Чит Маун в знак протеста против антинародной империалистической политики правительства У Ну и поддерживавших его правосоциалистических лидеров создает вместе со своими единомышленниками Бирманскую рабочую партию (БРП). В программе партии указывалось, что она признает своей идеологией научный социализм и ставит себе целью построение в Бирме социализма мирными средствами. БРП выступила инициатором объединения левых легальных политических сил и возглавила созданный в 1956 г. Национальный объединенный фронт, сплотивший в своих рядах около 100 тыс. человек.

В декабре 1962 г. в Рангуне состоялся объединительный съезд двух легальных левых партий Бирмы — Бирманской рабочей партии и Партии народных товарищей. Была создана Объединенная рабочая партия Бирмы, объявившая, что ее идейную основу составляет марксизм-ленинизм. Председателем новой партии был избран Такин Чит Маун. Партия выступила в поддержку политической декларации Революционного Совета «Бирманский путь к социализму».

Такин Чит Маун — автор нескольких книг по истории Бирмы, ее политическим, экономическим и социальным проблемам. Переведена на русский язык его последняя работа, которая состоит из трех разделов: история, экономика, политика.

Такин Чит Маун предпринимает первую среди бирманских авторов попытку осветить с материалистических позиций историю феодальной и колониальной Бирмы, вскрыть причины упадка и гибели единого бирманского государства, оказавшегося неспособным устоять перед английскими завоевателями. В высшей степени продуктивным оказался и метод изучения колониальной Бирмы во взаимосвязи с историей Индии и со-

¹ См. Аун Сан. Бирма бросает вызов. Статьи и речи. М., 1965; Не Вин. Бирма на новом пути. М., 1965; Пидота — Новая Бирма. М., 1956; До Мья Тин. К вопросу о землевладении в Бирме. М., 1961; Такин Лвин. История рабочего движения Бирмы. М., 1972.

² Такин Чит Маун. Заметки о политической жизни Бирмы. 1962—1971. М., «Прогресс», 1976, 294 стр.

седних стран Юго-Восточной Азии. Это позволило автору дать интересные сравнения и сопоставления в области политической, экономической и социальной жизни соседних стран.

Много внимания в книге уделено борьбе за национальную независимость и, в частности, революционной деятельности выдающегося сына бирманского народа Аун Сана. Высоко оценивая его роль в борьбе за национальную независимость, государственное единство страны и определение основных контуров подлинно независимого и самостоятельного развития, автор выражает сожаление, что после трагической гибели Аун Сана в Бирме развернулась острая борьба за политическую власть между различными группировками, в ходе которой был упущен из виду главный враг бирманской независимости — империализм, что нанесло большой ущерб национальным интересам, легло тяжелым бременем на плечи бирманского народа.

Вскрывая причины, позволившие бирманской буржуазии проводить антинародную политику, Такин Чит Маун справедливо отмечает, что немалую роль в этом сыграла разобщенность прогрессивных сил, выступавших за социалистическую перспективу развития.

Основной вывод этого раздела заключается в том, что будущее Бирмы связано с социализмом, как об этом неоднократно говорил Аун Сан. Такин Чит Маун заостряет внимание читателя на непрекращающихся протестах империалистов против народов освободившихся стран. «Империализм использует в своих целях экономические и военные соглашения, организует военные блоки и базы и даже прибегает к прямым агрессивным действиям, если видит, что народы избирают путь к социализму и точно следуют по этому пути.

Поэтому народы молодых, недавно освободившихся государств должны сделать все возможное, чтобы сохранить и укрепить национальное единство в интересах борьбы со своим главным врагом» (стр. 49).

Значительное внимание в книге уделено национальному вопросу — одной из сложнейших внутренних проблем в большинстве молодых суверенных государств. В Бирме эта проблема усугубляется тем, что большинство национальных меньшинств (в Бирме проживает 67 народов и народностей, говорящих более чем на 130 языках и диалектах, собственно бирманцы составляют примерно половину населения) живут в горных и окранных районах, экономически они более отсталы, чем собственно бирманцы, от которых их отличают значительные своеобразие традиций, обычаев, культуры. Все это требует большой осторожности и дальновидности при решении национального вопроса. Такин Чит Маун считает, что при решении национального вопроса Бирма может воспользоваться опытом социалистических стран, особенно Советского Союза.

В разделе «Экономика» можно выделить два главных момента: критику экономической политики правительства У Ну и позитивный разбор экономических мероприятий правительства президента Не Вина. На обширном фактическом материале, значительная часть которого впервые становится достоянием советского читателя, Такин Чит Маун показывает, что, хотя правительство У Ну и использовало в демагогических целях лозунги социализма, «Бирма в своей экономической и социальной жизни по-прежнему оставалась опутанной пережитками колониализма, целями феодально-помещичьей эксплуатации». Более того, позиции иностранного капитала за годы правления правительства У Ну значительно возросли.

Отмечая позитивный характер осуществленных Революционным Советом мероприятий, приведших к подрыву позиций в экономике страны английского, французского и другого иностранного капитала, а также крупного национального и местного капитала, Такин Чит Маун обращает вместе с тем внимание на довольно серьезные экономические трудности, переживаемые Бирмой. Причины их автор видит в следующем: аграрная реформа не осуществлена до конца, предпочтение отдается сфере обслуживания, а не сфере производства, отсутствует определенность в ориентации внешней торговли, а в области внутренней торговли была проведена чрезмерно широкая и неподготовленная национализация, кооперативному движению в городе и деревне не уделено должного внимания, правительство не проявило решительности в борьбе с бесхозяйственностью и экономическими злоупотреблениями.

Несомненный интерес для советского читателя представляет определение Такин Чит Мауном задач, решаемых на нынешнем этапе развития бирманской революции: ликвидация эксплуатации человека человеком; слом старой социальной структуры полуфеодально-колониального типа; установление политической власти рабочих и крестьян, всего трудового народа. Автор дает и свое определение социалистической демократии: «Социалистическая демократия опирается на политическую власть трудящихся — рабочих, крестьян, техническую и творческую интеллигенцию, которые при строительстве социалистического государства решительно порывают с буржуазно-помещичьим путем развития. Социалистическая демократия предполагает подлинную демократию всего трудового народа, большинства населения, ликвидацию политической власти капиталистов и помещиков».

Впервые в бирманской научно-политической литературе Такин Чит Маун предпринял попытку дать всесторонний анализ деятельности национально-демократического правительства, пришедшего к власти в марте 1962 г. Он положительно оценивает программные документы революционных демократов, характеризует осуществленные ими мероприятия как «начало отхода сла-

боразвитой страны от капиталистического пути к социализму».

Большое внимание в книге уделяется политическим преобразованиям революционной демократии, созданию руководящей политической организации — Партии бирманской социалистической программы (ПБСП).

Организационное оформление ПБСП, проходившее в условиях острой политической борьбы между сторонниками и противниками некапиталистического развития, затянулось на девять лет. Ее первый съезд состоялся в 1971 г. II съезд партии (1973 г.) определил, что ей принадлежит руководящая роль в бирманском обществе. На нем был также утвержден проект новой конституции, которая затем была одобрена 90% участников всенародного референдума.

Принятие новой конституции и создание на ее основе (в начале 1974 г.) выборных органов государственной власти ознаменовало собой важный шаг на пути демократизации существующего режима. Хотя армия по-прежнему играет важную роль, наличие выборных органов государственной власти — Народного Собрания и местных народных советов вносит качественное изменение в систему государственного управления страной.

В новой структуре государственной власти значительно возросла роль ПБСП как правящей политической партии. По сложившейся практике важные политические решения сначала обсуждаются и принимаются на пленумах Центрального Комитета ПБСП, а затем выносятся на обсуждение и утверждение Народного Собрания. Активнее стали участвовать в решении местных проблем областные и районные комитеты ПБСП, избранные демократическим путем на соответствующих партийных конференциях.

Такин Чит Маун отмечает, что в своей практической деятельности ПБСП еще не опирается в должной мере на массовые организации, да и сама партия, несмотря на то, что ее влияние в политической жизни страны существенно возросло, пока еще не стала авангардной революционной партией. В партии, насчитывающей 170 тыс. членов и 870 тыс. кандидатов, еще значительно число пассивных и случайных людей, которые вступили в нее, преследуя корыстные цели.

Автор считает ключевой проблемой нынешнего этапа развития страны укрепление союза рабочих и крестьян. Союз рабочих и крестьян, подчеркивается в книге, может быть создан в ходе их совместной борьбы против «реакционного альянса буржуазии и феодалов-помещиков» и их «сильного внешнего союзника — империализма»; этот союз рабочих и крестьян складывается в их совместной борьбе против власти буржуазии и помещиков и за создание «собственной политической революционной власти»; союз рабочего класса и крестьянства будет действительно прочным, если он будет опираться на плановое и пропорциональное развитие экономики, будет создаваться и упрочиваться интернациональная солидарность трудящихся всего мира. Такин Чит Маун призывает к упрочению интернациональной солидарности трудящихся всех стран.

Книга Такин Чит Мауна помогает советскому читателю лучше понять большие достижения, а также сложные проблемы развития бирманской революции. Тем самым она вносит вклад в развитие взаимопонимания и дружбы между нашими странами.

*Ю. Н. Гаврилов,
доктор исторических наук*

Две судьбы уйгурского народа

В год шестидесятилетия Великого Октября все народы нашей страны подводят итоги своего прогрессивного развития по пути социализма. Исторические судьбы уйгурского народа, особенности его политического, социально-экономического и культурного развития — предмет многолетних исследований Машура Рузиева, старого коммуниста, участника борьбы за национальное освобождение народов Синьцзяна, журналиста и историка. Опубликование его книги «Воз-

рожденный уйгурский народ»¹ явилось, по существу, результатом всей его научно-публицистической деятельности, в которой соединились исследование исторической литературы, архивных источников и свидетельства прессы с личными наблюдениями. Внимательный исследователь и страстный публицист, он рассматривает историю своего народа с позиций партийной убежденности и органической причастности к его судьбам.

Автор рецензируемого труда отчетливо представляет сложность всестороннего освещения многовекового культурно-исторического процесса развития уйгурского народа как в прошлом, так и в советский период. Целью своей работы он считает две главные задачи: освещение основных этапов

¹ М. Рузиев. Возрожденный уйгурский народ. Алма-Ата, 1976, 212 стр.

истории уйгурского народа и раскрытие жизни советских уйгуров после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Этой установкой определяется и структура книги: раздел I — «Исторические сведения об уйгурах»; раздел II — «Уйгуры в СССР». Такое построение вполне оправдано и логически, и исторически, так как дает возможность автору на богатом фактическом материале показать огромное различие судеб советских и синьцзянских уйгуров, преимущества марксистско-ленинского решения национального вопроса в СССР, соответствующего коренным интересам трудящихся масс.

В первой части книги автор прослеживает процесс исторического становления уйгурского народа на территориях Центральной Азии — на Орхоне и в Восточном Туркестане (который Цины после завоевания наименовали Синьцзяном). Как известно, уйгуры — один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, создавший богатейшую самобытную материальную и духовную культуру, высокий уровень развития которой отмечали многие востоковеды. Член-корреспондент АН СССР А. Ю. Якубовский писал об уйгурах: «Они раньше других тюркских народов перешли в значительной своей части на оседлый земледельческий труд, раньше других порвали с шаманизмом, приняли сначала манихейство, а потом и буддизм, раньше других тюрков создали у себя письменность и стали культурнейшим из народов, живших между Китаем и Мавераннахром»².

Уйгурский народ неоднократно создавал и восстанавливал свою государственность, которая просуществовала несколько столетий. Автор книги аргументированно определяет этапы развития этой государственности: Уйгурский каганат на Орхоне в VIII—IX вв. (стр. 17—23), Караханидское государство X—XII вв. (стр. 24—27), Уйгурско-Турфанское государство X—XIV вв. (стр. 24—36), Кашгарское ханство и Илийский султанат во второй половине XIX в. (стр. 50—69). Значительный опыт государственного управления, присущий уйгурской средневековой цивилизации, нашел применение в Монгольской империи и в Чагатайском улусе, где в качестве государственных чиновников, советников, казначеев и писцов-секретарей (битикчи, бахши) служили уйгуры, от которых кочевые народы перенимали разработанные навыки и приемы организации государственных дел.

В книге подчеркнуто, что большим культурным достижением уйгурского народа было создание оригинальной письменности, которая распространилась по Центральной

и Средней Азии (в последней вплоть до вытеснения ее арабским алфавитом). Воспринятая также и монголами видоизмененная система уйгурского письма просуществовала до введения нового алфавита. От монголов уйгурский алфавит перешел к маньчжурам. Таким образом, вклад уйгурского народа в культурную жизнь народов Востока был весьма значителен.

Автор сумел лапидарно и в целом верно обобщить весь материал о длительном процессе развития уйгурского народа, показать различные формы хозяйства, исторически сложившиеся социальные институты, материальную и духовную культуру, социально-экономические отношения в уйгурском обществе в различные исторические периоды.

Большое внимание М. Рузиев уделил освещению национально-освободительной борьбы уйгурского народа против цинского господства (восстание в Уч-Турфане 1765 г., восстание Джихангира-ходжи 1825—1828 гг. и др.). Специальная глава посвящена национально-освободительному движению уйгуров во второй половине XIX в. и образованию Кашгарского ханства и Илийского султаната. Здесь основное внимание автор уделяет восстанию Якуб-бека в 1864 г. и последующим событиям, а также движению за независимость илийских уйгуров и созданию Илийского султаната.

М. Рузиев раскрывает причины чрезвычайно важного исторического события — переселения в 1881—1884 гг. илийских уйгуров в Семиречье на территорию России (стр. 69—80). Автор правильно отмечает, что непосредственной причиной переселения была традиционная практика жестокой расправы цинских военачальников с повстанцами-уйгурами и населением. Характерно в этом отношении одно из прошений уйгуров, приводимое в книге (стр. 71): «Когда мы услышали, что Кульджу передают китайцам, нами овладел страх и тревога. Мы не хотим оставаться под владычеством Китая и просим русского царя принять нас в свое подданство».

Цинское правительство, не желая терять таких искусных земледельцев и ремесленников, как илийские уйгуры и дунгане, объявило амнистию участникам восстания и обратилось к населению Илийского края с призывом остаться на старых местах жительства и продолжать заниматься земледелием. «Основная масса населения не вняла этим призывам, — подчеркивает М. Рузиев, — и настоятельно хотела переселиться в пределы России. Безусловно, оставить родной край обжитые места было делом не легким, но страх перед цинским режимом определил выбор».

Говоря о причинах переселения, автор правильно констатирует, что «уйгуры в течение десятилетнего протектората России имели возможность сравнить отношение к себе русских и китайцев, стали свидетелями многого. Так, если раньше представители местных органов из коренного населения назна-

² А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об Уйгурском Турфанском княжестве в IX—X вв. — В кн.: Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, т. IV, Л., 1947, стр. 423—424.

чались сверху, то при русских они выбирались самым населенным.

Спорные вопросы ильицев разрешались русскими властями. Постепенно создавались условия для развития хозяйства и торговли. Были снижены налоги и уничтожен ряд феодальных повинностей. Строились новые дороги, мосты, дома. В Кульдже открылась больница, жителям оказывалась медицинская помощь. По сравнению с террористическим режимом Цинов все это было огромным шагом вперед» (стр. 71).

Конечно, и после переселения уйгуров в Семиречье жизнь трудящихся слоев уйгурского народа, испытывавших двойной гнет — собственных феодалов и царского административно-чиновничьего аппарата, — была очень тяжелой. От этого ига трудовой уйгурский народ избавила очистительная гроза Октябрьской революции.

Во второй части («Уйгуры в СССР») М. Рузиев последовательно освещает основные этапы развития советских уйгуров: в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (стр. 121—145), социалистического строительства (стр. 146—162), в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (стр. 163—172) и в послевоенный период (стр. 173—187). Эта общепринятая периодизация для изложения истории всех народов Советского Союза применительно к уйгурам вполне закономерна, так как раскрывает общность развития уйгурского народа со всеми народами СССР на путях формирования уйгурской социалистической нации и строительства социализма и коммунизма.

В книге выявлена ведущая роль в этом процессе русского народа, в первую очередь рабочего класса, а также помощь других народов — казахов, узбеков — уйгурскому народу. Огромная военно-политическая, экономическая и культурная помощь, основанная на принципах пролетарского интернационализма, привели в конечном итоге к ликвидации ужасающей отсталости национальных окраин и выравниванию уровня развития среднеазиатских областей (в том числе и населенных уйгурами) с более развитыми районами страны.

Центральное место в исследовании занимает характеристика современных процессов в экономике, политике и культуре советских уйгуров.

Рецензируемая книга всем своим содержанием на примере судьбы советских уйгуров раскрывает перед читателем торжество ленинского учения о путях развития ранее отсталых стран и народов, на основе конкретно-исторического анализа большого фактического материала опровергает лженаучные измышления и антиисторические фальсификации идеологов маоизма о положении уйгуров и других народов в СССР. В Советском Союзе впервые в истории созданы условия, когда каждый из народов, в том числе уйгуры, используют не только свои национальные традиции, но и берут все лучшее и

прогрессивное из политического, экономического и культурного опыта братских народов.

В специальных главах освещаются вопросы духовной культуры уйгурского народа: «Культура уйгуров с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (стр. 96—120) и «Культура советских уйгуров» (стр. 188—207).

Эти главы особенно наглядно и впечатляюще показывают, какую богатую сокровищницу культуры создал в прошлом уйгурский народ, как начали исчезать и уничтожаться памятники культуры в период жестокого цинского режима и какого блестящего взлета достигли наука, культура, искусство и литература советских уйгуров на современном этапе, к шестидесятилетию Великого Октября.

Этот взлет, возрождение советского уйгурского народа особенно примечательны в сравнении с угасанием уйгурской культуры Синьцзяна, разрушаемой великоханьской национальной политикой Пекина.

Подчеркивая достоинства рецензируемой книги, следует, однако, отметить и некоторые упущения. Правильно подчеркивая роль советских ученых в разработке уйгурской истории, литературоведения и языкознания, автор в перечне имен уйгуроведов (стр. 193) не упомянул таких заслуженных ученых, как В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, Е. Э. Бертельс, А. К. Боровков, К. Усманов, Э. Башири, Э. Р. Тенишев, которые внесли значительный вклад в уйгуроведение. Наконец, следует отметить известного историка Т. Р. Рахимова, труды которого по истории и языку уйгуров сыграли значительную роль в становлении и развитии уйгурской советской культуры: он был одним из первых уйгурских поэтов, его стихи печатались в самых ранних поэтических сборниках 30-х годов — «Лучи зари», «Пламя освобождения», «Искры революции»; в 40-е годы он был организатором и главным редактором уйгурского общественно-политического и литературно-художественного журнала «Шарк хакикати» («Правда Востока») в Ташкенте, им подготовлено большое количество научно-педагогических кадров как из самих уйгуров, так и русских уйгуроведов.

Следует также более тщательно унифицировать написание собственных имен, географических названий, исторических сочинений, соответственно нормам, принятым и устоявшимся в советском востоковедении.

В исторической части при характеристике Караханидского государства и его культуры следовало бы использовать соответствующий раздел, написанный А. Ю. Якубовским в «Истории народов Узбекистана» (т. 1, Ташкент, 1947). Это дало бы автору возможность более точной оценки событий. Ведь Караханидское государство, сложившееся на территории Восточного Туркестана и части Средней Азии (с тремя столицами в городах — Блассагуне, Кашгаре и Узгене), было совместным созданием народов Средней Азии и

родственных им по генетическим корням уйгуров Кашгарии. В карахандский и последующие периоды города Кашгар, Яркенд и Хотан были крупными культурными центрами мусульманского Востока, тесно связанными со среднеазиатскими городами.

В целом же рецензируемая книга — полезное и нужное издание, которое вызовет несомненный интерес как научной, так и широкой советской общественности.

А. А. Валитова,
кандидат филологических наук

* * *

Серьезное исследование по древнекитайской философии

В последние годы неуклонно увеличивается выход работ по истории культуры и философии Китая, растет интерес к ним у специалистов и читателей. Об этом говорит и значительное увеличение за последние десять лет выпуска литературы по истории философии Китая, и рост молодых кадров китаеведов, занимающихся изучением философской и политической мысли Китая. Изучение истории философской и политической мысли теперь ведется учеными Института Дальнего Востока, Института философии, Института востоковедения, появились новые группы по изучению китайской мысли в Институте стран Азии и Африки при МГУ и на философском факультете того же университета, а также в ЛГУ. Такая тенденция не может не радовать. Она свидетельствует об общем подъеме и развитии философской мысли в Советском Союзе.

История философской мысли Китая получила отражение в ряде обобщающих работ, таких, как многотомная «История философии», «Антология всемирной философии», двухтомник «Древнекитайская философия». Выпущен ряд переводов древнекитайских памятников философской и политической мысли. Положительный отклик вызвал выход работ Ян Хин-шуна, Ф. С. Быкова, Л. Д. Позднеевой о зарождении философской мысли в Китае, большое исследование взглядов реформатора китайского средневековья Ван Ань-ши, выполненное З. Лапиной, перевод и исследование одного из интереснейших философско-политических памятников древнего Китая «Книга правителя области Шан», осуществленное Л. С. Переломовым, серьезное исследование взглядов крупнейшего мыслителя средневекового Китая Вань Чуань-шаня выполнил В. Г. Буров.

В этот же период появился ряд фундаментальных работ по истории идеологии но-

вого и новейшего времени. Это прежде всего исследование С. Л. Тихвинского по идеологии китайского реформаторства — взглядов Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао и др.; исследования М. И. Сладковского, Н. Г. Сенина и др. — о взглядах Сунь Ят-сена; работы Л. П. Делюсина, А. Г. Крымова — об идеологической борьбе в Китае в 20—30-х годах и др. Значительная часть работ советских китаеведов, специалистов по философии и истории в течение последних десяти лет посвящена критике идеологии маоизма.

Заметным явлением среди исследований по истории китайской общественной мысли стала монография В. Ф. Феокистова о философских и общественно-политических взглядах Сюнь-цзы¹.

Сюнь-цзы (III век до н. э.) — один из крупнейших мыслителей-энциклопедистов древнего Китая, живший в переломную эпоху «сражающихся царств», в период усиления тенденции к объединению разрозненных уделов в единую империю. Можно утверждать, что Сюнь-цзы был одним из последних в замечательной плеяде мыслителей «ста школ». Им собственно завершается ранний, классический этап развития конфуцианства в Китае. Вместе с тем, взгляды Сюнь-цзы далеко выходили за жесткие рамки этико-политической доктрины конфуцианства. Он не только испытал глубочайшее влияние таких мыслителей, как Конфуций, Мо Ди, Лао Цзы, Гуан-цзы, Цзы Чань, Ли Куй, Шан Ян, Чжуан-цзы, Хуэй Ши, представителей школы «инь-ян», но и по-своему синтезировал их взгляды в определенную систему идей, развил и углубил их многие естественнонаучные, гносеологические и политико-этические идеи.

Взгляды и учение Сюнь-цзы носят сложный и противоречивый характер. Чтобы составить цельное и правильное представление о нем, требуется очень тщательное и кропотливое исследование и идейных истоков взглядов Сюнь-цзы, и его собственного вклада. Сторонники ортодоксального конфуцианства считали Сюнь-цзы «еретиком», «извратителем учения Кун-цзы». Сам Сюнь-цзы, заимствуя многие идеи у других школ, вместе с тем находил обидные слова в ад-

¹ В. Ф. Феокистов. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исследование и перевод. «Наука», М., 1976, 293 стр.

Главная редакция восточной литературы.

рес каждой из этих школ, обвинял всех их в «однобокости». В ряде глав дошедшей до нас книги «Сюнь-цзы» мыслитель подвергает довольно нелицеприятному критическому разбору взгляды своих предшественников и современников. Все это не прибавляло почтения к Сюнь-цзы в глазах сторонников и эпигонов различных школ, приходивших в те времена в упадок.

На примере Сюнь-цзы так же, как это было со школой Мо-цзы, в еще большей мере видно, что недовольство и непонимание современников передалось многим поколениям потомков. Лишь в Танскую эпоху, в IX в, в Китае обращаются к сочинениям Сюнь-цзы, его работы переписывают, появляется первый комментарий Ян Ляна. Ян Лян реабилитирует Сюнь-цзы, причисляя его к последователям Конфуция, и заявляет, что он (Сюнь-цзы) «вслед за Мэн-цзы возродил учение Конфуция».

В Советском Союзе изучение взглядов Сюнь-цзы по первоисточникам началось сравнительно недавно. Впервые систематический обзор учения Сюнь-цзы дал один из пионеров марксистского исследования истории китайской философии А. А. Петров в своем «Очерке философии Китая» (1940). Однако первые переводы сочинений Сюнь-цзы были сделаны Ян Хин-шуном в 50-х годах, а затем в «Антологии мировой философии» (т. 1, ч. 1, М., 1969) и в «Древнекитайской философии» (т. 1, 2, 1972—1973). С выходом монографии В. Ф. Феоктистова советский читатель получил глубокое и всестороннее исследование взглядов этого мыслителя Древнего Китая, а также квалифицированный и в целом научно обоснованный период важнейших глав трактата «Сюнь-цзы».

Книга В. Ф. Феоктистова состоит из введения, трех глав, заключения и приложения, в котором дается (иногда в сокращенном виде) перевод важнейших трактатов из памятника «Сюнь-цзы» с соответствующими научными комментариями. Книга содержит подробную библиографию и именной указатель. Уже эти перечисленные параметры книги говорят о солидности и фундаментальности подхода автора к исследованию.

Сделав во введении обзор литературы и источников, автор рассматривает историческую обстановку в Китае в IV—III вв. до н. э., в которой жил и творил «учитель Сюнь». По понятным причинам (в силу острой дискуссионности проблемы) автор избегает точных квалификаций характера общественно-политического строя последнего периода «сражающихся царств», но дает довольно подробную картину сложной политической борьбы того времени.

Большое внимание обращено на успехи в развитии естественнонаучных знаний и борьбу различных философско-правовых школ. Автор проводит оригинальный анализ социально-политических причин возникновения и большого влияния на жизнь китайского общества сословия ши — ученых-чиновников (стр. 29—32). Для выяснения

идейных истоков учения Сюнь-цзы В. Ф. Феоктистов в той же первой главе делает краткий обзор взглядов основных философских школ. Этот раздел главы, хотя и содержит интересные заметки и оценки взглядов мыслителей, оказавших влияние на формирование учения Сюнь-цзы, все же выглядит слишком схематичным. Сам автор справедливо указывает, что обострение классовой борьбы внутри царств и ожесточенное соперничество между самими царствами придали необычайно высокую остроту и борьбе в области «политической и философской мысли, между различными школами которой шла ожесточенная идеологическая борьба» (стр. 33). Но из-за бедности анализа автор не смог достаточно ярко и полно показать эту борьбу. Поэтому не всегда убедительно звучат оценки и значения конфуцианства, и характера борьбы между ним и школой моцзя, а затем и легистами. Не выглядят, например, достаточно обоснованными такие замечания вообще о конфуцианстве, которое «при всей противоречивости и содержащихся в нем прогрессивных гуманистических тенденциях выражало тем не менее интересы старой, родовой аристократии» и «..преследовало, по существу, одну цель: спасти от гибели родовую знать» (стр. 34).

Сходные по своей «противоречивости» признания автора можно встретить в этой главе и о других школах. Пришлось затронуть эти погрешности для того, чтобы подчеркнуть необходимость более обстоятельного изучения этого вопроса, что, видимо, потребовало бы отдельной главы. Спорной, как нам кажется, является также попытка автора построить «нерархическую» лестницу философских школ Древнего Китая. Само деление на первое, второе, третье «ведущее идеологическое течение» хотелось бы рассматривать не как авторскую концепцию, а как условный порядок изложения взглядов различных школ.

Бесспорной удачей автора являются вторая и третья главы книги — о философских и социально-политических взглядах Сюнь-цзы. Ученый показывает, что философские и общественно-политические взгляды мыслителя представляют собой единую систему взглядов, являющуюся «критическим итогом развития философской и общественно-политической мысли Древнего Китая» (стр. 68).

Анализируя философские воззрения Сюнь-цзы, исследователь выделяет проблемы происхождения и сущности мира, его субстанционального единства и многообразия, «дао» как всеобщей закономерности природы и общества, стихийной диалектики и гносеологии. При этом в качестве исходного постулата мировоззрения древнего мудреца В. Ф. Феоктистов рассматривает наивно-материалистическое понимание им природы как «естественной», то есть объективной реальности, независимой от воли человека. «Движение неба обладает постоянством. [Это постоянство] существует не благодаря

Яо и не умирает из-за Цзе... То, что совершается без участия труда человека, и то, что он получает помимо своих желаний, составляет деятельность неба», — пишет Сюнь-цзы в трактате «О небе». И мудрец продолжает: «Небу дано сменять четыре времени года, земле — нести в себе богатства, человеку — правильно использовать все это... Великое умение заключается в том, чтобы не стремиться подменить собой [деятельность неба]... Зима в природе не исчезнет из-за того, что люди ненавидят холод; земля не станет менее обширной из-за того, что люди не любят больших расстояний».

«Небо» у Сюнь-цзы — это природа. А природе присуща «естественность», объективная закономерность. Но тезис «естественности» не означает одномерности различных явлений мира. Наоборот. Естественность неба, земли, человека, общества — различны, и каждое из этих явлений имеет свое, присущее только ему «дао» — закон, путь. Поэтому мудрец отрицает волю неба, отвергает способность неба определять положение дел в государстве. Исходя из этой же предпосылки, Сюнь-цзы развивает учение Мо Ди об активности человека как хозяина своей судьбы. Новым в этом отношении является то, что Сюнь-цзы высоко оценивает возможность человека. Он полагает, что человек, познав «дао» неба и земли, «подчиняет себе небо и землю и заставляет служить себе вещи». «Вместо того чтобы возвешивать небо и размышлять о нем, не лучше ли, самым умножая вещи, подчинить себе небо?! Вместо того чтобы служить небу и воспевать его, не лучше ли, преодолевая небесную судьбу, самим использовать небо в своих интересах?» — спрашивает мудрец (стр. 73).

Такая постановка вопроса была вызовом всем китайским традициям «почитания неба», «небесной судьбы» и явилась одной из основ развития атеистических идей в Китае.

В монографии В. Ф. Феоктистова убедительно показано, что учение Сюнь-цзы о «небе» и материальном единстве мира, базирующихся на концепции «пяти первостихий» (усин) и диалектическом взаимодействии сил «инь» и «ян», по сути дела, привело в систему наивно-диалектические, материалистические идеи древних мыслителей о мире, его происхождении и «естественных» закономерностях его развития. Автор справедливо опровергает попытки Го Мо-жо и некоторых западных синологов приуменьшить значение философских идей Сюнь-цзы в истории китайской философии вообще и в развитии материалистической традиции в ней в частности.

Активная позиция Сюнь-цзы в отношении природы находит свое творческое подтверждение и обоснование в его гносеологических идеях. И здесь Сюнь-цзы выступает последователем материалистических идей Мо Ди и поздних моистов. Моистский критерий «применимости знаний» Сюнь-цзы развивает тезис о том, что человеческая дея-

тельность не только элемент познания, но и его конечная ступень.

В монографии показана сложность и внутренняя противоречивость понимания Сюнь-цзы проблемы истинности знания, где он отходит от моистской линии. Автор убедительно объясняет эту противоречивость и непоследовательность Сюнь-цзы тем, что, «когда философ говорит о познании явлений природы, объективно существующих «вещей», у него проявляется наивно-материалистический подход к проблеме истины; когда же он касается постижения человеком сущности общественных процессов, их всеобщей закономерности дао, он трактует эту проблему идеалистически» (стр. 106).

Представляет интерес раздел второй главы, где исследователь подробно показывает, как Сюнь-цзы материалистически, в духе учения моистов о соотношении понятий «имен» и действительности переосмысливает конфуцианский тезис об «исправлении имен».

Рассматривая социально-политические взгляды Сюнь-цзы, автор подчеркивает, что система этих взглядов отличается «философским осмыслением содержащейся в ней политической концепции» (стр. 118). Основой такого осмысления, как указывает В. Ф. Феоктистов, является учение Сюнь-цзы о происхождении человеческого общества и закономерностях его развития. Эти взгляды Сюнь-цзы во многом являются развитием идей Мо Ди (что, к сожалению, автор показывает недостаточно четко).

Наибольший интерес в этом плане представляют попытки Сюнь-цзы дать социальное толкование даосистскому принципу «естественного дао», которое рассматривается им уже как основополагающий принцип управления страной. Но в отличие от даосов Сюнь-цзы — сторонник активной деятельности человека, поэтому он различает природное «дао» и «дао» человеческого общества. «Дао» является, по Сюнь-цзы, и основой общественной регламентации, морали людей и этикета.

Наличие в обществе зла, войн, бунтов, несправедливости Сюнь-цзы объясняет «дурной природой» человека. Степень благополучия отдельного индивида и общества в целом Сюнь-цзы ставит в зависимость от возможности общества «преодолеть», «обуздать», «перевоспитать» злую природу человека и сделать ее доброй.

Автор монографии подчеркивает, что в основе понимания общественных явлений и их закономерностей лежит антропологический принцип, выведение всех закономерностей общества из врожденных свойств человека. Вместе с тем Сюнь-цзы сделал значительный шаг вперед, как выражается В. Ф. Феоктистов, в «реалистическом подходе к политическим явлениям».

Это выражается в том, что причину раздоров в обществе, характер общественных отношений Сюнь-цзы связывал с проблемой разрыва между потребностями людей и ограниченностью их удовлетворения. Интерес-

на и постановка вопроса о преодолении этого разрыва путем «обогащения страны». Средствами его достижения Сюнь-цзы считал развитие земледелия и ремесел, экономное расходование ресурсов, заботу о достатке народа и мудрое управление.

С интересом читаются также страницы книги В. Ф. Феоктистова, где он убедительно отстаивает свой подход и полемизирует со взглядами Го Мо-жо, Дабса и других исследователей. Главный итог анализа социально-политических взглядов Сюнь-цзы автор видит в том, что Сюнь-цзы подвел философскую и теоретическую базу под этико-политическое учение Конфуция, привел взгляды Конфуция в соответствие с новыми требованиями эпохи. Сюнь-цзы сумел дать конфуцианской доктрине новую интерпретацию, синтезировав взгляды Конфуция с идеями многих других школ, в особенности со взглядами легистов. Это создало условия для длительного существования конфуцианства и роста его влияния на всю политическую и идейную жизнь китайского народа.

Как пишет В. Ф. Феоктистов во введении к своей монографии, он ставил перед собой следующие цели:

— проанализировать в совокупности философские и общественно-политические воззрения Сюнь-цзы как определенную систему

взглядов, занимающую особое место в истории китайской философии;

— показать связь взглядов Сюнь-цзы с предшествовавшими и современными ему течениями философской и общественно-политической мысли Китая;

— выявить классовую сущность учения Сюнь-цзы, его социально-политическую направленность и отношение к традиционной конфуцианской доктрине;

— показать влияние Сюнь-цзы на последнее развитие философской и политической мысли Китая и его роль в становлении ортодоксального конфуцианства (стр. 16).

Прочитав книгу, можно с удовлетворением признать, что автор в целом успешно достиг поставленных целей.

Работа В. Ф. Феоктистова, несмотря на отдельные частные недостатки: беглость анализа идейных истоков учения Сюнь-цзы и схематичность показа места различных школ в идейной борьбе в Древнем Китае, некоторые спорные места в переводе книги «Сюнь-цзы», известную упрощенность комментариев к нему, — в целом серьезное, фундаментальное исследование, восполняющее лакуны в отечественном китаеведении.

М. Л. Титаренко,
кандидат философских наук

* * *

К анатомии маоистской власти

Один из важнейших путей к пониманию общественных процессов, происходящих в современном Китае, к формированию обоснованных суждений о его будущем лежит через изучение социальной природы и эволюции существующей в КНР политической власти. Такое изучение в последние 15 лет весьма затруднено недостаточностью официальных данных о развитии страны и даже о, казалось бы, самых простых нормах, регулирующих ее повседневную жизнь.

В этих условиях одним из наиболее плодотворных направлений исследования характера власти может служить анализ механизма, посредством которого она осуществляется. Что реально представляет собой этот механизм, каковы его «вещественные придатки», методы деятельности, взаимоотношения с социальными группами,

массами и отдельными гражданами? Поиск ответов на эти вопросы позволяет составить конкретное представление о социально-политических реальностях и перспективах их изменений. Теоретическое и методологическое основание для такого подхода к изучению проблем власти заложено в классических трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина об особой роли государственной машины в жизни общества, о сломе старого, эксплуататорского и создании нового, социалистического государственного аппарата.

Среди работ, которые можно было бы отнести к указанному направлению, одна из наиболее заметных и полных принадлежит доктору юридических наук Л. М. Гудошникову, занимающемуся изучением государственного строя Китая уже более четверти века*. Примечательно, что события и тенденции политической жизни КНР самых последних лет подтвердили ряд выводов и предположений, выдвинутых в рецензируемой работе. Так, в целом подтвердились прогнозы относительно возможных изменений в политическом механизме стра-

* Л. М. Гудошников. Политический механизм Китайской Народной Республики. М., 1974, 208 стр.

ны, сделанные автором в связи с готовившимся в 1970—1974 гг. пересмотром, а по сути дела ликвидацией Конституции КНР 1954 г. И это представляется не случайным: суждения и оценки, приводимые в книге, как правило, опираются на политико-юридический анализ значительного фактического и научного материала, накопленного советскими и зарубежными исследователями.

Л. М. Гудошников прослеживает становление, развитие и аномалии политического механизма КНР на протяжении четырех крупных периодов: восстановительного (1949—1952), первой пятилетки (1953—1957), «большого скачка» и преодоления его последствий (1958—1965), «культурной революции» и последних лет.

Автор показывает особую и решающую роль армии в создании системы государственных органов в первое послереволюционное пятилетие. Армейские традиции, сложившиеся в освобожденных районах, воспроизводились и в структуре и в методах деятельности органов власти в центре и на местах. Значительный интерес представляет сопоставление автором правового и фактического положения гражданской и военной администраций, которые функционировали как бы параллельно при преобладании последней. Небезынтересно и указание на сохранение организациями КПК в новых условиях некоторых традиций времен подполья. Практика совмещения партийных, административных и военных постов на самых различных уровнях, обилие чрезвычайных карательных органов, широкие репрессивные кампании — все это объяснялось, конечно, не только глубоко укоренившейся приверженностью к опыту прошлого, но во многом и реальной остротой классовой борьбы в первые послереволюционные годы.

По мере упрочения новой власти, преодоления ею контрреволюционного сопротивления все больше ощущалась, отмечает автор, потребность в последовательной демократизации всей политической системы. Этому служили, в частности, кампании по борьбе с военными методами управления, голым администрированием и бюрократизмом. Крупную роль в становлении социалистических демократических форм в стране сыграло изучение и освоение советского опыта государственного строительства.

Как важный шаг в прогрессивном развитии страны рассматривается в книге принятие в 1954 г. Конституции КНР. Посвященные ей страницы представляют несомненный интерес, хотя, конечно, далеко не исчерпывают всю многозначительную историю разработки этого важного политического документа и борьбы за его претворение в жизнь. Основной закон республики в целом весьма успешно аккумулировал многие стороны опыта Китая и вместе с тем творчески примененный к его условиям опыт Советского Союза и стран народной демократии. К сожалению, автор смог лишь доволь-

но фрагментарно осветить ту позитивную и во многом действительно новаторскую практику, которая рождалась в ходе осуществления конституционного законодательства. И это, очевидно, не случайно. Существенный демократический потенциал, заложенный в Конституции КНР, не успел раскрыться достаточно широко. Слишком многие относились к ней всего лишь как к одному из декорумов. Л. М. Гудошников приводит многочисленные факты отступлений руководителей КПК, и прежде всего Мао Цзэ-дуна, от положений Основного закона.

По справедливости большое внимание уделяет автор постановке вопроса о социалистической законности на VIII съезде КПК. Съезд в целом продемонстрировал зрелое убеждение значительной части руководящих деятелей КПК в том, что «становится абсолютно необходимым иметь совершенную законность» (Отчетный доклад ЦК КПК). Весьма существенно, что требования укрепления законности ставились на съезде в один ряд с подтверждением необходимости для страны таких проверенных интернациональным опытом путей и методов социалистического строительства, как народнохозяйственное планирование и экономическое стимулирование, повышение благосостояния трудящихся, развитие инициативы профсоюзных, молодежных и других общественных организаций.

В работе освещается целая серия мер, предпринятых маоистами в целях превращения в фикцию действительно исторических по своему значению документов — Конституции КНР и решений VIII съезда КПК. Центральное место при этом отводилось лозунгу борьбы против «поклонников иностранных шаблонов», под которыми имелись в виду прежде всего те, кто стремился к глубокому изучению и учету наряду с китайским также и широкого международного опыта социалистического строительства в СССР и других странах социализма.

В книге развернута убедительная аргументация высказанной ранее оценки «культурной революции» как государственно-политического переворота, решающую роль в котором, в конечном счете, сыграли определенные военные круги. В этой связи представляет интерес описание отношений между армейскими органами и хунвэйбинскими организациями. Вдохновители «революции» вынуждены были прибегнуть к установлению тотального военного контроля над всей жизнью страны. При этом, отмечает автор, происходило как бы «возвращение к формам управления конца народно-освободительной войны и восстановительного периода» (стр. 131). Вместе с тем очевидно, что устроители «культурной революции» претендовали на гораздо большее. Судя по всему, они стремились не только расправиться со своими реальными и мнимыми оппонентами и вырвать всю власть из рук уставших партийных и конституционных государственных органов. Ставилась и более

широкая цель — создать «ультрареволуционный» политический механизм, который на протяжении жизни ряда поколений обеспечивал бы эффективное претворение в жизнь реакционно-утопических представлений о социализме, сочетаемых с далеко идущими гегемонистскими устремлениями. Выдвигались претензии на построение принципиально нового, «антибюрократического» аппарата власти. Для придания международной презентабельности этим претензиям использовались даже ссылки на опыт Парижской коммуны, как это было сделано, например, в информации об XI пленуме ЦК КПК в августе 1966 г.

Широкий круг фактов, приведенных в книге, показывает, что маоистам не удалось создать действительно новый политический механизм. По сути дела, они пришли к воспроизведению и закреплению в несколько препарированном виде исторически изжившего себя опыта времен гражданских войн в Китае: отказу от всеобъемлющей законности, слиянию партийного и административного аппарата, отказу от демократических методов формирования и деятельности органов власти (в том числе от их выборности), широчайшему применению административного и военного принуждения.

Приводимые в книге данные о «ревкомах» и других звеньях административного аппарата современного Китая развенчивают миф об антибюрократизме маоистской власти. Вместе с тем следует отметить, что эта тема заслуживает и самостоятельного, более тщательного рассмотрения. По-видимому, специального внимания требует и характерная для маоизма линия на создание противоборствующих фракций и группировок внутри политического механизма.

Характеристика действующих в стране карательных органов, данная автором, позволяет определить их скорее как органы массового террора. Объектом их деятельности служат миллионы подозреваемых, подследственных, поднадзорных, высланных и разного рода осужденных в каждой китайской провинции, а по существу — все население страны. Как особое дополнение к всеохватывающей системе политического надзора и репрессий рассматриваются «школы 7 мая».

Формально воссозданные комсомол, профсоюзы наряду с ополчением и различ-

ными группами политической учебы автор расценивает как организации поддержки режима и идеологической обработки масс. К этой части политического механизма можно было бы отнести и организации «бедняков и низших середняков» в деревне.

Один из главных выводов, к которому в итоге приходит автор, состоит в том, что в результате «культурной революции» в Китае установился и сохраняется режим военно-бюрократической диктатуры. Этот режим, пишет Л. М. Гудошников, «не выражая сейчас интересов какого-либо класса, своей социальной опорой имеет крестьянство, общественные идеалы которого близки к феодальному социализму...» (стр. 188). Этот последний вывод нуждается в существенной корректировке. «Секрет» довольно длительного существования указанного режима состоит, на наш взгляд, в том, что ценою огромных усилий всеохватывающий репрессивный, военно-административный и идеологический механизм маоистов искусственно сдерживает, тормозит прогрессивное развитие общества и таким образом как бы воспроизводит свою социальную опору в лице в значительной мере деклассированных слоев населения. Стремясь обеспечить себе поддержку этих слоев, режим вновь и вновь эксплуатирует антисоветизм, ксенофобию, извращенное толкование классовой борьбы в китайском обществе и на международной арене.

Как показало развитие событий в Китае после сентября 1976 г., наследники Мао Цзэ-дуна оставили созданный им механизм военно-бюрократической диктатуры в основе своей неизменным, что не исключает определенных его эволюций в будущем. В какую сторону, каким путем и как будет эволюционировать этот механизм, насколько велика окажется набранная им инерция? Во всяком случае, нельзя не согласиться с автором рецензируемой книги, что путь Китая к подлинному социализму лежит через обращение к широкому международному опыту социалистического строительства, развитие нормальных, добрых отношений с Советским Союзом и всеми странами мировой социалистической системы, солидарность с международным коммунистическим и рабочим движением.

Г. С. Остроумов,
кандидат юридических наук

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

За мир и сотрудничество в бассейне Тихого океана

С 8 по 21 августа 1977 г. в СССР состоялся IV Международный семинар молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана, проходивший в городе Находка. Семинар был организован Комитетом молодежных организаций СССР и Студенческим Советом СССР совместно с Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки и Академией наук СССР. Активное участие в организации семинара принял Дальневосточный научный центр АН СССР. IV Международный семинар молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана явился продолжением и развитием традиции этих встреч, состоявшихся в Находке в 1974, 1975 и 1976 гг.

В работе IV Тихоокеанского семинара приняли участие представители широкого круга молодежных, студенческих, профсоюзных и других общественных организаций различной политической и идеологической ориентации, молодые исследователи и известные ученые из 24 стран, а также представители Всемирной федерации демократической молодежи, Международного союза студентов, Латиноамериканской континентальной студенческой организации, Международной ассоциации юристов-демократов, Молодых федералистов мира.

С лекциями, докладами и основными сообщениями на семинаре выступили: ректор университета им. С. Боливара, президент Общества охраны природных ресурсов (Колумбия) профессор Х. Консуэгра, ректор Дальневосточного государственного университета профессор В. В. Горчаков, заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР кандидат экономических наук В. И. Потапов, профессор университета штата Вашингтон (Сиэтл) Р. Карбрей, профессор колледжа Хантер (Нью-Йорк) Д. Загория, заведующий сектором Института США и Канады АН СССР доктор исторических наук В. П. Лукин, профессор Гавайского университета (США) С. Ухэлл, профессор Гавайского университета (США) Я. Курода, заведующий лабораторией Института биологии моря ДВНЦ АН СССР профессор Е. В. Краснов,

кандидат философских наук М. Л. Полищук (Московский государственный институт международных отношений), кандидат исторических наук Н. Е. Королев (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) и другие.

В работе семинара приняли участие известные исследователи Дончо и Юлия Папазовы (Болгария), преодолевшие в 1976 г. за 137 дней плавание в Тихом океане 14 тыс. км.

Перед участниками семинара выступили с приветствиями председатель Исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся города Находка В. А. Романюк, заместитель председателя Президиума Дальневосточного научного центра член-корреспондент АН СССР А. И. Крушанов, первый секретарь Приморского крайкома ВЛКСМ Н. Г. Романов, начальник Дальневосточного морского пароходства Ю. И. Островский.

В соответствии с программой на семинаре состоялись дискуссии по четырем основным темам: 1. «Роль Тихоокеанского региона на современном этапе международных отношений, в условиях международной разрядки»; 2. «Молодежь и проблемы океана в жизнедеятельности человека»; 3. «Проблемы культуры, образования и развития тихоокеанских стран. Вклад молодежи»; 4. «Пути и средства расширения сотрудничества между молодежными и студенческими организациями бассейна Тихого океана». Был также проведен коллоквиум: «Особенности политической ситуации в бассейне Тихого океана, пути развития сотрудничества в этом районе: прогнозы, перспективы». По указанным проблемам на семинаре состоялся конструктивный и плодотворный обмен мнениями.

Участники семинара с большим удовлетворением отмечали, что ставшие традиционными Международные семинары молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана получают все более широкое признание в качестве важного форума, где обсуждаются и формируются новые идеи и предложения, направленные на развитие взаимовыгодных связей тихоокеанских стран, укрепление мира и безопасности в этом регионе. Несомненно, эти международные встречи, на которых представлен весьма широкий спектр общественных и политических сил, вносят свой вклад в углубление конструктивного сотрудничества в регионе, в усилия, направленные на распространение международной разрядки на бассейн Тихого океана.

Участники IV семинара молодых исследователей с удовлетворением констатировали положительные сдвиги в обстановке в мире, происшедшие в последние годы, превращение процесса разрядки в доминиру-

ющую черту международного развития. В выступлениях участников семинара, а также в его заключительных документах были подчеркнуты важные результаты, достигнутые в процессе развития разрядки и сотрудничества на Европейском континенте, выражено твердое намерение содействовать углублению позитивных процессов во всем мире, приданию им необратимого характера.

«Мир неделим, и мы убеждены, что процесс разрядки не должен обойти другие районы Земли, включая бассейн Тихого океана», — говорится в заявлении по итогам семинара. Было отмечено, что для этого имеются реальные возможности. Победа народов Индокитая, всех миролюбивых сил в отражении агрессии американского империализма, достигнутое в ее результате урегулирование вооруженного конфликта в Индокитае привели к ликвидации одного из самых опасных очагов международной напряженности, вследствие чего возникли благоприятные предпосылки для обеспечения прочного мира и безопасности в Азии совместными усилиями всех государств этой самой густонаселенной части тихоокеанского региона. Поэтому насущной задачей молодежи, всех миролюбивых сил в этом обширном регионе является борьба за укрепление мира, безопасности, широкое развитие всеобъемлющего международного сотрудничества, решение проблемы разоружения.

С особым вниманием участники семинара обсуждали проблему ядерного оружия, они заявили о своей решимости не допустить повторения трагедии Хиросимы и Нагасаки и устранить угрозу ядерной катастрофы.

В последние годы были предприняты важные меры по сдерживанию гонки вооружений и осуществлению ряда практических шагов в этом направлении. Однако продолжение процесса разрядки, дополнение ее политических аспектов военными не простое дело. Углублению разрядки создают препятствия реакционные силы, военно-промышленные круги, заинтересованные в наращивании гонки вооружений, увеличении военных расходов, создании все новых и новых видов оружия массового уничтожения. Участники семинара заявили, что в наше время не может быть разумного оправдания гонке вооружений.

В бассейне Тихого океана также существуют серьезные нерешенные проблемы. Семинар осудил деятельность сил, подстрекающих гонку вооружений, стремящихся нагнетать напряженность, натравливать одни страны региона на другие. Серьезную озабоченность вызывают существование в этом регионе военных блоков, наличие иностранных военных баз и вооруженных сил на территории других государств.

Репрессивная антинародная политика фашистских и диктаторских режимов в ряде стран Латинской Америки и Азии

также является значительным препятствием на пути к прогрессу, миру и сотрудничеству народов Тихого океана. В этой связи было выражено беспокойство поставками оружия реакционным режимам, которые используют его для подавления свободы и независимости народов.

Участники семинара единодушно поддержали требования развивающихся стран, направленные на перестройку международных экономических отношений на справедливой и демократической основе, на обеспечение суверенитета над их природными ресурсами, на развитие национальной экономики и избавление от неокOLONиальной эксплуатации.

«Мы стремимся к тому, чтобы в бассейне Тихого океана восторжествовала обстановка мира и сотрудничества, которая бы создавалась общими усилиями и основывалась на принципах Устава Организации Объединенных Наций», — говорится в заключительных документах семинара. Участникам семинара удалось прийти к общему выводу о том, что принципами, на которых могли бы строиться взаимоотношения между государствами тихоокеанского бассейна, могут быть, в частности, отказ от применения силы в отношениях между государствами и справедливое решение всех спорных вопросов мирными средствами; недопустимость территориальных захватов путем агрессии; уважение суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ; невмешательство во внутренние дела других государств; признание и безоговорочное уважение права каждого народа самому решать свои дела и осуществлять социально-экономические преобразования; признание неотъемлемого и суверенного права каждой страны на свои природные ресурсы; развитие экономического, культурного, научного и прочего сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды.

Признание и принятие этих принципов странами с различными социальными системами способствовало бы созданию благоприятной атмосферы для достижения прочного мира и налаживания широкого и взаимовыгодного сотрудничества в тихоокеанском регионе.

На семинаре отмечалось, что дальнейшее улучшение политического климата в бассейне Тихого океана, прекращение гонки вооружений и высвобождение средств на мирные цели будет содействовать быстрому экономическому развитию государств региона, в том числе передовых отраслей промышленности, транспорта, энергетики, социальному прогрессу в различных сферах внутренней жизни, облегчит проведение в развивающихся странах реформ в области науки, просвещения и здравоохранения. Опыт показывает, что равноправное и взаимовыгодное сотрудничество между странами с различным социальным строем, расширив экономические и научно-техни-

ческих связей как на двусторонней, так и на многосторонней основе открывает новые возможности для экономического и социального прогресса всех стран региона.

Вместе с тем атмосфера доверия и сотрудничества в бассейне Тихого океана создала бы благоприятные условия для решения такой важной для всего человечества задачи, как охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в том числе имеющих жизненно важное значение для населения этого района океанских ресурсов, сырьевых богатств дна морей и океанов.

Оздоровление международных отношений в бассейне Тихого океана способствует борьбе народов этого района мира за политическое, социальное и экономическое освобождение, подлинную независимость, основные права человека и социальный прогресс.

Росту взаимопонимания и объединению усилий народов в борьбе за мир, безопасность, национальную независимость и социальную справедливость способствует развитие сотрудничества между молодежными и студенческими организациями, налаживание более тесных контактов между учеными стран бассейна Тихого океана.

Участники IV Международного семинара молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана призвали молодежь, ученых, общественных деятелей, все прогрессивные силы еще настойчивей и с большей практической отдачей работать в интересах разрядки, упрочения мира, углубления всестороннего сотрудничества в бассейне Тихого океана и использовать все имеющиеся возможности, чтобы повлиять на общественное мнение и правительства своих стран с целью достижения этих благородных целей.

Участники семинара выразили уверенность в том, что эти цели найдут поддержку самых широких кругов общественности тихоокеанских стран, станут прочной основой для совместных усилий всех, кто заинтересован в укреплении мира, сотрудничестве и дальнейшем прогрессе в бассейне Тихого океана, будут встречены с симпатией и солидарностью людьми доброй воли на всей планете.

А. Н. Жариков,
заместитель председателя КМО
СССР

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» за 1977 год

60 лет Великой Октябрьской социалистической революции

- КОВАЛЕВ Е. Ф. Из истории солидарности советских трудящихся с борющимися Китаем (1917—1920), № 3 (23)
- ЛЕОНОВ П. А. Жемчужина Советского Дальнего Востока, № 4 (24)
- ЛОМАКИН В. П. Расцвет Советского Приморья, № 3 (23)
- ПОСПЕЛОВ Б. В. Кризис буржуазных концепций общественно-исторического развития в Японии, № 3 (23)
- СЛАДКОВСКИЙ М. И. Великий Октябрь озарил путь национального и социального освобождения народов Восточной Азии, № 3 (23)
- Торжество социалистической демократии, № 4 (24)
- УЛЬЯНОВСКИЙ Р. А. Великий Октябрь и революционный процесс в странах Азии и Африки, № 2 (22)

Статьи

- XXV съезд КПСС и борьба за мир и безопасность на Дальнем Востоке, № 1 (21)
- Новый этап эволюции антисоциалистической политики Пекина и задачи борьбы с маоизмом, № 4 (24)

«Круглый стол» журнала

- Китай после Мао Цзэ-дуна, № 4 (24)

Политика и экономика

- АЛЕКСАНДРОВ В. А. БАМ: путь в будущее, № 2 (22)
- БОРИСОВ В. Л., РОГАЧЕВ И. А. К итогам XXXIII сессии ЭСКАТО, № 3 (23)
- ВЛАДИМИРОВ А. А., ЮРЬЕВ К. И. Особенности современного положения в Таиланде, № 1 (21)
- ВОЛКОВА Л. А., ПОТАПОВ В. И. Некоторые экономические проблемы китайской деревни в 70-х годах, № 4 (24)
- ГАЛИН Л. А., АЛЕНОВ М. В. Основные

- организации предпринимателей Японии, № 1 (21)
- ГЕОРГИЕВ Н. Г., КЛИМОВ И. И. Движение неприсоединения: проблемы и перспективы, № 1 (21)
- ГУДОШНИКОВ Л. М., КАРЫМОВ В. Г. О некоторых аспектах внутривосточного положения в КНР, № 3 (23)
- ГУЖЕНКО Т. Б. Морские транспортные связи Советского Дальнего Востока, № 2 (22)
- ЗАЙЦЕВ В. К. Экономическая политика японского государства: иллюзии и реальность, № 4 (24)
- КАПИЦА М. С. Лаосская проблема в международных отношениях (1945—1975), № 1 (21)
- КАПУСТИН Д. Т. Южная Корея в дальневосточной политике США, № 4 (24)
- НГУЕН КХАНЬ ТОАН. Октябрьская революция и революционный процесс во Вьетнаме, № 4 (24)
- ОСОТОВ И. А., ИВАНЬШИН С. И. Исторический съезд вьетнамских коммунистов, № 2 (22)
- ПЕТРОВ Д. В. Политический кризис в Японии, № 2 (22)
- ПЛЕХАНОВ Ю. А. АСЕАН: тенденции политического развития, № 2 (22)
- ТИХОМИРОВ В. Д. Антинародная политика южнокорейского режима, № 2 (22)
- ХЛЫНОВ В. Н. Научно-техническая революция и усиление эксплуатации наемного труда в Японии, № 2 (22)
- ШИРЯЕВ Ю. С., ЯКОВЛЕВ А. Г. Социалистическое сотрудничество и его пекинские недруги, № 3 (23)
- IV съезд Коммунистической партии Вьетнама, № 1 (21)
- Экономика КНР в 1976 году, № 1 (21)

Идеология

- БЫКОВ Ф. С. Философская школа «Цзинся», № 2 (22)
- ДАШЖАМЦ Д. (МНР) Начало распространения идей марксизма-ленинизма в Монголии (1917—1921), № 1 (21)

ФЕОКТИСТОВ В. Ф. К вопросу о становлении официальной политической доктрины феодального Китая, № 1 (21)

История

АКАТОВА Т. Н. Пролетариат Китая в борьбе против японской агрессии (к 45-летию Шанхайской обороны), № 1 (21)

АКАТОВА Т. Н. Кантонская коммуна, № 4 (24)

ГЛУНИН В. И. V съезд КПК и уроки революции 1925—1927 гг., № 2 (22)

ЕФИМОВ Г. В. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая, № 2 (22)

КОБЕЛЕВ Е. В. С Лениным в сердце, № 4 (24)

КРИВЦОВ В. А., КРАСНОВА В. А. Ли Да-чжао — первый пропагандист марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма в Китае (к 50-летию со дня гибели), № 2 (22)

МИРОВИЦКАЯ Р. А., НИКИФОРОВ В. Н., ТИТОВ А. С. Образование единого национального фронта в Китае, № 3 (23)

МИРОВИЦКАЯ Р. А. Первые отклики в Китае на победу Великого Октября, № 4 (24)

МИХАЙЛОВ О. А. Знаменательная страница истории народной революции в Китае, № 3 (23)

ТИТОВ А. С. К 40-летию национально-освободительной войны китайского народа против японских захватчиков, № 4 (24)

ЮРЬЕВ М. Ф. Создание китайской Красной Армии, № 3 (23)

Комментарии

ДЕНИСОВ В. И. Сеульское лобби в конгрессе США, № 2 (22)

Культура

БЕЛОУСОВ Р. С. Китайская тема в творчестве С. М. Третьякова, № 1 (21)

НОВГОРДОВА Э. А. Памятники древности и некоторые проблемы монгольского этногенеза, № 1 (21)

СОРОКИН В. Ф. Китайская классическая драма: вопросы жанровой специфики, № 4 (24)

ФЕДОРЕНКО Н. Т. Проблема наследия, № 3 (23)

ШИРЕНДЫБ Б. (МНР) Успехи развития науки в МНР, № 2 (22)

Из истории отечественного востоковедения

МЯСНИКОВ В. С. Творческое наследие Н. Я. Бичурина и современность, № 3 (23)

Очерки и сообщения

АНТИПОВСКИЙ А. А. Чжао Шу-ли — народный писатель (к 70-летию со дня рождения), № 1 (21)

МАРИНОВ В. А. Положение рабочего класса Южной Кореи, № 1 (21)

ОТРАДНОВ Б. К., ВЛАДИМОВ Ю. С. Гуанчжоуская ярмарка, № 2 (22)

Воспоминания

СЛЮСАРЕВ С. В. Советские летчики защищают Шанхай (1950—1951), № 1 (21)

Публикации

ЦЮЙ ЦЮ-БО. Путевые заметки о новой России, № 2 (22)

Критика и библиография

ВАЛЕНТИНОВ Б. В. Монгольский народ строит социализм, № 1 (21)

ВАЛИТОВА А. А. Две судьбы уйгурского народа, № 4 (24)

ГАВРИЛОВ Ю. Н. Прошлое и настоящее бирманского народа, № 4 (24)

ГРИШИН В. Г. Микронезия в американской стратегии, № 1 (21)

ДМИТРИЕВА В. Н. Сотрудничество лингвистов Советского Союза и КНДР, № 3 (23)

ЖЕЛОХОВЦЕВ А. Н. Символическая фигура феодального прошлого, № 3 (23)

МАКАРЕНКО В. М. Книга об этническом развитии Филиппин, № 1 (21)

МАКАРОВ А. А. Механизм коррупции: японский журналист о «деле Локхид», № 2 (22)

ОГНЕВ Ю. И. КНДР строит социализм, № 2 (22)

ОСТРОУМОВ Г. С. К анатомии маоистской власти, № 4 (24)

ПЕРЕЛОМОВ Л. С. Исследование по истории чжурчженей, № 1 (21)

ПОНОМАРЕВА И. Б. Политика «баланса сил» или безопасность и сотрудничество? № 1 (21)

ПОСПЕЛОВ Д. М. Форпост социализма в Юго-Восточной Азии, № 2 (22)

ПИНАЕВ Л. П. «Белая книга» о милитаризации Японии, № 3 (23)

РЯКИН Ю. М. Проблемы безопасности в районе Индийского океана, № 4 (24)

СОРОКИН В. Ф. В мире образов китайской классической драмы, № 3 (23)

СУХАНОВ Л. С. Глазами очевидца, № 2 (22)

ТИТАРЕНКО М. Л. Серьезное исследование по древнекитайской философии, № 4 (24)

ТОРОПЦЕВ С. А. К истории монгольского кино, № 3 (23)
 УСОВ В. Н. Современный Сингапур, № 3 (23)

Научная жизнь

БИРЮЛИН Н. В. Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай, № 3 (23)

ЖАРИКОВ А. Н. За мир и сотрудничество в бассейне Тихого океана, № 4 (24)

Юбилей ученого

№ 1 (21), № 2 (22), № 3 (23)

Новые книги

№ 3 (23)

Сдано в набор 29/IX 1977 г. Подписано к печати 14/XI 1977 г.
 Формат 70×108^{1/16} Бум. л. 6,75 Печ. л. 18,9 Уч.-изд. л. 20,39
 Изд. № 24863 А-11827 Зак. 2352 Цена 50 коп. Тираж 18598 экз.
 Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21
 Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов Московской области